БГ
20
П12

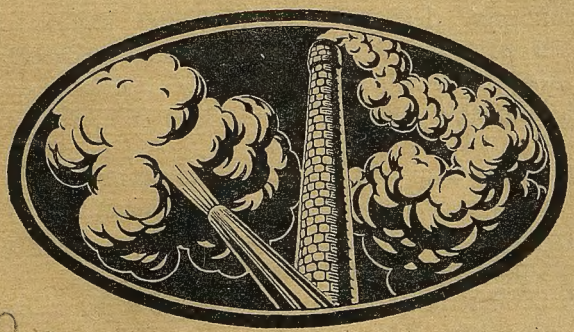
Павлович.
Собр. соч.
Т. 7.
Французский империализм.
М.–1926–л.

БГ20
П72
3374

МИХАИЛ ПАВЛОВИЧ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

VII



НС
П12
Н

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1926

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

М. ПАВЛОВИЧ (М. ВЕЛЬТМАН)

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ИМПЕРИАЛИЗМ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ

Том I. Империализм. Стр. 248. Ц. 1 р. 80 к.
Том II. Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего. Стр. 256. Ц. 2 р. 20 к.
Том III. Борьба за Азию и Африку. Стр. 257. Ц. 2 р. 20 к.
Том IV. Англо-Бурская война 1899—1901 г. Русско-Японская война. Война за Триполи. Борьба держав на Балканах. 1-я и 2-я Балканские войны. Румыния в мировой войне. Болгария в мировой войне. Сербия в мировой войне.
Том V. Мировая война 1914—1918 гг. и грядущие войны. Стр. 341. Ц. 2 р. 20 к.
Том VI. Итоги мировой войны. Брестский мир и условия экономического возрождения России.
Том VII. Франция накануне мировой войны. Смерть Жореса. Французский империализм.
Том VIII. СССР и великие державы (СССР и Франция, Англия, Америка, Япония).
Том IX. Восток. (Революционная Турция. Персия. Китай. Индия.)
Том X. Ленин, Зиновьев, Бухарин, Радек, Сталин, Троцкий об империализме в мировой политике.
Том XI. Различные статьи.
Том XII. Различные статьи.

БГ
20
П12
Б3 44
Х

М. ПАВЛОВИЧ (М. Вельтман)

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том VII

ФРАНЦУЗСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ
(ФРАНЦИЯ ДО И ПОСЛЕ ВОЙНЫ)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1926 ЛЕНИНГРАД

НС
П19
БИБЛИОТЕКА
88
32

Государственное Издательство
типография
ПЕЧАТНЫЙ ДВОР
Ленинград
Пушкарская 9а

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
670738

Гиз № 16196
Ленинградский Гублит № 10011
16¼ л. Отпеч. 1.000 экз.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ФРАНЦУЗСКИЕ СОЦИАЛИСТЫ И ВОЙНА.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

Предлагаемая вниманию читателя работа состоит из двух книг. В первой книге автор воспроизводит с значительным сокращением дневник событий, предшествовавших мировой войне, вышедший в 1918 г. в издательстве «Коммунист». Дневник этот писался в Париже, начиная с 29 июня 1914 г., дня убийства эрцгерцога Франца-Иосифа, когда призрак неминуемой и близкой войны уже появился на горизонте.

Вторая книга предлагаемой работы представляет собой исследование о французском империализме и экономическом развитии Франции, начиная с последней четверти XIX века и до последних дней. Эта книга появилась впервые в 1918 г. в Ленинграде в издании Бонч-Бруевича («Жизнь и Знание»).

Но в этой работе, заново проредактированной нами, исследование французского империализма охватывало период лишь до 1914 г. и отчасти до 1918 г. Ныне мы дополнили эту работу новыми тремя главами, характеризующими французский империализм в после-версальский период.

Мих. Павлович.

Б7
20
П-12
Т.7.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

АГОНИЯ II ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

Понедельник, 29 июня 1914 г.

Убийство наследника австрийского престола эрцгерцога Франца-Фердинанда и его супруги фон-Гогенберг.—Резолюция конгресса Северной социалистической федерации.

Вчера в Сараеве, столице Герцеговины, гимназист 8-го класса Принцип двумя выстрелами из браунинга убил австрийского наследника престола эрцгерцога Франца-Фердинанда и супругу последнего герцогиню фон-Гогенберг.

Вся парижская пресса посвящает подробные телеграммы и обстоятельные статьи этому событию. Публика усиленно раскупает газеты.

Биржа дрогнула по всей линии. Французская рента сразу упала на 50 сант. Все остальные бумаги также в понижении.

Пресса останавливается детально на подробностях катастрофы. Эрцгерцог Франц-Фердинанд и его супруга герцогиня фон-Гогенберг присутствовали на больших горных маневрах австрийской армии в Боснии и по окончании этих маневров прибыли в столицу Герцеговины. В то время как автомобиль эрцгерцога направлялся в городскую ратушу, наборщик Габринович совершил первое покушение и бросил бомбу в автомобиль, в котором сидели Франц-Фердинанд и его жена. Эрцгерцог не растерялся и оттолкнул бомбу рукой, и бомба разорвалась сзади его автомобиля, легко ранив несколько человек из публики и сидевшего в следующем автомобиле подполковника Мерицци.

Подъехав к ратуше через несколько минут после первого покушения, эрцгерцог выразил свое негодование по поводу покушения, резко прервав бургомистра, собиравшегося начать приветственную речь, следующими словами:

«Господин бургомистр, мы приезжаем к вам в Сараево, а в нас бросают бомбу. Это возмутительно».

Бургомистр растерялся. Герцогиня обратилась к своему супругу с успокоительными словами, после чего эрцгерцог сказал бургомистру: «Теперь можете говорить». Выслушав приветственные слова, наследник с супругой снова сели в автомобиль и отправились в гарнизонный госпиталь, куда был доставлен раненый взрывом подполковник Мерицци. Когда автомобиль эрцгерцога замедлил ход при повороте

с набережной на улицу Франца-Иосифа, неожиданно раздались два выстрела, которыми эрцгерцог и герцогиня были смертельно ранены. Оба раненые были перенесены в конак, где моментально скончались. Второе покушение было произведено 19-летним юношей Гавриилом Принципом, учеником Белградской гимназии.

Гавриил Принцип заявил на допросе, что он доволен совершонным им актом. Он убил эрцгерцога, как воплощение австрийского империализма, как представителя велико-австрийской идеи, как злейшего врага и притеснителя сербской нации.

Убийство эрцгерцога ставит на очередь дня вопрос о будущих судьбах Двуединой империи. Quo vadis, Austria? [1]

Что изменилось в Европе, благодаря кровавой драме в Сараеве? Очевидно, что сербская проблема становится отныне самым важным вопросом в европейской политике, подобно тому, как это случилось когда-то при другой конъюнктуре и в других обстоятельствах с итальянской проблемой после бомбы Орсини.

«L'Humanité» [2] также печатает подробные сведения об убийстве эрцгерцога. Передовица газеты посвящена только вышедшей книге редактора «L'Echo de Paris» [3] Андре Мевиля (La paix est malade), доказывающего, не без тайной радости, неизбежность кровавого конфликта между Германией и Францией. Автор передовицы Дюбрейль говорит и о другой книге: «Конец Пруссии и расчленение Германии» и протестует против французских и немецких империалистов, толкающих обе страны к войне. В этом же номере «L'Humanité» напечатан текст доклада и резолюции, принятых северной социалистической федерацией по вопросу об империализме и формуле, Кейр-Гарди — Вайяна о средствах помешать войне.

Как известно, резолюция Кейр-Гарди — Вайяна предлагает, как наиболее действительное средство борьбы с войной, всеобщую забастовку, особенно в отраслях промышленности, «обслуживающих войну» — в производстве оружия, передвижения войск и т. д.

Северная социалистическая федерация, в которой сильно влияние гедистских элементов, высказалась решительно против этого метода борьбы. Осуществление этого метода, заявила федерация, зависит от степени развития и организации рабочего класса в данной стране. Уровень классового самосознания и организованности рабочих, трудящихся в военной индустрии, не одинаков в различных странах. Таким образом, забастовка в военной индустрии не помешает войне, а поведет к разгрому страны, где рабочее движение сильнее, страной с более слабым развитием социалистического движения. Кроме того, северная социалистическая федерация полагает, что социалисты не должны заранее объявлять о тех мерах, которые они предполагают принять для воспре-

---

[1] Куда идешь, Австрия?
[2] «L'Humanité» («Человечество») — газета, руководимая Жоресом.
[3] «Парижское Эхо» — орган французских реакционеров.

пятствования войне, иначе правительства, заблаговременно предупрежденные, примут все меры предосторожности и помешают социалистам осуществить их планы, направленные к сохранению международного мира.

Посмотрим, какую резолюцию примет конгресс Сенской федерации, который должен состояться через неделю. Судя по тому, что происходит в парижских секциях, несомненно, что Сенская федерация выскажется иначе, чем Северная федерация. На конгрессе Сенской федерации, состоявшемся на прошлой неделе, Грюмбах [1] возражал Вальяну: «Если всеобщая забастовка возможна в момент объявления войны, — сказал он, — она будет проведена, примем ли мы сейчас резолюцию в пользу ее или нет; если она будет невозможна, никакая резолюция не вызовет ее». Раппопорт возразил Грюмбаху и упрекал тех, кто желает навязать германской социал-демократии слишком большую осторожность в ее образе действий. В заключение своей речи Грюмбах после некоторых иронических выпадов Раппопорта просил французских товарищей оказать доверие немецкой секции Интернационала.

Конгресс Сенской федерации на следующей неделе обещает быть особенно бурным в виду сараевской трагедии и осложнения международных отношений.

---

30 июня 1914 г.

Австрийская Азефовщина.

Трагедия в Сараеве, подобно всем драмам в семье Габсбургов, окружена какой-то таинственной завесой.

Все, с кем только ни говоришь, поражаются той легкости, с какой совершено двукратное покушение в один и тот же день на австрийского наследника. Из опубликованных в газетах подробностей видно, что и при втором покушении около автомобиля убитого эрцгерцога не было ни полицейского, ни военного кордона, и Гавриил Принцип имел возможность беспрепятственно приблизиться к автомобилю и легко привести в исполнение свой замысел.

Сколько коронованных особ официально посетили последние годы Париж. Однако всякий, кто присутствовал при проезде по улицам французской столицы английского короля, испанского и др. высоких особ, знает, что здесь покушение не удалось бы так легко. При посещении столицы Эдуардом экипаж, в котором сидел английский король, мчался с максимальной быстротой. Кроме того, были приняты экстраординарные меры предосторожности, при чем некоторые из них удивили меня. Помню, какое странное впечатление произвели на меня два кирасира,

---

[1] Грюмбах (Grümbach) — эльзасец, член германской с.-д. партии, парижский корреспондент немецких соц. газет. С началом войны Грюмбах превратился в ярого французского социал-патриота.

мчавшихся впереди кареты, держа каждый заряженный револьвер в руке, обращенный в сторону публики. Вокруг и по бокам колесницы несся конный эскорт с обнаженными саблями, так что между королем и посторонней публикой на всем пути стояла живая стена. Кроме того, по пути следования кортежа стояли шпалеры из полицейских и солдат с ружьями у ноги и лицом к королю. Чтобы увидеть Эдуарда, нужно было встать на стул или вообще на какие-нибудь деревянные подмостки или взобраться на деревья. Догадливые предприниматели вынесли на улицу тысячи стульев и сдавали их в наем желающим. Мальчики взбирались на столбы и деревья. Строгие меры предосторожности принимались при посещении столицы королем испанским, часто являвшимся объектом покушений. При посещении Парижа Николаем II стояли столь же густые шпалеры войск, как и при приеме Эдуарда VII, с той только разницей, что солдаты смотрели лицом в сторону публики.

Автомобиль эрцгерцога шел медленно по узкой улице. Не было военного эскорта, по пути следования кортежа не стояли шпалеры войск, не было принято самых элементарных мер предосторожности. И это случилось в архи-полицейской Австрии, притом в только-что аннексированной области, находящейся на военном положении, на другой день после военных маневров, через несколько дней после получения эрцгерцогом предупреждения, что он подвергнется серьезной опасности, если вступит в Боснию. Австрийским властям было известно о существовании в Боснии террористической группы с сепаратическими сербскими тенденциями. Уже самый факт прибытия в Боснию эрцгерцога, вдохновителя агрессивной австрийской политики и главнокомандующего всеми военными силами Двуединой империи, был встречен крайне враждебно в боснийской прессе, тем более, что этот приезд совпал с днем национального сербского праздника, с моментом, когда все сербство собралось на Коссово поле, и был принят, как провокация.

В четверг, 25 июня, местная газета «Народ» вышла окаймленная цвотами сербского национального флага и со статьей о битве при Коссове.

Вся обстановка убийства бросает странную тень на австрийскую полицию, не принявшую никаких мер предосторожности, не сумевшую предупредить роковых выстрелов.

Все это наводит на мысль, что здесь мы имеем дело с провокацией, с австрийской Азефовщиной. Австрийская пресса, за исключением социалистических газет, начала, как уже видно из многочисленных цитат во французской печати, ожесточенную кампанию против сербской нации и требует принятия самых решительных мер против пансербских интриг. Некоторые газеты атакуют Россию и доказывают, что сараевское преступление является делом рук военной партии в Петербурге.[1]

---

[1] Интересные разоблачения о причастности царских агентов к убийству эрцгерцога — см. вступительную статью М. Покровского к книге Каутского «Как возникла мировая война». Красная Новь, 1924 г.

«Не надо забывать, — пишут эти газеты, — что Белградом во всех его выступлениях руководила и руководит Россия».

Как бы то ни было, очевидно, что австрийское правительство собирается вступить на путь новых крупных мер в аннексированных областях и вместе с тем на путь новых осложнений с Сербией.

«Истинными виновниками сараевского преступления, — пишет «Reichpost», — являются те, кто своей пропагандой пытался в течение последних лет оторвать Босно-Герцеговину от монархии».

Если ставить вопрос на эту плоскость, не вернее ли сказать, что виновниками сараевской драмы являются как раз, наоборот, именно те лица, те представители и вдохновители австрийского империализма, австро-германского Drang nach Osten,[1] которые толкнули страну на путь аннексии Боснии и Герцеговины.

Но мне кажется, что трагедия в Сараеве является плодом комплота,— военного или полицейского — не знаю. Полицейские власти сваливают ответственность за непринятие предосторожностей на военные власти, которые-де выработали всю программу путешествия эрцгерцога, приехавшего на маневры, военные власти возмущаются отсутствием какой бы то ни было распорядительности со стороны полиции и с своей стороны слагают с себя всякую ответственность. Но и те и другие сходятся на том, будто все нити преступления ведут в Белград, откуда-де приходили бомбы и деньги. Послушная австрийскому правительству пресса упорно доказывает, будто Сербия систематически подготовляла в Боснии ряд покушений через посредство террористической партии.

Как бы то ни было, если одни органы австрийской печати подчеркивают необходимость борьбы с внутренним врагом, именно с южными славянами, поддерживающими пансербскую пропаганду в Двуединой империи, другие указывают прежде всего на врага внешнего и говорят о необходимости в интересах государственного самосохранения уничтожить белградское разбойничье гнездо и покончить с Сербией, которая сделалась Пьемонтом для $7^1/_2$ миллионов мятежных сербо-кроатов.

Парижские газеты цитируют угрозы австрийских военных по адресу Сербии:

«Нет более международного права в Европе, — восклицает Жорес. — Более того, нет самой Европы. Всюду господствует система бюрократического гнета, провокаций, вызывающая взрывы страстей, насилия, убийства, этих неизменных спутников бесправия, угнетения и деспотизма. Покойный эрцгерцог задался целью уничтожить независимость славянских элементов и наследственно подчинить иезуитскому господству Габсбургов тех самых сербо-кроатов, из которых он же намеревался создать один из трех устоев Австрийской империи. Какое противоречие, какая бессмыслица! Он замышлял разгром Сербии. Теперь, конечно, правящие классы попытаются взвалить ответственность за

[1] Движение на Восток.

поступок двух террористов на целый народ, чтобы свести счеты с Сербией за сараевское преступление». Жорес предостерегает австрийское правительство от репрессий по отношению к сербо-кроатам во избежание обострений кризиса. С другой стороны, он доказывает, что сербо-кроаты не должны стремиться к дислокации Австро-Венгерской империи, к сепаратизму и объединению с Сербией. Он считает идею «Великой Сербии» химерой и утверждает, что стремление к осуществлению этой идеи может вызвать страшный конфликт, в результате которого «Великая Сербия» может лишь сделаться вассалом царизма. «Без морального воздействия пробудившейся европейской совести, — заканчивает Жорес, — проблемы близкого Востока останутся неразрешенными, ибо меч не разрубит этого Гордиева узла: напрасно, с одной стороны, будут умерщвлять целые народности, напрасно, — с другой, будут убивать королей. Если вся Европа не революционирует свои мысли и свои методы, Ближний Восток попрежнему останется бойней, где к крови жертв будет примешиваться кровь палачей без какой-либо пользы для грядущего».

Падение на бирже продолжается. Многие ценности упали на 5%. Спекуляция это или же выражение действительно осложнившегося международного положения?

---

1 июля.

Мнение прессы о возможных последствиях сараевской драмы.

Падение ценностей на бирже приостанавливается. Курс турецких и сербских бумаг подымается. Спрос на акции французских банков усиливается. Русские промышленные ценности котируются выше, чем вчера. Очевидно, впечатление, произведенное на финансовый мир сараевской трагедией, ослабевает.

Однако, газеты публикуют новые и новые подробности о катастрофе в Сараеве, печатают пространные выдержки из австрийских и немецких органов печати по поводу убийства наследника австрийского, много передовиц о возможных последствиях сараевской драмы.

Жорж Вейль телеграфирует из Берлина в «L'Humanité» о громадном впечатлении, произведенном на население германской столицы известием об убийстве эрцгерцога. Смерть Франца-Фердинанда нанесла окончательный и неотразимый удар политике «триализма», таким ярким представителем которой был покойный наследник, стремившийся к замене сыгравшей свою роль системы «дуализма», на которой покоились до сих пор государства Габсбургов, новой комбинацией, именно уравнением в правах с обеими половинами Двуединой империи, с Австрией и Венгрией, третьего элемента, южно-славянских областей, Великой Сербии, под сюзеренитетом одной династии. Но последствия убийства не ограничиваются изменением в направлении внутренней политики Австро-

Венгерской монархии. Ушел человек, от которого зависело провести глубокую борозду не только во внутренней жизни своей родины, но и в ее внешних судьбах. Общее мнение, телефонирует в «L'Humanité» Жорж Вейль, что исчезновение самого активного, самого энергичного государственного человека Австрии, инициатора ее военной реорганизации, будет иметь непосредственные и крайне важные последствия для внешней политики империи.

В области внешней и внутренней политики произошло событие колоссальной важности: сходит со сцены не только наиболее яркий и сильный выразитель определенных тенденций австрийской политики. Целый режим рушится, и вот почему при первом известии о сараевской трагедии «Lokal Anzeiger» мог воскликнуть:

«Перед нами акт, политическое значение которого безгранично!»

Все остальные парижские газеты в общем сходятся с той оценкой крайней важности события, которую дает корреспондент «L'Humanité».

Однако, при чтении некоторых шовинистических французских газет нетрудно подметить явную фальш в их тоне. «L'Echo de Paris» фальшивит так грубо, что скрытая радость этого воинствующего органа по поводу «злодеяния» в Сараеве так и чувствуется во многих строках, посвященных преждевременной кончине австрийского престолонаследника. Шовинистические газеты очень подробно распространяются о личности покойного эрцгерцога, рисуют последнего, как яркую и сильную индивидуальность, много говорят о большой силе воли, о самостоятельности, темпераменте убитого представителя австрийской династии и, вместе с тем, подчеркивают всю важность для Австрии понесенной потери. Выражая свой лицемерный ужас по поводу сараевского злодеяния, некоторые шовинистические газеты вместе с тем намекают на возможность близкого развала Австрийской империи, указывая, что теперь, после смерти Франца-Иосифа, не будет уже человека, который сумел бы связать в одно целое рассыпающуюся храмину Двуединой империи. И снова становится злорадный вопрос «Quo vadis, Austria?», — при чем как бы подсказывается неизбежный ответ: «Дни Австрии сочтены».

---

3 июля.

Ирландский вопрос.

Печать сообщает обстоятельные сведения об антисербских демонстрациях в Австрии в связи с сараевским покушением.

Однако, внимание прессы начинает отвлекаться от Австро-Венгрии и с особой силой сосредоточиваться вокруг событий, развертывающихся в Англии. Ирландский кризис вступает в острую фазу. Ирландия стоит накануне гражданской войны. Население в Ульстере вооружается. Десятки тысяч ружей доставлены контрабандным путем в Ульстер, где организуется настоящая армия для борьбы против гомруля.

Виделся с многими французскими и русскими товарищами. В русской колонии интересуются главным образом вопросом о национальном социалистическом конгрессе, который начнется 14 июля. Многие товарищи ждут его с нетерпением и ожидают больших результатов от конгресса.

Суббота, 4 июля.

Марокканская авантюра.

В Марокко идут серьезные бои с непокорными племенами. В сражении с зайянами потеряно с французской стороны 100 человек, в том числе 18 убитыми и 77 ранеными. Не имея артиллерии, обстреливаемые градом снарядов, марокканцы, тем не менее, храбро бросались в атаку в течение нескольких часов под ряд и, кроме того, обнаружили уменье маневрировать. Под страшным огнем французской скорострельной артиллерии марокканцы с необычайной отвагой бросались на левое крыло французских войск и один момент угрожали было отрезать французов от их коммуникационных путей. Вмешательство сенегальских батальонов, а особенно действие артиллерийского и пулеметного огня сломили отвагу марокканцев, и они бежали, оставив на месте много трупов.

В Марокко находится в данный момент около 100 000 французских войск. Эта авантюра поглотила в нынешнем году уже более 200 миллионов франков.

«Вот тебе и заманчивая доктрина мирного проникновения, — восклицает Lanterne, говоря о марокканском осином гнезде, овладение коим обойдется очень дорого Франции. — А ведь только недавно наши республиканцы так аплодировали правительству, когда последнее развивало свой план мирного завоевания Марокко». [1]

И Жорес в своей сегодняшней передовице также указывает, как далеко действительное положение вещей от мирного покорения Марокко, о котором трубят каждый день. Он справедливо замечает, что значительная часть финансовых и военных ресурсов Франции уходит в марокканскую пропасть, в то время как государственный бюджет становится уже не по плечу стране, а европейский горизонт покрывается новыми и новыми тучами.

«Приветствуйте гениальность людей, которые вовлекли нас в эту авантюру», восклицает он в заключение своей статьи.

Однако, положение на бирже улучшается. Как констатирует «L'Information», публика успокоилась относительно планов Австрии по отношению к Сербии, — надеются, что и здесь дело наладится к лучшему.

---

[1] Марокканская авантюра была одной из главных причин мировой войны. Подробно об этом см. т. III «Борьба за Азию и Африку».

Государственные бумаги стоят твердо. Спрос на русские промышленные бумаги усиливается. С акциями банков «Banque de Paris», «Societé Générale», «Credit Lyonnais» и т. д. спокойно.

В общем сегодняшнее настроение биржи отнюдь не «алармистское».

---

5 июля.

Прибытие турецкого министра.

Джемаль-паша, морской министр Турции, прибыл во Францию. Он будет присутствовать на больших французских маневрах.

«L'Humanité» и другие газеты пишут об изменении курса турецкой внешней политики, о более тесном сближении Оттоманской империи с Францией.

Чтобы понять значение этого факта, следует вспомнить, что Франция только недавно ссудила турецкому правительству около 800 милл. фр. и что по поводу подобных займов во многих органах прессы не раз указывалось, что Франция ссужает громадные капиталы странам, в политике коих, в случае конфликта, она не может быть уверенной.

Вероятно, визит Джемаль-паши имеет целью успокоить слишком недоверчивых людей и подготовить почву для новых финансовых комбинаций в недалеком будущем. В самом деле, надолго ли хватят эти 800 милл. фр.?

---

6 июля.

Сенская социалистическая федерация о средствах борьбы с призраком войны.

Вчера в большей части департаментов Франции состоялись конгрессы социалистических федераций для обсуждения вопросов, по которым будут приняты резолюции на национальном конгрессе 15 июля. Последний конгресс тоже будет лишь подготовительным к международному социалистическому конгрессу, предстоящему в Вене.

В порядке дня всех этих конгрессов стоят вопросы об арбитраже и империализме или, говоря яснее, попросту о способах, коими социалисты могут помешать войне.

И мне лично приходится очень много работать по этим вопросам. На-днях получил письмо из Вены от Семковского о необходимости подготовить обстоятельные доклады по этим вопросам к венскому международному конгрессу для представления этих докладов в комиссии. Мне придется приготовить три доклада: 1) о русском империализме, 2) об армянском вопросе, 3) об империализме и третейских судах.

По вопросу о всеобщей забастовке Семковский пишет следующее:

«По вопросу о поправке Вайяна — Кейр-Гарди у нас, как вы знаете, старая традиция итти с немцами, а не с французами. А копенгагенская резолюция, говорящая о всех способах борьбы, вряд ли нуждается в заострении, особенно в вопросе о Generalstreik'е (всеобщей забастовке).

Затем Семковский советует обязательно заготовить для газетных отчетов краткое изложение докладов на французском, немецком и английском языках.

Одним словом, предстоит громадная работа. Остается всего $1^1/_2$ месяца до международного конгресса. Думаю подготовить особенно обстоятельный доклад по вопросу об империализме и арбитраже и подвергнуть в этом докладе критике точку зрения Жореса на значение третейских судов.

Вчера Сенская социалистическая федерация вынесла резолюцию по вопросам, которые будут обсуждаться на международном конгрессе, и высказалась громадным большинством в пользу резолюции Кейр-Гарди — Вайяна.

От имени большинства комиссии говорил Альберт Тома.[1]

Он доказывал, что вместе с развитием империализма, растет опасность войны, и что единственное средство помешать последней заключается во всеобщей стачке. «Напрасно возражают, — воскликнул он, — будто социалистическая партия недостаточно организована, чтобы быть способной вызвать всеобщую забастовку. В такие моменты главное значение имеет не столько организация, сколько общественное настроение. Для того, чтобы противодействие войне было возможно, нужно прежде всего подготовить пролетариат к идее, что всеобщая стачка может помешать войне. В виду все возрастающей опасности войны мы должны быть готовы к применению самых энергичных мер, наиболее активных методов борьбы. С таким решением французская секция Интернационала должна отправиться на Венский конгресс в надежде увлечь весь международный пролетариат на путь энергичной борьбы с опасностью войны, которой империалистический капитализм угрожает всем народам».

От имени меньшинства должен был говорить Грюмбах. Но так как последний сейчас находится в Германии, Бешар читает доклад, написанный Грюмбахом для прочтения на конгрессе. «Всеобщая стачка, — доказывает Грюмбах, — не может помешать войне. Чтобы итти до конца, нужно было бы включить в резолюцию призыв к инсуррекции. Однако, все товарищи поймут, что существуют фракции Интернационала, которые по несчастью находятся еще в таких легальных условиях, при которых призыв к инсуррекции был бы связан с большими опасностями для этих секций».

---

[1] В годы войны А. Тома стал рьяным социал-патриотом. В 1917 г. А. Тома приезжал в Петроград уговаривать эсеров и меньшевиков вести «войну до конца».

Грюмбах ясно намекает, что германская социал-демократическая партия в силу внутренних условий страны не может открыто говорить об инсуррекции, не рискуя навлечь на профессиональные союзы и партию сильные репрессии.

Во время чтения доклада Грюмбаха раздаются голоса: «Слышали, слышали, всегда один и тот же ответ. Боимся репрессий».

Делегат 14-й секции Паоли критикует аргументацию Грюмбаха, находящего резолюцию о всеобщей стачке «страшной», но в то же время Паоли восстает против точки зрения большинства и говорит следующее: «Вы хотите навязать всеобщую стачку международному пролетариату, как панацею против войны, как радикальное и повсюду применимое средство. Но ведь в $^3/_4$ секций Интернационала всеобщая стачка практически неосуществима. Буржуазия прекрасно это знает, и потому формула о всеобщей забастовке ее лишь успокаивает. Поэтому разумнее предоставить каждой секции Интернационала возможность выбора того средства против войны, какое она найдет более целесообразным».

В заключение своей речи Паоли указывает на то, что парламентская «акция» против марокканской авантюры не привела ни к каким результатам, а однако, партия не провозгласила всеобщей забастовки.

Раньше чем предлагать международному пролетариату всеобщую забастовку в качестве решительного средства против войны, следовало бы испробовать целесообразность этой меры у себя и попытаться помешать дальнейшему продолжению марокканской авантюры применением этого столь спасительного метода, дающего возможность устранить международные осложнения и тем более колониальные экспедиции.

Однако, несмотря на все эти аргументы, конгресс Сенской федерации большинством 364 голосов против 58 вотировал поправку Кейр-Гарди—Вайяна в пользу всеобщей забастовки в случае войны.

Более того, как бы отвечая на замечания Грюмбаха относительно условий легальной деятельности в Германии и необходимости для германской социал-демократии приспособляться к этим условиям и считая такие замечания недопустимыми, конгресс вотировал следующий заключительный абзац в резолюции о всеобщей стачке:

«Конгресс приглашает социалистические партии всех стран, не обращая внимания на угрозы и возможности репрессий, которые никогда не заставляли социалистов отступать от их решений, пропагандировать всеобщую забастовку в качестве решительного средства борьбы с опасностью войны, — средства, которое соответствует традициям, гению социализма и является прямым ответом на угрозы империализма».

Итак, Сенская федерация ясно говорит германским социал-демократам, что социалистам не подобает бояться репрессий и ссылаться на возможность последних для отклонения той или другой резолюции. Французские социалисты и синдикалисты не всегда последовательны, однако, как доказывает вся история французского синдикалистского и социа-

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ

листического движения, боязнью перед репрессиями они не страдают, и неудивительно, что многим из них аргументация германских социал-демократов, преклонение последних перед легальностью, а особливо страх перед репрессиями непонятны, попросту антипатичны.

---

7 июля.

Поездка Пуанкаре в Россию. Снова о марокканской авантюре.

Вернулся из палаты депутатов. Обсуждался вопрос об экстраординарном кредите в 400 000 фр. на поездку президента республики в Россию. Социалисты вотировали против этих кредитов. Жорес мотивировал этот вотум социалистической фракции: Социалисты не имеют ничего против проявлений международной вежливости и дружбы. Более того, они стремятся не к уничтожению существующих союзов, а, наоборот, к их расширению, к созданию новых соглашений. Но, — заявил он, — в последнее время слишком злоупотребляют этими свиданиями и поездками и можно опасаться неблагоприятных последствий в результате этих манифестаций. Отвергая кредиты на поездку Пуанкаре в Россию, социалисты этим самым одновременно протестуют против системы тайных договоров. Эти договоры тем более опасны, что их тайные условия, неизвестные народным массам, могут не сегодня — завтра сыграть свою роль и повлечь за собою роковые последствия в связи с балканскими осложнениями.

Речь Жореса покрывалась шумными аплодисментами со стороны социалистов и вызывала резкие выпады по адресу социалистического трибуна на скамьях правой и остальных партий палаты.

Вивиани в своем ответе Жоресу произнес панегирик в честь двойственного союза, подчеркнул, что союз не имел никакого влияния на внутреннюю политику Франции, укрепив лишь ее внешнее положение и содействуя-де сохранению мира.

Само собою разумеется, что подавляющее большинство палаты вотировало кредиты на поездку Пуанкаре в Россию.

В своей речи о значении двойственного союза, как фактора мира, Вивиани упомянул и о столь же якобы благотворном влиянии соглашения с Англией.

По этому поводу один из журналистов, присутствовавших в палате, заметил мне: «Англия, в виду обострения ее внутреннего положения, всех этих ирландских волнений и тяжелого социального кризиса, постепенно сходит со сцены в качестве важного фактора в международной политике. В этом отношении значение ее с каждым днем будет все более и более падать». Такие пессимистические взгляды на роль Англии в качестве опоры внешнего мира и серьезного помощника Франции в борьбе с Германией приходится слышать здесь очень часто. А когда начинаешь указывать, что и в России внутреннее положение тяжелое

и, во всяком случае, более серьезное, чем в Англии, в ответ только пожимают плечами и начинают указывать на число корпусов в русской армии, на миллионы штыков, на сотни тысяч казаков, которые в первую же неделю войны могут ворваться в Германию и т. д.

Передовица Эрве в сегодняшнем еженедельном номере газеты «La Guerre Sociale» [1] посвящена злополучному вопросу о Марокко. Он указывает, что в Марокко находится 100-тысячная французская армия, и удивляется, как люди, которые вопят о возможности неожиданной атаки (attaque brusquée) со стороны Германии, находят целесообразным отвлекать от французской территории такую армию. Он удивляется этой непоследовательности и, однако, сам же в своей статье вскрывает причину этого противоречия. Оказывается, что в Марокко земельная спекуляция идет сейчас во-всю. Покупают метр земли за ½ франка, а через неделю перепродают его за 50, 100, 150 фр. Всякий, кто только хочет, захватывает угольные копи, рудники, не считаясь с интересами и правами туземцев. А когда находится какой-нибудь смелый французский журналист, который осмеливается протестовать против этих злоупотреблений, местный сатрап, без соблюдения всяких формальностей, административным путем высылает неудачного журналиста из пределов Африки обратно во Францию. В том же номере «La Guerre Sociale» помещена обстоятельная статья сотрудника «Annales Marocaines» Леона Руз, высланного из Марокко, статья, в которой цитируются имена ряда лиц, изгнанных из Марокко без объяснения причин.

---

11 июля.

Кризис в Ирландии. Положение на бирже.

Положение в Англии осложняется. В Ульстере состоялось первое заседание временного правительства, которое будет руководить борьбой против гомруля. Ожидают решительных событий в течение этой недели. Некоторые газеты говорят о возможности «катастрофы», вооруженного столкновения между сторонниками и противниками гомруля. Однако, оптимисты надеются, что здравый смысл английской нации восторжествует, и кризис будет разрешен без кровопролития и опасных конфликтов.

Из Австрии приходят в общем успокоительные известия, хотя некоторые телеграммы говорят о концентрации австрийских войск на сербской границе.

На бирже положение тревожное. Правда, французская государственная рента несколько поднялась по сравнению с ее курсом на прошлой

---

[1] «La Guerre Sociale» («Социальная Война») — газета Эрве, пользовавшаяся накануне войны громадной популярностью в рабочих кругах Франции. До войны Эрве выступал в роли антимилитариста, с началом войны Эрве стал социал-шовинистом.

неделе, но главные частные банки, эти финансовые крепости Франции, сильно поколебались. Парижский банк (Banque de Paris) упал на 65 фр., Лионский Кредит на 28 фр. Однако, русские государственные бумаги не только не упали, но некоторые из них даже поднялись по сравнению с прошлой неделей. Очевидно, финансовые круги надеются, что и на этот раз австро-сербские осложнения не представляют серьезной угрозы европейскому миру и не обострят значительно австро-русских отношений. Курс рубля 2,62½ — 2,64½ фр.

---

13 июля.

Сенсационные разоблачения сенатора Эмбера. Перспективы войны.

Сегодня траурный исторический день в сенате. В течение двух часов в стенах Люксембургского дворца раздавалась обвинительная речь докладчика военной комиссии сенатора г. Эмбера против генерального штаба. Еще никогда с трибуны палаты или сената не было произнесено столь пессимистической речи о состоянии французской армии, не было дано столь мрачной картины военного положения страны.

Эти разоблачения Эмбера свалились как снег на голову многим сенаторам. В зале было чрезвычайно неспокойно. Ежеминутно обвинительный акт Эмбера прерывался восклицаниями «Невероятно!», «Это просто что-то фантастическое!», «Это преступление!» и другими замечаниями, ясно показывающими, что слушатели страшно взволнованы и как бы не верят своим ушам.

Между тем сенатор Эмбер не сделал никаких особых разоблачений, не открыл никаких секретов. Он просто сообщил то, что давно было известно многим объективным людям, внимательно присматривающимся к состоянию материальной части во французской армии. Но он удачно сгруппировал богатый фактический материал и, несмотря на свой монотонный голос, глухую дикцию и другие внешние недостатки своей речи, произвел потрясающее впечатление на сенаторов и представителей прессы. Доказав с помощью целого ряда фактов, что французская армия очень плохо вооружена по сравнению с германской, что ей нехватает двух миллионов пар сапог, тяжелой и легкой артиллерии, достаточного количества патронов и снарядов и т. п., Эмбер обвиняет генеральный штаб в том, что последний обманывает страну и скрывает от нее истину, или давая неверные сведения или прячась за военной тайной. Эмбер произносит в своей речи, между прочим, следующие слова, которые вносят необычайное смятение среди присутствующих, и раздаются здесь в сенате словно погребальный звон по всем этим мечтам о том, будто Франция, введя закон о трехлетней службе, необычайно усилила свою мощь и чуть ли не сравнялась с Германией.

«Если не говорить о пушке 75 мм., которая, и я повторяю это в третий раз, представляет собой первоклассное орудие, превосходящее немец-

кую полевую пушку, во всех остальных областях материальной организации наша армия стоит несравненно ниже немецкой. И наша очевидная теперешняя отсталость по сравнению с немецкой технической подготовкой соответствует через 44 года после войны 1870 г. степени нашей отсталости в этот страшный год. Эта отсталость проявляется в недостаточной подвижности нашей артиллерии, в ее недостаточной скорострельности и дальнобойности, наконец, в ее слабой разрушительной силе».

Шаг за шагом, с цифрами в руках, в речи, вызывающей каждым своим абзацем новое и все усиливающееся волнение среди слушателей, докладчик комиссии все ярче подчеркивал полную техническую отсталость французской армии по сравнению с немецкой: он указывает на богатство германской армии боевыми запасами, снарядами, патронами и т. д., на бедность Франции в этом отношении. Он показывает, как предусмотрительно германское правительство в этой области, как оно в январе каждого года фиксирует количество снарядов, которое казенная и частная военные индустрии должны доставить в случае войны, как оно постоянно проверяет, находится ли в магазинах частных и казенных военных заводов достаточное количество сырых материалов, средств производства и т. д. соответственно принятым обязательствам, как, наоборот, небрежно действует в области контроля над частной и казенной военной индустрией правительство французское, предоставляющее все случаю, что является, по словам Эмбера, государственным преступлением. Он указывает, что французская военная индустрия доставляет самые лучшие орудия и военные приборы всему миру, за исключением французской армии, для которой в 1914 г. были заказаны орудия устарелой системы, и иллюстрирует это утверждение, ссылаясь на то, что для итальянского форта Шабертон приготовляются во Франции орудия, бьющие на 12 километров, тогда как те же самые заводы приготовляют для Франции орудия, бьющие не далее 7,2 километра.

В своей речи Эмбер несколько раз бросает слова «Si demain nous avions la guerre» («Если бы завтра вспыхнула война») и затем он делает сравнение численности французской тяжелой артиллерии и немецкой, изображает состояние инженерной части во французской армии и в немецкой и т. д.

Вывод сам собой навязывается убийственный. Если завтра вспыхнет война между Францией и Германией, нет никаких оснований надеяться, что результат ее будет иной, чем 44 года назад.

Мессими отвечает Эмберу, но объяснения военного министра никого не успокаивают, и Клемансо метко формулирует настроение, произведенное на сенат обвинительным актом Эмбера и репликой Мессими, заявив, что с 1870 г. он, Клемансо, «никогда не присутствовал на заседании парламента столь прискорбном».

В $6^{3}/_{4}$ часов вечера заседание сената прерывается, чтобы начаться снова в тот же день в 9 час. вечера.

Сенаторы расходятся взволнованные. Некоторые представители прессы бегут по своим редакциям, на ходу обмениваясь друг с другом своими впечатлениями.

Чем объяснить несомненный факт поразительного превосходства технического вооружения немецкой армии над французской? В своем ответе Эмберу военный министр Мессими пытается доказать, будто причина этого явления лежит в сравнительно слабых кредитах, вотированных в течение последних десяти лет на улучшение материальной части французской армии. Однако, было очевидно, что это объяснение не удовлетворяет даже сенаторов. Если Германия даже и израсходовала, как пытался доказать Мессими, за последние 10 лет на 1 миллиард фр., т.-е. ежегодно на 100 милл. фр. больше, чем Франция, этим одним не объяснишь колоссальной отсталости французской армии по сравнению с немецкой.

Наконец, если верно, что французская армия значительно отстала от немецкой в техническом отношении, только благодаря недостаточным кредитам, спрашивается, почему же военные министры толкали страну к марокканской авантюре и другим колониальным экспедициям, которые обошлись государству только за последние несколько лет в миллиард фр.? И последовательно ли было одновременно с разговорами о возможности близкой войны и внезапной атаки (attaque brusquée) со стороны восточной границы, затевать столь дорого стоящие авантюры, когда армия не готова к отпору «главного» врага Франции, когда на северном фронте, как это подчеркивалось сотни раз, не имеется ни одной настоящей крепости, которая могла бы задержать германские полчища, вторгнувшиеся через Бельгию.

С другой стороны, несомненно, что одной из причин технической отсталости французской армии по сравнению с немецкой является тот факт, на который указывает в своей книге «Faites le roi ou faites la paix»[1] Самба, доказывая, что Франция не в состоянии бороться с Германией, ибо «когда в Германии вотируется одна марка, все знают, что эта марка действительно пойдет на армию, тогда как во Франции надо быть довольным, если есть уверенность, что из вотированного франка только $^3/_4$ расползутся по карманам всяких плутов, а целых 25 сантимов пойдет на предназначенную цель».

Правда, Самба, делая такое заявление, значительно сгущает краски, во всяком случае, в его бутаде заключается некоторая доля истины, которая объясняет нам многие темные стороны и недочеты в организации и техническом оборудовании французской армии.

Во всяком случае, и Эмберт заявил, что многие миллионы, которые были вотированы парламентами на армию, были израсходованы зря, потрачены без толку.

---

[1] «Восстановите королевскую власть или заключайте мир», книга, имевшая большой успех во Франции накануне войны. Марсель Самба, член французской социалистической партии, министр в кабинете Вивиани, умер в 1923 г.

14 июля.

Пресса о разоблачениях Эмбера. Социалистический конгресс. Речь немецкого депутата Жоржа Вейля.

Утром сажусь в метро и еду на конгресс. У всех пассажиров в руках газеты с обстоятельными статьями о «сенсационных», «необычайно важных», «волнующих» и т. д. разоблачениях сенатора Эмбера; у читателей напряженные лица.

Действительно, разоблачения Эмбера производят на публику и прессу впечатление внезапно разорвавшейся бомбы, начиненной взрывчатым веществом небывалой силы. Генерал Метро, доказывающий неизбежность войны с Германией и возможность прорыва немецких войск через бельгийскую территорию для нападения на Францию с северной границы, опубликовал в начале нынешнего года серию статей о значительном превосходстве технического оборудования немецкой армии над французской. Многие другие специалисты писали о том же вопросе в таком же пессимистическом духе. Но все это не производило никакого впечатления на страну. И вот произнесена двухчасовая речь в сенате, речь, в которой не сообщается ни одного нового факта, не разоблачается никаких секретов, а попросту удачно группируется известный многим специалистам материал, и вся страна возбуждена, потрясена, вся пресса взбудоражена до крайности. «С чувством глубокого возмущения узнает сегодня вся Франция о разоблачениях Эмбера, — пишет «Bonnet Rouge» («Красный Колпак»). — Единственным утешением во всей этой истории является тот факт, — пишет «L'Aurore» («Заря»), — что нынешний военный министр не уподобился знаменитому маршалу Лебефу, заявившему накануне войны 1871 г., что «у нас все готово до последней пуговицы», и признал обоснованность критики Эмбера».

Вся пресса от крайней левой до правой признает необычайную важность разоблачений Эмбера. «Radical» («Радикаль») называет речь докладчика сенатской комиссии страшнейшим обвинительным приговором, который когда-либо был произнесен по адресу генерального штаба, и доказывает, что закон о трехлетней военной службе, который был представлен генеральным штабом, как панацея, как единственно возможный целесообразный ответ на поразительно обдуманные усилия германского штаба, имел главною целью замаскировать действительную опасность, недостаточность материальной организации французской армии и отвлечь внимание страны от истинных причин отсталости Франции от Германии. Жорес пишет: «Реакционная военная и колониальная политика Франции совершенно расшатала всю систему защиты страны. Скандальный закон о трехлетней службе был импровизован, чтобы замаскировать рутинный образ мыслей, непредусмотрительность, инертность, ошибки руководителей нашего военного министерства».

Приезжаю на конгресс. Занимаю место за столом журналистов. Здесь уже сидят корреспондент немецких социалистических газет Грюмбах с женой. Обмениваемся впечатлениями с ним и другими журналистами по

поводу разоблачений Эмбера. Один из коллег замечает: «Закон о трехлетней службе не прибавит ни одного солдата нашей армии, зато он еще более усугубит нашу техническую отсталость и помешает армии увеличить число пушек и вообще обзавестись всем необходимым материалом в соответствии с уровнем современной военной техники».

В зале находятся в качестве гостей Плеханов, который о чем-то миролюбиво беседует с Рубановичем, Либкнехт, Жорж Вейль, депутат от Метца в германском рейхстаге и корреспондент «L'Humanité» из Берлина, бельгиец Анзеле, голландец Флиген и некоторые другие иностранцы.

В 10 часов утра открывается заседание конгресса, и председатель Реноделъ просит представителей заграничных секций интернационала занять места в бюро. Плеханов, Рубанович, Флиген, Жорж Вейль и т. д. входят на трибуну. Первое слово принадлежит Анзееле. Он говорит о Базельском конгрессе, где были произнесены энергичные слова против войны, и доказывает, что пролетариат является самой надежной гарантией против войны, ибо рабочий класс — могучий фактор возрождения всего человечества. После него Плеханов говорит о русских тюрьмах, о рабочем движении в России. Рубанович останавливается на успехах социалистического движения в крестьянской среде и доказывает, что «легенда, будто крестьянин неспособен к восприятию идей интернационала, является устарелой догмой, опровергнутой самой жизнью громадным числом голосов, поданных за социалистов на последних французских выборах». Затем он подробно говорит о тюремном режиме в России, о борьбе с царизмом.

Речь эльзасского депутата в германском рейхстаге Жоржа Вейля вызывает частые единодушные аплодисменты. Он говорит об Эльзас-Лотарингии, об ее стремлении к автономии, о том, что интернационал может быть мыслим лишь как свободный союз свободных и автономных наций, где каждая национальная единица должна пользоваться всеми правами и полным уважением. «Мы, эльзасские социалисты, — восклицает он, — особенно сознаем значение национальной идеи и цивилизаторскую роль национального гения во всех странах. И мы желаем сохранить нашу национальную индивидуальность. Но над всеми этими мыслями и стремлениями, которыми воодушевлены эльзасские социалисты, господствует одно высшее стремление: мы хотим прежде всего мира. Мы хотим, чтобы сотрудничество народов развивалось в мире. И для того, чтобы мы могли в мире сохранить и развивать наш национальный гений, мы стремимся к автономии Эльзас-Лотарингии, — автономии, которая обеспечит, наконец, франко-германское сближение и сделает его живой реальностью, а не химерой». Жорж Вейль заканчивает свою речь выражением уверенности в том, что социалисты всех стран, приняв точку зрения эльзасских социалистов на нынешнем конгрессе и на предстоящем международном конгрессе в Вене, докажут своим правительствам и общественному мнению, что это франко-германское сближение и всеобщий окончательный мир перестали быть химерой.

Конгресс бурно аплодирует Жоржу Вейлю.

Затем председатель конгресса Ренодель благодарит всех предшествующих ораторов за их братские слова. Он говорит о русских тюрьмах, дает совет английским и русским социалистам уладить внутренние разногласия и образовать у себя единые социалистические организации, как это существует во Франции, где две боровшиеся когда-то фракции, гедистская и жоресистская, объединились в одно целое, наконец, он останавливается с особым подъемом и вниманием на речи Жоржа Вейля, на эльзас-лотарингской проблеме и заявляет, что эта проблема не может уже разделить и бросить друг против друга две нации, французскую и германскую, благодаря успехам социализма по обеим сторонам Вогезов. Ренодель вспоминает речь Венделя в рейхстаге, воскликнувшего: «Да здравствует Франция!» и указывает, что и во Франции в ответ раздались крики: «Да здравствует Германия!», не Германия империалистическая и капиталистическая, а Германия пролетарская, социалистическая. «Это социализм говорит от имени народов, не желающих войны, и говорит с такой силой, с таким авторитетом, что правительства вынуждены прислушиваться к голосу социализма».

Затем читаются приветственные телеграммы от различных секций интернационала. Последней читается телеграмма от исполнительного комитета германской социал-демократической партии, заканчивающаяся приветственным возгласом в честь франко-германского сближения. Конгресс воодушевленно аплодирует.

Прежде чем закрыть это утреннее заседание, председатель конгресса читает предложение распубликовать афиши, излагающие сущность разоблачений Эмбера в сенате о состоянии французской армии и освещающие этот вопрос с социалистической точки зрения.

Затем собрание расходится.

---

15 июля.

Дебаты на социалистическом конгрессе. Две тенденции. Речи Компер, Мореля, Вайяна, Жореса, Самба, Геда и др. о средствах помешать войне.

Сегодняшнее заседание конгресса было крайне интересным по содержанию и носило страстный характер. Как всегда на французских конгрессах, было много бурных столкновений и драматических эпизодов. И нужно признать, что трудно было бы хладнокровно обсуждать вопрос, который стоял сегодня в порядке дня — вопрос об империализме и средствах помешать войне.

Следующая резолюция, вотированная впервые в качестве общего правила для пролетариев всех стран, была принята международным конгрессом в Штуттгарте и затем подтверждена интернациональным конгрессом в Базале.

«В случае, если грозит война, долг рабочего класса во всех странах, долг представителей пролетариата в парламентах с помощью междуна-

родного социалистического бюро, этой силы действия и координации, приложить все усилия, чтобы помешать войне всеми средствами, какие им покажутся наиболее целесообразными, — средствами, которые естественно разнообразятся в разных странах, в зависимости от остроты борьбы и общего политического положения. В случае, если война все же вспыхнет, долг пролетариата — вмешаться, чтобы прекратить ее возможно скорее и утилизировать всеми своими силами экономический и политический кризис, созданный войной, чтобы возбудить народные массы до самых глубоких низов и вызвать падение капиталистического строя».

Судя по частным заявлениям Грюмбаха, по его выступлениям на конгрессе сенской федерации и в отдельных секциях, а также по тому, что нам известно из прессы о настроении немецких товарищей, эта резолюция в данный момент вполне удовлетворяет германскую социал-демократию и последняя не находит нужным вносить в эту резолюцию какие-либо поправки.

Наоборот, многим французским товарищам эта резолюция кажется слишком неопределенной, расплывчатой и, в сущности, ни к чему не обязывающей различные фракции интернационала в вопросе о противодействии войне. «Кто все предлагает, тот решительно ничего не предлагает», замечают некоторые критики копенгагенской резолюции по поводу указания на необходимость «помешать войне всякими средствами, какие только окажутся целесообразными».

На Копенгагенском конгрессе французский социалист Вайян и английский Кейр-Гарди внесли следующую резолюцию, которая, по решению Копенгагенского конгресса, будет обсуждаться на Венском конгрессе.

«Конгресс считает, что среди различных средств предупредить и помешать войне наиболее действительным средством является всеобщая забастовка, особенно в отраслях промышленности, обслуживающих войну (производство оружия, снарядов, транспорта)».

Насколько немецких товарищей раздражает эта резолюция, видно из слов Грюмбаха, который меня на-днях уверял, будто некоторые французские товарищи поддерживают эту резолюцию попросту для того, чтобы довести дело до разрыва с немецкими социал-демократами. В пылу раздражения Г. даже бросил это замечание по адресу французских товарищей во время диспута на собрании одной секции. Не оспариваю, что среди французских социалистов может найтись несколько товарищей, которые под влиянием тайных симпатий к анархо-синдикалистским идеям не прочь были бы порвать с германскими социал-демократами. Но суть, конечно, не в этом. Положение гораздо серьезнее. Дело в том, что многие французские социалисты начинают все больше и больше терять доверие к германской социал-демократии, к ее готовности и способности оказать какое-либо серьезное противодействие войне. Это не говорится официально, но в частных беседах часто приходится слышать мнение, что с германской социал-демократией нельзя быть уверенным ни в чем. Яд сомнения, яд недоверия к братской партии начинает последнее время все глубже проникать в партийные круги, особенно в руководящие ее

верхи. Влияние всех этих профессорских «разоблачений», в роде открытия Андлера относительно империалистически-шовинистических тенденций в германской социал-демократии, относительно господства оппортунистического духа в этой партии, дает себя все сильнее и сильнее знать. Вот почему многие ставят перед собой вопрос: да что такое представляет собой в действительности германская социал-демократическая партия? Революционеры ли немецкие социал-демократы или только «резолюционеры», притом боящиеся принимать резолюции, за которые можно навлечь на себя «репрессии» со стороны властей?

«Именно потому, что немецкие социал-демократы не желают принять резолюцию о всеобщей забастовке из-за страха перед репрессиями, мы должны внести нашу резолюцию на международный конгресс. Как можем мы быть уверенными в том, что немецкие социал-демократы будут вести себя мужественно в момент объявления войны при господстве военного положения и т. д., когда даже теперь, в мирное время, они обнаруживают такую робость перед репрессиями», говорит мне один французский товарищ.

Надо принять во внимание, что многие французские социалисты, как они ни ругают анархо-синдикалистов, находятся под влиянием идей последних о всеобщей забастовке. Многим французским социалистам кажется, что очень легко провести всеобщую забастовку в момент объявления войны, и очень веские аргументы германских социал-демократов о неосуществимости этого метода борьбы кажутся им совсем неубедительными.

Характерно также, что за резолюцию Кейр-Гарди — Вайяна стоят те элементы французской социалистической партии, которые всегда относились с скрытым предубеждением к германской социал-демократии. Это те элементы, которые группируются вокруг Жореса, Самба, Реноделя, одним словом, вокруг правого крыла социалистической партии. Наоборот, марксистские элементы, группирующиеся вокруг Геда, высказываются решительно против резолюции Вайяна. И их оппозиция настолько сильна, что Вайян под влиянием Жореса изменяет свою резолюцию и вносит новый вариант.

Перехожу к конгрессу. Первым открывает огонь Компер-Морель, один из наиболее видных представителей французского марксизма, специалист по аграрному вопросу, редактор журнала «Socialisme et la lutte de classes».[1] Он говорит, что все социалисты твердо решили бороться самым энергичным образом против империализма и войны, но что существуют двоякого рода войны — оборонительные и наступательные. «Именно для обороны страны против ничем не вызванного нападения мы требуем учреждения милиции. Как же мы можем говорить о применении всеобщей забастовки в этом случае? Мы не должны здесь, на конгрессе,

[1] «Социализм и борьба классов». С начала войны Компер-Морель подобно Геду и многим другим французским «марксистам» до-военного периода превратился в ярого оборонца.

говорить иначе, чем на выборных собраниях и в палате. Мы всегда подчеркивали нашу твердую решимость, наше непреклонное желание всеми силами защищать страну в случае несправедливого нападения. Что касается всеобщей забастовки в отраслях промышленности, обслуживающих войну, то, ведь, такая стачка равносильна попросту восстанию. Я предпочитаю старую формулировку, предлагавшую инсуррекцию для воспрепятствования войне, хотя отверг бы и эту формулировку».

Затем Компер-Морель говорит о том, что французские социалисты ничего не сделали, чтобы помешать марокканской авантюре, и заканчивает панегириком в честь германской социал-демократии. «Миллионы синдикованных немецких рабочих, могущественная организация наших зарейнских товарищей внушают бо́льшее почтение правящим классам Германии, чем наши с ног сшибательные резолюции французской буржуазии», говорит он.

После Компер-Мореля выступает Поль Луи, марксистский писатель и вместе с тем редактор архи-буржуазного журнала «Petit Parisien». Он произносит очень ученую речь о сущности империализма, что же касается методов борьбы с войной, он уверяет, что французские социалисты пока сделали все возможное, чтобы помешать марокканской авантюре, а относительно будущего он предлагает опять-таки всеобщую забастовку.

«А что мы сделаем, если нас атакуют?», спрашивает его Компер-Морель.

«И в этом случае всеобщая забастовка в стране, подвергшейся нападению, и в стране нападающей устранит возможность войны», отвечает Поль Луи.

Ноэль Арди, делегат федераций Сены и Уаз, также поддерживает идею всеобщей забастовки во время войны и доказывает, что нет никакого противоречия между желанием социалистов видеть Францию сильной и между их стремлением помешать войне возможными средствами, включая и всеобщую забастовку.

Тогда неутомимый Компер-Морель снова повторяет свой вопрос:

«Если Франция будет атакована, допустите ли вы раздавить ее, провозгласив всеобщую забастовку?».

«Но, ведь, наш метод является именно предупредительным средством, которое должно помешать войне», отвечает Ноэль Арди.

Полемика все более и более разгорается. Отдельные делегаты в зале перебрасываются друг с другом замечаниями. «А что вы будете делать, если Германия все-таки объявит войну Франции?», спрашивает кто-то. «Интернациональное бюро объявит пролетариям всех стран: «Начните всеобщую забастовку», отвечают ему. «В таком случае страна с наиболее организованным рабочим движением, с наиболее сильной социалистической партией будет раздавлена той страной, которая окажется менее способной осуществить приказ о всеобщей забастовке. И ваша генеральная стачка явится премией для несоциалистической страны, гарантирующей ей успех в случае нападения на более передовую страну», подает реплику Жюль Гед.

Страсти разгораются, полемика принимает очень острый характер, когда на трибуну входит Делиньер.

«Удивительно, — говорит он, — что всеобщая забастовка рекомендуется нам самой умеренной частью партии». — «Значит, по вашему мнению, Вайян умеренный», — кричат ему. «Нет, — отвечает Делиньер, — я имею в виду Альбера Тома. Вот вам умеренный министериалист, сторонник участия социалистов в правительстве, который проповедует всеобщую забастовку во время войны. А ведь Альбер Тома может когда-нибудь получить портфель военного министра». Этот выпад возбуждает волнение среди делегатов конгресса. Замечания и реплики на них скрещиваются как шпаги.

Делиньер продолжает свою речь:

«Всеобщая забастовка не может быть проведена одновременно с одинаковой силой в двух воюющих странах, — говорит он. — И так как я не желаю, чтобы страна с более сильным социалистическим движением была раздавлена более отсталой, я буду вотировать против всеобщей забастовки».

«Франция настроена миролюбиво, — продолжает Делиньер. — Если она будет воевать, значит, ее принудят к этому. Будем ли мы противодействовать обороне, если социалисты атакующей страны не смогут помешать нападению?» Оратор заканчивает свою речь выражением своего убеждения, что только социалистический строй покончит с войнами, что единственное средство помешать войне заключается в свержении капиталистического режима. «Капитализм — это война, социализм — это мир», — заканчивает он.

Затем говорит Лодье, после речи которого объявляется перерыв.

Послеобеденное заседание конгресса открывается в 2 часа пополудни.

Собрание открывается речью Вайяна. Он указывает на опасную эволюцию капитализма, на обострение империалистической политики и на возможность войны. Но вместе с тем он подчеркивает рост силы пролетариата и говорит, что именно эта мощь, эта сила рабочего класса обязывает международный пролетариат прибегнуть к самым энергичным мерам, чтобы не допустить войны.

Вайян знает, что многие товарищи не верят, чтобы германская социал-демократия согласилась вотировать на Венском конгрессе резолюцию в пользу всеобщей забастовки, и уже поэтому не желает принять резолюцию, которая могла бы лишь создать конфликт между немецкими и французскими товарищами к удовольствию буржуазных партий. Вайян пытается рассеять это предубеждение и доказывает возможность принятия немецкими социал-демократами резолюции в пользу всеобщей забастовки. Так, он указывает, что немецкая социал-демократия признала уже, что всеобщая забастовка является действительным средством для завоевания всеобщего избирательного права в Пруссии. Он цитирует слова Шейдемана, сказавшего: «Безумец тот, кто думает, что мы не в состоянии поднять массового движения. Мы подымем это движение, когда настанет момент».

Вайян заканчивает свою речь личным воспоминанием.

«Те, кто жил в 1870 г., — говорит он, — кто видел Париж, где царила ужасающая нищета, — пустынным раздавленным морально и материально, тот никогда не допустит повторения подобного зрелища, тот никогда не позволит, чтобы это разрушительное действие снова было повторено, чтобы новая война, которая на этот раз будет ужаснее, чем предшествующая, снова разразилась между двумя народами, и тот одобрит самые решительные меры, лишь бы помешать этому чудовищному преступлению. Для спасения человечества, для обеспечения мира, для устранения войны мы примем эту резолюцию».

После Вайяна говорит Раппопорт.[1] Он защищает резолюцию Кейр-Гарди и доказывает, что если германская социал-демократия согласится примкнуть к этой резолюции, немецкий пролетариат будет в состоянии осуществить эту стачку скорее, чем пролетариат какой-либо другой страны. Многие делегаты перебивают Раппопорта, шумят, не дают ему говорить. Видная роль в журнале Жюля Геда «Socialisme» принадлежала Раппопорту, этому талантливому публицисту и высокообразованному человеку, своими блестящими статьями поставлявшему гедистам оружие для борьбы с идеями Жореса. И вдруг сегодня Раппопорт защищает точку зрения своих вчерашних противников и атакует взгляды своих вчерашних друзей. Речь Раппопорта заглушается криками гедистов. Особенно волнуется Майерас. Атмосфера сгущается. «Дайте же ему говорить», — восклицает Жорес.

Раппопорт заканчивает свою речь указанием, что только всеобщая забастовка в состоянии помешать международной бойне.

Затем на трибуну входит Жорес. Он начинает свою речь с характеристики современного империализма, который является выражением могущества капитализма и проявляется прежде всего в колониальной политике: в стремлении захватывать новые и новые области. В этой колониальной политике, в этом стремлении к экономическому расширению и лежит опасность конфликта, который с каждым днем становится все грознее и грознее и приближается к нам. В этом колониальном империализме, в этой борьбе за рынки для ненаходящих сбыта товаров, сконцентрировался, сюда бежал старый дух господства, гордости и самолюбия. И если этот империализм грозит ныне более страшными опасностями мирному развитию европейских народов, чем прежняя колониальная политика — это объясняется, во-первых, развитием путей сообщения и прессы, которая по телеграфу разносит сообщения о том или другом осложнении где-нибудь далеко в Африке или Америке и как бы приближает эти конфликты к нам; во-вторых, ослаблением внутренней борьбы за национальное единение. Пока энергия Германии была направлена прежде всего к осуществлению ее единства, пока Франция была занята внутренними

---

[1] Раппопорт — ныне член французской коммунистической партии. Раппопорт является постоянным сотрудником «Известий», где печатаются его талантливые «Парижские письма».

раздорами, обе нации находили у себя дома исход для проявления их активности. Теперь опасность не здесь. Теперь опасность не в национальных конфликтах, а во внешних осложнениях.

Жорес подчеркивает всю серьезность опасности, которой империализм грозит миру, но вместе с тем он указывает на растущую с необычайной быстротой силу пролетариата и высказывает свою твердую уверенность в том, что пролетариат в состоянии помешать войне.

«Но для того, чтобы эта необычайно возросшая сила международного пролетариата могла проявиться, для того, чтобы воля рабочих масс, не желающих войны, могла устранить возможность конфликта, необходимы новые методы борьбы, соответствующие современным условиям жизни. Этим средством является всеобщая забастовка, одновременно и согласованно организованная во всех воюющих странах.»

Итак, Жорес не говорит уже о всеобщей забастовке специально в отраслях промышленности, обслуживающих войну. Он вносит вариант в поправку Вайяна — Кейр-Гарди, расширяет последнюю и говорит о «всеобщей забастовке» во всех отраслях промышленности. Он подчеркивает, что и Вайян соглашается с этой точкой зрения, против которой нельзя выдвинуть тех возражений, которые выдвигались против стачки в специальных отраслях промышленности. Затем он снова возвращается к вопросу о роли пролетариата и с необычайным подъемом говорит об исторической миссии пролетариата. «Нужно, чтобы он остановил, нужно, чтоб он поразил своей мощной рукой виновников конфликтов, виновников убийств. Но в то же время необходимо, чтобы пролетариат не сыграл на руку более циничному народу в агрессивных планах последнего против народа, который окажется обезоруженным. Да, мы хотим воспрепятствовать войне международным действием, согласованным и организованным, но в то же время мы твердо решились защищать национальную независимость, если последней будет грозить опасность».

Жорес говорит об осложнениях Германии с Францией, Россией, Англией и останавливается на значении и опасности этих конфликтов.

«Да, — восклицает он, — Франции грозит опасность со стороны немецких шовинистов, со стороны воинствующего пангерманизма, самой же Германии угрожает панславизм. Мы никогда не скажем немецким рабочим, чтобы они ослабили свою бдительность по отношению к опасности со стороны панславизма, в свою очередь мы будем стоять наготове против пангерманской опасности».

В заключение своей речи Жорес возражает на доводы тех, кто доказывает, что ни в одной стране пролетариат еще не организован настолько, чтобы в состоянии осуществить всеобщую стачку. «Именно рисуя наш благородный идеал, именно объясняя пролетариату, какую роль может сыграть стачка в деле предотвращения кровавой бойни, мы сделаем всеобщую стачку осуществимой. Дело не в одной организации. История последних лет дает нам поразительные примеры революционной импровизации в странах, где отсутствовали более или менее серьезные организации рабочих масс». И Жорес ссылается на русские события, происхо-

дившие во время японской войны, на итальянские (в Романьи) — во время триполитанской.

«Нужно быть достойными той цели, к которой мы стремимся. Скажем пролетариату, какую миссию возложила на него история, чего ждет от него все человечество, и это вернейший залог, что пролетариат окажется способным осуществить поставленную перед ним задачу».

«Никогда еще история не ставила ни перед каким классом столь страшной проблемы, как та, которую рок поставил перед пролетариатом цивилизованных стран. И эта проблема более грозна для Франции и Германии, чем для Англии с ее запасами провианта и всякого рода необходимых предметов, правильное пополнение которых ей обеспечивает ее островное положение, ее военный флот и господство на морях.

«Вот почему Франция и Германия более, чем какая-либо другая страна, обязаны сделать все от них зависящее, чтобы предупредить войну, не дать ей вспыхнуть. Ибо когда война уже разгорится, на свет божий вырвутся адские силы и, как Левиафан в трагедии Шекспира, вернутся к своим берегам только после того, как разрушительная работа будет доведена ими до конца».

Гром аплодисментов.

Какой удивительный оратор Жорес. Какая непередаваемая сила выражения в его речи! Какой притягательный талант. Когда говорят другие делегаты, я спокойно записываю их речи и перед мною лежат уже около 20 листов, исписанных мною за вчерашний и сегодняшний дни. И я не только излагаю содержание речи, я пишу свои замечания, разговариваю втихомолку с соседями; вообще, кто бы ни говорил, я остаюсь самим собой, и мое душевное состояние сохраняет свое равновесие, не мешающее мне делать свою работу, все одно, высказывает ли оратор идеи, которым я симпатизирую, или нет. А вот хотя с Жоресом я во многом не согласен, тем не менее я чувствую себя потрясенным до глубины души, как бы очарованным. Я слушаю его голос, как какую-то музыку, я не отрываюсь от его глаз, с напряжением слежу за движением его рук, за каждым его жестом, нервным и сильным. Какая мощная, огненная фигура!

И я вспоминаю слова, которые сказал мне на Амстердамском конгрессе один из американских товарищей: «В Америке я часто читал и слышал рассуждение о том, что Германия, Англия, Россия — страны с великим будущим, но что Франция будто бы страна вырождающаяся, идущая к упадку. Какое заблуждение, какая бессмыслица, какое незнание действительности! Только народ, обладающий колоссальными духовными силами, мог создать такое чудо творения, такой человеческий chef d'oeuvre, каким является Жорес. Много ли найдется на земном шаре людей, подобных Жоресу. По гениальности натуры, по духовной красоте с ним можно сравнивать вашего Толстого, хотя последний и стоит на другом полюсе и работает в другой области. А в нашем социалистическом мире я не вижу ни одного человека, которого можно было бы даже сравнивать с Жоресом. Нет, французский народ не вырождающийся народ. Его история не закончилась. Вы увидите, настанет момент, когда Франция воочию для всех

проявит необычайную жизненную силу и пойдет во главе других стран».

На трибуну подымается Паоли. Он говорит против всеобщей забастовки, решительно отвергает и поправку Кейр-Гарди — Вайяна и расширительное толкование, которое дает этой резолюции Жорес. Он упрекает сторонников Жореса — Вайяна в том, что они не применили своей спасительной меры для противодействия марокканской авантюре... «Те, кто предлагает теперь всеобщую забастовку в качестве средства, могущего предотвратить войну, обязаны были прибегнуть к этому средству, использовать его во Франции для того, чтобы не допустить марокканской экспедиции».

Я нахожу, что Паоли мало объективен и слишком увлекается желанием прижать противников к стене. Я не согласен с точкой зрения Вайяна и его сторонников, но вместе с тем мне кажется, что многие гедисты положительно злоупотребляют ссылкой на марокканскую авантюру. Несомненно, что французские социалисты с недостаточной энергией боролись против марокканской авантюры, так осложнившей франко-германские отношения. По моему мнению, Марокко — это одна из кнопок электрического провода к торпеде, положенной под всю Европу. Неосторожного прикосновения к этой кнопке достаточно, чтобы вызвать катастрофу.

Жорес был безусловно прав, когда в своих статьях в «L'Humanité», в своих речах в парламенте он доказывал, что марокканская авантюра явилась отправной точкой современного невыносимого положения в Европе. Именно Франция нападением на Марокко, которому предшествовали переговоры с Испанией о части ее добычи, с Австрией о Боснии, с Италией о Триполи и т. д., открыла вопрос о турецком наследстве, разожгла дремавшие аппетиты в шовинистических кругах в Испании, Италии, Австро-Венгрии, балканских странах. Не будь марокканской экспедиции, не было бы, может-быть, триполитанской авантюры, не было бы итало-турецкой войны, далее, нападения балканских государств на Оттоманскую империю, аннексии Боснии и Герцеговины и австро-сербских осложнений.

И вот приходится признать, что все эти парламентские речи, все эти газетные статьи о тех опасностях международному миру, которыми грозит агрессивная колониальная политика Франции, в особенности на севере Африки, не помешали французскому правительству все глубже и глубже втягивать страну в «марокканскую пропасть». Но это уже не вина социалистов, в роде Жореса, это их беда.

Пока я записываю на память наиболее характерные места из речи Жореса и наношу на бумаге мои личные замечания, Паоли кончает свою речь, и его заменяет Самба. Самба доказывает, что старый мир, отживающий капиталистический строй, прежде, чем исчезнуть, может сделать попытку бросить народы один против другого, и это-то придает трагическое значение вопросу об империализме. Самба высказывает надежду, что

на Венском конгрессе будет принята резолюция Жореса — Вайяна, ибо, — говорит он, — идея всеобщей забастовки сделала значительный прогресс в Германии.

В этот момент подымается Гед[1] и прерывает Самба.

Гед в последние годы, вследствие нездоровья, не выступает на трибуне, не произносит длинных речей. На конгрессе он только бросает реплики с места и порой несколькими фразами производит сильное впечатление на товарищей, нанося чувствительные удары противникам. Вспоминаю, как в комиссии Амстердамского конгресса он во время речи Жореса неожиданно поднялся и воскликнул: «Je demande la parole pour protester et etablir les responsabilités», и произвел сильнейшее впечатление на членов комиссии своей короткой речью. Так и теперь он неожиданно подымается и бросает несколько фраз.

«Самба! Опасность заключается в том, что вы отдаете нацию наиболее социалистическую связанной по рукам и ногам во власть более отсталой страны. Ваш метод грозит обеспечить разгром цивилизации и культуры.

«Вот именно это говорил Либкнехт на Брюссельском конгрессе 1891 г. в ответ на предложение всеобщей забастовки, выдвинутое Домела Ньювенъюисом. Никогда в Германии, — заявил Либкнехт, — мы не ответим на объявление войны всеобщей стачкой.

«Вообразите, — продолжает Гед, — что война вспыхнула между Германией и Россией, социалистической Германией, которая пожелала бы и была бы способна поднять восстание и устроить революцию, и социалистической Россией, которая, может-быть, пожелала бы сделать это, но оказалась бы совершенно неспособной. Ведь, попытка организовать всеобщую забастовку при таких условиях повела бы к разгрому, уничтожению немецкой цивилизации под копытами казачьих лошадей.

«Вот почему на социалистическом конгрессе никогда, никогда, никогда всеобщая забастовка на случай войны не будет вотирована ни одним сознательным социалистом».

«Никогда, никогда, никогда» (jamais, jamais, jamais), повторяют за своим вождем некоторые гедисты.

Самба отвечает, что ни один французский социалист не будет вотировать за всеобщую забастовку, пока он не будет уверен в том, что такую же забастовку организуют немецкие рабочие. «Что же такое представляем мы! — восклицает он. — Организованную партию или собрание анархистов. И для чего существует международное социалистическое бюро, если оно даже не в состоянии осведомить нас о силе и методах действия пролетариата в различных секциях Интернационала. Когда международное бюро скажет: «Настал момент действовать», оно отдаст это распоряжение в полном сознании своей ответственности и оценив те силы, какими располагают социалисты воюющих стран.

---

[1] Жюль Гед — выдающийся французский марксист, руководивший борьбой против «ревизионизма», как во II Интернационале, так и во французской социалистической партии. С начала войны крайний оборонец, проповедник коалиции с буржуазией, министр без портфеля в коалиционном правительстве.

Лебас восстает против резолюции Вайяна — Жореса. Он доказывает, что принятие резолюции о всеобщей забастовке нанесет сильный удар престижу социалистов во Франции. Поразительные успехи социалистов на последних выборах, завоевание 110 мест в парламенте объясняется тем, что рассеялась, наконец, среди тысяч и тысяч людей легенда, изображавшая социалистов как анти-патриотов. Кампания социалистов против закона о трехлетней военной службе подняла престиж социалистов, ибо они доказывали, что этот закон ослабит военную мощь страны, и исходили-де из принципа национальной обороны. «Если рабочие и крестьяне увидят, что мы предлагаем всеобщую забастовку на случай войны, в то время как немецкие социалисты не принимают этой резолюции, наш престиж сильно упадет, и обвинение нас в антипатриотизме встретит снова благодарную почву». Лебас советует отбросить все то, что может разделить французских социалистов с немецкими, и предлагает принять такую резолюцию, которая объединила бы тех и других и дала бы буржуазному миру зрелище е д и н с т в а международного пролетариата, а не картину его раздоров.

Компер-Морель отстаивает ту же точку зрения, но его речь вызывает ряд бурных инцидентов. «Нужно оставить это обыкновение, — восклицает он, — говорить на конгрессах иные речи, чем на избирательных собраниях и в прессе. Многие товарищи, которые перед своими рабочими никогда не осмелятся говорить о всеобщей забастовке во время войны, здесь выступают неожиданно в качестве grève généralist'ов» (сторонников всеобщей забастовки). Компер-Морель цитирует статью Лодье в L'Emancipateur de Rourges, — статью, в которой резко осуждается всеобщая забастовка во время войны, и сравнивает содержание этой статьи с поведением Лодье на конгрессе.

Лодье кричит: «Вы искажаете мои мысли. В моей статье я осуждаю всеобщую стачку во время войны, а не «накануне войны». Я стоял и стою за предупредительную стачку».

Компер-Морель продолжает свою речь и резко атакует сторонников резолюции Вайяна — Жореса. Он доказывает, что резолюция в пользу всеобщей забастовки нанесет сильный удар социалистической пропаганде. «Я не хочу тащить за собой этого каторжного ядра, — восклицает он. — Не понимаю, как те самые делегаты, которые перед своими избирателями давали обещание бороться против дезертирства, инсуррекции и всеобщей забастовки во время войны, поддерживают теперь резолюцию Вайяна — Жореса». И он отстаивает резолюцию предшествующих конгрессов, упоминавшую лишь о всевозможных средствах помешать войне и не останавливавшуюся на одном каком-либо специальном средстве.

Последним говорит Эрве. Он доказывает, что ни путем инсуррекции, в возможность которой он когда-то верил, ни с помощью всеобщей забастовки не удастся помешать войне. *Революционный метод обанкротился.* Единственное средство помешать войне заключается в франко-германском сближении, а это сближение может быть достигнуто только в результате разрешения эльзас-лотарингской проблемы. Нужно добиться автономии

*

Эльзас-Лотарингии в границах Германской империи и нужно, чтобы немецкая социал-демократия решительно стала на эту точку зрения. Только в таком случае будет обеспечен мир. Если же немецкие социал-демократы не примкнут на Венском конгрессе к резолюции французской секции об Эльзас-Лотарингии — в этом случае нужно будет внести предложение на следующий конгресс запретить пролетариям петь Интернационал.

Речью Эрве, говорившего как бы от своего личного имени и предложившего свою особую резолюцию, закончились все эти страстные дебаты по вопросу об империализме и средствах помешать войне.

Если оставить в стороне Эрве, на конгрессе боролись две тенденции и, как всегда, несмотря на формальное объединение партий, стояли друг против друга два течения: гедистское и жоресистское. Слушая речи ораторов той и другой стороны, трудно было не подметить следующего парадокса: представители течения, стоявшего более далеко от германской социал-демократии, доказывали, что германский пролетариат способен оказать решительное противодействие войне и готов будет принять на Венском конгрессе резолюцию о самых энергичных методах борьбы против войны вплоть до всеобщей забастовки, наоборот, французские социалисты, стоявшие по своему миросозерцанию ближе к германской социал-демократии, именно гедисты, довольно ясно подчеркивали свое сомнение в готовности и способности немецкого пролетариата оказать энергичное противодействие войне. Как объяснить этот парадокс?

Может-быть, что среди сторонников Жореса — Вайяна имеется несколько «дипломатов», которые попросту желают прижать немецких товарищей к стене, чтобы заставить последних обнаружить их настоящие планы и высказаться откровенно, и которые стремятся таким образом действий разрушить опасные иллюзии насчет революционного пыла и боевой дееспособности германской социал-демократии; однако, самособой разумеется, что ни Жорес, ни Вайян, ни Самба, ни сотни других товарищей, защищающих резолюцию о всеобщей стачке, не принадлежат к этим Фомам неверующим и попросту полагают, в силу своего идеалистического миросозерцания, что достаточно добиться определенной и желательной им резолюции на Венском конгрессе, чтобы дело мира было обеспечено и опасность войны устранена.

Другой парадокс заключается в следующем. Именно «марксисты», именно «гедисты», вечно подчеркивающие в своих статьях и речах противоречие классовых интересов в современном обществе и как-будто видящие во всех явлениях социальной жизни лишь проявление в той или другой форме единого принципа борьбы классов, с особым ударением говорят о национальной обороне, о необходимости во что бы то ни стало избегнуть всяких экивоков, благодаря допущению которых в резолюции о средствах помешать войне народные массы могли бы заподозрить социалистов в антипатриотизме, в желании допустить разгром Франции.

16 июля.

Последний день конгресса. Речь Лафона об алкоголизме. Беседа с Жоржем Вейлем о германской социал-демократии. Мнение Вейля о неизбежности войны. Резолюция конгресса о средствах помешать войне. Победа жоресистов.

Утренние газеты посвящены трем вопросам: отъезду Пуанкаре в Россию, состоявшемуся вчера, социалистическому конгрессу и дебатам в палате депутатов о состоянии армии в связи с разоблачениями Эмбера в сенате.

Пресса останавливается на австро-сербских осложнениях уже с меньшей тревогой, чем в предшествующие дни, и вообще уже не так обстоятельно распространяется о Ближнем Востоке. Отъезд Пуанкаре внес успокоительную ноту в тревожное настроение. Не отправился бы президент республики вместе с премьер-министром и министром иностранных дел в такое далекое плавание, если бы европейскому миру грозила серьезная и близкая опасность. Вот рассуждение, которое слышишь из уст многих сведущих людей. Вот почему некоторые газеты посвящают сегодня меньше строк австро-сербским делам, чем мексиканским, которые привлекают к себе внимание в связи с отставкой президента Хуэрты. Некоторые газеты, например «Le Journal», цитируют следующие слова «Lokal Anzeiger»: «Какое доверие должна питать Франция к миролюбивым стремлениям Германии, чтобы в сенате были возможны разоблачения, подобные тем, которые сделал Эмбер, притом в момент, когда политический горизонт покрыт такими черными тучами?»

Итак, разоблачения Эмбера и поездка Пуанкаре в Россию — вот два факта, которые, с точки зрения оптимистов, свидетельствуют о том, что и на этот раз гроза пронесется, не причинив никаких опустошений.

Любопытно, какое освещение дают разоблачениям Эмбера депутаты правой в палате депутатов, в чем видят они подкладку этого «скандала», поднятого в сенате.

С точки зрения правых, в основе всей этой кампании по поводу плохого состояния французской армии лежит радикал-социалистическая интрига, единственной целью которой будто бы является удаление генерала Жоффра и замена его во главе генерального штаба Саррайлем, генералом, пользующимся большими симпатиями в левых кругах. В связи с конгрессом пресса ругает Жореса и хвалит Геда. Удивительна в этом отношении судьба этих двух лидеров французского социалистического движения. Несмотря на все фразы Геда о «классовой борьбе», о социальной революции, как единственном средстве разрешения всех темных сторон современного строя буржуазия не видит в этом вожде значительной части французской социалистической партии своего опасного врага. «Реформист, оппортунист» Жорес — вот ненавистное существо, вот «bête noire» для господствующих классов Франции. Этот факт бросился мне в глаза с особой силой недавно. Просматривая как-то в национальной библиотеке французские газеты за предшествующие

годы, я нашел, например, в «Matin» за 1907 г. до 50 передовых статей,— самых злостных, самых клеветнических, — против Жореса и не только не встретил ни одной статьи против *непримиримого* Жюля Геда, а наоборот, прочел в этой же газете более десяти статей, посвященных прославлению лидера марксистской догмы. И теперь в связи с дебатами на вчерашнем заседании конгресса и могучей поддержкой, оказанной Жоресом резолюции в пользу всеобщей забастовки, вся ненависть буржуазии, вся злоба ее против великого трибуна вылилась наружу. «Изменник, антипатриот, предатель, ату его», кричит желтая пресса.

Сегодня третий и последний день конгресса. Утреннее заседание посвящено резолюциям о русских тюрьмах, о безработице, об алкоголизме. Прекрасную речь об опасности алкоголизма, о долге социалистов всеми средствами бороться против распространения пьянства в рабочей среде произносит Лафон. «Бороться против алкоголизма, — говорит он, — это бороться за социализм; это не значит, будто, с моей точки зрения, вся борьба за социализм сводится к борьбе против пьянства, как представляют себе мои взгляды некоторые товарищи». Лафон указывает на страшные опустошения, которые алкоголизм производит в Бретани, говорит о распространении пьянства среди детей, о страшной опасности, грозящей не только пролетариату, но вообще всей Франции, ее национальному существованию в результате дальнейшего распространения алкоголизма.

Лафон еще молодой человек, но он производит очень серьезное впечатление.

По окончании утреннего заседания я и Грюмбах с женами и Жорж Вейль, депутат Метца в германском рейхстаге, идем вместе завтракать. Грюмбах по обыкновению острит, рассказывает анекдоты. Кажется, что Грюмбах самый остроумный человек в обеих партиях, французской и немецкой. Однако, скоро начинается серьезная беседа. Жорж Вейль рассказывает о настроении в Германии. «Момент очень критический, — говорит он. — Здесь не понимают всей серьезности положения. Война неизбежна и в самом близком будущем». Грюмбах оспаривает этот пессимистический взгляд. Он указывает на рост интернационализации капитала, на то, что война явилась бы величайшей катастрофой не только для пролетариата, но и для самого буржуазного мира, для господствующих классов правящих стран. Жорж Вейль раздраженно перебивает Грюмбаха: «Знаю, знаю, что ты мне скажешь. Все это мне известно. А я тебе говорю одно. Германская камарилья, германское юнкерство, вся правящая Германия стремится к войне и добьется ее». Тогда Грюмбах добродушно говорит Жоржу Вейлю: «Ну, вот спросим Павловича, что он думает о современном народном положении». Жорж Вейль гневно поворачивается ко мне и изумленно спрашивает: «Как, и вы не видите, что война неизбежна, что Германия готовится к нападению на соседние страны?» — «Я думаю, — отвечаю я, — что если бы Германия так страстно желала войны, она давно ее имела бы. Вспомните международное положение во время англо-бурской или позднее во время русско-

японской войны. В 1904 — 1905 гг. Россия была совершенно обессилена войной на отдаленных восточных окраинах. Вся наша армия была мобилизована в Манчжурии, внутри царила революция и, тем не менее, германское правительство не воспользовалось этим благоприятным для него положением, чтобы разгромить и Францию и Россию. И воздержалось оно от нападения не из страха перед многочисленными батальонами русской и французской армии, а из страха перед более грозными для юнкерства батальонами немецкой социал-демократической партии. Вот что помешало в 1905 г. правительству Вильгельма II воспользоваться безграничными военными ресурсами Германской империи для разгрома России и отторжения пограничных русских областей, для окончательного разрешения марокканского и конгского вопросов. И этот страх перед германской социал-демократией помешает и в 1914 г. нападению Германии на соседние страны с целью разрешения кроме всех этих вопросов еще вдобавок вопроса балканского. Даже победоносная война с Россией и Францией может, подобно войне 1871 г., повести лишь к непомерному усилению социалистического движения в Германии, торжество которого будет тем решительнее, чем более беспричинный характер будет носить нападение на Россию и Францию. Красные батальоны германской социал-демократической партии — вот вернейшая опора европейского мира».

«Что вы говорите! что вы говорите, — почти кричит Жорж Вейль.— Да германская социал-демократическая партия самая могучая, самая организованная партия в мире. Она одна могла бы приостановить руку бандитов. Но вы не знаете германской социал-демократии. Вы живете в мире каких-то иллюзий. Вы не имеете представления о германском пролетариате, об его оппортунистическом настроении, об его вождях и теоретиках, о всех этих Каутских, Легиенах, Шейдеманах. Все они жалкие оппортунисты, импотентные в революционном смысле люди, маскирующие свой позорный страх перед «репрессиями», свой мещанский склад мыслей, свою дряблую натуру марксистскими фразами, которыми они ловят вас на удочку и дурачат всех. И разве это наши товарищи? Разве вы не видите, как они надменны, самонадеянны (presomptieux), как держат они себя гегемонами на всех конгрессах, как ведут себя словно в завоеванной территории на всех социалистических международных собраниях, как постоянно грозят ультиматумами, как только какая-либо секция Интернационала осмеливается отстаивать свою точку зрения... Нет, война неизбежна, война неизбежна и не ваша германская социал-демократическая партия, неспособная духовно к какому-либо революционному акту, попытается помешать ей»...

Я слушаю пораженный, не зная от изумления, что ответить. Как вот перед мною член германского рейхстага, который говорит мне такие вещи о партии, членом которой он является. Нет, не может быть все это. Это попросту эльзасский сепаратист, ненавидящий Германскую империю, немецкий дух и переносящий свою ненависть к прусскому режиму и на немецких социал-демократов. Да мне и не нравится Жорж

Вейль. Это молодой еще человек, стройный, с надменным лицом. Держит он себя очень гордо, точно не может забыть, что он депутат германского рейхстага. И говорит он сам, словно «немецкий социал-демократ», ультимативно, как бы не допуская возражений, порой гневно. Какая разница между маленьким Жорж Вейлем и великим Жоресом; когда последний говорит с тобой, в его речи, в его фразах всегда как бы слышится вопрос: «Ну, как вы находите мое мнение? Согласны ли вы с ним? Каков ваш взгляд на этот предмет? Интересно было бы знать, что вы думаете по этому поводу?» Как гениальный человек, Жорес понимает всю необычайную сложность и переплетенность жизненных проблем и знает, что одному человеку, будь он хоть семи пядей во лбу, не охватить всей этой сложности. И даже уча, он хочет учиться у всякого интеллигентного и образованного товарища, ставящего ему тот или другой вопрос. А этот молодой человек, как прусский капрал, рубит с плеча: «Германская социал-демократическая партия — жалкая, презренная партия, конгломерат оппортунистов, неспособных ни к какому решительному действию.»

«Давно вы пришли к тем взглядам, которые высказываете сейчас», спросил я после некоторой паузы Жоржа Вейля.

«Я уже давно начал относиться скептически к германскому социалистическому движению, но пессимистом стал лишь с недавнего времени. Социал-демократическое движение в Германии — движение бесплодное, которое, как библейская смоковница, ничего не может дать, особенно в интересующей нас области скрепления уз международного братства и прогресса революционных идей. Современная Германия не имеет никаких политических традиций, тем более революционных традиций. Объединение Германии в 1871 г. под руководством Бисмарка ничем не связано с национальным и демократическим движением предшествующего периода, — периода до 1871 г. Бисмарку удалось исказить, эскамотировать демократическую и анти-прусскую идею, лежащую в основе этого движения, и превратить ее в прусскую и демократическую реальность. Таким образом, не Пруссия была поглощена Германией, а наоборот, Германия оказалась поглощенной Пруссией. *Так создалась новая Германия»*, говорит Жорж Вейль, отчеканивая эти слова.

И повышая все более и более голос, Жорж Вейль продолжает: «В этой новой Германии вы не найдете никакой традиции, никакого политического направления, если вы исключите господствующие классы, поземельную аристократию и высшее духовенство. Что касается германской буржуазии, то последняя не дорожит ни конституционными правами, ни идеями гражданского равноправия. Эта буржуазия не имеет того стремления к демократическим формам государства, которое характеризует в известной мере французскую и английскую буржуазию. И самые интеллигентные слои немецкого буржуазного общества вполне примиряются с полу-феодальным, архаическим характером прусского государства, с казарменным духом, господствующим, по воле Пруссии Гогенцоллернов и Бисмарков, во всей современной Германии».

«Бог с этой немецкой буржуазией, — замечает одна из наших спутниц. — Русская буржуазия еще почище немецкой и является преданнейшим холопом царизма. Дело не в буржуазии, а в рабочем классе. И у нас в России пролетариат по своему настроению, по своему революционному духу представляет собой полную противоположность нашей жалкой, трусливой буржуазии, привыкшей жить лишь подачками с трона и самой бесстыдной эксплуатацией трудящихся масс. Между тем, наш геройский пролетариат в своей великой борьбе идет лишь по пути, проложенному его старшим братом, — рабочим классом социал-демократической красной Германии».

«Красная Германия!» — воскликнул Жорж Вейль. — Да где вы нашли эту красную Германию, я ее никогда, никогда не видел и боюсь, что никогда не увижу. Я преклоняюсь перед геройским русским пролетариатом, перед каждым русским революционером. Я знаю, что у вас слово не расходится с делом. Я знаю, что русский пролетариат дорого заплатил за свое право считаться членом международной социалистической семьи. А по какому праву немецкий пролетариат выступает в роли гегемона, старшего брата в нашей семье? Смешно, когда наши социал-демократические статистики с прусской пунктуальностью высчитывают число часов, которое высидели в тюрьмах все немецкие социалисты, вместе взятые, за последние десятилетия; ха-ха! Да возьмите один-другой десяток русских революционеров или немногим более французских синдикалистов, суммируйте число часов, проведенных ими в тюрьме, и вы увидите, к чему сводится эта революционная борьба германской социал-демократии. Но дело не в этих мелочах, и если я упоминаю о них, то только потому, что немецкая социал-демократия, эта партия блэффа и рекламы, вечно кичится числом часов, проведенных ее членами в тюрьме за последние двадцать или тридцать лет. Дело в том, — и это одна из самых печальных сторон в немецком социал-демократическом движении, — что германский пролетариат не имеет никаких революционных традиций и чужд всякого революционного романтизма, понимая это слово в самом лучшем его смысле. Рабочий класс Германии не завоевал собственными усилиями никаких демократических благ ни для себя самого, ни для своей страны. Всеобщее избирательное право было подарено Бисмарком Германской империи, но в Пруссии до сих пор сохранилась трехстепенная система выборов, и революционный немецкий пролетариат до тех пор будет примиряться с этой архаической системой, пока какой-нибудь новый Бисмарк не решится по соображениям внутренней дипломатической кухни изменить этот устарелый порядок. Да, германский пролетариат не имеет никаких революционных традиций; более того, он лишен подлинного демократического духа, искренних демократических стремлений. «Революционному» германскому пролетариату не нужна республика, ибо ему хорошо живется и в монархии Гогенцоллернов. Немецкое синдикалистское движение это в существе — корпоративное движение, пропикнутое насквозь духом мелкого мещанства и направленное исключительно к некоторому увеличению заработной

платы и незначительному сокращению рабочего дня. Немецкое социал-демократическое движение — движение насквозь оппортунистическое, прикрывающее свое жалкое мещанское содержание революционностью марксистских догм. Революционная фразеология, решительно никого не пугающая в Германии, и политика борьбы за маленькие прибыли, за ничтожные материальные выгоды, — вот и все содержание деятельности германской социал-демократии за долгий период ее существования с того момента, как она стала сильной партией... Я не говорю о таких личностях, как Либкнехт. Он одинок в Германии, и его голос еще долго будет оставаться в рабочем классе Германии гласом вопиющего в пустыне».

Мы кончаем завтрак. Жорж Вейль куда-то уходит. Мы идем прогуляться. По дороге я все думаю о словах Жоржа Вейля по поводу германской социал-демократии и не могу успокоиться: «Что же это, наконец, за сфинкс германская социал-демократия?» — говорю я себе.

И вдруг я вспоминаю речь Жоржа Вейля[1] на позавчерашнем заседании конгресса, его заключительные слова, в которых он выражал надежду и уверенность, что международный Венский конгресс заложит основы франко-германского сближения и окончательного мира между этими странами. А только-что он говорил о неизбежности войны между Францией и Германией.

Сейчас самый важный момент конгресса. Предстоит голосование по вопросу об империализме и средствах помешать войне. Налицо две резолюции: одна, предложенная большинством комиссии, другая — меньшинством. Единой резолюции так и не удалось выработать.

Первым от имени большинства комиссии говорит Жорес. Резолюция, предложенная им, начинается с утверждения, что войны прекратятся только с крушением капиталистического строя, затем приводится резолюция Штуттгартского конгресса, указывающая на необходимость бороться против опасности войны «всеми целесообразными средствами, которые, естественно, разнообразятся в разных странах в зависимости от остроты борьбы и общего политического положения», и к этому абзацу делается следующее дополнение:

«Конгресс полагает, что среди различных средств предупредить и помешать (prévenir et empêcher) войне и заставить правительства прибегнуть к третейскому суду наиболее действительным является рабочая забастовка, одновременно и интернациональным образом организованная в заинтересованных странах, равно как агитация и народные действия в наиболее активных формах».

---

[1] Скоро после начала войны Жорж Вейль выступил в роли французского патриота. Он записался добровольцем во французскую армию, заявив, что будет сражаться под французскими знаменами против германского империализма. О Жорже Вейле см. интересную статью т. Зиновьева: «Случай Вейля и германская социал-демократия» (Г. Зиновьев. Сочинения т. V, стр. 43 — 46).

... «В случае, если война все же вспыхнет, долг пролетариата вмешаться, чтобы прекратить ее как можно скорее и утилизировать всеми своими силами экономический и политический кризис, созданный войной, чтобы возбудить народные массы до самых глубоких низов и вызвать падение капиталистического строя.

«Чтобы обеспечить осуществление этих мер, конгресс приглашает Социалистическое бюро добиться в случае международных конфликтов соглашения между рабочими партиями заинтересованных стран для совместного действия с целью воспрепятствовать войне».

Итак, большинство комиссии вместе с Жоресом, Вайяном и др. полагает, что Международное бюро имеет достаточно авторитета и силы, чтобы вызвать одновременно и в определенный момент народную «акцию» в странах, которым угрожает конфликт.

Наоборот, гедистское меньшинство дает недвусмысленно понять, что оно считает подобный взгляд химерой, что классовое самосознание и организация рабочих масс находятся в различных странах на разных уровнях, что равенства в этом отношении не существует, и что поэтому Международному бюро не удастся вызвать «всеобщую стачку» одинаковой силы в двух воюющих странах.

«Ваши мнимые средства для предотвращения зла опаснее, чем само зло, — восклицает Жюль Гед, обращаясь к Жоресу. — Вы отказались уже призывать к всеобщей забастовке специальные категории рабочих, чтобы не навлечь на них правительственную месть. Это прогресс, но этого нам недостаточно. Мы отвергаем вашу всеобщую забастовку для всех категорий рабочих. Вы не имеете права утверждать, будто она является могущественным средством для предотвращения войны. И разве вы в состоянии гарантировать, что в обеих воюющих друг против друга странах всеобщая стачка совершится одновременно и с одинаковой силой. Вы готовите разгром страны наиболее революционной, наиболее социалистической. Ваша всеобщая забастовка является актом измены по отношению к социализму. И вот почему мы поддерживаем нашу резолюцию, которая признает принцип интернационального единства, но единства в равных условиях, ибо мы не желаем содействовать неприятельскому вторжению, разгрому одной страны в пользу другой».

Итак, Гед формально стоит на точке зрения резолюций Штуттгартского, Копенгагенского, Базельского конгрессов и не желает допустить никаких изменений или дополнений к этим резолюциям.

Всеобщая забастовка во время войны опаснее-де, с точки зрения гедистов, чем сама война, ибо в данных условиях такая забастовка окончательно скомпрометирует дело национальной обороны и обеспечит разгром страны наиболее революционной, наиболее социалистической на пользу государства более отсталого, где пролетариат менее организован, менее сознателен.

Однако, все эти аргументы не разубеждают большинства. Обе резолюции вотируются, и конгресс большинством 1690 голосов против 1154 вотирует за единовременную

всеобщую забастовку на случай конфликта в странах, которым угрожает опасность войны.

По окончании голосования Жорес подходит к нашему столу. Он кладет руку на плечо Грюмбаха и уводит последнего с собой, дружески обняв его. Они о чем-то беседуют минут десять, затем Жорес возвращается к своим товарищам. Грюмбах рассказывает мне, что Жорес интересовался узнать, какое впечатление, по мнению Грюмбаха, решение конгресса произведет в социалистическом мире Германии. Поймут ли немецкие товарищи смысл и значение этой резолюции, чего ждет от них французский пролетариат на Венском конгрессе?

---

17 июля.

Атаки желтой прессы против Жореса. Комплименты по адресу Жюля Геда.

Желтая пресса продолжает яростные атаки против Жореса, некоторые газеты не находят слов для выражения своего негодования по поводу резолюции, принятой большинством конгресса. Жорес-де знает, что германский пролетариат не объявит всеобщей забастовки для предотвращения войны в случае осложнения международных отношений. Навязывая своей стране этот преступный метод борьбы за мир, Жорес преследует цель саботировать дело национальной обороны, помешать мобилизации французской армии и отдать Францию, связанной по рукам и ногам, во власть и на потеху наследственному врагу. Жорес — несомненный предатель, изменник родине, ренегат, наемный агент Германии. Наоборот, Жюль Гед — убежденный социалист, в честности и патриотизме которого нельзя сомневаться.

Однако, многие радикал-социалистические газеты очень спокойно пишут о конгрессе. «Резолюции конгресса не должны никого пугать»,— пишет L'Aurore. «Очень приятно констатировать, — замечает «Petite Republique», — что большинство и меньшинство конгресса подчеркнуло свой патриотизм, свое нежелание скомпрометировать чем-либо дело национальной обороны. Нельзя не радоваться, что исчезли элементы, которые, когда-то бравируя, присваивали себе эпитет «sans patrie». — В таком же духе пишет «Lanterne»: «Тщетно искали мы на конгрессе людей, не признающих отечества, гордящихся кличкой sans patrie. Таких святотатцев и богохульников «мы не нашли».

---

18 июля.

Алармистская телеграмма в «*Matin*»: Настроение на бирже.

Пресса продолжает писать по поводу разоблачений сенатора Эмбера. Некоторые газеты цитируют статью сотрудника по военным вопросам «Berliner Tageblatt» Моратта. По мнению последнего, Эмбер дал верную картину материального состояния французской армии, успокоительные же заявления Мессими — официальная фразеология по шаблону: «Все обстоит благополучно». Цифры Мессими, по мнению Моратта, не отвечают действительности: у Германии не 3370, а уже 3732 орудия. Французская армия значительно отстала от немецкой, и если даже предположить, что последняя несколько лет будет сохранять стационарное положение, Франции не нагнать Германии.

Сильное впечатление и в обществе и на бирже производит статья Жюля Гейдемана из Петербурга, напечатанная в сегодняшнем номере «Matin»: Россия сознает свою мощь и желает, чтобы эта мощь сделалась очевидной врагам. Такие действия, как посылка немецкой миссии Сандерса в Константинополь, как резкость языка германской прессы по отношению к России, не будут больше допущены петербургским правительством. Чаша терпения русского народа переполнилась. Улучшение русско-германских отношений невозможно. Этого не допустят ни противоречие экономических интересов России и Германии, ни смертельная и вечная славяно-германская вражда. Русская армия будет доведена с 1 200 000 чел. до 2 245 000 человек на мирном положении. Таким образом, Россия почти удвоит свою армию. К началу 1916 г. Россия будет обладать военными силами, далеко превосходящими все европейские войска. Россия сделается самой могущественной военной державой, какой еще не бывало в мире.

Таково содержание телеграммы Жюля Гейдемана в «Matin» «Провокационная статья», [1] говорят социалисты. «Неосторожная статья», говорят некоторые обыватели. — «Какой необдуманный шаг. Только вчера сенатор Эмбер закричал благим матом на всю Европу, что Франция теперь в этом году совершенно не готова к войне, и вдруг «Matin» публикует телеграмму о том, что зато в 1916 г. Россия будет сильнее всех стран в мире. «Хорошее утешение, быть беде» — вздыхают пессимисты.

«Войны не будет, — говорит мне один оптимист из русских товарищей. — Ведь телеграмма Гейдемана прошла через нашу цензуру. Если бы существовала опасность войны в близком будущем, не дозволили бы пугать германцев нашей мощью в . . .1916 г., не стали бы дразнить быка красной тряпкой».

Однако, на бирже настроение сегодня очень тревожное. Неделю тому назад настроение было более оптимистическое.

---

[1] О провокационных статьях такого рода в целом ряде французских и русских газет накануне мировой войны см. собрание сочинений т. V, стр. 199—205.

Известие о поездке Пуанкаре в Россию,[1] об улучшении австро-сербских отношений и т. п. содействовали остановке падения бумаг. Очевидно, были приняты какие-то искусственные меры, государственная рента поднялась было до 83. Теперь опять падение по всей линии. Говорят о тревожном положении в Англии в связи с обострением ирландского кризиса, о возможности гражданской войны в этой стране и т. д. Особенно потрясены главные французские банки. За истекшую неделю Парижский банк упал с 1405 фр. до 1357, т.-е. на 48 фр., Лионский Кредит с 1566 до 1535, т.-е. на 31 фр., банк Union Parisienne с 800 до 772, т.-е. на 28 фр., и т. п.

Однако, с русскими ценностями здесь на бирже устойчиво. Курс рубля 261 — 263 фр.

---

20 июля.

Новая телеграмма Жюля Гейдемана. Оптимизм Жореса.

В сегодняшнем номере «Matin», в связи с состоявшимся уже прибытием Пуанкаре в Россию, напечатана телеграмма из Петербурга Жюля Гейдемана о русской армии, но уже не о том, что будет представлять она... в 1916 г., а о той роли, какую сыграет русская армия, если война вспыхнет сейчас. Телеграмма так и носит заголовок «Si la guerre eclatait»... Оказывается, если сегодня вспыхнет война, русская армия, насчитывающая на мирном положении 44 корпуса, будет-де в состоянии, оставив часть корпусов на Кавказе, в Средней Азии и т. д., бросить против Германии и Австрии минимум 31 корпус. Стало-быть, не следует принимать слишком трагически разоблачения Эмбера в сенате. «Россию эти разоблачения не очень беспокоят. Через месяц во Францию отправится русская военная миссия, и тогда все уладится».

Эта телеграмма написана, очевидно, по заказу отсюда. «Алло, Алло! Что вы нам расписываете, какова будет сила русской армии в... 1916 г. Вы пугаете страну. Исправьте вашу оплошность!» Рад стараться! отвечает Жюль Гейдеман, и посылает успокоительную статью, которая должна ослабить впечатление, произведенное разоблачениями Эмбера о настоящем во Франции и росказнями «Matin» о будущем в России.

Да, «Matin» очень легко жонглирует словами: «война», «миллионные армии», «44 корпуса», «вторжение в Германию» и т. д. Очевидно, с точки зрения этой газеты, война с Германией, Италией и Австрией была бы для России и Франции простой военной прогулкой.

Совсем иначе к вопросу о перспективах войны относится Жорес. Он останавливается в сегодняшней своей передовице в «L'Humanité» на

---

[1] Прибытие Пуанкаре вызвало сильные рабочие волнения и манифестации в столице России. Эти манифестации были направлены одновременно и против французского правительства и являлись протестом против подготовлявшейся войны.

статье в газете «Journal des Debats» о тяжелых последствиях триполитанской авантюры для Италии, и говорит: «Как ничтожны последствия триполитанской войны для Италии по сравнению с теми последствиями для всей Европы, какие будет иметь великая континентальная война, в которой примут участие Англия, Германия, Австрия, Италия, Россия и Франция»... И он доказывает, что социалистическая партия исполняет свой священный долг, стараясь предотвратить подобную войну. Он верит в то, что рабочий интернационал, группирующий вокруг своего знамени 10 миллионов пролетариев в Европе, представляет собой громадную силу, которая в состоянии прогнать призрак войны. Клемансо пожимает плечами, слыша подобные фразы. Но старый Меттерних тоже пожал бы плечами, — замечает Жорес, — услышав словно о волшебстве, что в начале будущего столетия Интернационал, представляющий миллионы организованных рабочих всего мира, соберется в его Австрии. Волшебная игра истории!

«Мы собираемся на конгресс в том самом городе Вене, где несколько лет тому назад рабочие завоевали себе всеобщее избирательное право с помощью всеобщей стачки, к которой будто бы германский мир относится с пренебрежением, как средству борьбы, не имеющему никакого значения», заканчивает Жорес.

---

24 июля.

Австрийский ультиматум. Дело Кайо. Социальная подкладка процесса Кайо.

Вчера, в 6 часов вечера, австрийский посланник в Белграде передал сербскому правительству ультиматум по поводу убийства в Сараеве. Нота предусматривает 48-часовой срок для ответа.

Австро-венгерское правительство ожидает ответа до 6-ти часов вечера 12 (25) июля.

События неожиданно принимают грозный характер. Мы, может-быть, накануне войны.

Однако, французская пресса уделяет мало внимания этому ультиматуму, посвящая ему одну, две колонны, в то время как 20 — 30 колонн, а в некоторых газетах и больше, заполнены другим, более захватывающим вопросом — экстраординарным событием внутренней французской жизни.

Вообще вот уже три дня, как самые важные события внешней политики, австро-сербские отношения, прибытие президента Пуанкаре в Петербург и кровавые русские забастовки в столице России, принимающие при данных обстоятельствах характер крупного события, с точки зрения франко-русских отношений, затем ирландский кризис и т. п., все это отошло далеко на задний план в сознании французского общества перед великим эпизодом внутренней жизни Франции: процессом г-жи Кайо. Газеты посвящают целые страницы этому сенсационному делу, печатают портреты подсудимой, ее мужа, ее друзей, защитников обеих сторон,

судей, председателей суда, свидетелей по делу, жандармов, сопровождающих г-жу Кайо на суд, фотографию кареты, в которой подсудимую привезли в здание суда, и т. д. Да, не везет Пуанкаре. Только на третьей странице газет можно прочесть о торжественном приеме, который встретил его в столице союзной державы. Но много ли любопытных читают третью страницу...

Прилегающие к зданию суда улицы заполнены толпами народа. Возбуждение необычайное. Манифестации и контр-манифестации. «Да здравствует Кайо, да здравствует Кайо!», кричат одни, приветствуя мужа подсудимой. «Долой Кайо!», отвечают другие. «Ваш Кайо — прусский агент» — говорят одни. «Ложь, ложь!» — кричат другие. «М-me Кайо — проститутка», говорит кто-то. «Мерзавец! — отвечает ему сосед. — Вы позорите беззащитную женщину». Дело доходит до пощечин, ударов палками, кровопролитных драк между особенно горячими партизанами той и другой стороны. Да, теперь я начинаю представлять себе, что происходило во Франции во время дела Дрейфуса.

Суть дела Кайо сводится к следующему. Г-н Кайо, бывший министр, бывший кандидат в президенты республики, женат вторым браком на г-же Ренуар, с которой он был близок уже во время первого своего брачного сожительства с г-жей Гейдан. В руках этой г-жи Гейдан, первой жены Кайо, находятся письма последнего, в которых министр рассказывает свою жизнь, свои планы. Гейдан возвратила Кайо после развода эти письма, но предварительно сфотографировала их.

И вдруг в «Figaro» 13 марта появляется письмо интимного характера за подписью «Ton Jo» (твой Джо). Это письмо было в свое время адресовано Кайо г-же Ренуар, его теперешней жене, сидящей на скамье подсудимых... Г-жа Ренуар, по невыясненной на суде причине, отослала это письмо, как и некоторые другие письма обратно г-ну Кайо, который и спрятал всю эту корреспонденцию в ящик своего письменного стола. Но первая супруга Кайо зорко следила за своим мужем. С помощью поддельных ключей она выкрала эти письма, затем согласилась уничтожить их и сожгла их в присутствии мужа и третьего свидетеля. Но прежде, чем сжечь эти письма, хитрая г-жа Гейдан сфотографировала всю эту интимную корреспонденцию.

В «Figaro» появилось первое письмо из этой корреспонденции. Могли появиться и другие письма интимного характера.

Редактор патриотической газеты «Figaro» Кальмет, продажный журналист, находившийся на службе у банды финансовых космополитов, прошел, как доказал Кайо на суде, в директора этой газеты с помощью тех 288 акций «Figaro», которые были скуплены г. Байером, представителем Dresdener Bank. «Figaro», как об этом открыто говорилось в венгерской палате, получает ежегодную субсидию от венгерского правительства, согласно договору, подписанному «Figaro» с агентом венгерского правительства, г. Леопольдом Липшером.

Кроме того, «Figaro», как было установлено в рейхстаге, получает деньги и от Круппа. Благодаря этой близости к венгерскому правитель-

ству, к Дрезденскому банку, к Круппу, к германскому посольству в Париже, Кальмет, не имевший в 1888 г. никакого капитала, что видно из его духовного завещания за этот год, распоряжается в завещании от 27 февраля 1913 г. имуществом в 13 милл. фр.

Именно по поводу г. Гастона Кальмета Жорес вчера писал в «L'Humanité»: «Доказано самым решительным, неопровержимым образом, что один из крупнейших «патриотических» органов нашей печати входит в весьма выгодные сделки с немецкими банкирами и с венгерскими политическими группами, крайне враждебными нашей стране. Какими интригами минирована почва и как необходимо пролетариату организоваться, чтобы подняться против этого бесстыдного поведения шовинистов, которые готовы зажечь всемирный пожар, даже не имея в свое оправдание чувства национального фанатизма».

И вот этот самый Кальмет — продажный журналист, ведущий во Франции шовинистическую кампанию и нажившийся одновременно 13 милл. фр. на темных сделках с бандой финансовых космополитов, злейших врагов Франции — видя неудачу своей политической кампании против Кайо и возможность победы взглядов последнего в области реорганизации фискальной системы Франции, отбрасывает в сторону бесплодные аргументы против прогрессивно-подоходного налога и начинает травить министра, грозя опубликовать частную переписку последнего с бывшей «любовницей» его, а теперь законной женой — г-жей Кайо. Пресса не протестует против этого шантажа.

13 марта Гастон Кальмет приводит в исполнение свою угрозу и публикует первое письмо. Шантажист сознает, что он совершает поступок, который идет в разрез с установившимися литературными нравами, с элементарными правилами литературной этики, и он пишет в свое оправдание, желая ослабить негодование, которое естественно вызовет его поступок: «С глубоким сожалением я привожу этот позорный документ. Клянусь моей честью, что в первый раз за 30-летие моей газетной деятельности я публикую частное письмо очень интимного характера против воли его автора; мое достоинство страдает от этого шага. Я извиняюсь перед теми, кого мой поступок огорчит. Итак, это частное письмо очень интимного характера».

Само собой разумеется, что это не сожаление о некрасивом поступке, который приходится совершить в высших интересах страны, а попросту лицемерная выходка, имеющая целью еще более заинтересовать публику готовящимся разоблачением и поднять тираж газеты.

Как бы то ни было, первое письмо, купленное за 30 000 фр., опубликовывается. Скоро появятся и другие письма. Но во Франции все приобретает драматический характер. Г-жа Кайо-Ренуар отправляется в помещение газеты, сидит в приемной некоторое время, затем ей удается пройти в кабинет главного редактора, и несколькими выстрелами из револьвера она убивает человека, опозорившего ее честь. И вот по обвинению в этом преступлении она теперь сидит на скамье подсудимых.

Г-жа Кайо—женщина выше среднего роста, блондинка. Она вся одета в черное. Лицо бледное, глаза утомленные, отражающие муку бессонных ночей в тюремной камере. Она далеко не красавица, как представляли себе ее многие. На вид ей лет сорок. Это обыкновенная французская буржуазная женщина, дорожащая прежде всего честью своего семейного очага, честью и положением мужа, перед которым открывалась такая славная будущность, а в особенности судьбой своей дочери. «Моя дочь, моя дочь!» несколько раз восклицает она, объясняя, почему она так боялась опубликования этих интимных писем, из которых явствует, что до замужества она была метрессой своего будущего мужа. Г-жа Кайо хорошо говорит и порой подымается до истинного красноречия.

Но разве дело в г-же Кайо. Будь она женой рядового обывателя и убей она любого журналиста за опубликование ее частной переписки интимного характера, нашлось бы очень мало людей, которые бросили бы в нее камнем. «Помилуйте, нет житья от этих продажных журналистов, это мародеры, шантажисты, пролезающие в спальню, опубликовывающие ваши альковные тайны», повторяли бы тысячи и тысячи людей, но когда сегодня кто-нибудь в толпе высказывает подобные мысли, ему отвечают: «Вы сторонник Кайо!».

И, действительно, все дело в г-не Кайо, а не в его жене, даже более того, не столько в нем самом, сколько в подоходном налоге, защитником которого является Кайо. «Это политический процесс, — пишет Артур Майер в «Gaulois».—Стоите ли вы за подоходный налог или против него? Сочувствуете ли вы закону о трехлетней военной службе? Одобряете ли вы нынешнюю систему союзов и соглашений или нет? Дело в этих вопросах и ни в чем другом».

Кайо — умный, энергичный, честолюбивый человек. Он профессиональный политик, может-быть, беззастенчивый в выборе средств. Но это один из самых выдающихся деятелей современной Франции, человек, стоящий целой головой выше многих других блестящих представителей французской буржуазии. Это призванный вождь радикал-социалистической партии, которую он ведет за собой. Жорес и Кайо — два самых ненавистных человека во Франции в глазах правых партий. И трудно сказать, кого больше ненавидят некоторые правые элементы — Жореса или Кайо?

Два тяжких преступления ставятся Кайо в вину.

Кайо — «сторонник» Германии. Он уверяет и в частных беседах и на заседаниях министров, что Германия страшно сильная в военном отношении держава, и что нужно все сделать, лишь бы избежать конфликта с этой могучей страной. Он готов отдать добрую половину африканских владений Франции, лишь бы добиться окончательного примирения с Германией. Это он в 1911 г. уступил Германии после coup d'Agadir громадную территорию в Конго протяжением в 250 000 километров и отдал врагу пресловутые территориальные полосы «щупальцы», открыв немцам доступ к бельгийскому Конго. И за эти свои услуги Вильгельму этот «продажный» министр получил-де от германского императора щедрые денеж-

ные подарки, а его жена — роскошную корону стоимостью в 750 000 фр., оплаченную также императором Германии.

Правда, немецкая пресса заявляла, что германская дипломатия дала себя одурачить, что она в обмен на никому ненужные территории в глубине Африки отдала Франции право на овладение богатым и имеющим колоссальное значение Марокко. Правда, пангерманисты жаловались, что Германия неизвестно с какой целью содержит самую сильную армию в мире и многочисленный флот, которые не спасают ее от таких унижений, каким является постыдный договор с Францией об уступке немцам конгского болота в награду за «миролюбивую» политику, — но это не мешало французским шовинистам кричать, что Кайо продал Вильгельму лучший кусок французской Африки, что он — немецкий агент и проч., и проч.

Бывали случаи, когда в палате депутатов во время речи Кайо из лож для публики раздавались: «Кайо-Конго, Кайо-Конго, в Берлин, в Берлин!». При одной из таких манифестаций в палате присутствовала г-жа Кайо, и это сильно подействовало на любящую своего мужа женщину, загипнотизированную мыслью о том, как бы положить предел гнусной травле, жертвами которой являлись она и ее муж.

Но Кайо не только немецкий агент, орудие в руках Вильгельма в области иностранной политики Франции.

Преступна внешняя политика этого министра, но еще более преступна и ужасна по своим последствиям его внутренняя политика. Кайо — «враг богатых людей», более того, он враг всех французских граждан, имеющих какое-либо состояние, одним словом, он самый-де опасный человек в стране. Это он с помощью социалистов и немецких агентов свалил Барту и занял пост министра финансов, чтобы привести в исполнение свой преступный план и ввести во Франции прогрессивный подоходный налог; это он с парламентской трибуны грозит буржуазии революцией, если они не пойдут на уступки духу времени, и, таким образом, провоцирует народные массы к восстанию.

Действительно, Кайо — «непримиримый враг» крупных рантье, Кайо понимает, что Франция с ее колоссальными государственными и военными расходами, с ее бюджетом в 5 миллиардов фр. не может избегнуть системы прогрессивно-подоходного налога, существующей уже в Германии и в Англии, и он борется за введение этой фискальной системы в своей стране. В этом вся его вина, все его преступление. И только в результате этого посягательства на доходы французских рантье разыгралась вся эта роковая драма, которая и привела г-жу Кайо, жену бывшего премьер-министра, бывшего кандидата в президенты республики, на скамью подсудимых.

---

25 июля.

Австрийский ультиматум и паника на бирже...

Публика и значительная часть прессы отнеслись вчера без достаточного внимания к австрийскому ультиматуму, поглощенные процессом Кайо. Однако, парижская биржа ответила на этот акт австрийского правительства необычайным падением всех ценностей, попросту говоря — паникой. Государственная 3% рента пала ниже 80 фр. — курс, на котором она не стояла уже более 35 лет. Акции крупных банков пали на 30 — 50 фр., русские ценности на 50 — 100 фр. Сегодня паника на бирже продолжается. Падение стало еще сильнее, когда были получены сведения о падении бумаг на венской и берлинской биржах. Многие бумаги уже не котируются, так как имеются только предложения продать их и ни одного предложения купить. Самые прочные ценности летят вниз. На бирже у всех растерянные лица. Вот перед мною пробегает какой-то человек со шляпой в руке, весь обливаясь потом: «Я разорен, я разорен» бормочет он. По словам старожилов, даже во время ужасных дней «страшного года» (1871) биржа не была ареной таких сцен, как вчера и сегодня. Нужно вернуться к июню 1848 г., т.-е. к событиям, имевшим место 56 лет тому назад, чтобы найти аналогию той амплитуде падения, той степени понижения ценных бумаг, свидетелями которого мы являемся сегодня. Вся биржа, биржевые агенты, «coulissiers» были охвачены паническим, бессмысленным страхом. Требования из всех пунктов получались одни и те же: «Продавать! продавать!». Если бы не были приняты экстраординарные меры, неизвестно, что произошло бы. Некоторые газеты указывают, что война еще не началась, а парижская биржа уже потерпела поражение. Однако, не таково ли положение в Австрии и Германии?

Крайне характерно, что почти все бумаги, котируемые на бирже, упали несравненно ниже, чем накануне и в момент балканской войны. Вот извлечение из таблицы, которую публикуют вечерние газеты.

	30 сент. 1912 г.	10 окт. 1913 г.	18 июля 1914 г.	25 июля 1914 г.
	Накануне войны.	Балканская война		
3% фр. рента.	90 40	88 62	82 07	79
Русск. конс. з.	94 —	88 55	87 —	78
Франц. банк .	4 450	4 395	4 380	4 300
Париж. банк .	1 763	1 605	1 357	1 100

Итак, с точки биржи, международное положение сейчас гораздо серьезнее, чем во время балканской войны. В самом деле, если теперь вспыхнет пожар на Балканах, его уже нельзя будет локализовать.

Вся пресса посвящает передовицы австрийскому ультиматуму, при чем многие газеты начинают свои статьи с сообщений о необычайной панике, разразившейся вчера на бирже, с указаний на экстраординарный факт падения 3% ренты до 78.

Однако, все же газеты на $^3/_4$ заполнены стенографическим отчетом всех речей, произносящихся на суде, подробностями сенсационного процесса, описанием поединка на суде между Кайо и Барту, новым инцидентом по поводу интимных писем и т. д., и т. д.

---

26 июля.

Отношение австрийских и немецких социалистов к войне.

Вчерашние вечерние сообщения и слухи об окончательном разрыве дипломатических сношений между Австрией и Сербией, о том, что австро-венгерский посланник вместе с чинами миссии выехал в 5 ч. 20 м. из Белграда, подтвердились.

Волнение в правительственных кругах, в мире журналистов, в прессе, в обществе усиливается, и даже сенсационный процесс Кайо не в состоянии заглушить у тысяч и тысяч людей чувства тревоги уже не по поводу намерений австро-венгерского, а германского правительства. Сообщения о демонстрациях в Берлине против России, о необычайном энтузиазме в столице Германии при известии о разрыве австро-сербских отношений тревожат даже наиболее оптимистически настроенных людей. Уже никто не делает, как прежде, оптимистических заключений из факта поездки в Россию в такой момент президента республики Пуанкаре и премьер-министра Вивиани. Прежде в ответ на алармистские сообщения оптимисты отвечали: «У правительства имеются такие сведения, которых у нас быть не может. То обстоятельство, что президент республики после сараевского убийства отправился в дальнее путешествие, в особенности тот факт, что глава страны и президент совета министров продолжают свою церемониальную поездку по скандинавским странам, и не прерывают своей прогулки, ясно доказывает, что опасность европейской войны не так близка, как кажется многим». Теперь подобные резонные соображения никого не успокаивают. Наоборот, слишком затянувшееся отсутствие Пуанкаре и Вивиани вызывает всеобщее недоумение и лишь усиливает тревожное настроение. Из всех уст слышишь крылатое слово Клемансо: «Без правительства». Вчера бывший президент совета министров писал в своей передовице: «Момент выбран Австрией очень удачно... Болгария превратилась в ее вассала... Англия на краю гражданской войны... Россия не готова к войне. Мы также. Затруднительность нашего положения усугубляется еще тем, что мы сейчас очутились *без правительства.* Пуанкаре вместе с Вивиани находятся в заграничном плавании, и их путешествие по скандинавским странам удержит их вдали от нас еще в течение целой недели. Надо сознаться, что эти государственные люди не очень удачно выбрали для своего путешествия время».

«Предусмотрительные у нас государственные люди», повторяют сегодня десятки людей... Французская конституция совершенно не предусмотрела случая длительного отсутствия, долгих «морских прогулок», как

выражается Клемансо, министра иностранных дел, президента совета министров, президента республики. Многие крайне важные акты не могут быть сейчас приведены в исполнение без подписи этих высших представителей французского правительства, необходимых в данный момент для правильного функционирования национальной жизни и обеспечения национальной обороны.

«Пуанкаре и Вивиани отправились в путешествие, когда положение было далеко не спокойным. Они могли предвидеть возможность осложнений, но они ничего не предусмотрели». Вот жалобы, которые слышишь со всех уст.

Австрийские и германские социалисты готовятся к энергичным действиям против войны. По сообщению «L'Humanité», венский «Arbeiter Zeitung» опубликовал манифест австрийских депутатов социалистов к пролетариату по поводу намерения правительства объявить войну Сербии, с призывом бороться за мир. В Берлине назначены на вторник многочисленные митинги против войны.

«Vorwärts» печатает передовицу, в которой говорится между прочим:

«Австрийский ультиматум представляет собой такую гнусность, что сербское правительство, которое униженно отступит перед подобной нотой, рискует быть повергнуто в прах сербским народом.

«Австро-венгерское правительство не приводит никаких доказательств, но для фанатических подстрекателей к войне дело идет не о вопросе права, а о вопросе силы.

«В Берлине играют столь же опасную игру, как и в Вене. В виду приготовления пролетариата, немецкое правительство обязано, если оно желает сохранения мира, утихомирить беснующихся венских вояк».

Жорес в своей передовице цитирует эту статью «Vorwärts» и призывает социалистов всех стран удвоить свои усилия, чтобы просветить общественное сознание и противопоставить международную пролетарскую солидарность призраку страшной катастрофы, надвигающейся на весь мир.

Понедельник, 27 июня.

Манифестация против войны на больших бульварах.

Положение менее тревожное, чем вчера. Шансы на мирное разрешение австро-сербского конфликта несколько увеличились. «Война не объявлена. Военные действия не начались. Можно надеяться на сохранение мира», печатает жирными буквами «Matin». «Австрия не объявила войны» печатает «Journal». В таком же тоне пишут другие газеты. Во всяком случае, положение серьезное. Россия не может допустить, говорят французские газеты, чтобы Австрия раздавила Сербию. Но в тот день, когда Россия вступится за покровительствуемую ею славянскую державу, Германия в силу союзного договора обязана притти

на помощь. Тогда наступит очередь для Франции сдержать свои союзнические обязательства.

Вся надежда на то, что Австрия под влиянием Германии пойдет на уступки.

«Луч надежды» озаглавливает Жорес свою сегодняшнюю передовицу, говоря о возможности предотвращения войны. «Пролетарии всех стран знают, — заканчивает он свою статью, — что они могут опереться на всех людей с благородной совестью и здравым умом в кампании против войны, кампании, которую они повсюду организуют и усиливают при поддержке экстренно созванного Международного социалистического бюро».

«L'Humanité» печатает обстоятельные извлечения из манифеста австрийских социалистов. Трудно читать этот документ без волнения. Осуждая сараевское убийство и действия сербских шовинистов, манифест в то же время в самых сильных выражениях бичует разбойничью внешнюю и внутреннюю политику австро-венгерского правительства, деспотический режим, царящий во всей империи, и заканчивает заявлением солидарности сознательного австрийского пролетариата с пролетариатом всех стран и особенно с сербскими социалистами. «Мы объявляем торжественно, что мы партизаны цивилизаторской работы международного социализма, которому мы остаемся верны в жизни и в смерти».

Ирландский кризис обостряется. В Дублине произошло первое кровопролитное столкновение между волонтерами и националистами, противниками гомруля, и правительственными войсками, желавшими помешать выгрузке оружия на берег. Среди националистов 4 убитых, 20 раненых. Нужно сказать, что «патриоты» выбрали очень подходящий момент для начала своих вооруженных действий. Если бы подобный акт совершили рабочие, сколько поднялось бы криков о «немецких» деньгах, о «заграничных» подстрекателях и проч., и проч. Навряд ли эти внутренние дела будут в данный момент содействовать престижу английского правительства и той посреднической конференции из четырех держав (Германии, Великобритании, Франции, Италии), которую, как сообщают сегодня газеты, Эдвард Грей проектирует созвать для воздействия на петербургский и венский кабинеты с целью побудить Россию и Австрию согласиться на взаимные уступки.

Националистические шайки выпущены на площади Берлина и Вены для шовинистических манифестаций и криков: «Долой Россию! Да здравствует война!». И здесь, в Париже, начиная с воскресенья, появились националистические банды, которые проходят по улицам с пением Марсельезы и порой с криками «на Берлин». Отношение окружающей толпы к этим шайкам индиферентное, а порой неприязненное.

В виде протеста против этих шовинистических манифестаций генеральная конфедерация труда решила организовать ряд контр-манифестаций. В Bataille Syndicaliste был опубликован сегодня утром манифест, призывающий всех рабочих и вообще все население Парижа, враждебное войне, явиться к 8 часам вечера на бульвары и демонстрировать свое желание мира: «Придите все с криками «Долой войну!», Бельвилль, Мон-

март, Менильмонтан, С.-Антуан, Монпарнасс—все кварталы и предместья Парижа, покажите, что вы не отреклись от ваших прежних славных традиций. Пусть народный поток, вырвавшийся из предместий, зальет сегодня вечером все центральные кварталы города и потопит бессмысленные шовинистические провокации. Это наш единственный залог мира».

Вместе с несколькими знакомыми я поехал на большие бульвары. Между предместьем Пуассоньер и улицей Монмарт особенно густые толпы народа и сильное волнение. Манифестанты стараются собраться около здания газеты «Matin», где каждый час при помощи транспарантов сообщаются последние новости дня, возбуждающие в данный момент такой интерес. Повсюду стоят полицейские кордоны, но все же один по одному или маленькими кучками тысячи манифестантов собираются около «Matin». Слышно пение Интернационала, раздающееся все громче и громче. Порой манифестанты прерывают пение, и тогда из тысячи грудей раздается крик: «Долой войну! Долой войну!» Манифестация в пользу мира перед зданием «Matin» принимает очень импозантный характер...

Вдруг неподалеку от нас завязывается драка. Многие бросаются в ту сторону, где идет бой. Оказывается, сюда же пробилась сквозь толпы народа компактная группа националистов, которая устроила патриотическую контр-манифестацию. И в самом деле раздается громкое пение Марсельезы и слышны крики «Да здравствует армия!», затем еще громче раздается пение Интернационала, заглушая патриотический гимн. Неожиданно появляются республиканские гвардейцы с блестящими касками, украшенными длинными и густыми конскими хвостами. Сидя на сытых, здоровых лошадях, гвардейцы врезываются в толпу и давят тех, кто не успел отбежать в сторону. Затем быстрыми шагами с решительным и свирепым видом идут атлеты из полицейских центральных бригад, пуская в ход кулаки и беспощадно избивая всех, кто не подчиняется моментально приказу «Circulez, circulez» (Проходите дальше). Полицейские офицеры идут с обнаженными саблями, рядом с ними комиссары в штатском, отдающие приказания подчиненным им полицейским бригадам. Наконец, весь тротуар перед зданием «Matin» очищен. Здесь располагается отряд пеших республиканцев с ружьями к ноге. Очевидно, полиция решает занять важную позицию большими силами и не допускать к этому пункту. Интернационалисты отступают, но манифестация не прекращается. Наоборот, теперь она принимает особенно бурный характер. Тысячи и тысячи людей с пением Интернационала двигаются по бульвару Пуассоньер до улицы Друо. Навстречу появляются патриотические группы, созванные для контр-манифестации различными шовинистическими организациями. Однако, противников войны очевидно гораздо больше; Интернационал доминирует над Марсельезой и заглушает последнюю. Крики «Долой войну! Да здравствует мир!» раздаются все громче и громче. Сыплются направо и налево кулачные и палочные удары: каскетки, котелки, цилиндры летят на землю. Интернационалисты и патриоты приходят все в большее и большее раздражение друг против друга. Бессильная прекратить манифестацию и заглушить и пение Интернационала и эти крики: «Долой

войну! Да здравствует мир!» полиция, явно симпатизирующая патриотам, начинает терять хладнокровие. Атаки полицейских и конной гвардии становятся все чаще и ожесточеннее. Чувствуется, что даже лошади становятся более нервными и раздраженными. Они громче фыркают, ржут, бьют копытами, как бы ожидая, что вот-вот их снова заставят въехать на мостовую и бросаться из стороны в сторону. Наконец, к 11 часам вечера полицейские начинают с особой энергией хватать всякого подвернувшегося им под руку обывателя и тащат его в участок, избивая по пути. Каждую минуту влекут того или другого гражданина, порой без шляпы, с окровавленным лицом и в истерзанном виде. Рабочие бросаются, чтобы освободить арестованного, но это редко удается... К полуночи манифестация прекращается, но движение еще сильно на бульварах. Полиция приказывает закрыть все бары, кафе, рестораны, куда укрылись многие манифестанты. Постепенно бульвары пустеют.

К 2 часам ночи я возвращаюсь домой. Хотя я не получил ни одного удара, но все тело у меня болит от давки и толчков во время движения в густой толпе...

---

28 июля.

Надежды на возможность устранения международного конфликта. Приговор по делу Кайо. Манифестации.

Оказывается вчера, ночью, было арестовано более 500 человек по обвинению в отказе «Circuler» (Разойтись), в оскорблении армии, в бунтовщических криках, в нанесении ударов полицейским и т. д.

У некоторых комиссаров оказались «глубокие укусы» на руках. Почему-то многие газеты уделяют особое внимание жертвам своего долга и называют даже имена тех полицейских чинов, у которых руки оказались искусанными. По сообщениям «L'Humanité», «Guerre Sociale», «Bataille Syndicaliste», многие арестованные подверглись в полицейских участках избиению и были нещадно «passes à tabac» по французскому выражению.

Сегодняшний номер газеты Эрве вышел с заголовком, набранным жирными буквами: «Долой войну». В передовой статье «На краю пропасти» Эрве говорит, что война надвигается, и что социалистический Интернационал, к несчастью, не будет в состоянии убить войну.

Однажды вечером орел гордо летал по поднебесью.
Как вдруг сильный удар ветра сломил ему крылья.

«Война в защиту маленького народа против большого — восклицает Эрве. — Это было бы слишком красиво. Но разве есть хоть одна великая нация в Европе, у которой руки не были обагрены кровью. Нет, это не война для защиты маленькой Сербии, это война, чтобы спасти престиж нашего союзника, царя...

Лучше порвать нам оборонительный союз с Россией, чем следовать за ней в наступательной войне против Австрии». [1]

Затем «La Guerre Sociale» протестует против вчерашних полицейских бесчинств по отношению к рабочим, демонстрировавшим свой ужас перед всеевропейской войной, которая подготовляется правительствами. Правительство должно дать компенсации рабочему и социалистическому Парижу, и эту компенсацию газета Эрве видит в официальном разрешении пролетариату устроить грандиозный пацифистский кортеж по всем большим бульварам столицы. И газета доказывает, как это было бы полезно в интересах мира, если бы удалось организовать в одно прекрасное воскресенье внушительный кортеж из 100 000 республиканцев или социалистов, которые засвидетельствовали бы перед всем миром, что республиканская и социалистическая Франция хочет мира, и что она желает перед лицом возмутительной войны остаться солдатом мира и человечности.

Все эти статьи, где Эрве доказывает, что кортеж в 100 000, разрешенный полицией, может помешать войне, все эти надежды убедить правительство разрешить такую манифестацию свидетельствуют лишь о полной растерянности редакции газеты, о полном непонимании ею серьезности положения. Сами эти слова: «на краю пропасти» и «мирный кортеж, разрешенный полицией» совсем не вяжутся между собой.

Сегодня «L'Humanité» опубликовывает одновременно два манифеста немецкой и французской социалистических партий. Французский манифест начинается словами:

«Анархия, неразрывно связанная со всем социальным порядком, конкуренция капиталистических групп, колониальные захваты, интриги и насилия империализма, политика грабежа со стороны одних, политика «надменности» и «престижа» со стороны других создали во всей Европе в течение последних десяти лет крайне напряженное состояние, постоянную и все возрастающую опасность войны. Эта опасность войны внезапно усилилась, благодаря агрессивному шагу австрийского правительства».

Затем манифест призывает рабочих к организации митингов в пользу мира и сообщает, что завтра в Брюсселе соберется Международное бюро для организации единовременной и согласованной борьбы во всей Европе против опасности войны.

Немецкий манифест подчеркивает, что правящие классы, эксплуатирующие пролетариат в мирное время, желают теперь превратить народные массы в пушечное мясо, и призывает рабочий класс к манифестациям против войны. Пусть повсюду раздается ваш крик: «Долой войну! Да здравствует международное примирение!».

«L'Humanité» публикует резолюцию Сенского федерального совета социалистической партии, призывающего все группы и секции организовать в своих районах митинги, собрания для подготовки к актам, которые

---

[1] Все эти фразы не помешали Эрве стать после начала войны самым рьяным шовинистом и проповедывать войну до окончательной победы.

будут решены завтра Международным бюро для окончательного обеспечения международного мира.

Оба манифеста, французский и немецкий, статьи немецких и французских газет с этими призывами к организации многочисленных собраний, митингов протеста, пацифистских кортежей и т. д. производят очень слабое впечатление по сравнению с решительным тоном итальянских социалистических и синдикалистских газет. Итальянская революционная пресса заявляет самым энергичным языком, что вмешательство Италии на стороне Австрии и против Франции не будет допущено итальянским пролетариатом, который не остановится перед самыми крайними мерами, чтобы заставить правительство полуострова сохранить полный нейтралитет. Очень характерна статья, напечатанная в «Avanti» центральным органом социалистической партии, статья, носящая характер ультиматума по адресу правительства. «Если итальянское правительство по собственной инициативе не займет позиции строжайшего нейтралитета в надвигающемся конфликте, пролетариат сумеет заставить правительство соблюсти этот нейтралитет», говорит «Avanti». Вообще, вся социалистическая пресса Италии подчеркивает, что выступление Италии против Франции немыслимо, и что итальянское правительство обязано разорвать свой договор с Германией и Австрией и выйти из тройственного союза. Война против Франции равносильна объявлению революции в Италии, всеобщему восстанию пролетариата на всем Аппенинском полуострове против правительства.

Тон итальянской прессы таков, как-будто европейская война уже неизбежна. Однако, здесь, во Франции, многие надеются на возможность мирного улажения конфликта.

Жорес в сегодняшнем номере «L'Humanité» также высказывает надежду на возможность предотвратить войну. «Надвигающаяся катастрофа, — говорит он, — до того ужасна, что невозможно верить в существование таких безумцев или преступников, которые рискнули бы вызвать эту катастрофу. Социалистический пролетариат возвышает свой голос протеста. Он собирается придать своему действию возможно большие силы и интернационалистической согласованности; пролетариат мог быть захваченным неожиданной бурей, но он не даст себя поколебать и окажется на высоте испытания». В заключение своей статьи Жорес говорит о посредничестве четырех держав, он возлагает надежду на благотворные результаты этого посредничества. «Даже если Австрия доведет свое преступное помешательство до того, что ответит войной на сербские уступки, европейское посредничество остается силой, с которой воюющие страны должны будут считаться».

Однако, в мире журналистов говорят, что Германия решительно отклонила предложения Грея и отказалась присоединиться к английской инициативе о созыве международной посреднической конференции. По проекту Грея, эта конференция должна была состоять из четырех держав, непосредственно не заинтересованных в австро-сербском конфликте, именно из Франции, Англии, Германии, Италии. Австро - сербский

конфликт отходит на задний план, и перед Европой встает призрак австро-русской, стало-быть, и всеевропейской войны.

6 часов вечера. Положение как-будто улучшается. По сообщению «Temps», в правительственных кругах в Берлине усиливается оптимистическое настроение. Из Лондона телеграфируют, что Германия согласилась принять участие в посреднической конференции, предложенной Греем.

На бирже почти никаких сделок. Кулиса не работает вовсе. Продажи на срок, согласно постановления синдиков биржи, не производится.

Сегодня последний день процесса Кайо. Интерес публики к этому процессу не падает, а усиливается, несмотря на всю опасность международного положения. Говоря со многими людьми, слушая их разговоры, трудно определить, что больше волнует тысячи французов: исход процесса Кайо или международных осложнений. Вчера г. Кайо представил суду текст завещания Гастона Кальмета, ясно подтверждающий все обвинения Кайо против главного редактора «Figaro», как против шантажиста, нажившего миллионы всякими темными средствами.

Перед зданием суда и на всех прилегающих улицах волнение необычайное. Ждут решения суда. Рядом со мной два юриста спорят об исходе процесса. «Г-жа Кайо будет, без всякого сомнения, осуждена, — говорит один из них. — Может-быть, будут признаны смягчающие вину обстоятельства, но обвинительный приговор несомненен, и супруге бывшего президента совета министров не миновать долголетней тюрьмы». Другой отвечает: «Значит, вы хотите начать новое дело Дрейфуса и держать страну в течение многих лет в непрерывном волнении, и это в тот момент, когда нам грозит внешняя опасность. Хороши патриоты! Гастон Кальмет совершил тяжкое преступление. Закон бессилен против таких преступников печати и обеспечивает виновникам их полную безнаказанность. Что же удивительного, что отдельные личности, не находя себе защиты против возмутительного шантажа по отношению к ним, против вторжения прессы в их частную жизнь, в их интимные дела, прибегают к самосуду. Это печальный, но неизбежный результат падения нравов нашей журналистики. Если г-жа Кайо будет признана виновной, ей грозит или смертная казнь или долголетнее одиночное заключение. Наказание не будет соответствовать степени ее вины, если последняя имеется налицо. Стало-быть, нет другого исхода, как оправдать обвиняемую»... Многие соглашаются с этой точкой зрения. Но не везде подобные споры проходят мирно. И сегодня, как и в прошлые дни, там и здесь вспыхивают драки...

В 10 час. вечера суд вынес приговор. Г-жа Кайо признана невиновной и освобождена от всякого судебного преследования. Когда председатель суда прочел приговор, в зале, как рассказывают присутствующие, поднялся невероятный шум. Часть публики аплодировала, другая часть начала кричать: «Разбойники, убийцы!». Один адвокат, обернувшись в сторону судей, кричал: «Да здравствует Франция. Долой продажных судей!». Председатель суда, во избежание драки, приказал немедленно очистить зал от публики. И на улице публика манифестирует свое отношение к оправдательному приговору. Раздаются свистки и крики: «Позор!» «Долой

Кайо!» «Убийца!», и т. д. Но преобладает радостное настроение. В ответ на крики: «Долой Кайо!» толпа кричит: «Да здравствует республика, да здравствует Кайо!». И этот клич становится все громче и громче и заглушает свистки и голоса противников. Дело не обходится без драки. В толпе несколько раненых. В $10^1/_2$ часов весь бульвар и прилегающие к зданию суда улицы находятся как бы во власти граждан, сочувствующих оправдательному приговору. Криков «Долой Кайо!» уже не слышно.

Еду на большие бульвары. По дороге беседую с одним гражданином. «Я не сторонник г-жи и г-на Кайо, — говорит он, — но, по моему мнению, хорошо, что вся эта история, наконец, кончилась. Увидите, через два дня о всем этом деле забудут и тем лучше. У нас слишком много других тревожных вопросов на очереди. Как выйдем мы из этого международного кризиса? Нужно, чтобы вся страна сосредоточила сейчас все свое внимание на внешней опасности. Между тем, дело Кайо отвлекало внимание миллионов граждан от других более серьезных в данный момент проблем».

На больших бульварах толпы народа дефилируют перед редакциями газет в ожидании новостей. Говорят об официальном объявлении войны Австрией Сербии. Настроение очень тревожное. Пессимисты ждут с минуты на минуту объявления австро-русской войны, оптимисты, наоборот, успокоительного известия об окончательном присоединении Германии к посреднической конференции.

Тротуар перед зданием «Matin» изолирован от толпы густым кордоном полицейских и республиканской гвардии. Очевидно, полиция боится манифестаций против войны, подобно вчерашним, но в общем таких манифестаций не было...

Перед помещением газеты «Figaro» произошли манифестации по поводу оправдательного приговора, являющегося как бы обвинительным вердиктом по отношению к газете. Сюда явились сторонники последней, потерпевшие поражение на бульваре и улицах, прилегающих к зданию суда. Здесь в течение некоторого времени раздавались их крики: «Долой Кайо!» «Долой убийцу!», но затем и сюда явились республиканцы с криками «Да здравствует республика!» «Да здравствует Кайо!». Произошли многочисленные драки. Наконец, полиция разогнала и тех и других манифестантов, при чем произвела аресты. В числе арестованных Морис и Жан Ростан, сыновья автора «Сирано де Бержерак», кричавшие «Долой Кайо!» «Долой убийцу!» «Да здравствует Кальмет!» и не желавшие подчиниться приказу полиции разойтись.

В 12 часов тишина воцаряется на всех улицах.[1]

---

[1] Во время мировой войны Кайо был предан суду по обвинению в государственной измене за попытку добиться прекращения войны. После войны Кайо написал ряд книг, из которых особенную известность приобрела книга «Куда идет Франция, куда идет Европа», критикующая Версальский мир и всю политику французских империалистов. Амнистированный правительством Эррио в июне 1924 г. Кайо вскоре после того (в апреле 1925 г.) был назначен мини-

29 июля.

Австро-сербская война. Декларация французской парламентской социалистической партии.

Австрия объявила войну Сербии. . .

Здесь принимаются уже чрезвычайные меры охраны всех мостов и полотна железных дорог. Высшие военные власти совещаются. В официальных кругах открыто говорят, что положение очень серьезное. Австро-венгерские и германские подданные спешно покидают Париж, возвращаясь на родину.

Тем не менее, многие газеты высказывают мнение о возможности предотвращения европейской войны. «Австро-сербская война объявлена. Но европейскую войну, может-быть, еще удастся предотвратить. Спокойствие России составляет в данный момент гарантию европейского мира». «Уверяют, что Австрия ограничится военной демонстрацией» большими буквами печатает на первой странице «Matin». В таком же успокоительном оптимистическом тоне пишут и многие другие газеты, обычно алармистские.

Парламентская социалистическая фракция печатает декларацию по поводу австро-сербской войны и возможных последствий этого события.

Фракция высказывает свое убеждение, что вооруженное вмешательство России может лишь ухудшить зло, не принеся никакой длительной и положительной пользы несчастной Сербии, независимость которой подвергнется окончательной опасности.

Фракция убеждена, что вмешательство России сыграет лишь на руку агрессивному германскому империализму, который, кажется, выбрал удобный момент, чтобы совершить беспримерное насилие и который в один день увидит, как грубая сила, которой он злоупотребляет, повернется против него.

Фракция полагает, что все усилия Франции и Европы должны быть сосредоточены на достижении успеха посреднической конференции, предложенной Англией, и что всякое вооруженное вмешательство России может лишь повредить этому мудрому и благородному плану. Помимо того, фракция считает, что Франция, которая в течение 40 лет подчиняла свои требования относительно Эльзас-Лотарингии высшим интересам мира, не может дать себя увлечь в войну из-за России и Сербии.

Социалистическая парламентская группа провозглашает во всеуслышание, что лишь сама Франция может располагать Францией, что ни в коем случае последняя не может быть вовлечена в страшный конфликт в силу более или менее произвольного толкования тайных договоров и подпольных обязательств, и что Франция должна сохранить полную свободу действий для воздействия на Европу в смысле политики мира.

стром финансов в кабинете Бриана-Пенлеве. На этом посту Кайо выступил как представитель интересов богатых классов и крупных рантье, против которых он недавно так яро выступал, и вместе с тем как один из проводников французской захватной политики в Марокко (война с риффами).

Парламентская социалистическая группа уполномочивает свое бюро войти в сношения с правительством, передать последнему твердое желание мира, которым воодушевлена страна, и запросить, каковы намерения правительства по поводу созыва палат.

Под этой декларацией подписаны имена 102 социалистических депутатов палаты.

Итак, социалистическая партия находит вооруженное вмешательство России в австро-сербский конфликт вредным для интересов Сербии и, кроме того, подчеркивает, что Франция, воздерживавшаяся в течение 40 лет от войны с Германией из-за Эльзас-Лотарингии, не может поставить на карту судьбу страны из-за Сербии.

Те же идеи развивает Жорес в своей сегодняшней передовице под заглавием «Хладнокровие». Он бичует поведение австро-венгерского правительства, объявившего войну Сербии, несмотря на то, что последняя пошла на такие уступки, которых невозможно было ожидать, но, вместе с тем, он призывает Европу к хладнокровию. «Россия совершит крупную ошибку, если она ускорит свои операции и расширит конфликт». Жорес не теряет надежды, что английская посредническая попытка даст благотворные результаты.[1]

Видел редактора одной очень влиятельной радикал-социалистической газеты, выходящей на юге. Он резко критикует декларацию социалистической парламентской группы, но главным образом находит, что Россия не должна брать на себя инициативы объявления войны Австрии. Более того, по его словам, Россия такой инициативы на себя не возьмет. Относительно этого французское правительство не имеет оснований беспокоиться.

Конфедерация труда публикует манифест, созывающий рабочих на большой митинг сегодня, вечером, в зале Ваграм для протеста против надвигающейся войны. «Всякая война, — говорится в манифесте, — является покушением против пролетариата: она служит в руках господствующих классов кровавым и страшным средством для отвлечения пролетариата от защиты его законных интересов... Война не может разрешить никаких социальных проблем. Она является самой страшной из возможных катастроф. Сделаем все от нас зависящее, чтобы помешать этой катастрофе».

Совершенно в ином духе пишет сегодня Эрве о надвигающейся войне. Он неожиданно делает крайне знаменательную декларацию. «Если ката-

---

[1] Английская посредническая попытка имела целью, с одной стороны, выиграть время, с другой, — внушить английскому пролетариату убеждение, будто английское правительство является решительным противником войны. Документы, опубликованные после войны, не оставляют сомнения, что английское правительство в период, предшествовавший мировой войне, делало все от него зависящее, чтобы вызвать войну против Германии. См. об этом: Мих. Павлович. Собрание соч. т. V; см. также «Энциклопедический Словарь» Граната т. 47-й 1-й выпуск «Четырехлетняя война 1914 — 1918 г. и ее эпоха».

строфа произойдет, — пишет он, — обязанность наша — социалистов-интернационалистов — защищать очаг свободы, который наши отцы революционеры 1789, 1792, 1848, 1870 и коммуны создали ценой таких усилий и потоков крови».

«Между империалистической Германией и республиканской Францией наш выбор, без сомнения, сделан. Да здравствует же республиканская и социалистическая Франция!»

Итак, бывший антипатриот и антимилитарист призывает всех социалистов в случае войны защищать Францию против Германии Вильгельма. Многие буржуазные газеты подчеркивают это заявление Эрве...

Митинг в зале Ваграм, где недавно германский социал-демократ Шейдеман произнес такую горячую речь о солидарности интересов международного пролетариата, о твердом решении немецких рабочих не допустить войны с Францией, не состоялся. Правительство запретило этот митинг. Все ближайшие улицы, ведущие в зал Ваграм, забаррикадированы полицейскими кордонами. У выходов из подземной дороги стоят сильные полицейские отряды, которые не пропускают рабочих в сторону к avenue Ваграм. Повсюду видишь только республиканскую гвардию и тройные кордоны ажанов. Полиция решила, очевидно, самыми энергичными мерами не допустить каких-либо революционных манифестаций в этом аристократическом квартале. Ажаны беспощадно разгоняют всякую кучку хотя бы из четырех, пяти человек; произведено очень много арестов. Арестованных увозили в больших автобусах с потушенными фонарями и под сильным конвоем. В первый раз вижу здесь такой способ транспортирования арестованных в полицейские участки. Очевидно, что арестованных немало.

---

30 июля.

Международное социалистическое бюро в Брюсселе. Речи Гаазе, Моргари, Жореса. Манифестация против войны в Германии.

Россия мобилизует 14 корпусов, т.-е. 700 000 человек. Английский флот концентрируется. Бельгия призывает под оружие резервистов 1912, 1911 и 1910 гг. и мобилизует 100-тысячную армию. Форты Льежа и Намюра приводятся в военное положение. Принимаются экстраординарные меры на бельгийской границе. Бельгийская пограничная стража усилена жандармскими отрядами. Мосты на Маасе, у Льежа повсюду, где проходят поезда, идущие из Германии, минируются. По сообщениям «Matin» и других газет, бельгийские военные инженеры заняты в данный момент просверливанием углублений в быках всех мостов, находящихся в важных стратегических пунктах по пути следования поездов из Германии, для того, чтобы можно было в случае нужды моментально вложить

динамит или другое взрывчатое вещество в эти углубления и взорвать мосты на воздух. Кроме каменных мостов, виадуков, минируются также туннели.

Итак, бельгийское правительство полагает, что в случае европейской войны Германия попытается, согласно совету Бернгарди и предсказаниям французских генералов Метро, Ланглуа, Шанзи, Эрмана и друг., прорваться через Бельгию.

При таких серьезных не только для крупных европейских государств, но и для небольшой Бельгии, обстоятельствах, собралось вчера в Брюсселе международное социалистическое бюро, на котором присутствовали: от имени Франции — Жорес, Гед, Самба, Вайян и Жюль Лонге; от Германии — Гаазе и Роза Люксембург, от Италии — Моргари, от России — Аксельрод, от Бельгии — Вандервельде и т. д. Единогласно бюро постановило не отсрочивать международного конгресса, который должен был состояться 23 августа в Вене, а, наоборот, приблизить срок его созыва именно на 9 августа, но уже не в столице двуединой империи, а в Париже. Предложение созвать международный конгресс в Париже 9 августа было внесено немецкими делегатами и сочувственно принято французскими делегатами. Решено сохранить тот же порядок, что и для Венского конгресса, и поставить в первую голову обсуждение вопроса: «Война и пролетариат».

Бюро заседало целый день, с 10 часов утра до 8 часов вечера. Затем был организован грандиозный митинг, на котором делегаты социалистических партий произнесли речи. По словам «L'Humanité», сильное впечатление на все собрание произвела речь депутата германского рейхстага и председателя центрального комитета немецкой социал-демократической партии Гаазе,[1] который в энергичных выражениях заклеймил разбойничью политику союзника Германии.

«Австрия, — сказал он, — в течение 25 лет систематически стремилась задушить Сербию в экономическом отношении. Ультиматум является чистейшей провокацией, имеющей целью во что бы то ни стало вызвать давно желанную войну. Ответ Сербии был редактирован в таком умеренном тоне, что если бы Австрия искренно руководилась мирными целями, мир был бы обеспечен (аплодисменты). Австрия хотела войны. (Крики порицания.) Ужасно то, что это безумное преступление угрожает залить всю Европу кровью».

«Кажется, что Австрия надеется на Германию», но ведь немецкие социалисты заявили, что тайные договоры не связывают пролетариата. Германский пролетариат говорит, что если даже Россия вмешается в конфликт, Германия не должна вмешаться»...

Пусть наши враги будут осторожны. Возможно, что народы, возмущенные таким угнетением, пробудятся, наконец, и учредят социалисти-

---

[1] Гаазе — во время войны голосовал сначала за кредиты на войну. Затем против. После ноябрьской революции 1918 г. вошел в правительство и убит в 1919 г. реакционным офицером.

ческий порядок. Вчера в Берлине тысячи и тысячи пролетариев протестовали против войны при криках... «Да здравствует мир! Долой войну!».

После Гаазе говорили Моргари от итальянской партии, Кейр-Гарди от имени английской, Рубанович от эс-эров. Затем говорил Вандервельде.

С необычайным энтузиазмом было встречено появление на трибуне Жореса. Как только бельгийцы увидели великого французского социалиста, раздались долго не умолкавшие крики: «Да здравствует Жорес! Да здравствует Франция! Да здравствует революция!».

Жорес начинает свою речь с выражения надежды на то, что на этот раз опасность европейского конфликта будет устранена. «Ведутся переговоры. Кажется, удовлетворятся тем, что возьмут немного крови у Сербии. Следовательно, мы будем иметь немного отдыха, чтобы обеспечить мир. Но каким испытаниям подвергают Европу. После того, как прошло 20 веков христианской эры, после того, как сто лет торжествуют принципы прав человека, — наивно замечает Жорес, — как возможно, что миллионы людей начнут убивать друг друга, не зная за что...

«Однако, правительства колеблются. Воспользуемся этим обстоятельством, чтобы организоваться. Что касается нас, французских социалистов, — наш долг ясен. Мы не должны навязывать нашему правительству политики мира. Оно практикует эту политику. Я, навлекший на свою голову ненависть наших шовинистов моим упорным желанием, которое никогда не ослабнет, франко-германского сближения, имею право сказать, что в настоящий момент французское правительство хочет мира. (Овации.) Французское правительство является лучшим другом того удивительного (! *М. П.*) английского правительства, которое взяло на себя инициативу примирения и дает России советы благоразумия и терпения (!! *М. П.*).

«Что касается нас, наш долг настаивать, чтобы наше правительство говорило с такой силой с Россией, чтобы последняя воздержалась. Если, к несчастью, Россия не примет во внимание этих советов, наш долг заявить: мы признаем только один договор, — договор, который связывает нас с человечеством.[1] (Овации.)

В этом заключается наш долг, и, высказывая его, мы действуем в согласии с нашими немецкими товарищами, которые требуют от своего правительства умеряющего воздействия на Австрию».

---

[1] Жорес здесь забывает о том договоре, которым империалистическая Франция была связана с царской Россией, именно о военной конвенции 1892 г., о франко-русской морской конвенции 1912 г., забывает все то, что писал и говорил он сам в связи с марокканской политикой Франции, когда доказывал, что французский империализм неизбежно ведет к войне с Германией. Что касается оценки Жоресом политики Англии накануне войны, великий французский трибун наивно верил в англо-саксонский «идеализм» и был убежден, например, что пацифистская Америка пристыдит когда-нибудь «безумную» Европу своим идеализмом. Более подробно об оппортунизме и пацифизме Жореса см. послесловие.

Затем Жорес говорит о колебаниях немецкого правительства, о телеграммах, сообщающих о желании Германии избежать войны, и объясняет эти колебания страхом перед поведением немецких пролетариев. «Можно быть августейшей особой, — восклицает Жорес, — но все-таки трудно итти против воли четырех миллионов сознательных людей».

Жорес горячо приветствует социалистические митинги в Берлине и говорит по поводу пролетарских манифестаций в Германии против войны:

«Знаете вы, что такое пролетариат? Пролетариат — это совокупность людей, коллективно ненавидящих войну и любящих мир. Наоборот, шовинисты — это люди, которые коллективно любят войну и человекоубийство».

Жорес заканчивает свою речь следующими словами:

«Если мы избегнем бури, я надеюсь, все народы не забудут пережитого в эти дни урока и скажут: «Нужно помешать, чтобы призрак войны каждые шесть месяцев выходил из своей могилы и наводил ужас на весь мир».

«Гуманные люди всех стран, вот дело мира и справедливости, которое мы должны осуществить. Пролетариат сознает уже свою силу, и еще с большей силой миллионы и миллионы рабочих через посредство своих делегатов явятся в Париж, чтобы заявить свое твердое желание мира и войны».

Вся публика стоя, махая платками и шляпами, приветствует Жореса. После митинга многотысячная толпа проходит по улицам Брюсселя, манифестируя в пользу мира.

Судя по рассказам товарищей, приехавших из Брюсселя, речь Жореса в Брюсселе произвела необычайное впечатление и явилась целым событием. На социалистическом митинге присутствовали и в манифестации принимали участие не только рабочие, но также представители других классов общества: студенты, профессора, приказчики и т. д., было также много женщин.

У бельгийцев очень сильно опасение, что если вспыхнет европейская война, положение Бельгии будет особенно критическим, и что, может-быть, на территории этого нейтрального государства разыграются кровавые битвы надвигающейся войны. Однако, речь Жореса, заявление Гаазе и особенно телеграммы о массовых демонстрациях в Германии против войны внушают серьезную надежду на возможность устранения опасности международного конфликта.

Согласно телеграммам, улицы Берлина находятся сейчас во власти пролетариата. Знаменитая аллея «Unter den Linden» (Под липами) заполнена 40-тысячной толпой. Тысячи рабочих, прорвав полицейские кордоны, демонстрируют по главным улицам с криками: «Да здравствует мир! Долой войну!». Сильные отряды конной и пешей полиции охраняют доступ ко дворцу. Войска стоят наготове в казармах с пулеметами для действия в случае, если беспорядки примут угрожающий характер.

*

Особенно грандиозный характер приняли манифестации в Эльзасе. И здесь, подобно тому, как это наблюдается в Бельгии, в демонстрациях, по газетным сообщениям, принимают участие не только рабочие, но и граждане других классов. И эльзасцы, подобно бельгийцам, имеют особое основание бояться войны. Если не Бельгия, то Эльзас, а может-быть, и Бельгия и Эльзас вместе сделаются в случае войны ареной столкновения многочисленных армий и будут опустошены. И в Эльзасе на митингах протеста против войны с особой силой подчеркивают ту опасность, которая в случае конфликта грозит пограничным областям.

Жорес положительно неутомим; что за талант, какая работоспособность! Вчера целый день он заседал в международном бюро, а вечером произнес на митинге большую речь; однако, это не помешало ему в тот же день в промежутке между двумя заседаниями бюро протелеграфировать в редакцию «L'Humanité» передовую статью для газеты.

В этой статье Жорес говорит о некоторых успокоительных симптомах в международном положении, об обещании Австрии, согласно телеграмме в «Temps», не посягнуть на территориальную неприкосновенность Сербии, о внушительных социалистических демонстрациях в Берлине и о значении этих манифестаций с точки зрения мира. Заканчивает Жорес свою передовицу выражением уверенности, что парижский пролетариат встретит открытие 4 августа международного конгресса народной манифестацией, в которой примут участие сотни тысяч рабочих, засвидетельствующих таким образом свое твердое желание мира.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

СМЕРТЬ ЖОРЕСА.

Пятница, 31 июля 1914 г.

Последняя статья Жореса. Париж при известии об убийстве Жореса.

В пятницу, 31 июля, парижские утренние газеты публикуют телеграммы о вступлении австрийских войск в Белград. Можно сомневаться в правильности этих сообщений, во всяком случае, очевидно, что положение принимает серьезный оборот.

«L'heure est critique» печатает «Matin». «Шансы войны берут верх над шансами мира», печатают другие буржуазные газеты. Только «L'Humanité», синдикалистские организации и «Confederation generale du Travail» призывают к хладнокровию и советуют не терять голову. «Сохранение мира возможно, общее положение несколько улучшилось» пишет «L'Humanité». Сегодняшний номер «L'Humanité» начинается следующей декларацией международного социалистического бюро:

«Международное социалистическое бюро заслушало в своем сегодняшнем заседании 29 июля мнение делегатов всех наций, которым угрожает война, по поводу политического положения в их странах. Международное социалистическое бюро единогласно вменяет в обязанность пролетариям всех заинтересованных стран не только продолжать, но еще более усилить их демонстрации против войны во имя мира, во имя третейского разрешения австро-сербского конфликта.

«Немецкие и французские пролетарии произведут самое энергичное давление на правительства своих стран, для того, чтобы Германия сдержала воинственный пыл Австрии, а Франция добилась от России невмешательства в конфликт. Итальянские и английские пролетарии с своей стороны со всей своей энергией поддержат эти усилия.

«Конгресс, экстренно созываемый в Париже, явится мужественным выражением этой мирной воли международного пролетариата».

Прочитываю статью Жореса под заголовком «Необходимое хладнокровие». Жорес в эти критические моменты иногда по несколько раз в день видится с Вивиани и другими членами французского министерства; говорят, что от него-де ничего решительно не скрывают, что к его мнению прислушиваются теперь в правящих кругах с большим-де вниманием. «Положение серьезное, — пишет Жорес, — но шансы мирного разрешения конфликта отнюдь не исчезли. Очевидно, что если бы Германия имела

намерение нас атаковать, она бы уже применила знаменитый прием неожиданной атаки. Наоборот, она дала возможность пройти нескольким дням, и этим промежутком выгодно воспользовались Россия и Франция: Россия для того, чтобы произвести частичную мобилизацию, Франция для того, чтобы принять все необходимые меры предосторожности, согласные с сохранением мира.

«Главная опасность данного момента, — доказывает Жорес, — заключается не в самих событиях. Она лежит даже не в реальных намерениях дипломатических канцелярий и правительств, как бы преступны ни были последние. Она лежит не в реальной воле народов. Главная опасность момента обусловливается особым нервным состоянием, которое все более и более охватывает массы, беспокойством, которое распространяется повсюду, неожиданными импульсивными движениями, которые рождаются из страха мучительной неизвестности завтрашнего дня, слишком длительного периода всеобщей тревоги. Слепая паника может охватить народные массы, и нет уверенности, что сами правительства не поддадутся этой панике.[1] Члены правительств проводят свое время (восхитительное занятие!) в том, что они то пугают, то успокаивают друг друга. И такое положение вещей — не следует самообольщаться — может длиться целые недели. Ошибаются те, кто думает, что дипломатический кризис может и должен быть разрешен в несколько дней. Подобно тому, как в современной войне сражения, развертывающиеся на огромном фронте, длятся семь или восемь дней, дипломатические битвы, затрагивающие интересы всей Европы и приводящие в движение грозный аппарат могущественных держав, неизбежно затягиваются на целые недели. Чтобы быть способным выдержать это тяжкое испытание, необходимо обладать стальными нервами или, вернее, твердым, ясным и спокойным рассудком. Мы взываем к разуму народа, к его мысли, мы призываем народные массы сохранять господство над собой, не поддаваться панике, сдерживать нервные припадки и следить за людьми и событиями, чтобы спасти человечество от ужасов войны.

«Опасность велика, но не непобедима: ее возможно устранить, если мы сохраним ясность разума, твердость воли, если мы сумеем обнаружить геройское терпение и геройскую деятельность. Ясное сознание долга даст нам силу выполнить его.

«То, что необходимо прежде всего — это продолжать безостановочно нашу деятельность, держать в постоянном напряжении мысль и совесть рабочих масс. Вот где истинное спасение, вот где гарантия будущего».

---

[1] Здесь ярко проявляется наивность Жореса, его вера в миролюбивые намерения Вивиани, Грея и других членов английского и французского министерства. В действительности же, правящие классы нисколько не поддавались панике, якобы, распространявшейся снизу вверх от народных масс к руководящим кругам, наоборот, «паника» шла сверху вниз через посредство правительственной печати и всех органов буржуазной печати и таким образом правительства имели возможность использовать вызванную ими же «панику», чтобы начать войну.

Итак, Жорес все-таки не теряет надежды, что французский пролетариат и в особенности международный конгресс, который собирается через десять дней, сумеет спасти человечество от ужасов всеевропейской войны. Грозный призрак войны и всеобщей бойни отступит перед единодушным натиском рабочих масс, перед солидарными действиями международного пролетариата, направленными к обеспечению мира между народами.

Просматриваю несколько других утренних газет; сильное волнение охватывает меня; нет возможности работать, сидеть в комнате. Выхожу на улицу, чтобы ознакомиться с настроением народных масс.

На улицах Парижа повсюду толпятся более густые, чем в предшествующие дни, кучки людей, которые обсуждают газетные новости и с тревогой ставят друг другу вопрос — «как отнесется Россия к факту занятия Белграда австрийскими войсками». Никому не хочется верить, что возможна всеевропейская война и что сотни тысяч французов погибнут в кровавых сражениях из-за вопроса о равновесии на Балканах. Как всякое утро, я иду к вокзалу Monparnasse, где перед станциями подземных дорог стоят группы парижских граждан и понаехавших в столицу провинциалов и оживленно толкуют о надвигающихся событиях. Затем я перехожу улицу и останавливаюсь поочередно у кучек, стоящих перед окнами многочисленных в этой части города отделений различных банков: Société Générale, Crédit Lyonnais, Escompte de Paris etc., etc. Повсюду я слышу одни и те же возгласы: «Всеевропейская война невозможна. Европейская война была бы проявлением повального безумия». «Нет, нет, война невозможна». «Это была бы такая бойня, такое разрушение материальных богатств, такое финансовое разорение, что нужно было бы пятьдесят лет, чтобы оправиться». Никто не хочет верить в возможность войны. Но очевидно, что в глубине души явные оптимисты все же не в состоянии справиться с собственной тревогой. Все заявляют во всеуслышание, что война немыслима, однако, все обсуждают шансы войны и прежде всего ставят вопрос о том, какой политики будет держаться Англия. Общее мнение, что Англия держит себя крайне двусмысленно и что она постарается остаться в стороне, чтобы заставить других тащить для нее горячие каштаны из огня... «У меня племянник служит в министерстве иностранных дел, — рассказывает какой-то в высшей степени прилично одетый господин, с розеткой в петлице. — Он сообщил мне вчера, что Англия не дает определенного ответа, и что она не желает связывать себе руки». «Да что ей, — поясняет, комментируя это сообщение, какой-то импровизированный дипломат: — Англия — остров, и хотя бы мы все разбили себе голову на континенте, ей беды мало». Слышатся слабые протесты по поводу такой характеристики Альбиона. Однако, в общем все сходятся на том, что если Англия захочет, войны не будет. Пусть только она энергично заявит, что поддержит всеми силами атакованную Францию, и Вильгельм II вынужден будет смириться...

В 6 часов вышел «Temps» с сообщением о том, что вся Германия объявлена на военном положении (Kriegszustand). В силу 68 пункта конституции германский император, принимая во внимание угрожающие вооружения России, издал декрет о военном положении. «Тан» («Temps») публикует сведения, за достоверность которых он вполне ручается и из которых явствует, что уже с 25 июля Германия начала стягивать войска к границам, что гарнизоны Страсбурга, Сарбурга и других пограничных крепостей усилены, что железные дороги принимают меры на случай объявления всеобщей мобилизации. Как сообщает «Temps», в туманных выражениях, в виду немецких вооружений, французское правительство с своей стороны приняло все меры, обеспечивающие возможность быстрой мобилизации. Положение принимает крайне серьезный характер.

Я с двумя попутчиками выходим на бульвар St. Michel. На улицах необыкновенное волнение. У всех в руках вечерние газеты: «La Presse», «La Patrie», «L'Intransigeant», «Liberté» и т. д., сообщающие об объявлении военного положения в Германии. У многих на лицах отражается тревога. Пройдя по бульвару St. Michel и потолкавшись среди публики, мы поворачиваем обратно и идем по направлению к себе домой. На углу бульвара Monparnasse, недалеко от ресторана Closerie de Lilas, где собираются каждый вторник многие французские поэты, мы видим товарищей Аксельрода и Мартова, которые идут нам навстречу, разговаривая о чем-то с крайним волнением. Заметив нас, они бросаются к нам навстречу. «Слушайте, — говорит Мартов, — невероятный факт, нам сказали, будто Жорес убит». «Не может быть, не может быть, что вы, что вы», — кричит одна из спутниц. Через несколько минут мы все вскакиваем на электрический трамвай, идущий по бульвару Мишель (Michel), с намерением пробраться на большие бульвары, а оттуда к редакции «L'Humanité». Мы громко говорим в трамвае по-русски, упоминая имя Жореса. Какой-то француз, догадавшись, о чем мы говорим и зная уже о совершившемся преступлении, бросает по нашему адресу какую-то неопределенную, но, очевидно, вызывающую фразу, по смыслу которой Жорес получил должное возмездие за свои дела. В этот момент к нам обращается другой француз и с волнением подтверждает, что Жорес убит. «Бессмыслица», — думаю я. Но уже по улице бегут газетчики с криками: «Jaurés assasiné» — «Жорес убит». Мы останавливаем трамвай и соскакиваем. Вырываем газету у продавцов.

Да, да, непоправимое совершилось. Невозможно не верить в действительность ужасного преступления, великой катастрофы. Большие черные буквы: J a u r é s a s s a s i n é давят мозг, сжимают сердце в тисках и говорят о том, что уже не может быть места надежде на ложность сообщения о гибели великого народного трибуна, гордости интернационала, преждевременной гибели под пулей убийцы. Какая великая катастрофа, какой роковой удар для международного пролетариата и для каждого из нас в отдельности. Самое близкое существо, самый дорогой человек погиб и каким бессмысленным образом и в какой момент! Нет, нет, этого не может быть. Жорес убит, убит в ту минуту, когда вся Европа охвачена

пароксизмом военной лихорадки, когда стихия разбушевавшихся национальных страстей грозит снести до основания все то, что с таким трудом созидалось работниками международного социализма, убит в тот момент, когда его мощный голос должен был громче, чем когда-либо, раздаться по всей Франции и всей социалистической Европе.

Мы подходим к ближайшей группе французов, обсуждающих трагическое сообщение. В этой группе находится один человек, который только-что был в редакции «L'Humanité». Он рассказывает все обстоятельства кровавого дела. Кто-то из слушателей, будучи недоволен взрывами симпатии, которую вся публика неожиданно проявляет по отношению к погибшему вождю французского пролетариата, чувством негодования, с которым говорят об убийстве, бросает замечание, что последний, очевидно, подражал г-же Кайо, которая-де ни за что, ни про что убила Кальмета, лучшего человека консервативной партии. А теперь вот убит Жорес. Чему тут удивляться? «Кто симпатизирует г-же Кайо и доволен оправдательным вердиктом, вынесенным ей, не имеет морального права осуждать убийцу Жореса». Это замечание вызывает всеобщее возмущение, и сторонник Кальметы куда-то скрывается.

«Какое несчастие, какое несчастие, — говорят многие. — Там, в Берлине, будут говорить, что в Париже идет бойня на улицах, что во Франции вспыхнула междуусобная война, что Жорес убит на баррикадах. И какой позор! Жореса убили на другой день после того, как он призывал к национальному объединению. Великое несчастие, великий позор для Франции, печальное предзнаменование грядущих роковых событий.

Очевидцы рассказывают, что известие об убийстве Жореса с быстротой молнии распространилось по всем улицам и бульварам, прилегающим к месту преступления, что буквально в несколько минут перед редакцией «L'Humanité» собралась несметная толпа, которая устроила грандиозную манифестацию, и высказывают мнение, что можно ожидать взрыва очень серьезных и грозных при данных обстоятельствах волнений.

Никакой возможности пройти на большие бульвары, пробраться к редакции «L'Humanité». Улицы загорожены бригадами полицейских, конными отрядами и т. д. Муниципальные гвардейцы с ружьями на плече спешно идут куда-то. Очевидно принимают меры предосторожности на случай волнений в связи с убийством вождя французского пролетариата. . .

Повсюду толпятся кучки народа. Говорят, будто войска заняли сад Тюльери, будто там стоят уже наготове пушки и пулеметы. Мчатся куда-то бесшумно велосипеды, агенты-циклисты. Снова и снова проходят республиканские гвардейцы. Видно, правительство к чему-то готовится. Однако, все спокойно. . .

2 часа ночи. Постепенно кучки тают. . . Что даст завтрашний день, как будут реагировать французские пролетарии, когда узнают, что их вождь, их отец, их учитель убит таким вероломным образом?

Суббота, 1 августа.

Правительство и пресса об убийстве Жореса. Жорес, как профессор, как оратор, как общественный деятель, как человек. Мое первое знакомство с Жоресом. Жорес, как глашатай мира.

Просыпаюсь рано утром. Иду на улицу. Повсюду на стенах наклеены какие-то белые правительственные афиши, около которых стоят кучки народа. Подхожу — и читаю следующий манифест:

«Французская республика.

Граждане!

Только-что свершилось ужасное преступление. Жорес, великий оратор, которым гордилась французская республика, убит вероломным образом.

От своего имени и от имени моих коллег я преклоняюсь перед преждевременной открытой могилой республиканца-социалиста, который боролся за столь благородное дело и который в эти трудные дни в интересах сохранения мира поддерживал всем своим авторитетом патриотическую деятельность правительства.

В тяжких обстоятельствах, которые переживает родина, правительство рассчитывает на патриотизм рабочего класса и всего населения в уверенности, что народные массы сохранят спокойствие и что общественное волнение не будет обострено агитацией, которая может вызвать беспорядки в столице.

Убийца арестован. Он будет наказан. Да сохранят все уверенность в силу закона. Дадим в эти минуты тяжких опасностей пример хладнокровия и единения.

От имени совета министров
президент совета *Рене Вивиани*».

Многие читают эти афиши и плачут, другие тяжко вздыхают, третьи посылают проклятия убийце и банде роялистов, виновников преступления, отнявших у Франции лучшего ее сына и вождя. Обхожу многие и многие улицы в рабочих кварталах. Останавливаюсь около других кучек, читающих те же афишки. У всех на лицах написано сильное волнение, у многих на глазах слезы. Чувствуется, что даже у многих рабочих, только вчера относившихся враждебно к правительству, отношение к последнему меняется. Протягивается какая-то незаметная нить между социалистами и официальными представителями страны, очень хитро использующими убийство Жореса, чтобы заявить о своей скорби по поводу смерти великого вождя французского пролетариата.

Все газеты печатают следующее письмо президента республики г-же Жорес:

Мадам.

Я только-что узнал об ужасном преступлении, жертвой которого пал ваш муж. Жорес часто был моим противником, но я всегда преклонялся перед его талантом и его характером, и в этот час, когда национальное

объединение необходимо более, чем когда-либо, я считаю своим долгом выразить вам те чувства, которые я питал к нему.

Примите, мадам, в эту минуту горя, которое постигло вас, уверение в моей глубокой симпатии.

Пуанкаре».

Вся пресса оплакивает смерть Жореса, как национальное горе. И среди многочисленных статей, посвященных павшему бойцу, мученику за идею мира, особенно любопытна статья Густава Эрве в «La Guerre Sociale»:

«Будьте довольны, подколодные змеи, вы, которые в течение многих лет шипели, будто этот человек был продан Германии.

Вы же, разумные патриоты, плачьте. Франция потеряла лучшего и самого великого из своих сыновей.

И вы, французские матери, плачьте. Ваши сыновья потеряли того, кто в течение десяти лет во главе нашей партии энергичнее всех других боролся за то, чтобы устранить ужасы угрожающей ныне войны.

Мы, бедные социалисты, мы не будем плакать. Теперь не время для воздыханий. Не плачьте и прежде всего сдержите в этот момент ваши крики бешенства и гнева...

Прислушивайтесь: он говорит с вами. Вы его слышите. Вы узнаете его голос, вы, к которым он так часто обращался с речью на ваших митингах. Вы узнаете его поучения, вы, знающие хорошо, что он своим могучим умом хорошо понимал, чем мы обязаны миру и человечеству и чем обязаны родине.

Слушайте, слушайте! Вы узнаете его голос, премящий: «Мои друзья, мои дети, отечество в опасности! Они убили меня; желая отомстить за меня, не убивайте отчизны».

Жорес родился 3 сентября 1859 г. на юге Франции в провинциальном городе Castres. Стало-быть, он был убит на пятидесятом году жизни. Он обладал сильным здоровьем, поразительной, прямо-таки феноменальной трудоспособностью, и социалистическая партия имела основание надеяться, что он еще долгие и долгие годы будет в состоянии руководить французским пролетариатом и служить делу международного социализма.

Несмотря на то, что Жорес, казалось, всегда был поглощен политическими вопросами, несмотря на то, что ему приходилось много времени тратить на изучение вопросов военных в связи с законом о трехлетней службе, несмотря на сотни писем и телеграмм, которые ежедневно получались на его имя, несмотря на тысячи видных товарищей и других лиц, которые ежегодно приезжали в Париж, чтобы посоветоваться с Жоресом о том или другом вопросе, несмотря на самую энергичную парламентскую работу, ежедневные передовые статьи в «L'Humanité», несмотря на свое участие на всех социалистических митингах, на свою работу на конгрессах, в комиссиях, комитетах, в советах и т. д., — у Жореса оставалось время следить не только за французской, но и за всей европейской литературой.

Любовь к чтению, к изучению самых разнообразных вопросов глубоко отличала Жореса от других французских социалистов, которые, надо сказать правду, не питают особого уважения к книгам и интересуются только, да и то поверхностно, злободневными вопросами, имеющими непосредственное отношение к их деятельности, к задачам момента.

Впервые я познакомился с Жоресом в 1902 г. во время моего первого посещения Франции. Я возвращался с одного митинга, на котором Жорес произнес удивительную речь, которая потрясла меня, так что я весь дрожал, хотя не особенно хорошо понимал тогда французскую речь. Впрочем, это был чуть ли не первый митинг, на котором мне пришлось присутствовать в моей жизни. Голос Жореса ударял в грудь, производил впечатление физического толчка... Вместе со всеми, находившимися в зале, я чувствовал себя частью одного и того же целого, способного сейчас же пойти в бой за лучшее будущее, за все человечество, в бой со всеми темными силами реакции.

Чтобы вернуться домой, я вскочил в конный трамвай, стоявший неподалеку от помещения, где происходил митинг. В этом трамвае в числе других русских находился, между прочим, покойный Гоц, один из наиболее видных представителей партии социалистов-революционеров, ярый сторонник террора, друг Гершуни, Рубановича и др.[1] Мы поздоровались друг с другом. Через несколько минут вошел в трамвай Жорес, весь красный, буквально обливаясь потом. Это был мужчина среднего роста, с крупными правильными чертами лица, красивыми кроткими глазами, широкоплечий, крепкой комплекции и с небольшими аристократическими руками. В правой руке Жорес держал какую-то книгу. Лицо Жореса дышало умом, добротой и энергией. Но это лицо само по себе меня не поразило. В ту пору я был еще достаточно молод и неопытен и полагал, что у великих людей наружность сразу бросается в глаза. Между тем в группе других людей Жорес мог бы пройти незамеченным. Никто не догадался бы, что перед ним находится величайший в мире оратор, пламенный трибун, тонкий поэт и глубокий политик, человек безграничного ума и нежного сердца, человек железной, непреклонной энергии, неослабной настойчивости и в то же время беспредельной доброты и женственной мягкости. Но что меня поразило в тот момент — это то волнение, под влиянием которого все еще находился Жорес, продолжающееся «подземное» бушевание того пламени, которое недавно горело в Жоресе и вырывалось наружу, когда он произносил свою речь. Громовой, огнедышащий недавно вулкан не потух окончательно, а продолжал какую-то внутреннюю работу и выбрасывал какую-то бессловесную, беззвучную, но все еще горячую лаву. Жорес сел насупротив нас.

Белая глаженая рубаха была на нем вся мокрая. По лбу катились крупные капли пота и попадали на густые брови. Могучая грудь высоко подымалась и опускалась. Видно, что сердце не было спокойно и усиленно

---

[1] Мих. Гоц — один из основателей партии с.-р., скончался в 1906 г. в Швейцарии.

билось. Это меня потрясло и умилило. Да, эта удивительная огненная речь, которую я только-что услышал, не была произведением тонкого декламаторского искусства, а действительно шла из глубины души, из тайников сердца и потребовала страшного напряжения нервов и внутренних сил со стороны этого титана. Заметив Гоца, Жорес улыбнулся и протянул ему руку со словами: «Bonjour, camarade!». Мы разговорились; вначале Жорес говорил медленно, затем несколько оживился. Я и Гоц, как русские люди, как книжники, — ибо все люди того времени были прежде всего книжниками, все одно социал-демократы, как я, или с.-революционеры, как Гоц, — прежде всего заинтересовались, какую книжку Жорес держит в руке. По взглядам, которые мы невольно бросали, Жорес догадался, чем мы интересуемся и, протянув мне книгу, сказал, очаровательно улыбаясь: «Я изучаю произведения одного из ваших соотечественников». Это был один из томов начавшего выходить собрания сочинений Бакунина: «Oeuvres de Michel Bakounine». Жорес пояснил, что он взял с собой этот том, чтобы читать его в трамвае, по пути на митинг, и что он с захватывающим интересом читает до глубокой ночи произведения русского анархиста, идеи которого он не разделяет.

Жорес следил не только за тем, что появляется на французском языке. Так, за несколько месяцев до своей смерти Жорес находил время, чтобы читать немецкую книгу Р. Люксембург о капитале, — книгу, с идеями которой Жорес во многом не соглашался.

Да, работоспособность Жореса была изумительна. В «Depêche de Toulouse» на ряду с передовицами Жореса в течение долгого времени печатались небольшие, с удивительным искусством написанные заметки о выходящих на французском языке книгах, заслуживающих внимания. Видно было, что автор этих заметок не только блестящий литератор, тонкий и объективный критик, но, — что встречается особенно редко, — человек, внимательно читающий каждую рецензируемую им книгу. Многие интересовались узнать, кто автор этих чудных филигранных библиографических заметок, но никому не приходило в голову, что им является Жорес, — Жорес, у которого было столько других поглощающих и разнообразных занятий, с которыми не управлялись бы десятки других талантливых и трудолюбивых людей. И все же близкие люди, которые приходили к Жоресу в его простой и бедный дом в Passy, нередко находили его за изучением трагедии Еврипида, Шекспира или какого-нибудь другого поэтического произведения.

Жорес был человек необыкновенный, всюду и во всем первый и самый сильный — в лицее, в Ecole Normale Superieure, во французском парламенте, во французской социалистической партии, на всех международных конгрессах. На Амстердамском международном конгрессе, где Жорес отстаивал неправильную точку зрения сотрудничества классов и допустимости участия социалистов в министерстве, — точку зрения, от которой он впоследствии отказался, Жорес должен был отражать соединенные атаки против него со стороны Геда, Бебеля, Каутского, Адлера, Энрико Ферри, Плеханова и др. светил международного социализма. Те, кто присутство-

вали в комиссии, где происходили эти эпические дебаты, никогда не забудут тех трех речей, которые произнес Жорес, возражая своим оппонентам и критикуя дрезденскую резолюцию, осуждавшую ревизионистскую теорию сотрудничества классов. Жорес был побежден в этой борьбе, но даже все те, кто вотировали против него, не могли скрыть друг перед другом своего изумления перед необыкновенной мощью этого великого оратора и чародея, своего преклонения перед искренностью и всем моральным обликом Жореса. «Нет и не будет ему равного», — говорили мы между собой, обмениваясь впечатлениями по поводу его речей. — «Побежденный, он все же сильнее всех победителей, вместе взятых».

Жорес был племянником адмирала Жореса. Родители Жореса не были людьми богатыми. Во всяком случае, они сумели дать ему и его брату, ныне контр-адмиралу Жоресу, достаточное первоначальное образование. Закончив блестяще курс наук в лицее Людовика Великого в Париже, Жорес был принят в 1878 г. в Высшую Нормальную школу, где он обратил на себя внимание профессоров своими блестящими способностями и своим трудолюбием. До конца своей жизни Жорес в частных разговорах лестно отзывался о Высшей Нормальной школе, говоря, что эта школа приучает людей к систематическому труду, к умению в высшей степени продуктивно работать. Получив по окончании этой школы диплом «agrégé de philosophie», Жорес сделался профессором в коллеже в Альби (1881 — 1883), затем перешел в университет в Тулузе. Его ученики отзывались с восторгом не только об его ораторском искусстве, об ясности его изложения об обширности его познаний, но в особенности об его высокой моральной личности, об его искренности, его поразительно честном отношении к взятому на себя делу. Ученики Жореса благоговели перед своим профессором, и многие из них, несмотря на все превратности судьбы, полное расхождение по взглядам и т. д., до конца жизни без глубокого волнения не могли говорить о том периоде юности, той великой и трогательной эпохе их жизни, когда с ними — несколькими десятками юношей — с такой любовью, такой преданностью своему делу занимался Жорес. И не раз бывало, что Жорес приходил на лекцию и давал ответ на какой-нибудь вопрос, предложенный ему одним из учеников накануне; вопрос, который он обдумывал всю ночь, не смыкая глаз. И таким честным, неутомимым солдатом, железным, неустающим бойцом за истину, вечно стоящим на своем посту с неугасаемым светильником разума в руке оставался Жорес в малом и великом до конца своей жизни.

Жорес был избран впервые депутатом в 1885 г. в департаменте Тарн, его родине. Ему было тогда 26 лет. Он выступил с республиканской программой, но уже в то время в нем обнаружилось тяготение к социалистическим идеям. В палате же Жорес сразу обратил на себя внимание удивительной речью, произнесенной им 21 октября 1886 г. по вопросу о первоначальном образовании, и выдвинулся как несравненный оратор. В том же 1886 г., затем в 1887, 1888, 1889 гг. он выступал с речами по вопросам о кассах помощи и пенсии для рабочих углекопов, о несчастиях во время работы и по другим, имеющим отношение к положению пролетарских масс.

В 1889 г. Жорес выставил свою кандидатуру в Кастрэ, где он родился, но потерпел поражение. Депутатом был выбран его противник — монархист Абриал. Жорес снова вернулся к профессуре в Тулузском университете. В течение этого периода Жорес представил две тезы на степень доктора en Lettres, именно «La Realité du monde sensible» и затем «Первые основы немецкого социализма у Лютера, Канта, Фихте и Гегеля». В этой второй тезе обнаруживаются уже ясно социалистические идеи Жореса.

В 1893 г. Жорес выставил свою кандидатуру во втором округе, выступив уже с ярко выраженной социалистической программой, и одержал победу над своим противником Гроком, бывшим мэром в Кармо. В цвете лет Жан Жорес вступил в социалистическую партию и с той поры до последней минуты с поразительным блеском, силой и самоотвержением апостола служил он делу международного пролетариата. Всем хорошо известна дальнейшая деятельность Жореса, его неустанная социалистическая агитация на народных митингах, его работа в пользу единства партии, единства, достижение которого он считал необходимым для дальнейшего прогресса и торжества социализма во Франции; его историческая роль в деле Дрейфуса, мировое значение которого он оценил лучше, чем кто бы то ни было другой; его кампания против марокканской экспедиции, опасность которой для дела европейского мира он понял сразу; наконец, его непрестанная, ни на минуту не останавливающаяся борьба против призрака войны.

Жорес был глашатаем мира и братства народов, чемпионом войны против войны. Резко критикуя антипатриотические резолюции Эрве, гордо подписывавшего свои статьи псевдонимом «Sans patrie» (не имеющий, не признающий отечества) и доказывавшего, что для французского пролетария безразлично, будет ли он находиться под игом французской буржуазии или под сапогом Вильгельма II и его прусских юнкеров, Жорес, как истинный представитель II Интернационала на национальных конгрессах в Лиможе, Нанси, на международном конгрессе в Штуттгарте доказывал, что пролетарии должны дорожить своим отечеством, но в то же время он горячо нападал на милитаризм и призывал бороться против войны всеми средствами, включая и всеобщую забастовку.

Жорес ни на минуту не мог допустить мысли о возможности европейской войны и всеми силами своего существа гнал от себя эту мысль. Он верил, хотел верить, что дружными усилиями пролетариев можно удержать мир между народами, помешать королям и императорам вызвать всеевропейский пожар, в дыму которого может погибнуть вся европейская цивилизация и культура. Жорес вполне соглашался с теми, кто был убежден, что война, о неизбежности которой столько говорили и писали в течение последних лет, нанесет прежде всего страшный удар социализму, идеям международного братства, сведет на-нет всю работу социалистов последнего поколения в пользу интернационала, в пользу объединения пролетариев всех стран...

Война для Жореса являлась не только величайшей катастрофой, благодаря разрушению материальных богатств, которое она вызовет, гибели миллионов жизней, духовному одичанию, сопровождающему ее, но в особенности благодаря тому сокрушительному удару, который она нанесет международному социализму, когда окажется, что миллионы и миллионы французских, немецких, австрийских, русских, английских, итальянских пролетариев, официально примыкающих к Интернационалу, стреляют друг в друга, вторгаются на территорию соседа, предают здесь все огню и мечу...

И Жорес умер, как мученик за идею мира, как фанатический противник войны, одна мысль о возможности которой ужасала его. Деятельность Жореса в пользу мира, его кампания против трехлетней воинской повинности, далее в пользу организации международной всеобщей забастовки накануне войны, в качестве демонстрации против последней, возбудили ненависть против Жореса во всех шовинистических кругах.

17 июля националистический листок «Paris Midi» за подписью своего главного редактора Морис де-Валеффа поместил следующие провокационные строки:

«Да, да, вот как будут развертываться события, благодаря вмешательству красного трибуна. Но неужели вы думаете, что генерал, который накануне войны, имея под своей командой четырех солдат и одного капрала, прикажет приставить Жореса к стене и расстреляет его, не исполнит своего элементарного долга? Конечно, и я первый помогу ему».

«Если во Франции, — писал Урбэн Гойе, — найдется в этот момент хоть один мужественный вождь, Жорес будет приставлен к стене и расстрелян одновременно с расклейкой на стенах афиш о мобилизации».

Вся эта кампания против Жореса не могла остаться бесплодной. Нашелся безумный фанатик, который под влиянием всех этих призывов к убийству, отважился на кровавое дело. Вот как, по рассказам очевидцев, произошла эта катастрофа.

В 8 часов вечера Жорес явился в редакцию «L'Humanité». Он пришел из министерства иностранных дел, которое он посетил в качестве делегата от парламентской социалистической группы, чтобы узнать о положении дел. Его сопровождали в министерство Ренодаль и Жан Лонге, внук Карла Маркса. Жорес беседовал с администратором газеты Филиппом Ландриэ, когда один из товарищей сказал: «Пообедаем сначала». Жорес еще не обедал, а между тем нужно было еще много работать. «Ладно!» ответил кто-то, и все пошли в скромный ресторан du Croissant, в двух шагах от редакции газеты. За столом с Жоресом сидели: Ландриэ по правую руку, Ренодель по левую, и кроме того супруги Пуассон, Амедей Дюнуа, Дюк-Керси, Даниель Рену и его брат Андрэ, далее эльзасский депутат Жорж Вейль, Морис Верт и Жан Лонгэ. Все сознавали, что надвигается серьезный момент, что международное положение осложняется, и испытывали сильное волнение.

В ресторане, как всегда, царило оживление. Входили одни люди, выходили другие. Вдруг в $9^1/_2$ часов в ресторан вошло трое молодых

людей. Они повернулись к группе социалистов и пристально посмотрели на Жореса. Затем вышли, не обменявшись ни единым словом. Г-жа Пуассон заметила их; полушутя, полусерьезно она сказала своему соседу по столу:

«Эти люди как будто ищут Жореса. Только бы они не убили его».

Жорес говорил своим задушевным голосом и давал инструкции своим политическим сотрудникам, Дюнуа и Даниэлю Рену. Обед подходил к концу. В этот момент сидевший за соседним столом с своей женой журналист Долие, сотрудник демократической вечерней газеты «Bonnet Rouge», подошел к социалистам с цветной фотографической карточкой в руке и, протянув карточку Ландриэ, сказал: «Смотрите, вот моя дочурка».

«Можно и мне взглянуть?» спросил Жорес, улыбаясь.

Жорес взял карточку в руку, посмотрел на портрет, спросил о возрасте ребенка и сделал отцу лестный комплимент.

В этот момент было десять часов без двадцати минут. Вдруг раздались два выстрела, сверкнул огонь и пронесся раздирающий женский крик: «Жорес убит, Жорес убит».

Кто-то поднялся и бросил сифоном в стоявшую за окном и убегавшую тень. Даниель Рену, Дюнуа, Андрэ Рену, Тиссье, сотрудник «La Guerre Sociale» и некоторые другие лица, находившиеся около двери, бросились в погоню за убийцей, высоким, худым молодым человеком, элегантно одетым. Чтобы расчистить себе путь, убийца дал третий выстрел, но был схвачен полицейским Жоржем Марти, к которому подоспел на помощь телеграфист Гиллюме. Убийца держал в руке еще дымящийся револьвер Смита и Вессона. Почтальон обыскал убийцу и нашел у него в кармане второй меньший револьвер системы Гаммерлесса, заряженный пятью пулями. Кроме револьвера, в кармане убийцы нашли 65 фр. и отрывок из известного произведения Метерлинка «Синяя птица», переписанный на машине.

Толпа хотела разорвать убийцу на части; с трудом полицейский и социалисты отстояли его. На первом допросе в полицейском участке убийца отказался назвать комиссару свое имя и ограничился следующим заявлением:

«Я скажу вам только, что сегодня вечером я увидел Жореса в кафэ Croissant, на улице Монмартр № 146, обедающим вместе с шестью или семью лицами.

Левой рукой я поднял занавес, а правой выстрелил в Жореса два раза.

Я совершил этот акт потому, что Жорес изменил своей стране, ведя кампанию против закона о трехлетней воинской службе. Я полагаю, что нужно наказывать изменников и что следует отдавать свою жизнь за подобное дело. Я глубоко удовлетворен исполненным долгом».

Но в тот же вечер убийца открыл следователю свое имя: Рауль Вилен и адрес rue d'Assas 44, и сообщил, что ему 29 лет, что он ученик архитектурного отделения Луврской школы, что его отец чиновник

трибунала в Реймсе, а мать уже двадцать лет находится в доме умалишенных. Относительно мотивов убийства он повторил то же приблизительно, что и комиссару: «В тяжких обстоятельствах, переживаемых страной, я хотел уничтожить врага родины». На квартире убийцы нашли черновик письма, начинающегося следующими словами:

«Отечество в опасности. Нужно беспощадно карать внутренних врагов».

Оставим убийцу и вернемся к трагедии, разыгравшейся в ресторане Croissant.

Стол, за которым сидел Жорес, стоял параллельно улице. Жорес сидел спиной к стене, прорезанной тремя большими окнами. Как раз сзади Жореса находилось центральное окно, которое, в виду жары, было открыто. Убийца, подойдя к окну с наружной стороны, поднял левой рукой спущенную занавеску, а правой, почти приставив дуло револьвера к голове Жореса, выстрелил сзади два раза. Жорес приподнялся, затем тяжело упал на левый бок. Тотчас как будто началась предсмертная агония. Над правым ухом зловеще показалась частица мозга.

Побежали за доктором. В числе обедавших в ресторане находился какой-то фармацевт. Он подошел к раненому, пощупал его пульс и печально покачал головой. Расстегнули рубаху — сердце еле билось, положили недвижное тело на стол. Прибежал Компер-Морель и, держа холодную руку Жореса, плакал. Ренодель прикладывал салфетку к маленькой ране, откуда сочилась кровь. Пришел врач. «Господа, — сказал он, — я боюсь, что уже свершилось непоправимое». Все с трудом сдерживали рыдания. Прошли долгих три минуты, в течение которых доктор свидетельствовал раненого.

«Жорес умер, — сказал он. — Мне остается лишь преклониться пред ним».

Раздались громкие рыдания. Все присутствующие в ресторане, друзья, товарищи, посторонние лица плачут. Вдруг открывается дверь, входит какой-то офицер высокого роста, в походной форме, с револьвером у пояса. Он раздвигает толпу и, подойдя к трупу, падает на него со стоном, обливаясь слезами.

В этот момент волнение всех присутствующих доходит до последней степени напряжения. У всех является одна и та же мысль: в лице коленопреклоненного капитана Франция, уходящая к границе, которой угрожает внешний враг, отдает свой последний долг тому, кто всю свою жизнь с такой энергией и таким самоотвержением боролся за сохранение европейского мира и старался предотвратить войну и ее ужасы...

Жорес умер, началась мобилизация...

Жорес умер, начала надвигаться война...

Преступник маленьким куском свинца разбил чудный мозг и великое сердце. Что останется от современной культуры и цивилизации, от интернационала, которому мы служили всю нашу жизнь, когда безумный бог войны расстреляет тысячами и тысячами тонн свинца, чугуна и динамита всю Европу и разобьет миллионы жизней...

Последняя предсмертная попытка Жореса была направлена в пользу мира. В течение рокового дня 31 июля в палате распространялись самые тревожные известия о международном положении. Известия эти шли от министров Оганьера и Далинье. В палату пришел министр внутренних дел Мальви. Жорес с сильной тревогой стал расспрашивать министра о положении дел, о поведении министерства, о результатах, которые можно ждать от предложения сэра Грея. Министр внутренних дел ответил, что французское правительство всеми своими силами поддерживает английское министерство в попытках добиться миролюбивого разрешения конфликта, и что переговоры продолжаются, несмотря на всю серьезность положения.

И Жорес в ответ на эти уверения просил возможно точнее и обстоятельнее рассказать ему, в какой именно форме министерство поддерживает английское предложение. Как сообщает Марсель Кашен, присутствовавший при этой беседе, Жорес интересовался узнать, с достаточной ли энергией, со всеми ли необходимым пылом и страстным желанием мира поддерживает Франция Англию. Жорес указал, как велика будет ответственность французского правительства, если оно не окажет самого энергичного давления на Россию, которая одна только может спасти мир.

«Не следует, — прибавил Жорес, — тянуть вялые переговоры с Россией. Нужно заговорить с ней твердым, энергичным языком. Нужно указать ей, что в конфликте, который надвигается, России грозит неизмеримо меньшая опасность, чем Франции, что именно последней придется выдерживать самый страшный и наиболее решительный удар, что в этих условиях Франция имеет право требовать от своего союзника, чтобы последний пошел как можно дальше по пути, намеченному Англией. Россия должна принять английское предложение. В противном случае Франция обязана сказать России, что она не последует за ней и останется вместе с Англией».

«Если давление не окажется достаточно энергичным, — закончил по словам Кашена Жорес, — в таком случае непоправимое совершится. На французское правительство падет страшная ответственность. Сделается, — увы! — очевидным, что наша страна неспособна на правах равного громко говорить для защиты своих интересов, что она является лишь вассалом России,[1] которая из самолюбия увлекает Францию в сторону от ее дороги, от призвания, лежащего на последней».

Министр слушал страстную мольбу Жореса, он уверял последнего в своем желании сохранить мир. Но видно было, что он не соглашался

---

[1] Жорес совершенно неправильно представлял себе отношения между царской Россией и Францией. До мировой войны царская Россия находилась в финансовой зависимости от Франции и военные конвенции между обоими государствами ставили русскую армию в положение наемной армии в руках французских империалистов. В период же мировой войны царская армия вела оборонительную и наступательную кампанию, считаясь с условиями и обстановкой не на русском или немецком, а на французском фронте. Подробнее об этом см. нашу работу «Советская Россия и Франция».

*

с Жоресом о крайней необходимости и целесообразности обращения к России в духе, указанном вождем французского социализма.

Тогда Жорес решил увидаться с президентом Совета министров Вивиани. Вместе с Марсель Кашеном, Лонгэ, Браком, Бедусом, Ренноделем Жорес отправился в министерство иностранных дел. Вместо Вивиани делегацию принял товарищ министра Абель Ферри. Жорес с настойчивостью и с поразительным красноречием, в беседе, в которую он, казалось, вложил всю свою душу, повторил и развил свои прежние аргументы о необходимости энергичного воздействия на Россию в интересах мира. Абель Ферри не дал определенного ответа и только сказал: «Как жаль, Жорес, что вы не находитесь среди нас, министров, чтобы помочь нам своим советом».

Жорес отправился в редакцию «L'Humanité», чтобы изложить в передовой статье взгляд, который он только-что развивал перед бессильными и ослепленными министрами. По словам Кашена и других сотрудников «L'Humanité», он собирался написать решительную статью, в которой он слагал ответственность социалистической партии за роковые события, надвигавшиеся на Францию и всю Европу.

Смерть под пулей убийцы помешала ему в этом, к несчастью для Франции и всего международного социализма.

Оплакивая смерть великого французского социалиста, «L'Humanité», вышедшее сегодня в траурной кайме, пишет:

«Существует древнее восточное поверие, которое гласит, что смерть одного святого может искупить грехи всего человечества, спасти его от страданий и смерти. Пусть же смерть нашего святого, который только-что погиб на своем посту, жертвой неискупаемой, неизгладимой ненависти и злобы, возбудит во всем мире такой великий ужас, такое отвращение, чтобы народы, поднявшиеся неожиданно против войны, нашли в этом ужасе силу — есть еще время сделать это — остановить руку убийц.

Перед окровавленным трупом своего руководителя редакция «L'Humanité» всей силой своего сердца высказывает это пожелание».

Однако, события идут своим чередом, развертываются с поразительной быстротой. На улицах с раннего утра сильное волнение. Одни куда-то спешат, другие собираются, как всегда, в кучки. Одна женщина нашего квартала рассказывает мне, что мужа ее, которому уже под 40 лет, призвали в войска, что позвали и других запасных зрелого возраста, но что почему-то не трогают более молодых. Я догадываюсь, в чем дело, но молчу. Очевидно, все призванные сегодня ночью и рано утром пойдут охранять железные дороги и мосты, и когда эта стража будет уже стоять на своих местах — начнется всеобщая мобилизация.

5 часов пополудни.

Около почтового бюро стоит толпа людей. Подхожу. На стене наклеено небольшое рукописное объявление на желтой бумаге:

«Министерство военных дел.
Циркуляр крайней важности.
Приказ о всеобщей мобилизации.
Первый день мобилизации воскресенье,
2 августа».

Итак, завтра начнется всеобщая мобилизация. Подобные небольшие объявления вывешены у всех почтовых бюро, у префектуры полиции, на всех общественных памятниках.

Жорес умер; начинается всеобщая мобилизация. Жорес убит, надвигается всеобщая бойня...

Воскресенье, 2 августа.

Всеобщая мобилизация.

Германия объявила войну России. Об этом узнали в Париже вчера в 10 часов 28 минут вечера по телеграмме, полученной французским министерством иностранных дел от русского правительства.

Все газеты печатают прокламацию французского правительства к нации. Правительство сообщает, что оно объявило всеобщую мобилизацию, но что «мобилизация не обозначает еще войны. Наоборот, это лучшее-де средство обеспечить мир с честью».

Очевидно, эта прокламация была составлена и подписана президентом республики и всеми министрами до того, как стало известно об объявлении Германией войны России.

Многие дезертиры, в числе которых было немало анархо-синдикалистов и других революционеров, разделявших прежние идеи Эрве и других проповедников саботажа, отказа от военной службы, бегства из-под знамен и т. д., при первом известии о всеобщей мобилизаций явились к французским консулам в Бельгии, Швейцарии, Голландии и заявили о своем желании искупить свой грех и вернуться на родину; чтобы отдать свою жизнь стране в минуту опасности. Другие дезертиры, скрывавшиеся во Франции под ложным именем или проживавшие свободно в пунктах, близких к границе, вчера вечером явились к комиссарам и заявили, что они бросают обеспеченную службу, не считаются с карой, которая грозит им за дезертирство или уклонение от военной службы, и отдают себя стране. Анархо-синдикалистская пресса с горячим сочувствием рассказывает о подобных фактах.

Оказывается, что приказ о мобилизации был одновременно расклеен во всей стране. Так что вчера в 5 часов вечера на крайнем севере, на востоке, на западе, в больших городах и глухих деревушках

все граждане знали о всеобщей мобилизации. Неудивительно, что в тот же вечер многие французы, проживавшие в Бельгии, Швейцарии, Испании и т. д., в свою очередь знали уже о правительственном распоряжении.

Вторник, 4 августа.

Похороны Жореса. Надгробные речи.

Позавчера вся Франция объявлена на осадном положении. Вчера Германия объявила войну Франции, и немецкий посол фон-Шэн в 10 часов вечера покинул Париж. Сегодня, в первый день, когда Париж и вся Франция узнали о войне с Германией, хоронили Жореса, апостола международного мира.

Жорес, великий Жорес, о котором всю жизнь распространяли столько клевет, о мнимом богатстве и несуществующих автомобилях которого столько писалось в реакционной прессе, умер, не оставив никаких средств. Социалистическая партия взяла на себя все расходы по устройству похорон.

3-й день мобилизации. Париж наполовину опустел. Десятки и десятки тысяч мужчин ушли к границам. Многих видных социалистов и анархистов, анархо-синдикалистов, депутатов, журналистов, известных народных агитаторов, секретарей различных профессиональных, кооперативных и других рабочих организаций и т. д. уже нет в Париже. Одни уже стоят под ружьем на восточном и северном фронтах или еще сидят в вагонах, мчащихся к угрожаемым пунктам, к Лиллю, Лонгви, Нанси, Бельфору и т. д. Каждые сутки из Парижа уходят 150 поездов с войском, кавалерией, пехотой, артиллерией, съестными и боевыми припасами.

Все же с раннего утра на улицах, прилегающих к скромному домику, где жил погибший боец, собралась несметная толпа народа. Нет многих известных товарищей, которых всегда видишь в первых рядах во время манифестаций на кладбище Père Lachaise по поводу коммуны и в других торжественных случаях, когда социалистическая партия и пролетариат устраивают свои маневры и чествуют своих мучеников, нет многих товарищей, но за то видишь больше, чем когда бы то ни было, женщин и среди них много таких, которые сегодня, может-быть, первый раз в жизни приняли участие в публичной демонстрации. Это матери и жены социалистов, ушедших на войну, пришли преклониться перед гробом того, кто был апостолом идеи европейского мира и заплатил своей жизнью за неутомимую войну против войны.

В скромной квартире на улице de la Tour, 96, жена Жореса, его дочь, 16-летний сын и некоторые другие члены семьи принимают посетителей, покорно выслушивают слова утешения, которые — увы! — никого не утешают.

В 9 часов 10 минут подымают гроб и помещают на траурные дроги. Печальный кортеж покидает виллу. Впереди кортежа идет г-жа Жорес,

опираясь на руку министра иностранных дел и президента совета Вивиани. За ними следуют семья покойного, друзья и делегация. Медленно движется похоронная процессия. Гробовая тишина. Нет оркестра. Не слышно ни звуков траурного марша Шопена, ни пения Интернационала. Только гулко раздаются шаги тысяч и тысяч убитых горем людей, медленно шествующих с опущенными головами, с печатью скорби на лицах. Кортеж движется по улице Eugène Delacroix, затем по Henri Martin. На углу улицы la Pompe возвышается трибуна и здесь же стоит катафалк. Вокруг трибуны собрались делегации от французской социалистической партии, от всеобщей Конфедерации Труда, от редакции «L'Humanité», от парламентской социалистической группы, от Парижской группы демократической партии. Все видные представители синдикализма, Гриффуэль, Пужэ, Ивто, Марк, Жуо и многие другие, стоят здесь рядом с социалистами-депутатами вокруг катафалка, где покоится труп великого социалиста. Умер великий социалист, который так, как никто, умел перед тысячами и тысячами с затаенным духом слушающих его рабочих рисовать великую роль пролетариата в истории человечества и геройски, не щадя своих сил, не сходя с своего высокого поста, вел этот пролетариат от одной победы к другой, умер, подло убитый теми самыми силами реакции и одичания, которые он ненавидел от всей души, беспощадно преследовал всю свою жизнь, твердо веря, что скоро царство разума восторжествует на всей земле и справедливость будет господствовать как в общественных отношениях, так и в сердцах отдельных индивидов.

В толпе, кроме синдикалистов, социалистов, бросаются в глаза стоящие, порой рядом с рабочими, министры, сенаторы, видные буржуазные журналисты, представители всех парламентских партий и т. д. Тут и Мальви, министр внутренних дел, и Томсон, министр торговли, и Оганье, морской министр, и все остальные члены кабинета. Здесь и Поль Дешанель, президент палаты депутатов, и Антонэн Дюбост, президент сената. Здесь и Пишон, участвующий на похоронах от имени президента республики. Далее, генерал Педойа, капитан 102 пехотного полка Жерар, бывший префект Андриэ, известный пацифист сенатор Эстурнель де-Констан, его коллеги Штраусс, Шерон и т. д. Далее — академик Морис Баресс, президент лиги патриотов и постоянный сотрудник «L'Echo de Paris», консервативный депутат Лемаршан, г-жа Северин и многие другие, и рядом тысячи и тысячи серых рабочих с безвестными именами, но с лицами, на которых написаны величие и сила французского пролетариата, с затуманенными глазами, в которых отражаются скорбь народных масс, сознание важности и трагичности переживаемого момента.

Гроб поднят и поставлен на катафалк. Ренодель, друг Жореса, главный администратор «L'Humanité», вызывает одного за другим ораторов.

Первым всходит на трибуну президент совета министров Вивиани. Он начинает говорить — вернее, он читает речь, написанную им зара-

нее и, очевидно, одобренную правительством. Он рассказывает о том, как в четверг его посетил Жорес в здании министерства, как умолял своим голосом, сильным и в то же время задушевным, сделать все возможное, чтобы сохранить мир. «Лично я теряю в нем друга, — говорит Вивиани. — Жизнь, которая когда-то объединила нас в интимной дружбе, разъединила нас в последние годы... Но его сердце, его характер, его высокая моральная личность, эта жизнь, простая и честная, вся отданная на служение долгу, это неутомимое апостольство, это самопожертвование в пользу угнетенных возбуждали наше уважение и наше удивление. Будьте снисходительны к моему волнению в тот момент, когда среди этих недолговечных цветов я возлагаю букет, откуда навсегда испаряется благоухание наших совместно проведенных юношеских годов».

«История скажет, чем он был. От имени правительства республики в эти часы, которые так кратковременны, благодаря развертывающимся событиям, в эти скоротечные часы, единственные, которые мы можем посвятить нашим горестям, частным и общественным, я приношу ему выражение искреннего и публичного уважения. И перед этим гробом, где покоится бездыханным самый страстный из людей, перед этими успокоенными чертами, перед этими потухшими глазами, перед этими устами, навсегда замолкшими, я призываю всех французов к объединению, к национальному успокоению. И если бы великий трибун мог подняться, он бросил бы тот же призыв».

Затем произносит речь депутат Брак от имени редакции «L'Humanité». Он говорит, что до последней минуты Жорес и французский пролетариат надеялись на возможность сохранения мира. «Непоправимое свершилось, вы здесь вокруг его гроба, вокруг французской республики, чтобы она не погибла», заканчивает Брак при громе аплодисментов.

Потом говорят Фердинанд Бюссон от имени Лиги прав человека и гражданина, Эстурнель де-Констан от имени парламентской Комиссии арбитража, Пуассон от имени Национальной федерации кооперативов, Марсель Самба от имени парламентской социалистической группы, Эдуард Вайян от имени социалистической партии. Вайян призывает товарищей объединиться до последней капли крови «во имя отечества, республики и революции».

Луи Дюбрей, представитель административной комиссии партии, указывает, что Жорес всю свою жизнь боролся за сохранение мира. Он пал побежденным в этой борьбе, и с ним потерпела поражение партия. Война встает перед страной... «Но если бы Жорес был среди нас, он призывал бы всех к борьбе и своим мощным голосом он объединил бы все живые силы страны. И защищая Францию, он делал бы это с убеждением, что он защищает высокий идеал социалистической партии».

Затем говорит бельгийский депутат Гюисман от имени международного социалистического бюро и всех секций рабочего Интернационала.

«От имени международного социалистического бюро я выражаю перед вами глубокую скорбь рабочих и социалистических партий всех стран.

«На земном шаре нас десять миллионов организованных рабочих, для которых имя Жореса являлось самым благородным, самым красноречивым, самым полным воплощением социализма.

«Гений Жореса не укладывается в рамки одной партии. Он не был человеком секты. Он был больше, чем представителем одного класса. Он символизировал эпоху. Он не только освещал и прояснял мысли своих друзей — лучи его гения падали и на его противников. Его неожиданная потеря является национальным бедствием, все размеры которого чувствует Франция в этот момент.

«Но Жорес не принадлежал только Франции. Он принадлежал всем национальностям. «Его гибель является европейской катастрофой», писал вчера один из главных органов английской прессы. Эта фраза верна, эти слова точны. Деятельность Жореса переходила далеко за пределы его отечества. Я представляю себе, чем он был для маленьких наций, для жертв, которых преследуют, для слабых, которых подавляют, для армян, которых режут...

«Я вспоминаю также, чем он был для рабочих других стран, и я думаю о тех дебатах на наших конгрессах, где его слово имело вес десяти наций. Я вижу иностранных делегатов, выжидающих, чтобы Жорес высказался прежде, чем решиться принять то или другое окончательное решение. И даже когда делегаты не соглашались с Жоресом, они стремились приблизиться к его концепциям, ибо они чувствовали, что слово Жореса содержит в себе больше, чем та относительная истина, которую мы все ищем в мыслях другого.

«Он был более, чем артистом, он был более, чем словом, он был более, чем оратором. Он был совестью. Он был моральной ценностью. Он умел давать пример подчинения дисциплине. Он был подобен тем финляндским дубам, высоким, как мачты, и твердо прикрепленным к земле, которые умеют склонять свои верхушки, не ослабляя своих корней и удваивая силу своей гибкости.

«Я отказываюсь описать вам то отчаяние, которое вызвала его смерть в пролетариате. В моей стране, где он произнес свою последнюю большую речь в зале, наполненной многими тысячами человек, я видел старых партийных работников, которые плакали навзрыд как дети при известии о покушении. Они не могли понять, как нашелся сын женщины, который дерзнул пролить кровь самого благородного из людей.

«Жорес погиб, как Шумейер несколько месяцев тому назад в Вене; один христианский социалист, возбужденный клеветнической кампанией антисемитской прессы, выстрелил сзади в австрийского депутата и прострелил ему голову.

«Покушение повторилось в Париже почти в той же обстановке, в разгаре аналогичных отвратительных страстей и, может-быть, по вине сходных лиц и групп.

«Жорес исчез в тот момент, когда всей Европе грозит опасность быть преданной огню и смертоубийствам.

«Убийство величайшего гражданина явилось предвестием самых страшных катастроф, и судьба как бы желала пощадить Жореса и не дать возможности увидеть варварские картины непреклонному оптимисту, который, несмотря ни на что, продолжал упорно верить в конечное торжество разума и здравого человеческого смысла.

«Он исчез как молния, без боли, без страданий. Он беседовал; добродушно слушал он слова товарищей. Вдруг сзади его преступная рука спустила курок. И он тихо пал на грудь друга. Убийца целился в голову. Одним ударом он разбил мозг самый утонченный, самый сложный, который произвели три поколения высоко-интеллигентных людей, мозг, который является чудом научной точности, очагом человеческой радости, пламенем братской любви».

Затем говорит Жуо, лицемерно использующий подобно предшествовавшим ораторам смерть ярого противника французского империализма, Жореса, павшего от руки французских патриотов, чтобы призывать к борьбе против немецкого империализма во имя свободы, защищаемой Францией Пуанкаре совместно с царской Россией.

«Что сказать в эту минуту, когда открывается эта могила перед тысячами других могил, — восклицает Жуо. — Что сказать в нашем безмерном горе? Жорес был нашей мыслью, нашей живой доктриной, в его образе, в воспоминании о нем мы будем черпать наши силы в будущем.

«Многие считали нас противниками Жореса. Ах, как ошибались те, кто думал так. Он был для нас воплощением вечного движения, неостанавливающейся деятельности. Да, верно, между нами и им существовали разногласия по вопросам тактики. Его деятельность и наша дополняли друг друга. Его интеллектуальная работа порождала нашу действенную активность. Именно с ним мы находились в постоянной общности идей... Страстно увлеченный борьбой, которая возвышает человечество и делает его лучшим, Жорес никогда не сомневался в великой возрождающей миссии пролетариата...

«Жорес был нашей опорой в нашей страстной деятельности в пользу сохранения мира. Не вина Жореса, если мир не восторжествовал. Внезапно наступает война. Прежде чем отправиться принять участие в страшной бойне, я объявляю перед этим гробом от имени рабочих, которые уже ушли, от имени тех, которые сейчас пойдут и в числе которых я нахожусь, что мы идем на поле битвы, чтобы отразить наступающего врага и что нами руководит не ненависть к немецкому народу, а ненависть к немецкому империализму. Мы будем солдатами свободы, приносящими свободу другим народам. Будем бороться против деспотизма.[1]

---

[1] Жуо — до мировой войны виднейший анархо-синдикалист, ярый антипатриот, пропагандист всеобщей стачки, в качестве наиболее действительного средства борьбы с буржуазией. Во время и после войны — социал-шовинист, ныне один из вождей желтого (Амстердамского) объединения профсоюзов.

«Да, Жорес, неизгладимая память о тебе поможет нам в страшной битве, в которой мы примем участие, и даст нам силу победить. Твой образ будет стоять перед нами как факел, которого не потушит никакая буря. Не будем терять нашей веры в Интернационал, будем тверды в нашем решении завоевать нашу собственную эмансипацию и дать свободу тем, кто ждет ее».

Кончается серия речей. Снова медленно подымают гроб и ставят на огромный катафалк. Под руководством Реноделя снова формируется кортеж. Медленно течет процессия по улицам и бульварам, кишащим народом. Впереди двигаются три колесницы, покрытые венками: от редакции, «L'Humanité», от итальянской социалистической партии с надписью: «Великому мученику», от русской социалистической партии: «Великому апостолу международного социализма», от «La Guerre Sociale» и др.

За колесницей идут сын Жореса, юный Луи, и другие члены семьи, за исключением брата Жореса — вице-адмирала Жореса, который в этот момент находится на военном судне в Шербурге. Затем следуют многочисленные социалистические делегации с красными знаменами. Потом идут депутаты. Русская социалистическая колония в Париже, любившая Жореса, чуть ли не в полном составе принимает участие в похоронной процессии. Все встречные снимают шляпы перед гробом Жореса. Отряд солдат, уходящих не сегодня-завтра к границе, салютует погибшему на своем посту революционеру. У многих солдат на глазах слезы.

Кортеж проходит мимо палаты Депутатов. При входе на мост Согласия кортеж согласно программе медленно рассеивается. Остается небольшая кучка: семья Жореса, члены редакции «L'Humnité» и некоторые интимные друзья Жореса. Траурная колесница медленно движется к вокзалу Orsay. В час пополудни гроб снимается с катафалка, вносится в запломбированный вагон, который должен унести последние останки великого мученика и апостола социализма в Кармо, где они будут преданы земле. Друзья и ближайшие сотрудники Жореса в последний раз проходят перед гробом того, кого они так горячо любили, кто был их дорогим учителем, верным братом, подходят к членам семьи Жореса, отдают им низкий поклон и медленно расходятся.

Париж, 5 августа 1914 г.

Среда, 5 августа 1914 г.

Четвертый день мобилизации.

На другой день после похорон Жореса. Погромные беспорядки в столице. Шпиономания и разрушение лавок Мажи. Протесты сознательной части населения против черносотенных бесчинств. Энергичные меры, принятые властями. Париж вечером.

Вчера похоронили Жореса. Над великим городом, столицей Франции, сердцем земного шара, над этими улицами, переполненными вооруженными гражданами, одетыми в солдатские мундиры, но и в этих мундирах

сохраняющими гражданский облик без фанфаронства и воинственных поз, над этими толпами, серьезными и сосредоточенными, подымается солнце, милое солнце Парижа. И Жорес не увидит уже этого солнца. Голос Жореса, то звонкий, как голос парижского гамена, то могучий и грозный, как шум бушующего моря, умолк навсегда. Никто не услышит уже раскатов этого голоса в Парламенте или на народных собраниях во время бурных атак лидера парламентской социалистической фракции против партий реакции, увлекающих народы к новым и новым вооружениям, к неминуемым войнам. Только на-днях, рука об руку с немецкими социалистами, Жорес призывал в Брюсселе международный пролетариат к защите мира, во что бы то ни стало, и произнес в «Maison du Peuple» речь, в которой он, как бы предчувствуя приближение смерти, превзошел самого себя и говорил с такой силой, с таким чувством, как еще никогда не говорил ни он сам, никто другой до него. Только на-днях Жорес восторженно с гордостью и глубоким внутренним удовлетворением говорил о том, как он рад тому, что он вместе с Вайяном Жюлем Гедом приняли «мужественное и братское предложение немецких социалистов» созвать в первых числах августа международный конгресс в Париже в пользу мира, опять-таки мира. До последней минуты его несравненный талант изощрялся, его благородное сердце билось, его острый ум работал только для одного дела, для великого дела освобождения человечества от оков экономического рабства и вместе с тем для устранения призрака войны. И за несколько минут до своей смерти Жорес говорил своим собеседникам о возможности сохранения мира.

И когда я читаю эти строки, вдруг раздается звонок, и появляется Шарль Рапопорт, главный редактор выходившего как раз накануне войны еженедельного органа «Contre la guerre» (Против войны). И как бы отвечая на мои затаенные мысли, он протягивает номер какой-то газеты и говорит: «Смотрите, смотрите, вот кто убил Жореса. Я давно уже видел, что Жоресу угрожает страшная опасность. Против него велась организованная кампания. Реакция открыто призывала к убийству Жореса, противника закона о трехлетней службе, глашатая международного мира... Жорес был слишком простой в своих привычках человек. Он не принимал никаких мер предосторожности, не способен был заботиться о себе, подумать о своей безопасности даже в том момент, когда смерть начинала витать над его головой... Я как-то по телефону обратил внимание Жореса на угрозы по его адресу. Но где тут Жоресу было думать хоть минуту о своей собственной личности. Он жил только для других».

Я беру у Рапопорта номер «L'Action Française» от 18 июля, вышедшей за две недели до убийства Жореса, и после бессмысленной, провокационной передовицы о «шпионской немецкой» фирме Мажи, читаю статью Шарля Морраса о Жоресе, члене французского парламента, проникающем в комиссии о французской армии, об этом «индивидууме», «субъекте», продающем свое красноречие и талант в пользу немцев,

как фирма Мажи продает в тех же интересах свое фальсифицированное молоко.

«Понимаете, что они говорят?» — комментирует Рапопорт только-что цитированную статью. «Жорес, по их мнению, это не только немецкий агент, это сама Германия, которая расположилась во Франции, как у себя дома, все выслеживает, все вынюхивает, выкрадывает все военные секреты, деморализует все жизненные силы страны и подготовляет новый разгром Франции, более страшный, чем разгром 1871 г. И обратите внимание — говорит мой собеседник — на окончание статьи, на эти таинственные фразы о верных друзьях, готовых следовать директивам газеты о необходимости перейти к серьезным актам, сопоставьте эти намеки с прямыми угрозами линчеванием, расправой по адресу Жореса, и вы согласитесь, что убийство последнего было организовано целой шайкой и что арестованный преступник явился лишь слепым орудием в руках этой шайки».

И я лично, с своей стороны, также уверен в том, что убийство вождя французского пролетариата было организовано черносотенной бандой. Правда, теперь подстрекатели сами испугались своего преступления перед зрелищем всеобщего горя и негодования страны по поводу совершившейся катастрофы. И те, кто только вчера клеймил Жореса, как изменника и предателя, сегодня уже пишут лицемерно о нем, как о горячем патриоте, может-быть, и заблуждавшемся, но безумно любившем Францию. Но ведь Жорес до последней минуты оставался верен себе и ни на иоту не изменил своим взглядам. За час до своей смерти он обличал малодушие, недальновидность министров, клеймил интриги международной дипломатии. И разве те бандиты из Action Française, Paris Midi и т. д., которые восхваляют Жореса, не делают этого только для того, чтобы замести следы своего соучастия в преступлении.

Тов. Рапопорт прощается и уходит. Затем снова раздается звонок. Это консьерж приносит почту. Я наскоро просматриваю провинциальные социалистические газеты. Все они наполовину посвящены грозным международным событиям, мобилизации и войне, на половину смерти Жореса. Среди других статей, посвященных памяти безвременно погибшего товарища и вождя, обращает на себя внимание статья депутата Прессмана, члена гедистской фракции, напечатанная в еженедельном лиможском журнале «Le Petit Limousin».

Интриги русской дипломатии накануне войны внушали сильные опасения Жоресу. Вот как А. Прессман, редактор еженедельного социалистического журнала «Le Petit Limousin», выходящего в Лиможе, рассказывает в номере от 2 августа 1914 г., т.-е. на другой день после убийства Жореса, о взгляде покойного товарища на политику русской дипломатии в надвигавшемся кризисе. Прибавим, что когда редактор лиможского журнала писал нижеследующие строки, он еще не знал, что Жорес убит. Последний был убит приблизительно через два часа после отхода поезда из Парижа в Лимож.

«Под шум поезда, увозящего меня из столицы я записываю эти строки, желая поделиться с читателем газеты впечатлениями, которые я уношу из Парижа.

«Только-что в Бурбонском дворце (Палате Депутатов) мы ждали известий... час отхода поезда настал раньше, чем пришли новости. Каковы они будут через несколько минут...

Говорят, что дипломатические отношения прерваны между Россией и Австрией, но официальные сообщения утверждают, что переговоры продолжаются между кабинетами обеих стран... Будем верить официальным сообщениям.

Положение очень серьезное. Жорес всегда хладнокровный и дальнозоркий, сохранявший до последней минуты полный оптимизм, не скрывает своего беспокойства. С газетой «Фигаро» в руке он нам объясняет:» Франция является игрушкой в руках России. Ночью со среды на четверг наше правительство чуть было не оказалось одураченным. Только-что перед тем произошло известное выступление германского правительства перед русским по поводу русской мобилизации. Наше правительство не было предупреждено о последнем факте. Однако, русское посольство в Париже было уведомлено об этом выступлении немецкого правительства в выражениях, которые представляли этот германский шаг, как носящий угрожающий характер. Тотчас же посольство дало знать о полученном сообщении нашему министру иностранных дел. В результате наши министры, быстро призванные в три часа ночи в Елисейский дворец на совещание к президенту республики, приняли первые меры в видах объявления мобилизации. Непоправимое свершилось бы. Если бы эти приказы были осуществлены, Германия, ссылаясь на наше собственное поведение, в свою очередь мобилизовала бы.

Это была бы война. Произошла бы ужасная вещь... и Россия была бы довольна. К счастью, пришли более точные сведения, устанавливающие истинный и менее угрожающий характер происшедших фактов. Удалось остановиться во-время. Это было только ложным манёвром.

И Жорес прибавил к этому рассказу: «Эта Эмская депеша в обратном смысле»... Затем переходя к одной группе, к другой Жорес повторяет тревожные мысли, просит советников правительства настаивать перед последним, чтобы оно не поддавалось ни панике ни козням русской дипломатии.

Таков рассказ редактора Лиможского журнала о взглядах Жореса на интриги русской дипломатии в этой войне. Этот рассказ А. Прессмана вполне совпадает со статьей Марселя Кашена о последней предсмертной попытке Жореса в пользу мира. Однако, ни один французский социалист не посвятил столько энергии разоблачению интриг именно французской дипломатии в Марокко и подчеркиванию всех опасностей, связанных с французской империалистической политикой... Следовательно, нельзя сомневаться в том, что с точки зрения Жореса не только деятельность царской дипломатии, но и вся политика Франции Марокканского периода толкали Европу к мировой войне, против которой Жорес

так энергично, но безуспешно боролся. Как бы то ни было Жорес убит не за разоблачение интриг царской дипломатии, а именно за борьбу против империалистической политики французской республики. Но теперь французская социалистическая печать не заикается ни словом об этой важнейшей стороне в деятельности Жореса и в один голос с некоторыми буржуазными газетами оплакивает смерть Жореса, как смерть крупного деятеля, который помог бы стране в борьбе с внешним врагом.

ПОСЛЕСЛОВИЕ.

В интересах «гражданского мира» суд над убийцей Жореса непрерывно откладывался до конца войны и лишь в 1919 году убийца Жореса предстал перед лицом французского правосудия и был приговорен к нескольким годам тюремного заключения.

22 ноября 1924 г. постановлением правительства прах Жореса был перенесен в Пантеон. В похоронном шествии приняли участие палаты депутатов и сената, члены парламента, парижского муниципального совета, французские и иностранные социалистические делегации и громадная толпа. По прибытии шествия к Пантеону, Эррио произнес речь, посвященную жизни и деятельности Жореса.

Социалистическая партия организовала в залах Трокадеро манифестацию в память Жореса. С речами выступали: Жуо, Блюм, Фердинанд Бюиссон, Вандервельде.

Коммунисты не участвовали в официальной процессии, скорее оскорбительной для Жореса и демонстрировали в этот день отдельно. «Второе убийство Жореса», так охарактеризовало «Юманите» смысл комедии, устроенной «левым блоком» буржуазии и социалистами. Организаторами этого второго убийства были те самые господа, которые во время похорон Жореса в 1914 г. произносили такие красивые речи над его могилой. Коммунистическая манифестация в день перенесения праха в Пантеон превратила официальную церемонию в революционную демонстрацию, в которой принимало участие около 150 000 рабочих.

Эта коммунистическая манифестация вызвала негодование со стороны всей буржуазной прессы, «Эко де Пари» заявляло, что день перенесения праха был днем красных знамен, днем, когда антипатриоты Кашен и Вайян-Кутюрье явились действительными «ораторами парижской толпы».

Этот день, явившийся внушительным смотром революционных сил, день, когда на улицах Парижа из уст 150-тысячной толпы рабочих раздавались крики «Да здравствует коммунизм. Да здравствуют Советы», был днем торжества французской коммунистической партии.

«Сегодня — писал в Юманите тов. Вайян-Кутюрье — впервые за все время от начала империалистической войны ощущалось в фашистских кварталах Парижа настоящее дуновенье революции, пронесся первый очищающий вихрь. Демонстранты были еще без оружия, они шли с песнями, но эти песни были отточены, как кинжалы. Процессия шла по улице Сен-Флорентин, где в 1871 году были баррикады коммунаров.

У Пантеона другое воспоминание: здесь был редут защитников Коммуны на левом берегу, здесь был потом расстрелян Мильер, расстрелян генералами той самой буржуазии, которая теперь пытается присвоить себе труп и славу Жореса.

200 000 трудящихся, последовавших за комитетом действия, вырвали прах Жореса у буржуазии для того, чтобы поручить его большевистской революции».

Французская Компартия опубликовала воззвание:

«Жорес под красным флагом пролетарской революции». Если, — говорится в этом воззвании, — Жореса нельзя поставить рядом с Лениным, то он, во всяком случае, был антиподом нынешних Блюмов, Поль Форов, Носке и Шейдеманов... Жорес был заклятым врагом буржуазии. Поэтому трижды позорна попытка использовать труп Жореса против пролетариата, против русской революции, против борьбы классов, — это один из самых отвратительных скандалов наших дней».

В напечатанном выше дневнике событий, предшествовавших мировой войне, нет, понятно, теоретического освещения событий, а лишь изложение последних. Что касается теоретического освещения позиции выдающихся французских социалистов: Жореса, Вайяна, Геда, как и их единомышленников в других странах (Кейр-Гарди, Плеханов и т. д.), автор отсылает читателя к книжке М. Н. Покровского «Франция до и во время войны», Анри Гильбо «Социализм и синдикализм во время войны», Л. Троцкий «Жан Жорес», его же «Война и революция» т. II (Крушение II Интернационала и подготовка третьего), далее к статьям Зиновьева «II Интернационал и проблема войны» и «Социализм и война» (Г. Зиновьев. Сочинения т. V), к книге «Основоположники коммунизма» (т. XVI), к статье «Французские социалисты и война» (т. IX. «Война и кризис социализма»).

Говоря о лучших представителях II Интернационала, Плеханове, Жоресе, Вайане, Кейр-Гарди, т. Зиновьев писал (том XVI, стр. 174):

«Тут целая трагедия поколения борцов, которые имеют величайшие заслуги в прошлом и которые пережили на закате своих дней величайшую трагедию. Они не сумели пойти нога в ногу с поступательным движением рабочего класса, не смогли понять, что социализм пришел. Социалистическая революция, — о которой писали, что когда-нибудь, через 10 — 50 — 100 лет она наступит и будет желанным моментом, и все произойдет безболезненно, и мы будем итти от победы к победе, — рождается на наших глазах. Социалистическая революция не только грядет, но она уже грянула, и мы находимся в горниле ее, уже со времени первой балканской войны. Этого не поняли старые вожди второго Интернационала.

«Эта величайшая трагедия целой плеяды корифеев второго Интернационала заключалась в том, что они в течение 30 лет жили в другой эпохе, в другой обстановке, и настолько с ней срослись, что не могли в решающую минуту оказаться на своих постах».

В другом месте (т. V, стр. 288) т. Зиновьев пишет:

«Талантливейший из оппортунистов Жорес, давший в своем лице яркий синтез буржуазного и «социалистического» пацифиста, в парламентской речи, произнесенной 20 декабря 1911 г., говорил:

«Есть три силы... которые работают в пользу мира. Первая это—интернациональная организация рабочего класса... Второй фактор мира, это—современный капитализм (имеется в виду пресловутая анджеллистская идея о солидарности интересов международного финансового капитала)... Есть далее третья пацифистская сила, это — возрождение англо-саксонской Америки, старого идеала пуритан... Смотрите, интегральный арбитраж между Соединенными Штатами и Англией, между Соединенными Штатами и Японией начинает воплощаться в жизнь... Если завтра Европа будет иметь безумие расколоться, если часть Европы пойдет против другой ее части, — великий американский идеализм пристыдит вас, выступив с предложением арбитража.

Как зло посмеялась жизнь над пацифистскими утопиями «реальных» политиков оппортунизма. Уже в 1911 году, когда Жорес в палате депутатов произносил эту речь, буржуазный депутат Бужер должен был напомнить социалисту Жоресу о Кубе. «Расскажите-ка нам лучше, как держала себя Америка в войне из-за острова Куба» — крикнул ему этот буржуа. На что Жорес нашелся только ответить: «Разве я сказал, что святые никогда не грешат».

Наконец, в статье «Десница и шуйца Жореса» т. Зиновьев так формулирует сущность жоресизма:

«Пацифизм на революционной подкладке, — вот весь жоресизм».

«С одной стороны — самые революционные призывы, самое беспощадное разоблачение колониальных «флибустьеров». С другой стороны — заявления, что «взглядам пролетариев, социалистов и интернационалистов нисколько не противоречит самое активное участие в народной организации национальной обороны».

«С одной стороны — самый трезвый взгляд на ту роль, которую играет милитаризм в руках империалистов. С другой — проекты создания «новой армии» — «идеальной армии на службе у идеала» (311). «Жорес страстно любил армию потому, что он боготворил Францию», — пишет биограф Жореса (293).

Тут весь Жорес...»

Однако, т. Зиновьев справедливо противопоставляет Жореса сорной траве II Интернационала, жалким шейдеманам всех стран и языков, стоявшим во главе желтого Интернационала после того, как сошли в могилу все лучшие представители II Интернационала.

Жорес был искренним и горячим защитником интересов рабочего класса, самым ярым врагом разбойничьей колониальной политики и вот почему империалисты убили его в самом начале войны. Он был первой жертвой мирового фашизма, который расцвел таким пышным цветом в результате мировой войны.

КНИГА ВТОРАЯ.

ФРАНЦУЗСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ФРАНЦИИ В XX СТОЛЕТИИ

(1890—1926).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ДО-ВОЕННАЯ ФРАНЦИЯ (1890—1914).

ГЛАВА I.

Экономическое возрождение Франции в XX столетии.

1. Военная мощь Франции.

В войне 1914 — 1918 гг. два государства обнаружили необычайную экономическую и военную мощь — Германия и Франция. Колоссальная промышленная и военная сила Германии давно не представляла ни для кого секрета, но все-таки события мировой войны поразили в этом отношении даже тех внимательных наблюдателей, которые необычайно высоко оценивали мощь Германии. Ни один военный специалист Франции, России или Англии не предугадал заранее даже приблизительно численности армии, которую Германия с первых же дней войны будет в состоянии поставить под оружие,[1] ни один не предвидел, до каких чудовищных размеров в процессе войны будет доведена эта армия с ее резервами и запасными батальонами для непрерывного пополнения колоссальной убыли в действующих на боевых фронтах войсках. Никто не подозревал, что Германия, замкнутая железным кольцом враждебных армий, посаженная в заключение на хлебе К-К, будет в состоянии выдержать три года войны, технически в поразительном изобилии и с большей роскошью, чем все ее враги, вооружить не только свои многомиллионные армии, но и армии своих союзников, сначала Австрии, затем Турции, наконец, Болгарии. Можно сказать без преувеличения, что эта неожиданно проявившаяся наружу германская мощь захватила врасплох господствующие классы почти всех европейских стран и явилась для них большей неожиданностью чем пресловутые немецкие победы в войне 1866 и 1871 гг., когда правительства некоторых государств, симпатизировавшие Германии и желавшие разгрома Австрии и Франции, оказались неприятно пораженными той быстротой, с какой дружественная Германия разделалась в ту пору с своими врагами.

[1] Единственное исключение в этом отношении составляет Жорес, который за то не был специалистом и который в своей предсмертной книге «L'armée nouvelle» тщетно боролся против заблуждений французского генерального штаба.

Неудивительно, что французские, английские, русские генералы и вообще военные писатели не предугадали мощи до-военной Германии. Эти военные теоретики так много занимались вопросами «тактики и стратегии», так усердно изучали наполеоновские, суворовские и другие архаические по нынешним временам кампании прошлого столетия, что не заметили многих основных черт современной действительности, а именно колоссальной роли индустрии вообще, железа и угля в частности в современной войне. «Без нашей индустрии, господа, мы давно бы потеряли войну», справедливо заявил германский канцлер Бетман-Гольвег на заседании рейхстага в июне 1916 г.

Еще более неожиданным фактом, чем экстраординарная военная мощь Германии, явилась для современников громадная экономическая и военная сила, обнаруженная «вырождающейся», гнилой и т. д. Францией.

На историческом заседании румынских министров и лидеров партий, состоявшемся в Синае в момент взрыва войны, покойный король Карл доказывал, что Германия одна собственными силами в состоянии разбить и Россию и Францию, вместе взятых. Последующие события доказали, что в подобного рода рассуждениях заключалась значительная доля преувеличения и что без помощи со стороны Австрии, силы которой значительно преуменьшались до войны, далее Болгарии, а в особенности Турции, вмешательство которой помешало регулярному и своевременному снабжению русской армии снарядами и орудиями, изготовлявшимися для последней на французских военных заводах, военные успехи Германии на русском театре действий были бы значительно бледнее. Несомненно, что и румынская кампания приняла бы иной характер, если бы те снаряды и орудия, которые уже с начала 1916 г. приготовлялись на французских заводах специально для Румынии, могли бы своевременно и в достаточном количестве прибыть на место своего назначения.

Германские планы разгрома враждебной коалиции и утверждения немецкой мировой гегемонии рухнули не в малой мере, благодаря той неожиданной мощи, которую обнаружила в мировой войне Франция.

Французские победы на Марне и под Верденом явились поворотными пунктами в кампании 1914 — 1916 гг. На Марне была сломлена величайшая и самая страшная и по своему вооружению и по своей численности армия, которую только видел мир. 51 корпус вместо 25, которых ожидала Франция, бросились на страну, но побежденные были вынуждены отступить и зарыться в траншеи для спасения от разгрома преследовавшими их французскими войсками. После этого поражения на Марне германское правительство могло призвать под оружие еще несколько миллионов человек, могло удесятерить производительность своих военных заводов, могло объявить, наконец, всеобщую мобилизацию, но первоначальный немецкий план, рассчитанный на быстрый разгром Франции и сосредоточение затем против России всех немецких сил, был уже безвозвратно скомпрометирован.

Со времени битвы на Марне германский генеральный штаб был вынужден почти непрерывно в течение всего периода войны содержать на

французском фронте приблизительно $^2/_3$ наличного состава всей своей мобилизованной армии и около $^3/_4$ числа немецких *тяжелых* орудий. Битва под Верденом, где у кронпринца, кроме миллионной армии и громадного количества пулеметов, имелась невиданной силы артиллерия, именно 161 батарея с двумя тысячами орудий, окончательно подчеркнули мощь французской военной индустрии, которая оказалась способной на поле битвы бороться с шансами на успех с немецкими заводами Круппа, Ергарда, Тиссена.[1]

Итак, Франция обнаружила в мировой войне серьезную военную мощь. Но мы знаем, что между военным могуществом страны и ее индустриальным развитием существует самая тесная связь, что чем выше экономическое развитие страны, тем при прочих равных условиях выше ее военная мощь и тем грознее та сила, которую данная страна может развернуть на поле сражения. Современная война есть война фабрик и заводов и исход этой войны обусловливается прежде всего не количеством солдат, которое враждующие стороны могут выставить на театр военных действий, а *числом паровых лошадиных сил*, которое каждое из борющихся государств может мобилизовать в своих промышленных предприятиях и противоставить врагу.

Военная мощь, обнаруженная Францией, явилась следствием высокого развития в мирное время ее металлургической и военной индустрии. Уступая соответствующим отраслям германской индустрии по размерам производства, французская оружейная промышленность все же превосходила последнюю по качеству некоторых изготовляемых ею боевых материалов и оказалась в процессе войны способной несравненно быстрее, чем это мы видели в Англии, Италии и тем более в России, увеличить в невиданных размерах производство необходимого оружия и снарядов.

Оккупация немцами десяти департаментов отняла у Франции в самом же начале войны около 80% ежегодного производства угля, железа, чугуна и стали. Из 127 доменных печей, находившихся во всей Франции накануне войны, 95 очутились в руках немцев. Таким образом, немцам до битвы на Марне могло казаться, что экономическая и военная сила Франции окончательно сломлена и что эта великая страна обречена в случае продолжения войны на окончательный разгром и потерю новых департаментов. Однако, последующие события доказали, что немецкие наблюдатели не дооценили экономической силы Франции. Прежде всего в процессе войны немцам пришлось убедиться в мощи французской военной индустрии. Через полгода после начала войны, именно в январе 1915 г., французские заводы изготовляли ежедневно 65 000 снарядов для пушек калибра 75 *мм* и по 1000 снарядов — для тяжелой артиллерии; в июне 1915 г. снарядов калибра 75 *мм* — 90 000, а тяжелых снарядов — 10 000.

Нижеследующая таблица показывает, как увеличилась производительность французских заводов, фабрик и арсеналов, изготовлявших

[1] См. подробнее об этом Сочинения т. V, стр. 98 — 104.

всякого рода оружие, за период от начала войны по декабрь 1916 г. Количество различных родов оружия и снарядов, изготовлявшихся в начале войны, выражено здесь условной цифрой 100.

Ежедневное производство	В августе 1914 г.	В декабре 1916 г.
Митральезы	100	17 000
Ружья	100	30 000
Орудия в 75 *мм.*	100	3 000
Порох	100	700
Взрывчатые вещества	100	4 000
Снаряды для 75 *мм* орудий	100	4 000
Тяжелые снаряды	100	9 000

Число орудий, имевшихся во французской армии.

	В августе 1914 г.	В декабре 1916 г.
Пушек в 75 *мм.*	100	3 000
Тяжелых орудий.	100	2 400

Только благодаря этой интенсивной работе французских заводов, французской армии удалось не только отстоять Париж и Верден и приковать к траншеям на западном фронте $^2/_3$ германской армии, но и нанести ряд тяжелых ударов многомиллионным немецким войскам, несмотря на то, что за спиной этих войск стояли самые крупные металлургические и военные заводы в мире с Круппами и Тиссенами во главе.[1] Более того, так как немецкая армия на западном фронте держалась оборонительной тактики, наступающим французским войскам для взятия каждого метра земли приходилось расходовать в 10 — 20 раз более снарядов, чем немецким, отсиживавшимся от неприятеля в глубине траншей и выползавшим наружу лишь в критическую минуту, для отражения неприятельского натиска. И все же, при этом колоссальном расходовании снарядов и прочего боевого материала, французская военная индустрия оказалась в силах снабжать орудиями, снарядами, авионами, автомобилями не только русскую, но и сербскую, итальянскую, бельгийскую, румынскую и португальскую армии. Далее, несмотря на потерю бассейна Брией, лишившую Францию ежегодной добычи руды в 18 милл. тонн, Франция посылала в течение войны сырое железо в Англию.

II. Развитие французской промышленности в течение последних десятилетий (1890 — 1914).

Итак, в течение войны Франция обнаружила в области производства боевого материала значительную индустриальную энергию. Но само собой разумеется, что военная индустрия не висит в воздухе. В каждой

[1] Подробнее о работе французских, немецких и английских военных заводов в 1914 — 1918 гг. см. Сочинения, т. V (часть первая. «Военная промышленность в Англии, Франции и Германии», стр. 3 — 149).

стране она тесно связана прежде всего с индустрией металлургической, детищем которой она является, затем с общим уровнем производительных сил в стране. И это одно должно навести на мысль, что в распространенных накануне войны утверждениях, будто Франция является «гнилой», погибающей экономически страной и т. д., заключалось не меньше преувеличения, чем в обычных до войны разглагольствованиях о моральном вырождении именно французов, об их развращенности, легкомыслии, пустоте, упадке энергии и т. п. В одной из частей своей знаменитой серии романов «Жан Кристоф» именно в Dans la maison Ромэн Роллан, устами друга Жана Кристофа—Оливье, протестует против тех, кто видит во французском народе вырождающуюся, любящую лишь удовольствия и наслаждения нацию и кто изучает Францию, знакомясь лишь со всякого рода политиканами, прожигателями жизни, бесполезными существами, которыми кишит Париж, как и все другие столицы. Подобно тому, как Виргилий вел Данте, Оливье ведет за руку Жана Кристофа и на вершину французской жизни и в ее низы й показывает Кристофу трудовую Францию. На самой вершине горы Кристоф видел великих ученых, математиков и философов, равнодушных к всякому страданию, неспособных ни к какому разочарованию, слушавших с закрытыми глазами «молчаливый концерт душ, великую и тонкую гармонию чисел и форм», и глядя на этих великанов мысли и духа, совершенно свободных от всяких предрассудков, от всякого категорического императива, Жан Кристоф начинает чувствовать, как у него, считавшего себя самым свободным существом на земле, начинает кружиться голова. У подножия и на склонах горы Жан Кристоф видел геройское меньшинство, которое борется за одухотворяющую веру, видел тех, кто ведет священную войну против невежества, болезни, нищеты, видел людей, одержимых горячкой изобретений, видел Прометеев и современных Икаров, завоевывающих огонь и воздушные пространства, видел всех тех, кто ведет гигантский бой науки против побеждаемой природы. А в самом низу,—насколько только может узреть человеческий взор, Жан Кристоф видел обработанным каждый клочок земли: вдоль дорог, по краям болот, на склонах скал, на полях битв, у развалин, равнины и горы Франции представляли один цветущий, обработанный сад европейской цивилизации; то несравненное очарование, которое исходило от этого сада, являлось результатом не только плодородия французской почвы, но и упорных усилий неутомимого народа, народа-труженика, который испокон веков не переставал обрабатывать мать сыру-землю. . .

. . . . . .

И несомненно, что если бы многие из тех, кто говорят об экономическом вырождении Франции, могли бы, стоя подобно Жану Кристофу на вершине, одним взором окинуть картину индустриальной эволюции Франции за последние 15 лет, накануне мировой войны, и увидеть ее сотни фабрик и заводов, возникших в течение нынешнего столетия, ее новооткрытые железные рудники, ее новые гидроэлектрические станции, теснящиеся у подножия альпийских гор, ее удивительные подземные

дороги, пересекающие Париж и т. д., эти наблюдатели, вчера только плакавшиеся о гибели великой страны, поняли бы, что Франция менее всего является страной экономического «декаданса». *Франция развивалась медленнее, чем Германия и С. Штаты, но все же она двигалась вперед и об экономическом застое Франции не может быть и речи.* Нижеследующие таблицы покажут нам всю необоснованность утверждения об экономическом вырождении Франции.

Длина железных дорог в важнейших странах.

В километрах.

Страны	1890 г.	1911 г.	Увеличение
С. Штаты	268 409	396 860	44,6%
Германия	42 869	61 936	42,6%
Франция	36 895	50 232	33,9%
Англия	32 297	37 647	16,4%

Итак, мы видим, что хотя Франция по быстроте развития своей железнодорожной сети отставала от Германии, но зато шла впереди Англии. По густоте сети Франция накануне войны лишь немного отставала от Германии. На 100 квадратных километров во Франции приходилось $9^1/_2$ километров жел. дорог, в Германии $11^1/_2$. По отношению же к численности населения, *Франция по развитию своей железнодорожной сети идет впереди Германии и является первой страной* среди великих европейских держав. Так, во Франции на каждые десять тысяч жителей приходится 12,5 километра, в Германии — 9,5, в Великобритании — 8,3.

Производство чугуна (в тысячах тонн).

Страны	1887 г.	1911 г.	Прирост в %
Германия	4 024	15 574	276,6%
С. Штаты	6 520	24 028	268,05%
Франция	1 568	4 411	181,3%
Англия	7 681	10 033	30,6%

Добыча угля (бурого и каменного).

Миллионы тонн.

Страны	1886 г.	1911 г.	Прирост в %
С. Штаты	103,1	450,2	336,6%
Германия	73,7	234,5	218,1%
Франция	19,9	39,3	97,5%
Англия	160,0	276,2	72,6%

Производство стали (в 1000 тонн).

Страны	1886 г.	1910 г.	Прирост в %
Германия	954,6	13 696,6	1 335,0%
С. Штаты	2 604,6	26 512,4	910,3%
Франция	427,6	3 390,3	692,9%
Англия	2 403,2	6 106,8	154,1%

Хлопчатобумажное производство.

Число веретен.

Страны	1890 г.	1914 г.	Прирост в %
Германия	5 000 000	11 404 944	128,1%
С. Штаты	15 497 300	31 519 766	103,4%
Франция	4 914 547	7 400 400	50,6%
Англия	44 504 819	55 971 501	25,8%

Итак, мы видим, что по темпу развития своей металлургической и хлопчатобумажной промышленности Франция в течение последних трех десятилетий накануне мировой войны отставала лишь от Германии и С. Штатов и шла впереди «владычицы морей» Англии. Интересны также и данные о развитии французской внешней торговли.

Внешняя торговля важнейших государств.

(Ввоз и вывоз)

(По немецким официальным данным)

Миллионы тонн.

Страны	1887 г.	1912 г.	Прирост в %
Германия	7 806	24 570	214,7%
С. Штаты	7 277	19 995	173,3%
Англия	13 400	28 477	113,1%
Франция	7 360	14 580	98,1%

За последнее десятилетие накануне войны внешняя торговля Франции с ее важнейшими клиентами и поставщиками развивалась следующим образом:

Импорт во Францию

Страны	1903 г.	1907 г.	1912 г.	1913 г.
	Миллионы франков			
Англия	556	883	1048	1109
Германия	444	638	999	1069
С. Штаты	540	761	890	894
Бельгия	325	427	541	556
Россия	302	271	432	458
Английск. Индия . .	245	360	356	388

Французский экспорт

Страны	1903 г.	1907 г.	1912 г.	1913 г.
Англия	1 192	1 369	1 391	1 456
Бельгия	631	860	1 143	1 108
Германия	513	650	822	867
С. Штаты	254	395	431	423
Швейцария	241	352	406	406
Италия	172	352	302	302

Итак, французская внешняя торговля с важнейшими странами развивалась за последнее десятилетие безостановочно и сравнительно быстрым темпом. Конечно, немецкий товарооборот развивался гораздо

быстрее, но во всяком случае о застое французской торговли не может быть и речи. В частности, если мы остановимся специально на торговле между Францией и Германией, мы увидим по официальным таможенным данным, что германский импорт во Францию возрос за последнее десятилетие (1903 — 1913) с 444 милл. до 1069 милл. фр., т.-е. на 125%, французский же экспорт в Германию возрос на 60%.

В германском импорте во Францию видное место занимает ввоз угля на 165 милл. фр. в 1913 г. Если мы извлечем эту цифру из общей суммы немецкого импорта во Францию, останется 904 милл. фр. В этом случае разница между немецким импортом во Францию и экспортом из Франции в Германию сведется к незначительной цифре 37 милл. фр.

При детальном исследовании товарооборота между Францией и Германией замечаешь, что обе страны обмениваются в своем экспорте и импорте предметами, принадлежащими к одной и той же категории. Какого блестящего развития ни достигла германская химическая индустрия, захватившая мировую гегемонию в свои руки, все же Франция экспортирует и в Германию свои химические фабрикаты. Вот как развивался товарообмен химических продуктов между обеими странами в течение последнего десятилетия.

Химические продукты.

	Импорт из Германии:	Экспорт в Германию:
	миллионы	франков
1903 г.	24.3	10.0
1907 »	34.7	11.7
1911 »	58.5	31.7
1912 »	61.2	34.0
1913 »	86.7	35.9

Немецкий импорт химических продуктов во Францию увеличился за последнее десятилетие на 260%, французский экспорт в Германию на 300%.

Кроме химических продуктов Франция вывозит в Германию фабрикаты хлопчатобумажной и шелковой индустрии, велосипеды, автомобили, разные изделия из кожи, так называемые «articles de Paris» и т. д.

Вообще, характерной чертой французского вывоза в течение нынешнего столетия является непрерывное увеличение экспорта *фабрикатов*.

Вот как возрастал вывоз фабрикатов из Франции на мировой рынок в течение последнего двадцатилетия.

Экспорт фабрикатов из Франции.

В миллионах франков.

1895 г.	1793
1900 »	2069
1905 »	2411
1908 »	2962
1909 »	3136
1912 »	4160

Подобно тому, как мы это наблюдаем в Германии, во французском экспорте все более видную роль играют фабрикаты. Это одно свидетельствует о непрерывном росте французской фабричной промышленности.

Итак, об упадке французской промышленности и торговли не может быть и речи. В 1869 г. на голову населения во Франции приходилось внешнего товарооборота 165 фр., накануне мировой войны *приходится 480 фр.* В Германии на голову населения приходилось накануне войны 400 фр. внешней торговли, стало-быть, меньше, чем во Франции. Конечно, эти две последние цифры отнюдь не свидетельствуют о том, будто Франция по развитию своей торговли шла впереди Германии, нет. Эти цифры лишь подчеркивают всю необоснованность утверждений об экономическом «вырождении» Франции.

III. Причина экономической отсталости Франции во второй половине XIX столетия.

Франция последней четверти XIX-века и истекшего периода XX столетия является страной, безостановочно развивающейся во всех проявлениях экономической жизни. Этот промышленный прогресс является предвестием целой экономической революции, которая, при благоприятных условиях, должна превратить Францию в величайшую промышленную державу в мире и дать ей возможность снова занять то блестящее положение в ряду других держав, которое она занимала когда-то.

Любопытно, что перспектива возможного превращения Франции в ближайшем будущем в величайшую индустриальную державу, в грозного конкурента Германии на мировом рынке, была впервые предугадана именно немецкими государственными деятелями и учеными, внимательно следившими за всем тем, что происходит в соседних странах. Известный французский публицист Бурдон, корреспондент «Фигаро», в следующих словах передает мнение об экономическом будущем Франции, высказанное в беседе с ним почти накануне войны «одним выдающимся деятелем германской империи, занимавшим самые высокие посты в государстве», но пожелавшим именно поэтому сохранить свое имя в тайне:

«Истинное богатство каждой страны заключается в ее подпочве. До сих пор ошибочно думали, будто подпочва Франции очень бедна. Франция оставалась до последнего времени земледельческой страной и нужна была настойчивая бережливость ее населения, чтобы завоевать Франции богатство. Но *теперь Франция находится накануне переворота, который вовлечет ее на ряду с другими современными государствами в процесс быстрого превращения из земледельческого государства в индустриальное.* Теперь обнаружено, что Франция обладает углем, золотом, и что она имеет все шансы сделаться благодаря применению новых способов, которыми располагает химия, самым богатым по количеству находящегося в ней железа государством в Европе и, может-быть, во всем мире. Это будет не эволюция, а настоящая революция. *Мы будем присутствовать при громадном передвижении капиталов в индустриальные предприя-*

тия Франции. Мы увидим, как Франция, этот мировой банкир, станет ссужать деньги сама себе».[1]

Эти слова одного из руководителей германской империи прошли совершенно незамеченными во Франции. Да и сам Бурдон приводит их как бы в скобках, не придавая им, очевидно, особого значения. Между тем, несомненно, что германский государственный деятель правильно охарактеризировал тот процесс, который уже начинался во Франции до войны. В частности, что касается перемещения капиталов во Францию с целью эксплуатации подпочвенных богатств этой страны, я в одной из моих статей, опубликованных до появления работы Бурдона, подчеркивал — указывая на некоторые ошибочные взгляды Лизиса, автора нашумевшей книги «Финансовая олигархия» — тот факт, что немецкий капитал переходит «французскую границу и содействует развитию многих отраслей французской промышленности».[2] Я указывал на деятельность германской металлургической фирмы Gelsenkirchen Gesellschaft в департаменте Марты и Мозеля, на эксплуатацию французских подпочвенных богатств и создание чугунно-плавильных заводов немецкими капиталами в бассейне Брией, в Нормандии, в округе Мобежа и т. д.[3] Таким же образом немецкий капитал содействовал развитию французской химической индустрии.

В чем лежит причина экономического возрождения Франции, начавшегося в последних годах минувшего столетия и постепенно преобразующего в течение истекшего периода XX века экономическую и социальную структуру этой страны? Многие экономисты и публицисты ставили перед собой вопрос о причинах того тяжелого недуга, которым страдала французская индустрия в течение 3-х последних десятилетий минувшего века. Почему Франция, бывшая некогда первоклассным промышленным государством, занимавшая второе место после Англии, с каждым днем, в течение последнего тридцатилетия минувшего столетия, все более и более теряла свое значение на мировом рынке и отступала на задний план? Сколько раз и в русской, и в немецкой, и в английской, и даже в самой французской литературе приходилось читать мрачные пророчества о том, что Франция, эта великая страна, обладающая громадными капиталами, богатая всевозможными дарами природы, обречена на постепенное экономическое вырождение, что ей грозит печальная участь до-военной Испании, бывшей некогда властительницей морей и первоклассной промышленной державой и низведенной к началу XX века на степень промышленной величины 4-го ранга.

Нужно признать, что многочисленные, появившиеся в начале нынешнего столетия в Германии и Франции, произведения, посвященные изучению французской промышленности, не давали правильного ответа на вопрос о причинах отсталости Франции и одновременно блестящего эко-

[1] L'Enigme allemande par Georges Bourdon. Paris 1913. См. стр. 322.

[2] «Финансовые и промышленные силы Германии». Современник 1911 г., см. стр. 215.

[3] См. там же, стр. 216.

номического прогресса Германии, в течение последних десятилетий. Так, известный французский писатель Jules Huret в своей талантливой книге [1] объясняет — часто со слов немецких фабрикантов — экономическую отсталость Франции, ее неспособность конкурировать с Германией, неумением французских фабрикантов применяться к условиям современного рынка, незнакомством французов с иностранными языками, отсутствием французских коммивояжеров за границей, наконец, рутиной и недостатком инициативы у французских предпринимателей с одной стороны, выдающимися коммерческими способностями, организаторским гением, настойчивостью и энергией немецкой расы — с другой. Не отрицая значения всех этих факторов, нельзя не видеть, что все отмеченные выше недостатки французских промышленников могут играть лишь побочную роль в неудачах французов на поле экономической брани и что сами эти недостатки являются производным более общих причин. Во всяком случае, если становиться в данном вопросе на точку зрения «расовой психологии», как это делает Huret, [2] прирожденных, выработанных долгим историческим процессом, «способностей» той и другой нации к борьбе за всемирный рынок, трудно отрицать, что французская нация обладает многими данными, ставящими именно ее в особенно выгодное положение в войне за промышленную гегемонию. Так, в области технических открытий, изобретений французы идут далеко впереди других наций и в том числе немецкой. Всем известны блестящие успехи Франции, хотя бы в области военной техники. Здесь французский национальный гений сказался во всем своем блеске. Известно, что самое сильное взрывчатое вещество мелинит было изобретено во Франции, равно как первая усовершенствованная подводная лодка, далее аэроплан, скорострельная пушка [3] и многое другое. Германии, несмотря на ее колоссальный военный бюджет, громадное число военных техников, инженеров, и т. д., с трудом удавалось сравняться в этом отношении с Францией. И если Германия в мировой войне особенно в первый период последней превосходила Францию в технической области, то не столько в качественном, сколько в количественном отношении, противоставляя каждой французской пушке, каждому пулемету или аэроплану двойное, а иногда, как, например, в битве при Шарлеруа, тройное количество орудий разрушения. Успехи Франции в области военнотехнической изобретательности факт общепризнанный и бьющий, так сказать, в глаза. Но и в сфере промышленной техники Франция не отстает от самых передовых стран. Громадные французские локомобили и новые машины, вышедшие из мастерских Орлеана и Бельфора, известны во всем железнодорожном мире своими превосходными качествами, прочностью, изяществом отделки и совершенством механизма. Французские локомобили применяются даже на англий-

[1] Jules Huret. En Allemagne. Rhin et Westphalie. Paris 1907. См. стр. 82, 83, 85. (Жюль Юре. В Германии. Рейн и Вестфалия).

[2] См. стр. 125.

[3] До последнего времени в Германии не существовало скорострельных пушек, немецкая пушка — это пушка ускоренной стрельбы, и только.

ских и американских железных дорогах, правда, в очень незначительном количестве, так как раз имеется образец не так уж трудно создать копию, тем более, что — как мы сейчас укажем — производство подобных предметов обходится в Англии, Германии и Соединенных Штатах гораздо дешевле, чем во Франции. Лучшие французские автомобили тоже не имеют себе равных в мире. Но все это долгое время шло мало впрок развитию международной французской торговли. Когда в 1859 г. француз Верге́инь из Лиона (через три года после знаменитого открытия англичанина Перкинса и независимо от последнего) изобрел средство извлекать химическую краску, это не пошло на особую пользу Франции, наоборот дало неимоверно сильный толчок немецкой химической индустрии, которая пошла вперед семимильными шагами и безусловно захватила мировую гегемонию в свои руки, сделавшись в то же время одним из основных источников национального богатства Германии. «1 миллиард 600 миллионов франков годового производства, 700 миллионов франков экспорта, 9 000 фабрик, 200 000 рабочих, 260 миллионов фр. заработной платы, таков был общий годовой итог немецкой химической индустрии уже в 1906 г.[1] Между тем Франция в том же году экспортировала химических продуктов всего на 100 миллионов франков, при чем импортировала (преимущественно из Германии) на 45 миллионов фр.

Менее всего следует искать причин экономической отсталости Франции в некоторых чертах французского национального характера. Французы в общем очень энергичны, предприимчивы, способны и при этом очень экономны и бережливы. Каждый француз употребляет все усилия, чтобы отложить себе копейку про черный день и охотно вкладывает свои сбережения в более или менее выгодные предприятия. Хорошо известно, что французы стараются даже иметь как можно меньше детей, или совсем не иметь их, лишь бы только не слишком стеснять себя и не потерять возможность сделаться рантье, что составляет пламенный идеал миллионов французов. В виду этого всякое предприятие, имеющее хоть самые малые шансы на успех, может легко найти нужные капиталы во Франции.

Франция накануне войны была международным банкиром. Она легко могла ссужать ежегодно другим странам более двух миллиардов франков. И хорошо известно, что французские капиталы не мало содействовали развитию многих отраслей немецкой индустрии. Капитал не имеет отечества. Мы не говорим уже о той роли, какую французский капитал играл в деле создания и развития многих промышленных предприятий в Швейцарии, Бельгии, Италии, Греции, Турции, России, наконец, в Китае и южной Америке. Эмиграция французских капиталов росла с поразительной быстротой. Французские капиталы шли во все части и страны света, ко всем народам и расам, притом на самые различные предприятия. Можно предвидеть — предсказывали некоторые французские экономисты, что скоро настанет время, когда заграничные француз-

[1] Jules Huret. En Allemagne, p. 105.

ские капиталы будут превышать по своей общей сумме долю, оставшуюся во Франции. Почему же эти, убегающие за границу, капиталы не оставались до последнего времени в пределах прекрасной Франции, не шли на поднятие и развитие отечественной промышленности?

Основная причина промышленной отсталости Франции в течение последней половины XIX века заключалась в бедности ее углем и годным для утилизации железом. Если Англия, несмотря на все более и более грозную конкуренцию С. Штатов, Германии и т. д., удержала в последней четверти XIX века и в начале XX столетия свое первенствующее положение в мировой торговле и промышленности, это объясняется прежде всего неисчерпаемыми запасами угля и железа, которые находятся в распоряжении Великобритании. Уголь и железо представляют, так сказать, позвоночный хребет могучего промышленного организма Великобритании. Пока Англия богата углем, этим хлебом промышленности, пока паровая сила является основным двигателем фабричного механизма, до той поры владычица морей имеет много шансов удержать за собой гегемонию в мировой промышленности, «ибо положение, которое занимает та или другая страна в ряду промышленных государств, определяется той ролью, которую эта страна играет в мировой добыче угля и железа».[1] Равным образом, если Германия так быстро пошла вперед в промышленной области, это объясняется прежде всего нетронутыми до последнего времени богатствами ее подпочвы. Ее угольные копи, не уступающие по своему богатству английским, ее железные руды, расположенные вблизи фабрик и заводов, дали ей возможность создать в мгновение ока, как бы из ничего, могучую металлургическую, судостроительную и т. д. промышленность, способную успешно бороться с любым противником на всемирном рынке. Как храм Дагона, могучее индустриальное здание германской империи покоится на двух колоннах. Одной из этих колонн являются германские угольные копи, другой — ее железные рудники. Степень развития тяжелой промышленности представляет собой как бы барометр, по состоянию которого можно почти с математической точностью судить о положении всех остальных отраслей индустрии в данной стране. Между тем именно в добывании угля Франция идет позади всех отсталых первоклассных промышленных государств.

Накануне войны добыча угля в различных странах выражалась в следующих цифрах:

Добыча угля в 1913 г.

Страны	Тонны
С. Штаты (уголь и антрацит)	565 076 000
Англия	286 000 000
Германия (не считая бурого угля)	192 000 000
Франция	40 129 000
Бельгия	22 842 000

[1] Ed. Lozé. Les charbons britaniques et leur épuisement. Paris 1900. Ch. Berenger editeur. (Эд. Лозе. Британские угольные богатства и их истощение. Париж 1900.)

В 1913 г. Франция потребила 63 миллиона тонн угля, так что пришлось импортировать из-за границы 22 миллиона тонн, что составляет более 50% ее собственной добычи. В среднем Франция с трудом извлекает ежегодно из собственных копей $^2/_3$ необходимого ей угля. Таким образом Франция вынуждена покупать уголь за границей, главным образом, в Англии, Бельгии, Германии. В 1913 г. Франция ввезла угля на 531 милл. фр. Понятно, какие серьезные пертурбации влечет за собой при неблагоприятных обстоятельствах эта зависимость Франции от соседних стран в продукте первой необходимости. Недохватка угля в 10 — 15% на французском рынке влекла за собой вздорожание цены втрое, как это произошло в 1900 г., во время так наз. «угольной паники», а это порой даже в мирное время вызывало временное закрытие заводов.

Тщательные статистические исследования французского, английского и бельгийского официальных учреждений дают возможность установить более или менее точно цены на уголь за 20-летие 1885 — 1905 гг.

В течение 1885 — 1905 гг. Франция ежегодно переплачивала в среднем на каждой метрической тонне угля на 36% дороже, чем Германия, и на 45% дороже, чем Англия. Понятно, в какое невыгодное положение это обстоятельство ставило французскую индустрию. Сильные колебания в цене на уголь, его необычайное порой вздорожание влекло за собой часто закрытие фабрик и заводов.

Накануне войны средняя цена на уголь в Англии, Германии, Франции и Бельгии выражалась в следующих цифрах:

Средняя цена тонны угля в 1912 г. на месте производства:

Англия	11 фр.	25 сант.
Германия	13 »	15 »
Франция	15 »	63 »
Бельгия	16 »	56 »

Итак, в 1912 г. французские капиталисты платили за тонну угля в среднем на 40% дороже, чем английские капиталисты, и на 20% дороже, чем немецкие. В некоторых областях Франции эта разница была еще выше — 50 — 60% по сравнению с ценой в Англии и 30 — 40% по сравнению с Германией. Во время войны цена тонны угля равнялась 120, 140, 180 фр. и достигала потом 200 фр. Таким образом, французским капиталистам приходилось платить за уголь в пять, семь, восемь раз дороже, чем их английским и немецким коллегам.

И в производстве металлов Франция значительно отставала от остальных промышленных государств. По добыванию железа Франция занимала в течение периода 1870 — 1900 г. иногда 4-е место, иногда 5-е, и ей приходилось ввозить ежегодно $^1/_3$ потребляемого железа. Равным образом и по производству чугуна и стали Франция шла далеко позади первоклассных промышленных государств.

После этого становится понятным, почему Франция не имела возможности успешно конкурировать на всемирном рынке в производстве предметов, предназначенных для массового потребления, для покупателя среднего достатка. Французские автомобили, локомобили, вагоны, земле-

дельческие орудия, все фабрикаты ее обрабатывающей индустрии, начиная с гигантских паровозов и кончая маленькими гвоздями и винтиками, неизбежно должны были стоить значительно дороже, чем продукты немецкой индустрии. Поэтому Франция вынуждена была сосредоточить свое внимание преимущественно на производстве предметов роскоши и вообще товаров высшего качества, могущих иметь лишь ограниченный сбыт. Казалось, что только в этой области Франция, благодаря выработанному веками художественному вкусу ее населения, имеет шансы еще надолго держать за собой первенствующее положение. Однако и в этой сфере Франции начинала грозить серьезная опасность со стороны Германии, Англии, С. Штатов, с каждым днем делавших все большие успехи в производстве предметов моды и роскоши. Таким образом, начинало казаться, что французская индустрия покоится на очень зыбком фундаменте и все громче раздавались голоса о неизбежном экономическом вырождении Франции, о ее дальнейшем вытеснении с международного рынка всеми другими странами. Но Франция была спасена от экономического застоя и вырождения, благодаря использованию ее железных богатств, которое сыграло колоссальную роль в истории мировой индустрии, французской в особенности.

IV. Развитие французской металлургической промышленности (1872—1913).

Я указал, что главной причиной экономической отсталости Франции в течение 2-й половины XIX столетия являлась бедность Франции двумя первичными материалами индустрии, углем и пригодным для утилизации железом. Собственно говоря, французская подпочва крайне богата железными рудниками, но французское железо содержит в себе фосфор. Фосфор же, подобно сифилитической или туберкулезной бактерии, заражающей человеческий организм, сильно ухудшает качество железа. Фосфор делает металл ломким и потому уже при однопроцентном содержании фосфора прокатка становится невозможной. А так как французская подпочва изобилует именно железными рудниками, богатыми фосфорнокислыми солями, обладание этим железом оказывалось совершенно бесполезным для Франции. Таким образом неудивительно, что Франция в течение 2-й половины XIX столетия отставала от первоклассных государств в борьбе за мировую гегемонию, и ее экономическое развитие давало повод говорить о «вырождении» этой страны. К счастью для Франции, наука, которой до сих пор не удалось убить туберкулезную или сифилитическую бактерию, сумела не только парализовать вредное действие микроба, убивавшего полезные качества железа, но сделать утилизацию железных руд, богатых фосфором, особенно выгодной. При современных способах переработки чугуна на железо и сталь получается побочный продукт «томасовы шлаки», содержащий от 12% до 18% фосфорной кислоты и представляющий большую ценность в качестве предмета удобрения.

*

Своим экономическим перерождением в течение нынешнего столетия Франция не в малой степени обязана научным трудам одного английского социалиста Сиднея Джильхриста Томаса. Роль Томаса в истории металлургии вообще и экономического прогресса Франции в частности настолько велика, что ее не отрицают даже многие консервативные и реакционные писатели этой страны. Так, только недавно, известный французский депутат Энжеран, главный сотрудник L'Echo de Paris опубликовал в «Correspondant», органе иезуитов, интересную статью, одна глава которой носит следующий заголовок: «Comment un socialiste fit la fortune des metallurgistes» (Как социалист создал богатства металлургистов). Биография этого социалиста крайне интересна.

В 1875 г. в Лондоне жил бедный клерк, Томас Джильхрист, посещавший по вечерам для своего самообразования курсы металлургии. Томас был поражен тем фактом, что грандиозные залежи железной руды, содержащей фосфор, оказываются бесполезными для человечества за неумением удалить вредоносный фосфор из драгоценного металла, являющегося базой современной индустрии. Томас знал, что были сделаны многие попытки удалить фосфор или из руды или из чугуна, получаемого из этой руды, но что все эти попытки оказывались безуспешными. Еще в 30 — 40 годах XIX века было установлено путем химических анализов, что причиной ломкости чугуна является присутствие фосфора, но удалять его при выплавке чугуна в домне не умели. В 1878 г. Томасу Джильхристу удалось напасть на идею удаления фосфора из железа путем нагревания содержащего фосфор чугуна в ретортах (конверторах) из доломита, представляющего по своему химическому составу, главным образом, соединение углекислого магния с углекислым кальцием, $Mg\ CO_2 + Ca\ CO_2$, к которым примешаны небольшие количества кремнезема, воды, угольной кислоты и пр. [1]

Томас Джильхрист сообщил свое открытие своему двоюродному брату Джильхристу, химику на чугунно-плавильном заводе в Блинавоне. Тот произвел опыты, давшие прекрасные результаты. После этого Томас взял патент на свое открытие не только в Англии, но и на всем континенте и в С. Штатах. Способ Томаса вошел в науку под названием «Томасовского основного способа» или «Основного процесса» Томаса и Джильхриста. Томасовы шлаки — прекрасное удобрение, получающееся в качестве побочного продукта при применении томасовского основного способа, идет в продажу под названием *томасовской фосфорной муки.* [2]

В 1878 г. Томас изложил сущность своего открытия в «Iron and steel institute», но никто не придал значения этому открытию. Томас записался для прочтения лекции о своем открытии на Парижской международ-

[1] Интересующийся читатель найдет подробности о Томасовском основном способе переработки чугуна на железо и сталь в работе магистра Б. К. Агафонова, «Современная техника», см. «Итоги науки в теории и на практике», т. III, стр. 256 — 261. Издание Т-ва «Мир», Москва.

[2] См. «Итоги науки», т. III, стр. 267.

ной выставке, но лекция эта за недостатком времени была отложена. Однако, визит во Францию сыграл громадную роль в истории открытия Томаса. Во время посещения заводов Крезо, Томас имел возможность в случайном разговоре изложить свой способ крупному английскому металлургисту Виндзору Ричардсу. [1] Последний пришел в восторг от открытия Томаса и произвел опыты в грандиозном масштабе на своих колоссальных заводах в Кливленде. Опыты дали блестящие результаты. Немецкие металлургические фирмы Крупп и Бохум пытались оспорить значение открытия Томаса, но их критика разбилась перед лицом очевидных фактов. Это была настоящая научная и экономическая революция, вызванная слабым, уже умиравшим от тяжкой болезни юношей.

По справедливому замечанию Б. Агафонова, результаты применения Томасовского основного способа представляют необыкновенно яркий пример того, как чисто теоретическое научное соображение превращается иногда в техническое открытие громадной важности и производит колоссальный переворот во всей мировой индустрии.

В экономической истории человечества начиналась великая революция, принесшая колоссальные барыши металлургистам, но личная жизнь Томаса была уже разбита. В силу целого ряда причин Томас не мог продать своего патента в Англии и он был счастлив, когда ему удалось продать право эксплуатации своего открытия в Бельгии за 50 фунт. стерлингов, т.-е. за 450 руб. Едва получив эту сумму, Томас побежал купить себе пальто и бутылку шампанского. Посредник, купивший право на эксплуатацию открытия Томаса, соглашался уступить патент за 800 000 франков французским капиталистам, но, не столковавшись с последними, продал этот патент германским капиталистам за 3 000 000 фр.

Через несколько месяцев Томас, страдавший туберкулезом, скончался в Париже 34 лет от роду. К этому времени уже многие капиталисты старались купить патенты на открытия Томаса. Томас полагал, что его открытия могут принести в конечном счете колоссальные доходы его наследникам, и в своем завещании он выразил свою твердую волю, чтобы за исключением ренты, достаточной для обеспечения его жены и матери, все остальные суммы, полученные от продажи его патентов, пошли *«на улучшение доли рабочих»*.

Смертные останки этого социалиста покоются в Париже на кладбище Пасси. Над могилой Томаса подымается скромный памятник из белого мрамора со следующей надписью: «Памяти Сиднея Джильхриста Томаса, нежно любимого сына, от покойного Вильяма Томаса и жены последнего Меллиценты. Родился 16 апреля 1850 г., умер 1 февраля 1885 г. Он вел славную борьбу».

Да, Томас Джильхрист по-своему вел героическую борьбу за будущее человечества. Могила его заброшена, и ни один из металлургистов, нажи-

---

[1] «Correspondant.» 1916. Сентябрь.

вших миллионы на открытии Томаса, не подумал о приведении в порядок могилы.

Открытие Томаса произвело грандиозный переворот в развитии металлургии. Оно дало могучий толчок развитию немецкой металлургической промышленности. Несколько цифр свидетельствуют об этом. Из 19 291 920 тонн чугуна, добытых в Германии в 1913 г., 12 193 336 добытых по способу Томаса, из 18 949 929 тонн стали 10 629 697 вышли из реторт (конверторов) Томаса.[1]

Но особенно громадное влияние открытие Томаса имело на экономические судьбы Франции. Промышленная жизнь Франции в течение последних 15 лет подверглась, благодаря утилизации способа Томаса, полной трансформации. *Неожиданно Франция превратилась в одну из первых металлургических стран в мире.* Вообще с начала XX столетия Франция постепенно превращается в одного из важнейших экспортеров предметов для сооружения. Богатая камнем, деревом, цементом, Франция, с открытием Томаса, начинает играть роль поставщика железа на мировой рынок. Железо-первичный материал, потребление которого растет в современную эпоху с такой поразительной быстротой, что, несмотря на все богатство нашей планеты этим металлом, многие статистики предопределяют уже теперь момент, когда та или другая страна истощит весь свой запас железа. Так, многие вычисляют, что в 1950-г., т.-е. менее чем через 40 лет, Германия, эта величайшая металлургическая страна в Европе, истощит весь свой запас железа. Вот почему Германия так заинтересована в отнятии у Франции железного бассейна до-Брией,[2] открытого в 1795 г., т.-е. всего за пять лет до наступления нынешнего столетия, и заключающего в себе не менее 2 миллиардов тонн железа.

Потребление железа различными странами в 1912 г. определялось в следующих цифрах:

Страны	Тонны
С. Штаты	61 157 000
Германия и Люксембург	43 544 000
Англия	21 400 000
Франция	12 290 000
Россия	6 570 000
Бельгия	6 311 000
Австро-Венгрия	4 950 000
Канада	1 900 000
Швеция	1 178 000
Италия	589 000
Испания	350 000
Итого	160 239 000

[1] Les frontiéres lorraines et la force allemande, par Fernand Engerand. См. стр. 235. (Фернанд Анжеран. Лотарингские границы и немецкая мощь.)

[2] Подробнее о роли бассейна Брией в происхождении мировой войны см. нашу книгу «Империализм». Собрание сочинений, т. I.

В 1913 г. по вычислениям французского инженера Трибо-Лапьера (Tribot-Laspiere) мировая индустрия потребила около 165 миллионов тонн железа.

При все возрастающем железном голоде современной индустрии в перспективе истощения в недалеком будущем резервов железа, вычисление железного богатства, находящегося в распоряжении человечества, представляет собой глубокий интерес. В 1910 г. Международный геологический конгресс произвел анкету, в результате которой железные богатства важнейших стран были определены в следующих цифрах:

Страны	Железная руда	Вес железа, заключающегося в руде
	Миллионы тонн.	
Германия	3 600 [1]	1 270
Франция	3 300	1 140
Англия	1 300	455
Швеция	1 158	740
Россия	865	387
Испания	711	349
Норвегия	367	124
Австро-Венгрия	284	103
Люксембург	270	90
Греция	100	45
Прочие страны	77	30
Итого в Европе	12 032	4 733
Америка	9 855	5 154
Африка	125	75
Азия	260	136
Австралия	136	74
Всего на земном шаре	24 408	10 192

Как мы видим, Европа оказывается крайне богатой железом по сравнению с другими континентами. Следует оговориться, что прочие континенты, в особенности азиатский и африканский, еще почти совершенно не изучены, и если во время войны были открыты совершенно новые, неизвестные до той поры, залежи руды в итальянской Сардинии и даже во Франции, не трудно себе представить, какие железные богатства можно будет найти на черном и желтом континенте, особенно в Срединной империи. Поэтому об истощении мировой добычи железа пока еще преждевременно говорить. Вообще железная руда изобилует на поверхности земли в большем количестве, чем какой бы то ни было другой продукт подпочвы. Можно сказать без преувеличения, что наша планета представляет собой не земной, а *железный* шар.

---

[1] Важнейшие залежи железа с общим количеством руды в 2 000 000 тонн находятся в Эльзас-Лотарингии. На территории Германии без Эльзас-Лотарингии имеется не более 800 миллионов тонн железа, могущего быть сейчас эксплуатированным.

Переходя к Европе, мы видим, что здесь по железному богатству далеко впереди других стран идут Германия и Франция. В действительности, уже накануне мировой войны *Франция по богатству железом являлась первой страной в Европе,* ибо с 1910 г. во Франции открыты новые крайне важные залежи железной руды, которые дают возможность определить ее железные запасы в 3800 миллионов тонн, а по некоторым вычислениям даже в 4100 миллионов тонн.[1] Таким образом, Франция без Эльзас-Лотарингии заключает в себе $^1/_6$ часть всего мирового железного богатства, исчисляемого в 24 миллиарда тонн. Следует также прибавить, что французская руда, по своему качеству, выше немецкой.

Не трудно себе представить, какое влияние на экономические судьбы Франции должно было иметь при таких ее громадных железных ресурсах открытие Томаса. *С начала нынешнего столетия Франция начинает перерождаться в индустриальном отношении, и это возрождение прежде всего сказывается в поразительно быстром прогрессе французской железоделательной и вообще металлургической промышленности.* В то время как во второй половине XIX столетия добыча железа во Франции колебалась между 2 и $3^1/_2$ миллионами тонн, с начала нынешнего столетия развитие железной промышленности во Франции идет быстрыми шагами вперед. Нижеследующая таблица свидетельствует о прогрессе железной индустрии во Франции и в ее колониях, Алжире и Тунисе.

Годы	Добыча руды во Франции	Добыча руды в Алжире и Тунисе
	Тысячи тонн	
1875	2 506	557
1885	2 318	419
1895	3 680	318
1905	7 395	569
1910	14 806	1 432
1911	16 639	1 489
1912	19 160	1 668
1913	21 714	1 926

Эти цифры ставят Францию на положение третьей железной державы в мире, как видно из нижеследующей таблицы.

Добыча железа в 1912 г.

Страны	Тысячи тонн
С. Штаты	59 489
Германия	27 200
Франция	19 160
Англия	13 790
Испания	9 133
Россия	8 209

[1] Залежи железной руды, открытые накануне войны в Нормандии и Бретани, содержат в себе, по предварительным изысканиям, железа не меньше, чем имеет вся Англия.

В 1913 г. Франция, вместе с Алжиром и Тунисом, произвела 24 миллиона тонн железа. К 1920 г. ежегодная добыча железа во Франции достигла приблизительно 30 миллионов тонн.

Расцвет французской железной индустрии начинается с 1902 г. с момента эксплуатации бассейна де-Брией.

Вот как увеличивалась добыча железа в этом бассейне в течение последних десятилетий и пропорция добываемого в этом бассейне металла по отношению к количеству металла, извлекаемого во всей Франции.

Добыча руды в департаменте Марты и Мозеля.

Годы	Тысячи тонн	% к количеству руды, добытой во всей Франции
1872	1 009	36
1892	2 928	79
1902	4 129	82
1912	17 731	91
1913	19 500	91

Само собой разумеется, что это поразительно быстрое развитие железной промышленности в бассейне Брией повело к полному преобразованию этой области. Здесь выросли из земли новые деревни, и весь край закипел новой жизнью. В Максевилле, Жарвилле, Лонгви, Понт-Муссоне, Омекуре и т. д. возникли десятки грандиозных чугуно-плавильных, сталелитейных и т. п. заводов. Неудивительно, что этот край, промышленному оживлению которого не мало содействовал и германский капитал, работавший здесь совместно с французским, привлек к себе жадные взоры немецких аннексионистов, мечтающих об аннексии бассейна де-Брией.[1]

Благодаря необычайно быстрому развитию своей железо-делательной промышленности Франция с каждым годом экспортировала все более и более железной руды за границу.

Вот как рос экспорт руды из Франции в течение нынешнего столетия:

Годы	Экспорт в тысячах тонн
1900	327
1905	1356
1908	2384
1910	4895
1911	6176
1912	8324
1913	9746

Начиная с 1900 г. экспорт руды из Франции увеличился в 30 раз.

Параллельно с увеличением добычи железной руды росло и производство чугуна. В 1895 г. производство чугуна во Франции равнялось 2 000 000 тонн, в 1900 г. — 2 700 000, а в 1912 г. — 5 000 000 тонн.

---

[1] О немецких аннексионистских планах см. «Империализм» (собрание сочинений т. I).

За три года 1910, 1911, 1912 ежегодное производство чугуна увеличилось на 500 000 тонн, а в 1913 г. на 400 000 тонн.

В соответствии с возрастанием добычи руды и производства чугуна быстро росла во Франции и собственно сидерургическая промышленность, т.-е. сталелитейная, как видно из следующей таблицы:

Производство стали

Годы	Тысячи тонн
1900	1565
1903	1840
1905	2255
1910	3413
1911	3837
1912	4428
1913	4635

За последнее десятилетие с 1903 по 1913 г. производство стали во Франции увеличилось на 152%. За этот период только бельгийская сталелитейная промышленность несколько быстрее, чем французская, выросши на 154%. Производство стали в Германии за этот же период увеличилось всего на 118%, С. Штатов на 115%, России на 100%, Австро-Венгрии на 97%, Англии на 52%.

Таким образом французская металлургическая промышленность развивалась с поразительной быстротой в течение нынешнего столетия. Само собой разумеется, что параллельно с развитием этой индустрии рос процесс концентрации капиталов в этой промышленности. В то время, как в 1875 г. во Франции числилось 383 металлургических предприятия, в 1912 г. последних числилось всего 208, хотя производство железа и стали за этот период увеличилось в пять раз, поднявшись с 900 000 тонн до 5 миллионов тонн. В то время как в 1875 г. средняя производительность одного завода равнялась 2350 тонн, в 1912 г. она равнялась почти 22 000 тонн, увеличившись почти в десять раз. Все эти металлургические предприятия объединены ныне в один могучий синдикат. Французские металлургические предприятия так богаты финансовыми средствами, что они, в отличие от германских металлургических заводов, более или менее независимы от банков. Один статистик вычислил, что из громадной суммы капиталов, затраченных с 1900 г. французскими металлургистами на расширение старых предприятий и создание новых, всего 6% затраченных сумм было доставлено банками. [1]

---

[1] Заметим, что многие французские металлургические предприятия дают баснословные доходы. Акции фирмы Lens, стоившие в 1850 г. 300 фр., стоили накануне войны 180 000 фр. каждая и давали по 4200 фр. дивиденда на акцию. Акции фирмы Bruay, стоившие когда-то 400 фр., котировались по курсу около 2 000 000 фр. и давали дивиденда 4500 фр. на акцию. В Германии нет металлургических предприятий, которые приносили бы подобные доходы.

V. Утилизация гидравлической силы во Франции (белый уголь).

Из всего сказанного выше мы видим, насколько неосновательно весьма распространенное мнение об экономическом застое или тем более вырождении Франции. В течение нынешнего столетия французская индустрия и торговля развивались очень быстро, и Франция превратилась в одну из сильнейших металлургических стран в мире. До сих пор расцвету Франции в экономическом отношении сильно мешает недостаток угля в стране. Однако, в течение нынешнего столетия сделаны серьезные попытки увеличить угольные богатства самой Франции и с этой целью были произведены серьезные геологические исследования, которые не остались безрезультатными. Так, в 1903, 1904, 1905 г. были открыты залежи угля в Энли, в Лемениле, в Аттоне, в Понт-а-Муссоне и в других местах французской Лотарингии. В 1907 г. открыты залежи угля в департаменте Па-де-Кале. Геологический конгресс в Торонто определил угольные резервы Франции в 17 483 миллиона тонн, т.-е. почти в 17 миллиардов тонн. Во многих местах Франции бурый уголь лежит на глубине 1 метра, т.-е. его можно добывать под открытым небом. Однако, устарелое французское законодательство об угольных копях мешает эксплуатации этих новооткрытых подпочвенных богатств.[1]

Но если Франция даже бедна черным углем, зато она богата другим даром природы, именно водяной силой, так называемым «белым углем» (Houille blanche). Благодаря гористой поверхности значительной части французской территории, ее влажному климату, Франция обладает таким количеством гидравлических сил, как ни одна из европейских стран, исключая Швейцарии. По вычислению гидравлического отдела при французском земледелии водяная сила, которой обладает Франция, определяется в 9 200 000 лошадиных сил. Применение этой силы могло бы увеличить, по крайней мере, в 3 — 4 раза производительную мощь Франции. Эти статистические выкладки и выводы, вытекающие из них, не относятся к области фантазии и несбыточных мечтаний. Применение гидравлической силы уже превращает с поразительной быстротой отсталую недавно Швейцарию в новую Бельгию. И в самой Франции многие местности, недавно пустынные, покинутые своими обитателями, быстро заселяются и оживают. Грозные потоки, опустошавшие эти местности, становятся теперь для последних источником богатства. В долине Romanche (департамент Сены и Луары) многочисленные фабрики

[1] Заметим здесь, что рассуждения Туган-Барановского о бедности России углем по-нашему неубедительны. Во Франции изыскания угольных богатств производились такими выдающимися геологами, как Никлес, Вилен и Бержерон, и эти изыскания уже дали положительные результаты, хотя они начаты недавно. А какие изыскания производились у нас в эпоху царизма с применением новейших способов открытия подпочвенных богатств? Взгляды Туган-Барановского слишком пессимистичны. Европейский континент, и в том числе Россия, обладает колоссальными подпочвенными богатствами и их открытие будет одной из неожиданностей ближайших десятилетий.

и заводы, возникшие недавно, буквально теснятся друг около друга. У подножия гор, недалеко от многочисленных водопадов, возникают новые химические заводы, фабрики для приготовления ацетилена и т. д. Франция много пострадала в XIX веке благодаря бедности углем. Теперь перед этой страной открывается вместе с дальнейшим процессом в области электричества и применения гидравлической силы новая эра экономического возрождения и быстрого поступательного шествия по пути капитализма.

Водная сила, приводя в движение турбины (раньше водяное колесо), вырабатывает в связанном с турбиной генераторе электрический ток, который затем может быть передан в любой центр, отстоящий от источника дешевой энергии, каковой является энергия белого угля, на десятки и сотни верст. И использование какого-нибудь мощного источника гидравлической энергии дает возможность, как бы по мановению волшебного жезла, оживить целую область и создать новый промышленный район. Утилизация белого угля создает не только дешевую движущую силу, но и недорогую световую энергию. Накануне мировой войны 250 городов во Франции и в Алжире освещались ацетиленом, продуктом, световая сила которого в 15 раз превосходит силу газа, добываемого из угля. В одной из сказок из «Тысячи и одной ночи» рассказывается, как волшебник в несколько часов создает в совершенно пустынной местности великолепный дворец, где тысячи неизвестно откуда появившихся слуг ожидают прихода неведомого им господина, героя сказки. Это чудо совершается на наших глазах во многих местностях южной Франции, правда не в одну ночь, а в несколько лет.

Водяная сила, белый уголь, это не только основа электричества, но и химия. Алюминий, аммониак, ацетилен, азотная кислота, карборузум, карбид кальция, хлораты, натрии и т. д., — вот продукты, которые создает все в большем и большем количестве электро-химическая индустрия Франции. Накануне мировой войны Франция на ряду с Америкой шла во главе всех стран в деле завоевания водяной силы. Весь обширный горный район, простирающийся от женевского озера до Средиземного моря, сделался, благодаря возведению гидроэлектрических станций, очагом быстро развивающейся промышленности. В высоких Альпийских долинах появились *электро-металлургические заводы,* производящие различные сплавы железа, стали и алюминия. К ним присоединились *электро-химические заводы,* изготовляющие взрывчатые вещества, фосфор и все упомянутые выше продукты. Благодаря этому же появлению дешевой электрической силы в данном районе создалось и двинулось вперед производство бумаги и бумажной массы из дерева. В 1911 г. французские альпийские гидро-электрические станции давали энергию 475 000 лошадиных сил. Из них 250 тысяч сил шло на металлургию, 155 тысяч — служили источником света и движущейся силы для городов на 200 километров в окружности, для Тулона, Марселя, Сент-Этьена и т. д. 60 тысяч лошадиных сил шло на химические заводы. В 1915 г. французские альпийские гидро-электрические станции давали энергию в 600 тысяч

лошадиных сил. Вся же гидро-электрическая сила, эксплуатируемая французской индустрией в этому году, определялась в 1 миллион паровых лошадиных сил. Во многих местах Франции практикуется соединение двух источников энергии белого и черного угля. Это соединение с полным успехом осуществлено, например, в департаменте Дубс на границе Швейцарии, в местечке Этюпс, где две электрические станции перерабатывают и распределяют по всему округу электрическую энергию. полученную с каменноугольных копей Роншана и гидро-электрической станции в Рефрене, — двух пунктов, находящихся в 70 километрах один от другого. Накануне мировой войны различные европейские государства распределялись в следующем порядке эксплуатируемой ими гидравлической силы.

Франция	1 000 000	HP.
Норвегия	920 000	»
Италия	565 000	»
Швеция	480 000	»
Германия	340 000	»
Испания	300 000	»
Швейцария	213 000	»
Англия	30 000	»
Венгрия	20 000	»

Франция шла во главе всех европейских стран в деле использования водяной силы. Она располагает в этом отношении бесконечными ресурсами, которые дают основание надеяться на возможность необычайного экономического прогресса Франции в ближайшем будущем. [1]

Обладая неисчерпаемыми запасами железа и белым углем, основой электричества [2] и химии, *Франция имеет все шансы превратиться в недалеком будущем в величайшую промышленную державу* и сыграть колоссальную роль в великом научном и индустриальном движении надвигающихся десятилетий.

---

[1] Россия также обладает значительными гидравлическими богатствами. По мнению профессора Боголепова, использование важнейших источников гидравлической энергии могло бы сохранить 255 миллионов пудов каменного угля, заменить труд нескольких миллионов рабочих. См. «Русская Воля» 1916 г. № 9.

[2] Уже теперь 7000 коммун во Франции пользуются электрическим освещением. Во Франции числится более 2000 электрических заводов. Капитал, вложенный в эти предприятия, превышает 1 миллиард франков. Marius Richard. Liautre Revanche. Paris. 1916. См. стр. 184. (Мариус Ришар. Другой реванш. Париж 1916.)

ГЛАВА II.

Колониальная политика и промышленное развитие Франции накануне мировой войны.

I. Влияние слабого прироста населения на промышленный прогресс страны.

В течение последних десятилетий накануне мировой войны Франция безостановочно развивалась в промышленном отношении и неудержимо шла к полному экономическому возрождению. Знаменитое открытие англичанина Сиднея Джильхриста Томаса, давшее возможность утилизировать для промышленных целей железные рудники, богатые фосфорнокислыми солями, превратило Францию в одну из первых металлургических стран в мире; применение же гидравлической силы, которой Франция обладает в таком количестве, как ни одна из европейских стран, дало возможность Франции отчасти восполнить «белым углем» тот недостаток в «черном угле», который во второй половине XIX века совершенно парализовал экономическое развитие Франции.

Однако, несмотря на богатство железом и «белым углем», Франция все же развивалась гораздо медленнее, чем ее грозная соперница на поле экономической борьбы — могущественная Германия.

Дело в том, что на ряду с крайне благоприятными условиями, как то: богатство железом, белым углем, камнем, цементом, деревом и т. д., мощно содействовавшими промышленному развитию Франции в течение последнего 25-летия, существуют факторы отрицательного характера, задерживающие прогресс французской индустрии и мешающие ее полному расцвету. Первым из этих *отрицательных* условий, задерживающих развитие производительных сил во Франции, является отсутствие для французской промышленности растущего *внутреннего* рынка. Население Франции увеличивается очень слабо, и в этом отношении никакие территориальные захваты в Африке или Азии не могут дать французской промышленности того, что дал бы ей ежегодный прирост ее населения хотя бы на 200 — 300 тысяч человек, которые несомненно предъявляли бы больший спрос на фабрикаты французской индустрии, чем десятки миллионов негров или мароканцев с их ничтожными потребностями. Вот как увеличивалось население Франции с 1881 г. до переписи 1911 г.:

Движение населения.

Годы	Численность населения.	Число рождений.	Число смертей.
1881	37 512 000	—	—
1885	38 110 000	924 558	836 897
1890	38 319 000	858 059	876 505
1895	38 483 000	834 173	851 986
1900	38 873 000	827 297	853 285
1905	39 192 000	807 291	770 171
1910	39 252 000	774 358	703 777

Таким образом, когда говорят об уменьшении населения во Франции до 1911 г., не следует понимать эти утверждения в абсолютном смысле, а лишь в относительном. С 1875 г. по 1910 г. население Франции поднялось с 37 миллионов душ до 39 миллионов, возросши, таким образом, на 8%. Но за этот же период население Германии поднялось с 42 миллионов душ до 65, увеличившись, таким образом, на 26 миллионов, т.-е. на 52%. Не было бы речи об «уменьшении населения» во Франции, если бы на ряду с последней, население во всех других государствах, в России, Германии, Италии, Австрии не возрастало с поразительной быстротой. Но Франция лишь показывает другим государствам их судьбу, ибо целый ряд симптомов доказывает, что явление уменьшения деторождаемости с развитием культуры становится общим законом для всех стран. Как бы то ни было, как показывает перепись 1911 г., население Франции возрастает крайне медленно, в то время как население Германии увеличивается ежегодно на 900 000 душ. «Мы проигрываем каждый день одну битву, а каждые три года теряем по численности населения новый Эльзас», меланхолично замечает депутат Lucien Hubert,[1] сравнивая таблицы роста населения во Франции и Германии.

Крайне слабый прирост французского населения являлся при данных условиях причиной того, что многие французские отрасли промышленности, например, сидерургия, не находят достаточного количества квалифицированных рабочих, ибо почти все иностранные рабочие, занятые во французской индустрии, итальянцы, испанцы, кабилы и т. д., пригодны, за недостатком технического образования, лишь для низшего труда. Все же квалифицированные рабочие, немецкие, английские и хотя бы итальянские, испанские и т. д., неохотно покидают свою родину, ибо они и там находят хорошо оплачиваемую работу. Само собой разумеется, что совершенно в ином положении, по сравнению с Францией, находилась Германия, где население ежегодно возрастает на 900 000 душ. Таким образом, германская индустрия была обеспечена, во-первых, непрерывно растущим внутренним рынком, увеличивающимся ежегодно почти на 1 миллион потребителей, а во-вторых, необходимым количеством рабочих, получивших низшее и среднее техническое образование. Одно увеличение населения в течение 10 — 15 лет давало Германской промышленности в смысле расширения рынка несравненно больше, чем дает французской индустрии вся колониальная империя Франции, ибо, что само собой разумеется, не может быть сравнения между покупательной силой немецкого или французского гражданина и какого-нибудь чернокожего обитателя Африки.

---

[1] Lucien Hubert. L'effort allemand. L'Allemagne et la France du point de vue économique. Paris, 1911, см. стр. 47. (Люсьен Юбер. Франция и Германия в экономическом отношении, Париж 1911.)

II. Колониальная политика и развитие производительных сил метрополии.

На ряду с слабым приростом населения, вторым и более важным фактором, задерживающим прогресс французской промышленности, является колониальный империализм, захватная политика Франции, отвлекающая миллиарды франков от эксплуатации безграничных подпочвенных богатств метрополии, от необходимых затрат на оборудование ее портов, углубление ее рек, сооружение новых каналов к совершенно непроизводительным расходам в каком-нибудь Мадагаскаре, в Томбукту, в Сенегале и т. д. В этом отношении, изучая влияние захватной французской политики в Африке и Азии на развитие производительных сил в метрополии, мы можем повторить с известными ограничениями в применении к Франции те строки, которые мы когда-то писали по отношению к царской России, а именно:

«Вся наша (русская) политика территориальных захватов явилась страшнейшим тормозом для развития нашей промышленности, каторжным ядром на ее ногах. Колоссальные расходы на всю эту политику авантюр, безумные затраты на трансманджурскую и сибирскую железную дорогу, на Порт-Артур и Дальний, на Средне-Азиатские затеи, на интриги в Персии, Китае, Тибете и т. д. легли тяжким бременем на крестьянство и пролетариат, крайне ослабили покупательную силу внутреннего рынка, отвлекли миллиарды рублей от крайне необходимых затрат внутри Европейской России и этим самым надолго задержали экономическое развитие последней... В то время как там на Дальнем Востоке с американской быстротой возникает какой-нибудь город Дальний, прозванный так остроумно городом Лишним, и в Европейской России такие важные приморские центры, как Одесса, которые при других условиях могли бы сделаться важнейшими пунктами мировой торговли, хиреют только потому, что правительство не желает затратить для этой цели нужных миллионов; во всей стране, по всем ее областям не хватает железных дорог, элеваторов, так что ежегодно сотни и сотни тысяч пудов хлеба гниют на станциях, товары залеживаются и теряют значительную часть своей ценности, затем, прежде судоходные реки мелеют, каналы, проведение которых является настоятельной потребностью времени, красуются десятки лет только в проектах инженеров, и русская промышленность, сдавленная в тисках абсолютизма, задержанная в своем поступательном движении этой раззорительной для страны политикой захватов, бьется как раненая птица и не может развернуть своих крыльев, тень от которых, при других условиях, покрыла бы собой значительную часть земного шара.[1]

---

[1] См. нашу работу «Волонтер». Русско-Японская война. (Причины, ход и последствия.) Стр. 179—180. Петербург, 1905; вышла третьим изданием в 1925 г.: Мих. Павлович (М. Вельтман). Русско-Японская война, «Красная Звезда», 1925.

Не следует думать, будто только царская захватная политика приводила к затратам миллионов рублей на затеи в роде создания города, остроумно прозванного *Лишним*, будто только русский империализм, даже как-будто расширяя рынки, становился поперек развития производительных сил страны, роста ее промышленности. И Франция создала много городов «Лишних», в различных частях своей колониальной империи, Франция строила в Африке и Азии совершенно бесполезные железные дороги, заранее обреченные на полную экономическую бесплодность и отягощавшие лишь бюджет метрополии (см. о таких дорогах во французских колониях, в Судане, в Сенегале, в Алжире и т. д. нашу книгу «Империализм и великие железнодорожные и морские пути будущего» стр. 31 — 32). И в этом отношении различие между царской захватной политикой и французским колониальным империализмом носит лишь количественный, а не качественный характер. Само собой разумеется, что колониальная политика третьей республики менее богата всякого рода уродливыми явлениями, чем политика царской России, во всяком случае, губительное влияние французских колоний на развитие метрополии представляет собой факт, который не может оспариваться мало-мальски объективным исследователем...

В современную нам эпоху экономический прогресс страны немыслим без грандиозных технических работ, осуществление которых не под силу ни отдельным капиталистам, ни даже целым городам и общинам. Между тем сам по себе прогресс промышленности, развитие производительных сил еще не ведут к осуществлению и выполнению грандиозных технических работ, без которых дальнейшее движение страны оказывается немыслимым. За период времени с 1879 г. по 1911 г. километрический тоннаж по французским внутренним водным путям возрос с 2 024 000 000 до 5 767 000 000, т.-е. увеличился на 185%. Между тем длина судоходного пути оставалась почти стационарной (11 440 километров в 1911 г. против 10 940 в 1879 г.). Ясно, что при таких условиях развитие водного транспорта должно было сильно тормозиться, и на всех речных станциях сотни судов задерживались на целые недели. Во время войны, в момент угольного кризиса, сотни тысяч тонн угля покоились в баржах и шаландах, которые не могли двинуться ни взад ни вперед. Одним словом, на французских водных путях происходило то же самое, что в царской России имело место и в мирное время на железных дорогах, где ежегодно миллионы пудов пшеницы гнили на станциях. На известной стадии развития страна, не сооружающая новых портов, каналов и т. д., обрекается на экономический застой. Порты, каналы, речные системы играют в экономике страны ту же роль, что вены и артерии в человеческом организме, и потому непрерывное улучшение этих путей сообщения является основным фактором экономического прогресса. Одним из условий, могущественно содействовавших сказоя-

[1] Marius André, L'autre revanche. Paris. 1916. см. стр. 86. (Марпус Андре. Другой реванш. Париж. 1916.)

ному развитию промышленности С. Штатов является осуществление в течение последних десятилетий грандиозных работ по проложению каналов, углублению и расширению портов, проведению новых железнодорожных линий и т. д. В этом отношении С. Штаты, не обремененные милитаризмом и маринизмом в европейском масштабе, имели возможность посвящать такие суммы на технические сооружения, о которых не могли и мечтать европейские правительства. Гигантские затраты на углубление порта Нью-Иорка, на улучшение канала от Миссисипи к Новому Орлеану, на углубление порта Бостона, наконец, на открытие Панамского канала, обошедшегося до сих пор в 4 миллиарда фр. и являющегося одним из величайших памятников инженерного искусства, какой только знает история, служат примерами той лихорадочной деятельности, которую обнаруживают С. Штаты в деле технических сооружений и борьбы с препятствиями, мешающими росту производительных сил страны и развитию торговых сношений как между отдельными штатами государства, так и с заморскими государствами. О грандиозном характере всех этих работ можно судить потому, что при сооружении Панамского канала американцы извлекли (с 1904 по 1913) более 150 000 000 кубических метров земли, при углублении порта Нью-Иорка по последнему проекту 42 500 000 кубических метров и т. д. Следует прибавить, что все эти работы производятся американцами с поразительной целесообразностью и планомерностью. Каждый порт или каждая часть его строится по плану, отвечающему той экономической роли, которую должна иметь данная часть его, для того, чтобы операции разгрузки и выгрузки товара можно было производить с наибольшей быстротой и экономией. Порт для выгрузки и погрузки железной руды должен быть устроен совершенно иначе, чем порт для пшеницы или для угля. Между тем именно в этом отношении многие европейские порты страдают существенными недостатками, и важнейшие из них, в роде Одессы, Марсели и т. д., являются по своему устройству портами устарелыми.

В области великих технических сооружений из всех европейских государств меньше всего отставала от С. Штатов по суммам, затраченным на углубление и расширение портов, соединение речных систем и т. д., Германия. Так, с 1880 г. по 1914 г. Германия затратила на улучшение и увеличение Гамбурга, Бремена и Бремерсгавена около 1 миллиарда марок. Между тем за этот же период Франция истратила менее половины этой суммы, именно около 500 миллионов франков на семь своих важнейших портов: Дюнкерх, Гавр, Руан, С. Назер, Нант, Бордо и Марсель. 500 миллионов фр. затрат для улучшения семи портов в течение 35-летнего периода — это очень малая сумма.

План необходимых работ для подъема экономического благосостояния Франции и облегчения ее промышленного прогресса был выработан уже 40 лет тому назад Гамбеттой и Фрейсине. Этот план так и носит название «Программы публичных работ Фрейсине и Гамбетты». Эта программа, предусматривавшая оборудование французских портов в соответствии с прогрессом мореходства в то время, проведение новых каналов и улучше-

ние старых, была значительно урезана парламентом, а затем начатые работы были вовсе прерваны. Наиболее ярким свидетельством отсталости Франции в области технических сооружений и общественных работ, без осуществления которых немыслимо нормальное развитие страны, служит тот факт, что до сих пор реализована лишь малая часть программы Фрейсине, выработанная в 80-х годах прошлого столетия (1879). В начале нынешнего века (1903 г.) сенатор Пьер Боден, бывший министр общественных работ, выработал более скромную программу, для осуществления которой требовалось, по вычислениям Бодена, всего 362 450 000 фр. Но закон 22 декабря 1903 г. сократил и эту скромную программу, ограничив расходы для ее осуществления суммой в 176 900 000 фр. Однако, можно было, по крайней мере, надеяться, что Франция, наконец, приступает к быстрому осуществлению плана работ, объединенных руководящей идеей. Но даже в 1909 г. еще не было сделано ни одного удара лопатой, чтобы приступить к началу этих работ, а в 1910 г. программа Бодена была окончательно похоронена.

За несколько лет до мировой войны (1911 г.) известный знаток вопроса, Мариус Ришар, снова выступил с программой, в основу которой были положены идеи проекта Гамбетты-Фрейсине. Ришар доказывал, что Франция не сумеет бороться с успехом за свое положение на мировом рынке и обречена на тяжкие поражения на поле экономической борьбы, если не будут радикальным образом улучшены ее порты и созданы удобные коммуникационные пути, соединяющие эти порты с внутренними областями страны. Основные линии проекта Мариуса Ришара заключались в следующем: 1) Улучшение судоходства по Сене и превращение Парижа в морской порт, который мог бы получать грузы прямо из северных портов в шаландах в 3000 тонн, в роде тех, какие циркулируют по Рейну. 2) Улучшение южного канала и бокового канала Гаронны, что дало бы возможность соединить речные системы южной Франции с водными путями остальных областей. 3) Проведение Северо-Западного канала, который соединил бы железный бассейн департамента Марты и Мозеля с угольными бассейнами Па-де-Кале и Севера. 4) Улучшение судоходства на Луаре с целью создания водного пути от С. Назера, порта на Атлантическом побережье Франции, до Базеля.

Заметим, что проект углубления Сены и соединения Парижа удобной речной дорогой с северными портами, Руаном и Гавром, был впервые выдвинут еще в 1760 г. С той поры было выработано до 100 проектов превращения Парижа в морской порт. В пресловутых «Cahiers generaux» 1789, мы встречаем настоятельные требования создания из Парижа морского порта. Бонапарт в одной из своих речей, в качестве первого консула, произнес историческую фразу: «Париж, Руан, Гавр составляют лишь один город, главной улицей которого является Сена».

В 1910 г., во время подъема Сены, вызвавшего страшное наводнение, причинившее колоссальные убытки, проект углубления Сены и превра-

щения Парижа в морской порт снова был поставлен на очередь. Парижский муниципальный Совет вотировал тогда резолюцию в пользу реализации проекта. Газеты в один голос писали о том же. Но все это говорилось и писалось под впечатлением катастрофы, разразившейся над столицей. Автор лично посетил в тот момент предместья Парижа и был потрясен размерами бедствия, постигшего столицу Франции и картинами произведенного наводнением разрушения. Во многих предместьях улицы были совершенно затоплены и видны были только крыши домов. В других вода доходила до 2-го этажа. Президент республики объезжал *на судне* пострадавшие предместья. Неудивительно, что под впечатлением всех этих картин и бегства населения из затопленных местностей в пощаженные бедствием части Парижа, вся печать заговорила о необходимости осуществления, наконец, проектов об углублении Сены. Но едва успело улечься впечатление, произведенное страшным бедствием, как все эти проекты были отброшены правительством и забыты прессой.

И во время войны старый проект углубления Сены и превращения Парижа в морской порт снова привлек к себе внимание страны. Парижский Муниципальный Совет вотировал в конце 1916 г. более 100 миллионов фр. на начатие при первой возможности работ по осуществлению проекта, но само собой разумеется, что во время войны, за недостатком рабочих рук и строительных материалов нет возможности приступить даже к первоначальным работам по реализации проекта. «А что будет после войны с этим «неотложным» проектом трудно предугадать» писали мы в 1917 г. Как было возможно французскому правительству в течение предшествующих десятилетий, особенно за последние 25 лет накануне войны думать об углублении Сены, проведении каналов внутри страны, улучшении ее прибрежных портов Бреста, Гавра, Марсели-Руана, когда на очереди было столько неотложных работ на Мадагаскаре, в Тонкине, в Аннаме, экваториальной восточной Африке, наконец, в Марокко. Нужно было создавать портовые сооружения в Казабланке, Сайгоне, Бизерте, Танжере, и таким образом, неудивительно, что не было возможности затратить 350 милл. франков, чтобы превратить, например, Брест в великий французский транс-атлантический порт и вместе с тем в первый транс-атлантический порт в Европе. Если французские мореходные компании играли незаметную роль в сношениях между Европой, с одной стороны, северной, южной и центральной Америкой — с другой, то это объясняется неустройством французских портов. Из 42 мореходных компаний, совершавших рейсы между Европой и Америкой, было только четыре французских компании. Из 1000 пакетботов, которые ежегодно входят в Нью-Йоркский порт, было только 88 французских, зато 350 английских, 228 немецких. Из 330 810 пассажиров первого и второго класса, высадившихся в 1910 г. в Нью-Йорке, только 21 522 прибыли на французских судах, 99 103 на английских и 89 334 на немецких. Некогда было думать о благоустройстве Франции, когда все лишние средства приходилось расходовать на сооружение дорогостоящих и порой

совершенно бесполезных железных дорог в Судане, в Сенегале, на Мадагаскаре и т. д.[1]

Колониальная империя Франции далеко переросла финансовые и производительные силы страны, и это было одной из основных причин отсталости Франции. Знаменитая фраза Франклина «Если бы Франция и Англия играли в кости на свои колонии, выиграл бы проигравший», остается верной до сих пор, во всяком случае по отношению ко многим владениям некоторых европейских государств, например, Испании и Франции. Франция только выиграла бы, как промышленная держава, если бы она освободилась от части своих заморских владений, во всяком случае от таких колоний, как Индо-Китай, Мадагаскар и т. д.

Автор уже до войны в статье «Финансовые и экономические силы современной Германии» доказывал, что условием первой важности, содействовавшим поразительно быстрому росту немецкой промышленности, является бедность до-военной Германии дорогостоящими колониями.[2] Не имея обширных заморских владений, не будучи обременена громадными накладными расходами, промышленная Германия направила всю свою энергию на развитие производительных сил внутри страны, на эксплуатацию своих колоссальных подпочвенных богатств, на углубление и расширение рек, на улучшение портов, и только благодаря этим колоссальным работам в мирное время, Германия, начиная со второй половины XIX века, вела с таким успехом борьбу за мировую гегемонию с величайшими промышленными державами и обнаружила такую экстраординарную военную и экономическую мощь в нынешней войне. Германия семимильными шагами шла вперед в области великих технических сооружений, без которых совершенно невозможен промышленный прогресс в современную нам эпоху. В то время как Германия строила все новые и новые железнодорожные ветви, производила гигантские работы по сооружению и расширению своих портов, затрачивая сотни и сотни миллионов франков на Гамбург, Бремен и т. д., углубляла старые каналы и проводила новые для соединения речных систем, Франция в области технических работ стояла на одном и том же месте и ее порты, ее железные дороги, ее каналы обретались в состоянии, недостойном великой страны. Таким образом, в то время как Германия с поразительной быстротой развивала свои экономические силы и превращалась в величайшую в мире промышленную державу, Франция, несмотря на ее колоссальные естественные богатства, на ее железо, на ее гидравлические силы, на ее прекрасное географическое положение и т. д., отставала не в малой мере, благодаря своей разнуз-

---

[1] Об экономическом значении этих колониальных железных дорог см. «Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего».

[2] «Современник», кн. XII, 1911, см. о том же вопросе «Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего». Собрание сочинений т. II.

данной колониальной политике, всем этим тунисским, алжирским, индокитайским и, наконец, марокканским авантюрам — от своей грозной соперницы в борьбе за мировую гегемонию на экономическом поле. После того как Франция затратила на алжирскую авантюру 4 миллиарда франков, на завоевание отдаленного Индо-Китая 6 миллиардов франков, страна вынуждена была выбросить в начале XX столетия на марокканские дела более 2 миллиардов фр. Само собой разумеется, что эта разорительная политика колониальных авантюр не могла не оказать своего губительного влияния на индустриальное развитие метрополии и явилась одним из основных факторов промышленной отсталости Франции и ослабления ее влияния на мировом рынке.

В отличие от Англии, все экономическое могущество которой создалось на эксплуатации ее огромной колониальной империи, на превращении английских заморских владений (Индия, Цейлон, Египет, Судан и т. д.) не только в важнейшие рынки для сбыта товаров и особенно капиталов метрополии, но и в первостепенные сырьевые базы, Франция в методах эксплуатации своих колоний во многих отношениях не так уже далеко ушла от Испании. Вывоз французских капиталов и французских товаров в колонии до сих пор не играет особенно важной роли во французском экспорте, в качестве же сырьевых баз для французской промышленности колонии Франции не играют заметной роли. Наоборот, главнейшую часть необходимого ей сырья (хлопок, кожи, нефть, каучук и т. д.) Франция получает из колоний других стран, Англии, Бельгии, Голландии и т. д. Колонии играют важную роль для Франции в качестве резервуара пушечного мяса. Но это военное значение французских колоний с каждым днем ослабляется в связи с ростом национального освободительного движения на черном и желтом континентах.

Громадно значение французских колоний (преимущественно североафриканских) в качестве объектов земельной спекуляции и так называемой «колонизационной политики». В Алжире в 1914 г. 88 982 французских собственников владели в круглых цифрах 1 150 000 гектаров пахотной земли в то время, как 1 775 000 туземцев имели всего 2 500 000 гектаров. В Марокко из 10 миллионов гектаров земли, пригодной для обработки, 7 200 000 гектаров земли объявлены колонизационными землями, т.-е. принадлежащими французским капиталистам, и лишь 2 800 000 гектаров земли оставлены туземному населению. В Тунисе из $3^1/_2$ миллионов гектаров пригодной для обработки земли туземцам принадлежит не больше $1^1/_2$ милл. Остальные представляют «колонизационный фонд», доставшийся французским банкам и отдельным крупным помещикам. Эксплуатация труда миллионов мелких арендаторов и батраков Северной Африки (в одном Алжире французские помещики эксплуатируют 1 175 000 мелких арендаторов туземцев и 600 000 батраков) доставляет громадные барыши французским банкам и французским аграриям.

Французская колониальная политика пошла на пользу металлургическим королям, аграриям и важнейшим банкам, но она имела губительное

влияние на развитие производительных сил в самой стране. Последствия пренебрежительного отношения к улучшению портов, каналов, коммуникационных линий в самой метрополии сказались самым наглядным образом в период мировой войны, когда явно обнаружилось дурное состояние французских речных путей, полная необорудованность французских портов. [1] Транспортный кризис, от которого так тяжело страдала Франция в войну 1914 — 1918 г., явился не в малой степени результатом жалкого состояния французских портов, каналов, речных путей. Когда началась война, пришлось взяться за полное переустройство Гавра, Руана, С. Назера, Нанта, Бордо, Диеппа, Марсели, Байонны, Блейя, Гренвилля и всех больших и малых портов Франции. Повсюду пришлось строить новые набережные, приобретать усовершенствованные машины для погрузки и выгрузки товаров, строить амбары для хранения пшеницы, угля, железа и т. д., но всех этих спешных мер было недостаточно, чтобы удовлетворить гигантски выросшим благодаря войне потребностям страны в привозном материале. Даже на 3-й год войны суда, приходившие из Англии и Америки, вынуждены были порой ждать целые недели, пока им удавалось выгрузиться и уйти обратно. Как констатировал специалист по транспортному вопросу, Жорж Прад, судно, приходившее в Гавр с грузом стали, так необходимой для военной индустрии, вынуждено было ждать своей очереди minimum 10 дней. [2] В момент тяжкого угольного кризиса в 1917 г., сократившего деятельность французских заводов, в Руане на Сене стояли иммобилизованными 1200 барж и шаланд, нагруженных углем. [3] Равным образом, во многих портах Франции бесплодно покоятся сотни тысяч и миллионы тонн угля, которые нельзя доставить в фабричные города Франции, в виду жалкого состояния ее речных путей и каналов. В течение последних месяцев 1917 г. в Англии откладывалось в резерв для Франции по 2 000 000 тонн угля в месяц, которые невозможно было доставить в мучительно страдавшую от угольного голода Францию вследствие перегруженности ее портов и дурного состояния ее коммуникационных путей от этих портов внутрь страны.

---

[1] Необорудованностью французских портов нужно объяснить и то обстоятельство, что французский торговый флот не имел накануне войны больших современных судов. В то время как Франция имела всего одно торговое судно с тоннажем выше 15 000 тонн, именно «Франция» (23 000 тонн), Германия и Англия имели по несколько десятков торговых судов с тоннажем от 18 000 до 22 000 тонн. Кроме того, с 1911 по 1914 г. обе эти державы выстроили 7 судов с водоизмещением от 45 000 до 56 000, как например «Титанник», потонувший в 1912 г., и «Британник», потопленный в Эгейском море.

[2] Вообще же суда, прибывавшие в Гавр, ждали своей очереди больше времени. Как было обнаружено сенатской комиссией, заседавшей в марте 1916 г., одно судно, прибывшее в Гавр 9 февраля могло подойти к набережной только 1 марта, т.-е. через 20 дней, а затем выгрузка длилась, конечно, несколько дней. Другое судно, прибывшее 7 февр., подошло к набережной лишь 24 февраля. Третье судно, прибывшее 28 февраля, не было разгружено еще 18 марта и т. д. См. L'Echo de Paris, 31 Mars 1916.

[3] См. Le Temps, 4 Janvier 1917.

Транспортный кризис, вызвавший «угольный голод», который начал особенно остро чувствоваться во Франции в конце 1916 г. и начале 1917 г., сильно повлиял на производительность военных заводов Франции.[1] Как известно, не только в провинции, но в самом Париже недостаток угля повел или к сокращению производительности или к временному закрытию многих заводов, работающих на армию, что вызвало в некоторых случаях беспорядки и манифестации со стороны пролетариев, требовавших работы и хлеба, как это случилось, например, 23 января 1917 г. в Париже.[2] Недостаток в топливе, поведший к ослаблению производительности военных заводов, был причиной недостатка в снарядах, который особенно остро чувствовался во Франции в зиму 1916 — 1917 г., то-есть как раз в тот момент, когда центральные державы обрушились всеми своими силами на несчастную Румынию и когда более энергичная деятельность англо-французских войск на западном фронте могла бы облегчить положение Румынии, втянутой в войну союзниками, не рассчитавшими своих сил. Французская пресса достаточно ярко подчеркнула в ряде статей влияние «угольного кризиса» на ослабление работы военных заводов. Между тем не может быть никакого сомнения в том, что этот «угольный кризис», так отразившийся на понижении производительности французских заводов во время войны, явился результатом плохого оборудования французских рек и каналов. Как указал депутат Шарль Лебук в своей речи 30 января 1917 г. о причинах «угольного кризиса», в то время как в Париже все население и индустрия страдали от недостатка угля, в Руане находилось 1200 шаланд и барж, нагруженных углем и не могших двинуться ни взад ни вперед». В ноябре 1915 г. в Руане было иммобилизовано всего 156 шаланд, 4 ноября 1916 г. число шаланд с углем равнялось уже 829, 15 ноября это число возросло до 1028, а через месяц 15 декабря 1916 г. достигло уже 1298 шаланд.[3] Итак, в то время как в Париже угольный кризис обострялся, и во всей Франции заводы останавливались или сокращали рабочее время за недостатком топлива, в некоторых пунктах Франции уголь скоплялся все в большем и большем количестве. В Руане, находящемся в нескольких километрах от Парижа, запасы угля, лежавшие в 1300 баржах, определялись в 40 000 вагонов или в 400 000 тонн. Главная причина угольного кризиса заключалась в транспортном кризисе и прежде всего в дурной организации *французских речных путей*. И Шарль Лебук был безусловно прав, когда, указывая на «парадоксальный факт» скопления громадных запасов угля в Руане и других пунктах Франции и одновременный острый недостаток топлива, парализовавший работу военных заводов во всей Франции, он подчеркнул, что причина зла лежит в организации и дурном состоянии

---

[1] См., напр., статью «La crise du charbon et les munitions de guerre» («Угольный кризис и снаряды») в «Temps» 11 Janvier 1917 и многочисленные статьи на ту же тему в органах французской печати за январь 1917 г.

[2] Le Temps 24 Janvier 1917.

[3] Journal officiel, seance du 30 Janvier 1917.

транспорта вообще и *речного* в особенности».[1] Или вот как сотрудник Temps Габриель Алфо описывает положение в департаменте Сены и Уазы в октябре 1916 г.:

«Департамент Сены и Уазы зависит по распределению угольных секторов от копей Па-де-Калэ. В этом бассейне уголь скопляется громадными горами вокруг рвов в условиях худших, чем в наших портах. Никто не забирает этого угля и не распределяет его, за отсутствием средств транспорта. Чтобы бороться с первыми зимними холодами, матери и дети, учителя и ученики (в департаменте Сены и Уазы) собрали и принесли домой все остатки леса. Тщетная паллиатива! В 131 коммунах школы и благотворительные учреждения остаются без огня. Чтобы получить 10 000 000 тонн угля, необходимого департаменту, администрация префектуры основала, по примеру Парижа, финансовое общество с капиталом в 150 000 фр., но уголь все не приходит. Нищета, обоюдная нищета, стон, горький и обоюдный стон как тех, кто должен распределять уголь, так и тех, кто должен его получать. Где находится уголь? Почему он лежит там, где в нем нет нужды? Почему он не там, где его требуют бедные люди, где в нем чувствуется острая потребность. Угля, угля, угля!»[2]

Это было в октябре 1916 г., а в январе 1917 г., во время невиданных морозов, каких Франция не знала в течение последних 30 лет, недостаток угля давал себя особенно остро чувствовать. Правительство оказалось вынужденным сократить движение поездов, закрыть театры, концерты и кино в течение четырех дней в неделю, ограничить потребление газа в частных домах и в магазинах, издать декрет о закрытии всех кафе в $8^1/_2$ часов вечера и т. д. Но все это не могло спасти страну от последствий тяжкого угольного кризиса, роковым образом отозвавшегося на производительности национальной индустрии и военной в особенности. Пока еще нет точных данных, сколько французских фабрик, заводов и мастерских временно закрылись в 1916 — 1918 г. за отсутствием топлива и освещения, сколько фабричных предприятий сократили волей-неволей рабочий день и как вообще угольный кризис отозвался на военном положении, на успехах французского оружия в борьбе с немецкой армией, засевшей в Бельгии и десяти департаментах северной Франции.

За десятилетие мирного периода Франция мало заботилась об улучшении судоходства своих рек, проведении новых каналов и лучшем оборудовании старых. Поглощенные заботами о новых и новых территориальных приобретениях правящие классы Франции не имели ни времени, ни свободных средств, чтобы позаботиться об оборудовании рек и каналов метрополии. Ныне мы слышим, порой, голоса даже буржуазных французских экономистов, которые говорят, что Франция много выиграла бы, если бы она ликвидировала некоторые свои колонии[3] и направила избыток своих

[1] Journal officiel. Chambre des Deputés. Seance du 30 Janvier 1917 p. 190.
[2] Le Temps 31 Octobre 1916.
[3] Любопытно, что проекты продажи некоторых французских колоний, выдвигавшиеся уже до войны, особенно усердно стали обсуждаться во Франции именно после войны. Вопросу о продаже Индо-Китая, Океании и «других

капиталов, своей энергии, своей инициативы — который шел до сих пор в области, лежащие у тропика Рака и Козерога, — в «непочатые области» самой метрополии в ее богатую подпочву, изобилующую неисчерпаемыми дарами. И эти немногие экономисты иллюстрируют свои советы ссылкой на тот факт, что Германия, беднейшая из всех первоклассных держав по богатству колониями, уступающая в этом отношении даже какой-нибудь Голландии или Португалии, была в состоянии вызвать на бой пол-мира и вести $3^1/_2$ года победоносную войну, только благодаря тому, что в мирное время она направила весь избыток своих капиталов и энергии на эксплуатацию и поднятие производительности «подпочвы» самой метрополии, менее богатой, однако, чем подпочва Франции.

Однако, само собой разумеется, что несмотря на все подобные увещания и ссылки, никогда правящие классы Франции не откажутся от захватной колониальной политики. В результате мировой войны и Версальского мира Франция присоединила в своей колониальной империи значительную часть немецких колоний. Но всех этих приобретений мало французским империалистам, стремящимся ныне к овладению испанским Марокко.

III. Ленин о колониальной политике.

В своей книге «Империализм как новейший этап капитализма», Ленин указывает на ряд экономических и социальных факторов, с непреодолимой силой толкающих современные государства к захватной колониальной политике. Одним из этих факторов является стремление к гегемонии, т.-е. к захвату земель не столько прямо для себя, сколько для ослабления противника и подрыва его гегемонии. [1] Так, Фран-

---

отдаленных французских колоний» посвящена статья во влиятельнейшей французской финансовой газете «Information» от 15 декабря 1924 г. Несомненно, что чем больше будет обостряться финансовый кризис во Франции и усиливаться ее финансовая зависимость от Америки и Англии, чем более усиленным темпом пойдет процесс «большевизации» колониальных армий, чем интенсивнее равновесие на морях будет нарушаться в пользу Англии, Америки, Японии и в ущерб Франции, в результате чего многие французские колонии — Мадагаскар, Индо-Китай, Гваделупа, Мартиника, Новая Каледония, Таити, Маркизские острова — повиснут в воздухе, тем громче будут раздаваться во Франции голоса в пользу продажи части колоний С. Штатам, для ликвидации колоссальных долгов, отягощающих французский бюджет и ведущих Францию к банкротству.

[1] Для империализма характерно как раз стремление к аннексированию не только аграрных областей, а даже самых промышленных (германские аппетиты насчет Бельгии, французские насчет Лотарингии), ибо, во-первых, законченный раздел земли вынуждает при переделе протягивать руку ко всяким землям; во-вторых, для империализма существенно соревнование нескольких крупных держав в стремлении к гегемонии, т.-е. к захвату земель не столько прямо для себя, сколько для ослабления противника и подрыва его гегемонии (Германии Бельгия особенно важна, как опорный пункт против Англии, Англии — Багдад, как опорный пункт против Германии, и т. д.). См. Ленин. Империализм как новейший этап капитализма. § 7. Империализм как особая стадия коммунизма.

ция стремится к захвату испанского Марокко с целью подрыва английской гегемонии на Средиземном море.

Очень важно для понимания движущих пружин современной колониальной политики и следующее замечание Ленина:

«Вне-экономическая надстройка, вырастающая на основе финансового капитала, его политика, его идеология — усиливают стремление к колониальным завоеваниям. «Финансовый капитал хочет не свободы, а господства», справедливо говорит Гильфердинг. А один буржуазный французский писатель, как бы развивая и дополняя приводимые выше мысли Сесйля Родса, пишет, что к экономическим причинам современной колониальной политики следует прибавить социальные: «вследствие растущей сложности жизни, сложности и трудности, давящей не только на рабочие массы, но и на средние классы, *во всех странах старой цивилизации скопляются нетерпение, раздражение, ненависть, угрожающие общественному спокойствию;* энергии, выбиваемой из определенной классовой колеи, надо найти применение, дать ей дело вне страны, чтобы не произошло взрыва внутри»[1] (курсив наш. *М. П.*)

Это замечание имеет глубокий смысл. Крайне характерно, что именно после окончания пресловутого дела Дрейфуса, радикальная французская буржуазия, желая отвлечь монархически настроенное офицерство от приложения энергии внутри страны в борьбе с республикой, с особой силой и рвением поощряет колониальные авантюры. (Подробно об этом см. «Борьба за Азию и Африку». *Мих. Павлович.* Собрание сочинений т. III.)

Я уже отмечал в своей работе «Борьба за Азию и Африку», что французский капитализм очень мало использует колонии в качестве источников сырья. Поразительный факт, что даже в начале XX столетия Франция не вывозила из своих колоний ни одной тонны хлопка. Следовательно, в этом отношении Франция шла далеко позади царской России, которая все же сумела превратить Туркестан в резервуар, откуда наши текстильные короли извлекали миллионы пудов сырья (хлопка). В 1923 г. Франция импортировала для нужд своей текстильной промышленности 261 000 тонн хлопка, в том числе всего 3500 тонн из французских колоний.[2] Ука-

---

[1] Ленин. «Империализм». § 6. Раздел мира между великими державами.

[2] В том же году (1923) Англия импортировала из своих колоний, не считая Индии и Египта, 50 000 тонн хлопка, т.-е. в 16 раз больше, чем Франция из всех ее колоний. Французские колонии,— пишет Морис Жинест в «Тан» от 18 декабря 1924 г.,— могут производить в неограниченном количестве все необходимые Франции виды сырья — хлопок, шерсть, нефть, каучук, кожи и т. д., но Франция импортирует все эти продукты из-за границы, уплачивая за них миллиарды фр. золотом. Все попытки выдающихся французских экономистов убедить капиталистов в выгодности помещения капитала в колониальные предприятия, все рассуждения на тему о необходимости образования из французской метрополии и колоний единого хозяйственного организма, более или менее самодовлеющего экономически целого, наподобие С. Штатов, не дают пока заметных результатов. Французские капиталисты охотно вкладывают свои капиталы в колониальные железные дороги, обеспеченные правительственной гарантией, фран-

зывая на ничтожность этой цифры, «Тан» в статье от 11 января 1925 г. утешается тем, что «Двадцать лет тому назад французские колонии не давали ни одного пуда хлопка». Как видим, прогресс в эксплуатации сырьевых богатств очень ничтожный.[1] Между тем во французской текстильной промышленности (в метрополии) занято 300 000 рабочих, и на покупку хлопка за границей для очень важной в экономии Франции текстильной промышленности пришлось в 1924 г. затратить 3 миллиарда франков золотом. Но если французские капиталисты совсем не эксплуатировали своих колоний в качестве источников сырья, зато французским трестам и синдикатам удалось помешать захватом тех или других территорий и превращению последних в сырьевой резервуар для германских или английских картелей.

Из того факта, что торговля Франции, а в некоторых случаях даже Англии со своими колониями развивается медленнее, чем с другими странами, что английские и французские колонии удачно эксплуатировались накануне мировой войны в качестве рынка для сбыта своих фабрикатов и источника сырья Германией, буржуазные реформаторы и «марксисты» в роде Каутского делают вывод, что капитализм отнюдь не связан неразрывно с империализмом, с захватной политикой, что капитализм может расширяться без «дорогой и опасной колониальной политики» и т. д.

Жестоко критикуя буржуазно-реформистскую точку зрения, на которую стал Каутский в 1914 г.,[2] т. Ленин пишет:

цузские банки охотно занимаются в колониях земельной спекуляцией, что же касается разработки подпочвенных богатств, в этом отношении делается очень мало. Как констатирует французская печать, метрополия экспортирует в колонии капиталы в очень незначительных размерах. Совершенно иной характер носит связь английской метрополии с ее колониями и доминионами.

[1] Неудивительно, что некоторые органы французской прессы обсуждают порой вопрос о продаже части французских колоний для уплаты долгов Америке. Любопытно, что проект продажи колоний касается в первую очередь как раз тех, которые дают Франции наиболее ценные виды сырья — каучук и хлопок, а именно Индо-Китай. Вообще Франция ввозит из своих колоний второстепенные виды сырья: фрукты, какао, кофе, бобы, оливковое масло и т. п., хлеб, рис и т. д., наиболее же ценные виды сырья — каучук, хлопок — ввозятся во Францию из ее колоний в очень незначительном количестве. В нашей прессе отмечалось, будто французских империалистов привлекают нефтяные источники Риффа. Прежде всего следует отметить, что подпочвенные богатства Риффа мало исследованы и что данные относительно этих богатств, опубликованные в прессе, не заслуживают доверия; затем характерно, что Франция сдала в концессию англичанам нефтяные источники Мадагаскара. О богатствах французских колоний см. S. Ferdinand Lop. Des ressources du domaine colonial de la France. Dunot, Paris 1923. Albert Sarraut. La mise en valeur des colonies françaises. Paris 1923. K. Delacourt. Les relations économiques de la France avec ses colonies au lendemain de la guerre.

[2] Заметим, что уже в 1899 г. в статье «Колониальная политика в прошлом и настоящем» Каутский констатировал, что торговля Англии с Индией развивается медленнее, чем торговля Англии с другими некоторыми странами, но тогда Каутский, как истинный в ту пору марксист, не делал из этого факта

«Вот образчик экономической критики империализма Каутским. Он берет данные о вывозе и ввозе Англии из Египта за 1872 и 1912 годы; оказывается, что этот вывоз и ввоз рос слабее, чем общий вывоз и ввоз Англии. И Каутский умозаключает: «Мы не имеем никаких оснований полагать, что без военного занятия Египта торговля с ним выросла бы меньше под влиянием простого веса экономических факторов». «Стремления капитала к расширению лучше всего могут быть достигнуты не насильственными методами империализма, а мирной демократией.

«Если исправить это рассуждение и сказать, как говорит Спектатор: торговля английских колоний с Англией развивается теперь медленнее, чем с другими странами, — это тоже не спасает Каутского. Ибо Англию побивает тоже монополия, тоже империализм, только другой страны (Америки, Германии). Известно, что картели привели к охранительным пошлинам нового, оригинального типа: охраняются (это отметил еще Энгельс в III томе «Капитала») как раз те продукты, которые способны к вывозу. Известна, далее, свойственная картелям и финансовому капиталу система «вывоза по бросовым ценам», «выбрасывания», как говорят англичане: внутри страны картель продает свои продукты по монопольно-высокой цене, а за границу сбывает втридешева, — чтобы подорвать конкурента, чтобы расширять до максимума свое производство и т. д. Если Германия быстрее развивает свою торговлю с английскими колониями, чем Англия, это доказывает лишь, что германский империализм свежее, сильнее, организованнее, выше английского, но вовсе не доказывает «перевеса» свободной торговли, ибо борется не свободная торговля с протекционизмом, с колониальной зависимостью, а борется один империализм против другого, одна монополия против другой, один финансовый капитал против другого. Перевес немецкого империализма над английским сильнее, чем стена колониальных границ или протекционных пошлин; делать отсюда «довод» за свободную торговлю и «мирную демократию» есть забвение основных черт и свойств империализма, замена марксизма мещанским реформизмом».[1]

Если Германия — как указывал т. Ленин — быстрее развивала свою торговлю с английскими колониями, чем сама Англия, понятно, что

тех выводов, к которым он пришел в 1914 г. «Из всего британского экспорта, в 1892 г. равнявшегося 227 милл. ф. стерл., — писал Каутский, — только 28 милл. приходилось на Индию. Весь английский импорт составлял 424 милл. ф. стерл., из них лишь 30 милл. ф. стерл. индийский импорт в Англию».

[1] Ленин. Империализм как новейший этап капитализма. см. § 9. Критика империализма).

с колониями Франции, более слабой экономически, чем Англия, Германия развивала свою торговлю еще быстрее. И понятно, что французские капиталисты должны были сказать себе: «Раз Германия успешно конкурирует с нами в наших собственных колониях, несмотря на заградительные таможенные заставы, что же произошло бы при свободной торговле. Само собой разумеется, что при отмене нами протекционной системы Германия попросту монополизировала бы наши колониальные рынки, Следовательно, наша политика должна заключаться не в уничтожении проволочных заграждений против немецких товаров, а, наоборот, в создании китайской таможенной стены по отношению к немецким товарам». Вот почему французская буржуазия осталась глухой к призывам президента французского кабинета Кайо, который в своей наделавшей столько шуму и вызвавшей такую жестокую критику парламентской речи от 18 декабря 1911 г., желая предотвратить войну с Германией, доказывал необходимость отказа от запретительных пошлин, от протекционной системы.

«Позвольте мне высказать мою мысль до конца. Режим открытых дверей, это — режим, которого отныне не избежишь во всех новооткрывающихся странах. Вы должны, наконец, хорошенько понять, что придется отказаться от исключительных методов, связывавших когда-то колонии с метрополией и закрывавших их для иностранной конкуренции. Требования современной жизни, которые с каждым днем будут заявлять о себе громче и громче, не допускают уже более подобных слишком упрощенных решений».

Мирная политика Кайо потерпела поражение, что и повело к дальнейшему обострению франко-германских отношений и ускорило мировую войну. И вполне естественно. Что доказывал факт проникновения немецких товаров в английские и французские колонии? Только то, что пока «германский империализм — по выражению т. Ленина — свежее, сильнее, организованнее, выше английского» и французского, до той поры английские и французские колонии не могут быть в сфере торговли монопольной собственностью этих государств, что «мирными» средствами, хотя бы средствами самой жестокой экономической борьбы, отстоять эту монополию нельзя, что для устранения грозной немецкой конкуренции, в руках Англии и Франции остается лишь одно средство — борьба с оружием в руках с помощью пулеметов, тяжелых и легких орудий, дредноутов, супер-дредноутов и т. д., одним словом, — самая жестокая война с целью разбить, уничтожить силу, организацию германского капитализма.

Франция не разрабатывала или разрабатывала очень слабо подпочвенные богатства колоний. Она лишь в ничтожной степени использовывала свои колонии в качестве источников сырья.[1] Наоборот, Гер-

[1] Колониальные руды даже не попадали в метрополию, а шли целиком за границу, в Англию и Германию, и Франция покупала затем свою же колониальную руду в виде полуфабриката, а то и целым фабрикатом, как, напр., тяжелые машины для устройства фабрик и заводов.

мания напряженно разыскивала железную руду, медь и т. д. во французских колониях, преимущественно в Марокко. Почему же Франция устанавливала вывозные пошлины на марокккскую руду и не позволяла Германии до конвенции 1911 г. вывозить беспошлинно руду из Марокко. Да потому, что Франция стремилась к ослаблению, а не к усилению Германии. И если бы даже Марокко само по себе совсем не нужно было французской буржуазии, уже одного того факта, что Марокко было нужно империалистической Германии, было достаточно, чтобы Франция наложила руку на эту область. Если современные государства готовы драться друг с другом из-за какой-нибудь африканской пустыни в роде Сахары, тем более стремятся они к захвату всякой территории, изобилующей в большей или меньшей степени подпочвенными богатствами или имеющей то или другое стратегическое значение (Гибралтар, Танжер, Сингапур, Испания в лице диктатора Примо-де-Ривера соглашается уступить Марокко в обмен на Гибралтар, Франция стремится овладеть Танжером, чтобы ослабить Гибралтар, и т. п.). Далее следует принять во внимание и следующее рассуждение т. Ленина:

«Не только открытые уже источники сырья имеют значение для финансового капитала, но и возможные источники, ибо техника с невероятной быстротой развивается в наши дни, и земли, непригодные сегодня, могут быть сделаны пригодными завтра, если будут найдены новые приемы, а для этого крупный банк может снарядить особую экспедицию инженеров, агрономов и пр., если будут произведены большие затраты капитала. То же относится к разведкам относительно минеральных богатств, к новым способам обработки и утилизации тех или иных сырых материалов и пр., и т. п. Отсюда неизбежное стремление финансового капитала к расширению хозяйственной территории и даже территории вообще. Как тресты капитализируют свое имущество по двойной или тройной оценке, учитывая «возможные» в будущем (а не настоящие) прибыли, учитывая дальнейшие результаты монополии, так и финансовый капитал вообще стремится захватить как можно больше земель, каких бы то ни было, учитывая возможные источники сырья, боясь отстать в бешеной борьбе за последние куски неподеленного мира или за передел кусков, уже разделенных».[1]

Империализм есть монополистический капитализм, стремление к монополиям — главнейшая особенность новейшего капитализма. Вот почему империалистическая Франция готова пожертвовать миллиардами франков и сотнями тысяч солдат для какой-нибудь захваченной ею африканской территории, подпочвенные богатства которой, как-то железная руда, уголь и т. д., она в состоянии будет разрабатывать лишь через несколько десятков лет.

---

[1] Ленин. Империализм как новейший этап капитализма (см. § 5. Раздел мира между союзами капиталистов).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ФРАНЦУЗСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ В ПОСЛЕ-ВЕРСАЛЬСКИЙ ПЕРИОД.

ГЛАВА I.

Последствия Версальского мира.

I. Версальский договор и территориальные приобретения Франции.

В результате мировой войны и Версальского мира Франция получила важные территориальные приращения как в Европе, так и вне ее. В Европе Франция получила Эльзас-Лотарингию, область, отнятую у нее по Франкфуртскому миру 1871 г. после разгрома Франции Наполеона III Германией Бисмарка. Уже тогда Карл Маркс предвидел неизбежные последствия этой насильственной аннексии Эльзас-Лотарингии. В письме, опубликованном в манифесте Эйзенахского партийного комитета, 5 сентября 1870 г. Маркс доказывал, что эта аннексия не только не защитит Германию на вечные времена от войны с Францией, но, напротив, сделает неизбежным ряд новых войн.

«Это зависит от теперешнего поведения германских победителей, будет ли война полезной или вредной».

Если они возьмут Эльзас и Лотарингию, тогда Франция с Россией будут воевать против Германии. Излишне говорить о несчастных последствиях этого.

Если же они заключат почетный мир с Францией, тогда эта война освободит Европу от московской диктатуры, растворит Пруссию в Германии, откроет для западного материка возможность свободного развития и, наконец, поможет прорваться русской социальной революции, элементы которой для своего развития нуждаются только в таком внешнем толчке, тогда война принесет пользу и русскому народу».

Предсказание Маркса оправдалось. Отторжение Эльзас-Лотарингии бросило Францию в объятия царской России. Стремление к реваншу, к отнятию у Германии аннексированных в 1871 г. областей явилось одним из новых факторов мировой войны. Мы уже останавливались обстоятельно на эльзас-лотарингском вопросе в нашей работе «Империализм» (см. Собрание сочинений т. I, глава последняя, §§ 7, 8, 9) и потому здесь мы лишь резюмируем итоги присоединения Эльзас-Лотарингии к Франции.

Владения Франции.
Условные знаки:
Метрополия Франции
Колонии Франции 1891 г.
" " захвачен в период 1891 1914 г.г.
" " полученные после войны.
Бывш. колонии Германии
Проект транс Сахарского ж. д. пути
ГРЕНЛАНДИЯ
АЛЯСКА
КАНАДА
СОЕД. ШТАТЫ
МЕКСИКА
О-ва Антильские
Гваделупа (Фр.)
ГВИАНА
ЭКВАДОР
БРАЗИЛИЯ
АРГЕНТИНА
Маркизовы (Фр.)
Паумоту
Товарищества (Фр.)
АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН
ФРАНЦИЯ
ИСПАН.
ИТАЛИЯ
ГЕРМАНИЯ
ПОЛЬША
ЧЕХО-СЛ.
РУМЫН.
ЮГО-СЛАВ.
БОЛГ.
ТУРЦИЯ
ТУНИС
ТРИПОЛИ
ЕГИПЕТ
САХАРА
СУДАН
Сенегал
КАМЕРУН
МАДАГАСКАР
О-в Реюньон
С. С. С. Р.
ПЕРСИЯ
АФГАН.
ИНДИЯ
КИТАЙ
ЯПОНИЯ
КАМЧАТКА
Кван-Чу Ван
СИНГАПУР
ИНДИЙСКИЙ ОКЕАН
АВСТРАЛИЯ
Новая Каледония (Фр.)
Государства с которыми Франция заключила воен. конвенции после Мировой войны
Масштаб 1 : 105 000 000
Железные дороги
Г. Б.

Присоединение Эльзас-Лотарингии дало Франции богатую промышленную область, площадью в $14^1/_2$ тысяч кв. километров с населением в 1 800 000 жителей с богатейшими железными рудниками, дававшими около $^3/_4$ всей добываемой в Германии железной руды (21 миллион тонн руды из 29 миллионов руды, добывавшихся во всей Германии в 1913 г.). С присоединением Эльзас-Лотарингии Франция приобрела 66 доменных печей и 52 крупных металлургических предприятия, оборудованных по последнему слову немецкой и американской техники, между тем как во Французской Лотарингии было всего 25 металлургических заводов, а во всей Франции лишь 68 крупных металлургических заводов. Помимо того, присоединение Эльзас-Лотарингии с ее развитой хлопчатобумажной промышленностью, составлявшей около $^1/_6$ всей хлопчатобумажной промышленности Германии, значительно усилило текстильную индустрию Франции.

Помимо присоединения Эльзас-Лотарингии, носящего по Версальскому договору окончательный характер, Франция, согласно § 45 Версальского трактата, получила от Германии исключительное право на эксплуатацию каменноугольных копей бассейна реки Саар. Область р. Саар занимает площадь в 1900 кв. километров с населением в 700 000 жителей. Добыча угля в Саарском бассейне накануне войны составляла 13 миллионов тонн или 7% всего каменноугольного производства Германии в этом году. Однако, Саарский уголь оказался недостаточным для Франции, в виду того, что ее металлургической промышленности, разросшейся в результате присоединения Эльзас-Лотарингии, необходим коксующийся Рурский уголь, который Франция уже до войны импортировала из Германии в количестве 2 миллионов тонн и который теперь, после присоединения Эльзас-Лотарингии, понадобился ей в значительно большем количестве.

Фактически Франция распоряжается не только угольными копями Саарского района, последний находится в полном подчинении у французской гражданской, и особенно, военной администрации и, таким образом, представляет как бы французскую колонию. По истечении 15 лет населению этой области будет предоставлено право либо присоединиться к Франции или Германии, либо сохранить порядок, установленный Версальским договором, согласно которому область номинально управляется Лигой Наций при помощи особой правительственной комиссии, являющейся на деле исполнительным органом французского империализма. Само собой разумеется, что французские империалисты стремятся к полной аннексии Саарского района и надеются, что им удастся этот план окончательно осуществить по истечении 15 лет с момента подписания Версальского договора.

Вне Европы Франция получила значительную часть африканских колоний Германии, именно $^2/_3$ колонии Того и $^9/_{10}$ колонии Камерун. Колония Того вошла в состав французской Западной Африки, а колония Камерун в состав французской экваториальной Африки. Площадь земельных приобретений Франции в Африке определяется в 765 000 кв. кило-

метров (Того — 55 000 кв. кил. и Камерун — 710 000 километров), с населением в 4 000 000 жителей.

Кроме этих приобретений, Франция получила после войны мандат на Сирию.

Общая площадь колониальных владений Франции увеличилась в результате войны до $11^1/_2$ миллионов кв. километров с населением в 61 000 000 человек. Численность населения всех владений, включая метрополию, определяется ныне приблизительно в 100 миллионов жителей.

Все эти территориальные приобретения повели к усилению военной мощи Франции и создали базу для ее политической гегемонии, правда, неустойчивой и не долговременной — на континенте. Мы уже доказывали, что Франция накануне войны, вопреки шаблонному представлению, была мощным промышленным государством. Версальский договор, возвративший Франции Эльзас-Лотарингию с ее 20-ю миллионами тонн руды, отдавший Франции на 15 лет Саарский угольный район, все эти приобретения, включая сюда и репарационные поставки, подвели мощную экономическую базу под здание французского империализма и создали условия для политической гегемонии Франции на континенте на другой день после Версальского мира. Продвижение к верхнему Рейну, овладение Страсбургом и Метцом, занятие всего левого берега Рейна с предмостными укреплениями на правом берегу, экономическое подчинение Люксембурга, тесный союз с Бельгией, с Польшей и Чехо-Словакией настолько улучшили положение Франции на Рейне и свели к нулю возможность вооруженного сопротивления со стороны Германии, что, казалось, на континенте нет фактора, могущего противодействовать дальнейшему усилению французской гегемонии в Европе. Франция подчинила своему прямому или косвенному влиянию все важнейшие угольные бассейны Европы (Саарский, Рурский, Верхне-Силезский, Бельгийский), нефтяные источники Румынии и Польши, важнейшие металлургические предприятия Австрии и в том числе богатейшие залежи высококачественной железной руды в Штирии, принадлежащие известному австрийскому обществу «Альпинер Монтангезельшафт», находящемуся под контролем французских банков и т. д. Помимо того, продвинувшись к Рейну, сделавшись прирейнским государством, Франция открыла себе экономические перспективы, связанные с этой важнейшей европейской водной артерией, и не только с самым водным бассейном Рейна, но и с той сетью железнодорожных путей, которые пересекают эту зону шириной в 150 километров, приблизительно. Отсюда французские проекты новых рельсовых линий через Вогезы, новых грандиозных каналов в области Рейна, которые должны были бы окончательно подчинить эту великую водную артерию экономике Франции. Если принять во внимание военную мощь Франции, ее союзы в Европе, далее — естественные богатства, полученные ею в присоединенных областях и в подпавших ее контролю странах Центральной Европы, а также тот факт, что господство на Рейне обозначает господ-

ство над всем его бассейном от Италии до Нидерландов, т.-е. над всем промышленным и культурным центром Западной Европы,[1] нельзя не видеть, что континентальная гегемония Франции опиралась на довольно прочные устои. Однако, в грозном военно-экономическом аппарате империалистической Франции имеются серьезные изъяны, подтачивающие устои французского экономического и военного могущества.

II. Обезлюдение Франции в после-военную эпоху.

Ахиллесовой пятой мощного военно-экономического организма современной Франции является процесс безостановочного уменьшения численности ее населения. Слабый прирост населения во Франции уже до войны возбуждал тревогу в рядах французских патриотов и повел к созданию громадной литературы, посвященной вопросу об обезлюдении (depopulation) Франции и опасностях этого явления. Именно сравнительная малочисленность населения Франции была уже до мировой войны основной причиной увлечения французских империалистов идеей создания черной армии, будущую роль которой в мировой войне с таким жаром и такими преувеличениями расписывал известный полковник, а впоследствии генерал, Манжен. Но и после мировой войны, разгрома Германии и разоружения последней, опасность, связанная с уменьшением численности населения во Франции, не перестает тревожить французских империалистов перед лицом Германии, в которой, несмотря на отторжение важнейших областей и промышленных районов, тяжелое экономическое и политическое положение и т. д., население все же продолжает возрастать и число рождений ежегодно на несколько сот тысяч человек превышает число смертей.

Заметим, что в вопросе о приросте населения во Франции дело обстоит совсем не так благополучно, как можно было бы заключить из книги проф. И. М. Кулишера «Обзор мирового хозяйства с начала войны до начала 1924 г.», где мы читаем следующие строки (стр. 30):

---

[1] Вот как описывает долину Рейна орган английского капитала «Экономист»: «Долина Рейна не имеет ничего себе равного по богатству во всем мире. Есть реки больше Рейна, но нет ни одной реки, которая владела бы такими громадными и разнообразными богатствами. Вблизи левого берега реки находятся самые обширные и самые богатые залежи руды в Европе, знаменитые железные рудники Лотарингии и Люксембурга. А в непосредственном соседстве правого берега Рейна находятся гигантские угольные поля Рурского бассейна, глубоко проникающие в Голландию и заключающие в себе гораздо больше угля, чем во всем Соединенном Королевстве. В верхнем течении Рейна в горах, пока еще редко заселенных, находятся богатейшие в Европе ресурсы гидравлической силы, которая может быть превращена в дешевую электрическую силу. Отсюда следует, что величайшим промышленным центром в Европе и, быть может, во всем мире будет сравнительно незначительная область, в которой сосредоточены одновременно громадные ресурсы гидравлической силы и неисчислимые богатства сырого материала (руда и уголь)... Долина Рейна — самая богатая и густо населенная область в Европе. Это величайший муравейник человеческой деятельности в мире, хотя развитие ее безграничных богатств только еще началось».

«Что касается, в частности, и Франции, то здесь мы находим весьма любопытную картину рождаемости, которая уже в 1920 г. превысила цифру до-военного времени: в 1906 — 1910 гг., в среднем, 784 тыс. рождений, в 1911 — 1913 гг. — 745 тыс., а в 1920 г. без Эльзас-Лотарингии свыше 800 тыс. На тысячу населения получается вместо 18,7 рождений до войны в 1920 г. — 21,3, в 1921 — 20,7, следовательно, значительное возрастание. И это во Франции, где в 1919 г. разоренные местности еще далеко не вполне были восстановлены. Впрочем, и тут в 1922 г. рождаемость сократилась до 19,3, т.-е. стояла значительно ниже, чем в предыдущие годы, приближаясь к до-военному времени».

«Во Франции до войны смертность равнялась 19,6, в 1920 — 17,1. в 1921 г. — 17,7, в 1922 — 17,5».

Из этих строк совсем нельзя сделать правильного вывода о действительном положении, в котором находится Франция в вопросе о сокращении ее населения. А это положение совершенно основательно вызывает панику в рядах французских патриотов.

Как констатирует Амбруаз Гот в статье, напечатанной в августовской книге журнала «Mercure de France»:[1]

«Баланс смертей и рождений за 1914 — 1920 г. дал ужасающий дефицит. За этот период число смертей (4 525 000) превысило число рождений (2 998 000) на 1 527 000. Таким образом, кроме солдат, убитых собственно на войне, Франция потеряла еще около полутора миллионов человек, тогда как в соседних странах, в Англии и Германии, даже за время войны гражданское население возросло численно»!

Результаты движения населения во Франции за 1921 и 1922 гг. заслуживают обстоятельного изучения, ибо итоги их рисуют крайне печальное положение, что явствует из прилагаемой таблицы:

	1920 г.	1921 г.	1922 г.
Народонаселение	39 209 766 [2])	39 209 766 [2])	39 209 766 [2])
Рождений	834 411	813 396	759 846
Смертей	674 621	696 373	689 267
Превышение рождений над числом смертей	159 790	117 023	70 579
Браков	623 860	436 221	383 220

В то время, как рождаемость с 1920 г. по 1922 г. все падает, число смертей как в 1921 г., так и в 1922 году возрастает при одновременном падении числа браков. В 1920 г. превышение рождаемости было 159 тысяч, что составляет 41 на 10 тыс. жителей. В 1921 году оно

[1] «Mercure de France» 1923 г. 1 августа. Обезлюдение во Франции, причины и опасности, стр. 676 — 694.

[2] Численность населения по последней переписи. Фактическая численность населения Франции (без Эльзас-Лотарингии) ниже и определяется приблизительно в 37 000 000.

понижается до 117 тыс. (т.-е. 30 на 10 тысяч) и в 1922 году до 70 тыс. (только 18 на 10 тысяч).

Ошеломляющее впечатление производит громадное падение числа браков: за два года с 623 тысяч число браков уменьшилось до 383 тыс., т.-е. на 240 тыс. В ближайшие годы это повлечет за собой соответствующее уменьшение числа рождений.

Несмотря на урок войны, несмотря на наступление мирного времени, несмотря на потребность залечить зияющие раны, произведенные катастрофой, 34 департамента добровольно обрекли себя в 1922 г. на бесплодие, 34 департамента, предатели по отношению к стране, дали более смертей, чем рождений.

Кризис рождаемости, обострившийся уже накануне и во время войны и начавший пускать корни лет 40 тому назад, примет скоро трагические размеры, если правительство не найдет мер, способных остановить это народное бедствие. Что будет с Францией, когда число браков опустится до уровня 1913 года (312 036)? Повидимому, этот минимум будет вскоре достигнут, может-быть, начиная с 1923 г., под давлением тяжелого экономического положения и жилищного кризиса.

Число выживших детей с 213 на 10 тысяч жителей в 1920 году опустилось до 207 в 1921 и до 193 в 1922 г.

Так как число браков в 1922 году опустилось до 383 тысяч, это в ближайшие годы повлечет за собой уменьшение числа рождений до 650 тысяч, и, таким образом, через несколько лет, когда число браков уменьшится до своего нормального ежегодного уровня, т.-е. до 300 тысяч, баланс смертности и рождаемости даст во Франции ужасающий ежегодный дефицит от 100 000 до 150 000 человек.

«Более того, принимая во внимание потери во время войны и быстрое уменьшение рождаемости с 1920 года, можно сомневаться в том, чтобы число браков удержалось на цифре 300 000. Правдоподобнее, что число браков упадет до 275 тысяч. Если к тому времени сохранится отношение рождаемости к бракам в 1,66, то мы получим только 456 тысяч рождений. Тогда ежегодно Франция будет терять более 200 000 человек.

«А что же будет лет через 20? Те 450 тысяч рождений в год, которые мы имели в период войны, число, которое, вероятно, вскоре так и не удастся превзойти, дадут Франции через 25 лет не более 160 тысяч браков. Принимая весьма оптимистическое предположение, что каждая брачная пара нам все еще даст в среднем по 1,66 ребенка, мы получим не более 265 тысяч рождений.

Тогда население Франции ежегодно будет уменьшаться на 350 000 человек. В какую пропасть собираемся мы упасть»?[1]

---

[1] Из весьма серьезных вычислений вытекает, что в 1940 г. мы будем иметь всего 35 миллионов жителей, а в 1965 г. всего 25 миллионов. Что будет через сто лет? Какой вес будет иметь тогда Франция перед лицом

Подчеркивая опасности обезлюдения с точки зрения военных колониальных интересов Франции, Амбруаз Гот, подобно другим исследователям вопроса, указывает, что, если в прошлом Франция занимала одно из первых мест среди других государств, не малую роль играла в данном отношении численность населения. В XVII столетии население Франции составляло $^1/_3$ населения всей Европы, в то время, как в настоящее время всего $^1/_9$ часть.

Если в прежние времена — доказывает автор — Франция могла занимать в Европе одно из первых мест, с успехом бороться с коалициями почти всех европейских народов и осуществить свое национальное объединение, все это благодаря высокой рождаемости и, как это ни звучит сейчас парадоксально, благодаря численности ее населения, значительно превосходившего население соседей. В 1700 г. во Франции было около 20 миллионов.[1] Через сто лет в 1801 году, несмотря на войны, революцию и эпидемии, народонаселение Франции достигало 27 500 000 человек. А в 1806 году в разгар наполеоновской эпопеи 29 170 000. В 1866 году — 38 080 000, а в 1913 г. только 39 752 000.

Таким образом, в течение 65 лет (1801 — 1866) получился прирост более чем в 10 000 000 чел., а вслед затем в 47 лет (1866 — 1913) — только около 1 500 000.

Ничтожному приросту населения во Франции за период с 1866 по 1913 г. автор противопоставляет успехи Германии за последние 100 лет.

В 1816 году Германия имела население в 24 833 000 человек. В 1840 — 32 787 000, в 1870 — 40 818 000, в 1895 — 52 895 000. В 1905 — 60 641 000. Накануне войны, в 1914 году — 67 790 000. Таким образом, с 1816 года население почти утроилось.

Франция с 1865 по 1914 г. имела прирост в 1 700 000 человек, тогда как население Германии за этот же срок увеличилось на солидную цифру в 27 миллионов. По Версальскому договору Германия должна была уступить соседям территории с населением около 8 миллионов человек. Ее военные потери за мировую войну доходят до 2-х миллионов человек. За время войны гражданское население Германии увеличилось на 741 967 человек. Эти цифры объясняют, каким образом перепись 8 октября 1919 года показывает численность в Германии

---

105 миллионов немцев, 78 миллионов англичан, 64 миллиона итальянцев, 28 миллионов испанцев, 13 миллионов бельгийцев, 107 миллионов японцев?! восклицает Виктор Жиро (Revue des deux Mondes 15 марта 1924). В основу своих вычислений Жиро кладет увеличение населения за последние 50 лет, а также последствия мировой войны. Исчезновение 1·400 000 молодых французов, погибших на войне, понижает цифры ежегодных рождений приблизительно на 100 000.

[1] «В 1700 г. Франция с своими 20 миллионами населения была самой населенной страной не только Европы, но и во всем мире, если не говорить о Китае и Индии. В 1851 г. со своими 35 милл. населения она занимала первое место в Европе, после России» (см. статью Виктора Жиро в «Revue des deux Mondes» от 15 марта 1924 г.).

59 500 000. Сейчас население Германии должно доходить до 62 миллионов, тогда как население Франции с трудом удерживается на цифре 39 миллионов.

Рождаемость во Франции равнялась в 1816 г. 329 на 10 000 жителей, в 1911 г. пала до 187, и несколько поднялась в 1920 г. (213) и 1921 (207). У других государств эти цифры значительно больше: в Англии 240 на 10 тысяч, в современной Германии — 271, в Голландии — 282, в Италии — 317, в Сербии несмотря на кровавую бойню во время войны, рождаемость равняется 385; в Болгарии — 405 и, наконец, в Румынии, побившей все рекорды, — 421. По плотности населения Франция тоже стоит ниже многих других государств. Во Франции, с ее 551 тыс. кв. километров, на 1 кв. километров приходится 71 человек; в Польше с ее 26 миллионами населения и 270 тыс. кв. километров — 92 чел.; в Германии, с ее современными 480 тыс. кв. километров — 130; в Италии тоже 130; в Англии — 230 и, больше всего, в Бельгии — 261 человек.

Нижеследующая таблица иллюстрирует прогресс Германии по сравнению с Францией за 1920, 1921 и первый семестр (первое полугодие) 1922 г.

Годы.	ГЕРМАНИЯ.			ФРАНЦИЯ.		
	Рождений.	Смертей.	Разница.	Рождений.	Смертей.	Разница.
1920	1 599 287 [1])	932 835	666 358	834 411	674 621	159 790
1921	1 558 729 [2])	862 304	696 425	813 396	696 373	117 023
1922	703 498	462 197	241 301	396 726	387 681	9 045
	(1-й семестр).			(1-й семестр).		

Печальные перспективы, которые рисуют французские статистики, объясняют, с одной стороны, безумную политику французских империалистов по отношению к Германии, с другой—нелепые проекты относительно цветных войск. Как страшный призрак, как кошмар стоит перед глазами Пуанкаре и его единомышленников расчлененная Германия, которая, несмотря на ужасающие потери человеческими жизнями и ценными территориями,

[1] Считая в том числе Верхнюю Силезию, которая должна была отойти к Польше, и Саарский район.

[2] С 1921 г. без названных двух провинций.

все же имела на другой день после Версальского мира 60 000 000 населения, а ныне имеет около 63 000 000,[1] в то время как Франция имеет (вместе с Эльзас-Лотарингией) около 40 милл. населения. Каждый год заполняет ту потерю, которую понесла Германия в результате отторжения от нее территории, наоборот, каждый год уменьшает тот выигрыш, который получила Франция в результате присоединения Эльзас-Лотарингии. Будем ли мы, — восклицает панически Амбруаз Гот — оставаться со скрещенными руками перед лицом опасности, опасности особенно страшной в виду того, что мы рискум в самом близком времени быть затопленными нашими плодовитыми соседями.

Само собой разумеется, что все эти иеремиады и воззвания к патриотическому долгу французских граждан не дадут никаких реальных результатов. Сам Амбруаз Гот подчеркивает — в числе других факторов — ужасающее влияние сифилиса, туберкулеза и алкоголизма на падение прироста населения во Франции. От начала мировой войны и мобилизации число сифилитиков во Франции увеличилось на 50%. Из 40 000 мертворожденных детей 20% погибают в результате сифилиса родителей. С другой стороны, алкоголизм, этот второй бич Франции, вызывает чрезмерную смертность взрослого населения и прогрессивное понижение рождаемости, отнимает ежегодно у Франции 200 000 человеческих жизней. Туберкулез, обязанный в значительной мере тяжелым жилищным условиям, отнимает ежегодно 150 000 человеческих жизней. По распространению туберкулеза, по размерам смертности от этой болезни, Франция занимает первое место среди передовых государств (38 смертных случаев ежегодно на 10 000 человек, против 20 на 10 000 в Германии и 14 на 10 000 в Бельгии).

Таким образом, на ряду с добровольным воздержанием миллионов семей, или совсем не желающих иметь детей или желающих иметь не более одного ребенка,[2] воздержанием, объясняемым у определенных слоев населения желанием «жить легко» и пользоваться всеми наслаждениями, на обезлюдение Франции действуют причины, независимые от воли и желания миллионов французских граждан.[3] Как бы то ни было, ясно, что

---

[1] По официальным немецким данным, опубликованным в июле 1925 г., численность населения Германской империи равняется 63½ миллиона, увеличение населения на 3,3 миллиона по сравнению с 1919 г.

[2] В 1921 г. на 11 696 000 семей было 1 830 000 семей совершенно бездетных и 3 268 000 семейств, имевших одного ребенка.

[3] По данным, опубликованным в «Тан» 13 декабря 1924 г., за девять первых месяцев этого года во Франции родилось на 11 000 детей меньше, чем в предшествующем 1923 году. Итак, процесс уменьшения рождаемости не останавливается ни на минуту. В качестве средства борьбы с уменьшением населения в стране, депутат Шарль Ламбер внес в палату проект закона, значительно облегчающего условия натурализации иностранцев во Франции. Ламбер предлагает: 1) понизить с десяти лет до трех обязательный срок пребывания во Франции иностранцев для получения права натурализации; 2) предоставить всякому иностранцу, вступившему в брак с француженкой или

как само это нежелание иметь детей (число ежегодных абортов во Франции накануне войны 500 000), так и болезни и алкоголизм, понижающие рождаемость и увеличивающие смертность в стране, самым тесным образом связаны с экономическими условиями и стадией капиталистического развития Франции. При условии сохранения капиталистического строя и продолжения связанной с этим строем империалистической политики с ее милитаризмом, маринизмом, колоссальными расходами на вооружения, а, следовательно, и усилением налогов на непроизводительные цели, французская нация, как нация, осуждена на гибель и исчезновение. К этому фатально ведет политика французских националистов.

К исчезновению французской нации, как определенной этнической единицы, повело бы осуществление мечты французских националистов довести численность цветной армии до 1 миллиона солдат в целях борьбы с немецкой опасностью.

В настоящее время при численности цветной армии в 185 000 солдат в самой Франции и оккупированных областях находится 80.000 цветнокожих. Если план националистов иметь в активе армии и резерве 1 000 000 цветнокожих солдат осуществится, ясно, что значительную часть этих войск придется держать в самой Франции. И чем больше будет падать численность населения в самой Франции, тем большее число цветных колониальных частей будет нести службу в самой Франции. Как указывает полковник Тьерри, во избежание всяких случайностей во время войны, необходимо, чтобы большая часть колониальных войск была расположена в самой метрополии. В конце концов, во Франции будет находиться большее число чернокожих молодых людей в цвете лет, чем белых. И, если столь дорогой для французских националистов капиталистический строй мог бы продержаться еще долго, к концу XX столетия мы будем иметь на территории современной Франции совершенно новую расу, в результате помеси французов с неграми и другими цветнокожими, тем более, что француженки, в отличие от американок, отнюдь не боятся сожительства с неграми.[1] В настоящее время во Франции имеется на 2 миллиона молодых девушек и женщин больше, чем мужчин. В случае новой войны, к которой толкает Францию политика националистов, превышение числа женщин над мужчинами примет еще более угрожающие размеры. При условии восполнения части недостающих белых мужчин

оказавшему важные услуги стране, право немедленной натурализации; 3) предоставить натурализованному право изменить свою иностранную фамилию на французскую (см. Temps 10 Sept. 1925 г.). Все подобные проекты ярко обнаруживают, насколько многих французов тревожит неудержимый процесс уменьшения населения в стране.

[1] «Марианна, Марианна, ты будешь кофе с молоком», поется в одной французской песенке на тему о будущем поколении с явной примесью африканской крови. На тему о сокращении рождаемости во Франции написан очень интересный роман Жозе Жермена «Король петухов», представляющий злейшую сатиру на современную Францию. (Вышел на русском языке: Жозе Жермен «Петух». Пучина. 1926. Москва.)

в стране черными, многим молодым девицам и женщинам придется довольствоваться последними. Возможно, что новая «раса» отнюдь не будет стоять по своим физическим и интеллектуальным способностям ниже, а, может-быть, и выше современных французов, но что тогда останется от всех этих фраз о «французском национальном гении», о «происхождении от галлов», и проч. и проч.? Ясно, что при постоянном пребывании массы цветных солдат в европейской Франции, — а наличие большого контингента этих войск в самой метрополии является основным условием возможности использования их в любой момент для прикрытия любого угрожаемого пункта — влияние африканских пришельцев скажется очень быстро на увеличение числа мулатов во Франции и создании новой расы.

III. Цветная армия и «большевизация» французской Африки.

Однако, можно ли считать реальными эти планы создания чуть ли не через 10 лет миллионной цветной армии для защиты Франции от ее «наследственного врага», побежденной, но не уничтоженной Германии? Уже до мировой войны мы доказывали невозможность создания многочисленной негрской армии согласно фантастическим проектам полковника Манжена (см. «Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего»).

В течение всего периода мировой войны Франции удалось мобилизовать из всех своих колоний с населением в 51 000 000 жителей 533 000 военных рекрутов,[1] немногим более 1% населения колоний. Кроме того, было мобилизовано из северной Африки и других колоний 310 000 рабочих. Между тем общий численный состав людей, прошедших через армию за время войны по 11 ноября 1918 г. — 8 407 000 человек. Таким образом, главная тяжесть войны легла на население метрополии.

Из числа 533 000 солдат, набранных во всех колониях Франции (Алжир, Марокко, Тунис, Мадагаскар, Индо-Китай, экваториальная Африка и т. д.), негрское население французской Африки, включая Сенегал, дало 181 000 солдат. Таким образом, за четырехлетний период войны не удалось мобилизовать многочисленной черной армии, и главным и наиболее ценным «Сенегалом» для Франции явилась царская Россия с ее неисчерпаемым резервуаром пушечного мяса.[2]

Возможно ли увеличить значительно численность цветных войск во Франции? В 1921 г. во всей французской империи числилось в армии 799 пехотных батальонов, в том числе 469 белых и 330 цветных. По проекту военных реформ 1921 г., представленному в угоду поклонникам

---

[1] Из этого числа колонии северной Африки дали 259 000 комбатантов, остальная Африка и азиатские колонии Франции — 274 000 комбатантов. Сенегал дал 181 000, Индо-Китай — 49 000, Мадагаскар — 41 000, Сомали — 2 000, острова Тихого Океана — 1 000 туземных солдат.

[2] Подробнее о роли царской армии, как орудия в руках французского командования, см. нашу работу «Советская Россия и капиталистическая Франция».

цветных войск, предполагалось достигнуть к 1923 г. уменьшения числа белых батальонов до 400 и увеличения числа цветных батальонов до 400. Уменьшение числа белых батальонов было проведено планомерно и в 1923 г. мы имеем во французской армии 412 белых батальонов, но увеличить число цветных батальонов не удалось. Наоборот, по сравнению с 1921 г. наблюдается даже уменьшение числа цветных батальонов на 123.[1]

Причины, не допускающие значительного увеличения численности цветных войск, а, наоборот, вызывающие уменьшение последних — во-первых, финансового характера, во-вторых — политического. Содержание цветных войск на территории метрополии обходится дороже, чем содержание призванного французского солдата, служащего во Франции. Так, французский солдат, служащий во Франции, обходится в год 1918 франков, сенегальский солдат, служащий во Франции, обходится в 2596 франков, малгашский солдат — в 2868 франков, индокитайский — в 3148 франков (см. «Военный Зарубежник» 1924 года № 6 — 7, стр. 118).

Более серьезное значение имеют причины «политического» характера. В последнее время в империалистических кругах Франции все громче раздаются голоса против сосредоточения цветных войск в метрополии, в виду того «разлагающего» влияния, какое цивилизация оказывает на туземцев. В сентябрьском номере издаваемого в Париже ежемесячного журнала «L'Afrique française» («Французская Африка») мы читаем следующее: «Офицеры африканской армии расскажут о том растлевающем влиянии, какое пребывание в метрополии оказывает на туземцев. Только эти офицеры могут измерить всю глубину этого падения, ибо они имели туземного солдата под своей командой перед его отбытием во Францию и получили его теперь по возвращении на родину. Как изменился туземный солдат за эти годы!

«То же самое констатируют и французские колонисты, когда им приходится пользоваться услугами туземцев, воротившихся из Франции. По своем возвращении из Франции в Африку туземцы в качестве рабочих, служащих и т. д., становятся самонадеянными, дерзкими, требовательными, непочтительными к французским женщинам, лентяями, чуть не большевиками. Вот мрачная картина, которая, конечно, не относится ко всем туземцам, вернувшимся из Франции, но которая дает представление о перемене, происшедшей в большей или меньшей степени со многими из них.

«Бывшие солдаты с разложившейся моралью представляют большую опасность для европейского населения Алжира, у которого и без того много затруднений. Выбрасываемые колонистами из одной фермы в другую, эти нежелательные элементы снова возвращаются во Францию, свободные теперь от всякой военной дисциплины. Чтобы знать, во что превращаются эти бывшие солдаты здесь, парламентским деятелям незачем

[1] См. «Военная Мысль и Революция» 1923 стр., 228.

производить анкету в Алжире: пусть справятся в префектуре полиции (L'Afrique Française» сентябрь 1924 г.).

Пребывание во Франции действует растлевающим образом не только на туземцев из Алжира. Французская пресса констатирует падение «морали», «дисциплины», проникновение «большевистской заразы» среди солдат из Туниса, Марокко, Сенегала и т. д.

Именно в связи с теми опасностями, с коими связано пребывание в самой Франции цветных войск, в последнее время вопрос о сооружении Транс-Сахарского рельсового пути приобрел характер злободневности. [1] В течение 1923 г. и особенно 1924 г. мы имеем ряд газетных и журнальных статей во французской печати о необходимости срочного сооружения этого пути. Более того: в 1924 г. создана специальная парламентская комиссия, которая должна представить проект закона о сооружении первого участка великого африканского имперского пути.

Однако, сторонники Транс-Сахарского пути уже теперь возбуждают новый тревожный вопрос. Если верно, что Транс-Сахарский путь даст возможность мобилизовать в случае войны и перебросить к северо-африканским портам Франции 850 000 цветных солдат, как удастся перевести эти войска в метрополию, если Англия, господствующая на морях, вздумает помешать этой переброске? При условии сравнительной слабости французского флота сооружение Транс-Сахарского пути лишь подчеркнет правильность известной теории адмирала Магана о доминирующей роли «морской силы» в вооруженных конфликтах между современными государствами. И, таким образом, в умах многих французских империалистов проблема сооружения Транс-Сахарского пути связывается с проблемой создания большого числа громадных подводных судов, которые сделали бы возможным транспорт цветных войск из Африки к берегам метрополии. [2] Но, как констатируют сторонники такого флота, техника пока еще не додумалась до способа сооружения больших подводных транспортных судов, которые были бы способны плыть на глубине 200 или 300 метров, недосягаемой для современных средств разрушения. В итоге, предусмотрительные «патриоты» призывают французских инженеров подумать над проектами сооружения гигантских подводных судов, годных для перевозки больших масс войск.

Как мы видели, в сентябрьском номере за 1924 г., журнал «Французская Африка» связывал проникновение большевистской заразы в Африку с пребыванием цветных войск на территории европейской Франции. В статье «Большевизм и французские колонии», напечатанной в следующем, октябрьском, номере этого же журнала, мы читаем уже другое объяснение причин проникновения революционного духа во французские колонии. Оказывается, что корни зла находятся в Москве.

---

[1] См. нашу работу «Борьба за Азию и Африку». Собр. соч. т. III.

[2] См. статью Альфреда Гиньо о Транс-Сахарском пути в «Revue des deux Mondes» от 15 января 1924 г.

«Было уже известно, что большевизм двинулся в поход на завоевание Азии. В России имеются специальные организации, созданные на предмет завоевания Востока, как, например, Всероссийская Научная Ассоциация Востоковедения.[1] Но большевизм проникает уже в наши колонии, не только азиатские, но и африканские. Он уже отражается и на положении в Индо-Китае, как показал депутат от Кохинхины — Утрей, на заседании Палаты от 14 июля 1924 г., цитируя большевистские прокламации, распространяемые в казармах аннамитских стрелков во Франции. Большевизм коснулся, правда легко, даже Дагомеи. В Тунисе он уже принял форму мусульманского коммунизма, проявившись в недавних стачках тунисских докеров и, особенно, в очень опасной стачке в Бизерте, повлекшей к аресту Бен Милада, секретаря Федерального Комитета вышивателей на коже в Тунисе».

Журнал в решительных выражениях осуждает большевистскую пропаганду в Африке, требует энергичных мер для борьбы с московскими интригами и рассказывает небылицы о деятельности Коминтерна в Африке. Повторяя выдумки известной французской газеты «Journal», автор цитируемой статьи рассказывает, будто на пятом конгрессе Коминтерна правое крыло коммунистов, руководимое Радеком, потерпело поражение и было отстранено от активного руководства работой в колониях. Более того, Радеку было-де запрещено отправиться в тайное путешествие во французские колонии, как это предполагалось раньше, конгресс принял постановление об организации в Женеве тайной колониальной комиссии под председательством тов. Мануильского, в составе: Михаила Павловича — от России, Кашена, Гильбо, Томаса — от Франции, Дугласа, Абдель Кадера и Сиди Бель Сегель Мамеда — от Алжира, Нервен Аси Куалка — от Индо-Китая, Роя — от Индии.

«Мадагаскар будет центром пропаганды для колоний восточной Африки, Дагомея — центр Африки западной. Пропагандистские школы будут открыты в Судане, Сенегале, Гваделупе, на Антильских островах, в Тонкине, Каире и Александрии.

Большевизм проникает не только во французские колонии и разлагает не только французских негров. По словам бельгийского министра колоний Картона, вернувшегося недавно (ноябрь 1924 г.) из Конго, религиозно-национальное антиевропейское движение, возглавляемое негритянским пророком Кибангу, успешно развивается среди негров. Одновременно, среди негров растут и симпатии к большевизму, который насчитывает многочисленных сторонников. По словам Картона, бельгийское правительство примет энергичные меры к подавлению распространения большевизма.

На ряду с нелепыми выдумками о деятельности Коминтерна, или тем более невинных в приписываемых им преступлениях научных советских

[1] Очевидно, что для иллюстрации революционной деятельности Ассоциации Востоковедения журнал воспроизводит гравюру из № 5 «Нового Востока», изображающую Ленина, говорящего перед представителями народов Востока (см. «L'Afrique Française», 1924 г., октябрь, стр. 533).

учреждений, французская колониальная пресса, как и печать метрополии, публикует более объективные сведения о забастовках и рабочих волнениях, о петициях и демонстрациях мелкой и средней туземной буржуазии, требующей уравнения туземных и французских граждан в правах и обязанностях по отбыванию воинской повинности, по выборам в парламент, в местные муниципалитеты и т. д., о брожении среди туземных солдат в Тунисе, Алжире, Марокко, Сенегале и т. д. Как фантастические выдумки буржуазной прессы, обязанные своим происхождением паническому страху буржуазии перед большевизмом, так и правильные сведения, публикуемые последней, свидетельствуют о том, что революционный крот делает свое дело и неустанно роет почву под ногами у международной буржуазии в самых глухих уголках Африки и Азии.

Можно надеяться, что к тому времени, когда Транс-Сахарский путь будет сооружен (на его сооружение потребуется семь лет), население французской Африки будет настолько заражено «большевизмом», что «великая французская имперская дорога», к работам по прокладке которой еще не приступлено, не будет в состоянии выполнить своего основного задания — перебросить в случае нужды для подавления революционного движения в самой Франции или для завоевательных планов французского империализма сотни тысяч солдат цветной армии.

ГЛАВА II.

Военная и экономическая программа французского империализма.

I. Военные союзы Франции. Военные конвенции с Чехо-Словакией, Польшей, Румынией, Юго-Славией, Бельгией.

Уменьшение населения во Франции, сознание опасностей, связанных с увеличением численности цветных войск[1] согласно проектам генерала Манжена и других поклонников Черной Силы — объясняют нам страх французских империалистов перед разгромленной и раздавленной Германией, которая, несмотря на потерю многих территорий, все же имеет уже теперь на 50% больше населения, чем Франция, а в недалеком времени

[1] В статье полковника Клеман-Гранкура, напечатанной в «Revue militaire générale» за март — апрель 1924 г., доказывается в применении к Северной Африке крайняя опасность существующей всеобщей воинской повинности в Алжире. Политика обучения туземцев обращению с новейшими образцами вооружения и новым тактическим приемам готовит лишь кадры будущего восстания. Автор подчеркивает, что его заключение может показаться рискованным, но он основывается на своей долголетней службе в туземных частях и знакомстве с местным населением. Вывод, к которому автор пришел относительно Алжира, вполне приложим к Тунису, Марокко, Сенегалу и остальным колониям Франции.

Франция и ее союзники.
Франция и ее колонии
Территория оккуп Франц
Территория на которую Франция имеет мандат
Государства заключивш воен конвенции с Франц после Миров войны с указ стрелк прот кого
Государ получающ кредит на вооружение от Франции
Малая антанта.
Гран Румынск захвата
Госуд-ва побежд. в Мир войне
Гран демилит. обл Германии
0 200 400 600 Km
Атлантический океан
Северное м.
АНГЛИЯ
Дублин
Лондон
Осло
Стокгольм
Ленинград
Ревель
Рига
Москва
Копенгаген
Данциг
Витебск
Минск
Гамбург
Берлин
Дрезден
ПОЛЬША
Киев
Львов
Прага
Пильзен
Брно
Мюнхен
Вена
Братислава
Буда Пешт
АВСТРИЯ
ВЕНГРИЯ
РУМЫНИЯ
Одесса
Бухарест
Черное море
Тифлис
ФРАНЦИЯ
Париж
Нант
Бордо
Лион
Берн
Генуя
Венеция
Фиуме
Белград
ЮГОСЛАВИЯ
ИСПАНИЯ
Мадрид
Лиссабон
ПОРТУГАЛИЯ
ИТАЛИЯ
Рим
Сардиния
Сицилия
София
БОЛГАРИЯ
Тирана
Константинополь
Эрзерум
Ангора
Смирна
Афины
ГРЕЦИЯ
ТУРЦИЯ
Крит
Кипр
СИРИЯ
Дамаск
Мосул
Гибралтар
Танжер
Испан Марокко
Фец
Марокко
МАРОККО
Алжир
АЛЖИР
Тунис
ТУНИС
Средиземное море
ГБ

будет иметь вдвое больше, чем последняя. Известна свирепая фраза Пуанкаре: «В Европе имеется 20 миллионов лишних немцев». Однако, если процесс уменьшения населения во Франции будет развиваться с той же быстротой, как до сих пор, при безостановочном возрастании населения Германии, в Европе, через какие-нибудь четверть века будет, с точки зрения французских империалистов, уже не 20, а 40 миллионов лишних немцев.

Во всей политике французских империалистов по отношению к Германии чувствуется смертельный страх победителя перед побежденным врагом, врагом, потенциальные силы которого, несмотря на связанные руки и ноги, грозны и смогут, при первом благоприятном случае, разбить все путы и свести к нулю результаты Версальского мира. Из страха перед Германией, Франция, при наличии $2^1/_2$ миллионов обученных резервов, держит под ружьем самую многочисленную армию в Европе (700 000 солдат в 1922 г.).[1] Однако, и эта многочисленная армия кажется французским империалистам недостаточной для достижения ее главной цели—отнять у Германии возможность разбить Версальские цепи и встать на ноги. В виду невозможности заключения военной конвенции с Советской Россией, на подобие той конвенции, которая отдавала многомиллионную царскую армию в полное распоряжение французского командования, Франция заключает союзы с государствами, образовавшимися или усилившимися в результате распада Австро-Венгерской империи и ослабления Германии, именно с Польшей, Чехо-Словакией, Юго-Славией, Румынией. Военные конвенции с державами Малой Антанты (Чехо-Словакия, Юго-Славия, Румыния) втягивают в орбиту влияния Франции страны, население которых в совокупности имеет около 42,5 миллионов жителей, а соединенные армии на мирном положении 450 000 человек. Если к силам Малой Антанты присоединить силы Польши, которая, в свою очередь, связана с Францией военной конвенцией для защиты условий Версальского договора, военные силы французской группы кажутся колоссальными по сравнению с силами побежденных противников (Германия, Австрия, Болгария).

---

[1] О росте французского милитаризма в после-военную эпоху можно судить по следующим данным: Военные расходы Франции, включая пенсии, пособия и проч., связанные с мировой войной, в миллионах довоенных долларов: 375 в 1913 г., 542 в 1925 г., увеличение на 167 миллионов долларов, т.-е. почти на 300 милл. золотых рублей. Численность сухопутной армии: 546 000 в 1913 г., 685 000 в 1925 г. Насыщенность армии техническими средствами: 5,2 орудий на 1000 бойцов в 1913 г., 7,3 в 1924 г., пулеметов — 2,4 в 1913 г., 59,7 в 1924 г. Развитие воздушного флота: 25 отрядов в 1913 г., 140 — в 1925 г., всего аппаратов в строю — 162 в 1913 г., 1450 в 1925 г., общая численность личного состава — 4343 в 1913 г., 32 000 в 1925 г., Морской флот: увеличение калибра орудий линейного флота в 1925 г., по сравнению с 1914 г. на 3,5 *см*, увеличение среднего веса бортового залпа почти в два раза, увеличение тоннажа подводного флота в 1925 г. почти в пять раз по сравнению с 1914 г., увеличение количества торпедных аппаратов в крейсерском флоте в 1925 г., более чем в три раза по сравнению с 1914 г.

Нам неизвестны условия военных конвенций, заключенных Францией со всеми державами Малой Антанты и с Польшей, но вероятно, что все эти конвенции составлены с некоторыми вариациями по типу франко-чехо-словацкого военного договора, опубликованного в сфотографированном виде в «Берлинер Тагеблатт» в марте 1924 г. Франко-чешский военный договор гласит следующее:

1) Чехо-Словакия и Франция обязуются помогать друг другу в случае войны с Германией.

2) В случае войны между Германией и Польшей договаривающиеся стороны выступают на стороне Польши.

3) В случае войны между Чехо-Словакией и Венгрией Франция обязуется снабжать Чехо-Словакию военными материалами.

4) В случае русско-польского конфликта договаривающиеся стороны остаются нейтральными.

5) В случае присоединения германской части Австрии к Германии — Австрия оккупируется.

6) Обе стороны совместными усилиями должны всячески противиться возвращению в Австрию царствовавшего дома Габсбургов.

7) Восстановление в Германии царствовавшего дома Гогенцоллернов оценивается как повод к войне с Германией.

8) Обе стороны должны стремиться к установлению дружественных отношений с СССР. В случае нападения СССР на Румынию договором предусматривается поддержка Румынии военными материалами.

9) В случае поддержки СССР Германией в возможной войне между Польшей и СССР, договаривающиеся стороны объявляют Германии войну.

10) Договаривающиеся стороны должны всячески бороться со стремлениями Италии добиться господства на Средиземном море.

Сообщение о франко-чешском договоре вызвало сильное беспокойство в английской прессе, которая указывала, что Чехо-Словакия, подобно другим государствам Малой Антанты, окончательно становится орудием французской милитаристической политики, что чешская армия будет находиться отныне под французским руководством.

На заседании парламентской комиссии демократ Кафка запросил министра иностранных дел Бенеша, соответствует ли действительности опубликованный в «Берлинер Тагеблатт» тайный военный договор между Францией и Чехо-Словакией. Бенеш ответил, что это — подлог. Однако, это заявление чешского министра иностранных дел никого не убедило. Английская пресса подчеркивает тот факт, что Франция, не имеющая возможности платить проценты по своим долгам Англии и Америке, тем не менее оказывает кредит в 1200 миллионов франков Малой Антанте и Польше, очевидно, в уплату за предоставление этими странами своих армий в распоряжение французского командования. Любопытно, что сообщение о франко-чешской военной конвенции вызвало сильное беспокойство в Польше. Некоторые органы польской печати высказывали опасение, что Франция после заключения договора с Чехо-Словакией будет

стремиться привлечь на свою сторону Россию. Однако, скоро кампания части польской прессы против франко-чешского договора прекратилась. Очевидно, газеты получили соответствующую мзду от французского посольства в Польше.

Франко-чешская военная конвенция произвела особое впечатление в Англии, ибо заключение этой конвенции обозначало необычайное усиление французской военной промышленности в связи с подчинением Франции богатейшей Чехо-Словацкой военной индустрии, унаследованной от Австро-Венгрии. Среди военных заводов Чехо-Словакии особенно важную роль в период мировой войны сыграли заводы Шкода в Пильзене, Брюнне и Братиславе. Именно на заводах Шкода была изготовлена знаменитая дальнобойная пушка «Берта», которая с 23 марта по 9 мая 1918 г. бомбардировала Париж с расстояния в 140 километров (см. об этом нашу работу «Мировая война 1914 — 1918 гг. и грядущие войны»). Заводы Шкода изготовляют в настоящее время тяжелые и легкие орудия, пулеметы, винтовки, артиллерийские снаряды, патроны, ручные гранаты и т. д.; далее взрывчатые вещества, химические снаряды, броневики, самолеты и т. д. Маленькая Чехо-Словакия представляет собой громаднейший арсенал, военно-промышленную базу Франции в центральной Европе для действия в случае нужды против Германии и для вооружения союзников Франции — Румынии, Польши, Юго-Славии. В июле 1924 г. «Дейли Геральд» опубликовал интервью с известным специалистом по вопросам международной политики Морелем, заключавшее в себе сенсационное разоблачение относительно производства средств вооружения в Чехо-Словакии и Австрии.

Морель указывал, что производство военного материала стало теперь значительно больше, чем когда-либо после перемирия. Главным центром производства являются заводы Шкода в Чехо-Словакии и государственные австрийские заводы. Заводы Шкода целиком реорганизованы под французским руководством и производят и экспортируют громадное количество военных материалов. Под контролем Франции находится фактически весь военный механизм Чехо-Словакии.

Громадное количество всякого рода военных запасов производится на австрийских государственных заводах в Вене, Бэлерсдорфе, Гиргенберге, Блюмау.

За последние 15 месяцев, — указал Морель, — Юго-Славия снабжена миллионом винтовок и громадным количеством другого вооружения, в том числе полевыми орудиями. Румыния заказала на тех же заводах большое количество артиллерийских снарядов, винтовок, минометов. Польша уже получила с этих заводов 44 вагона снаряжения для пехоты и громадное количество военных материалов, в том числе 35 миллионов снарядов.

Все это громадное военное производство финансировалось французским капиталом, точно также и покупка этих материалов была осуществлена благодаря займам, предоставленным Францией этим странам: так, за 1923 г. Юго-Славия израсходовала два слишком миллиарда французских

франков на покупку военного снаряжения, Румыния закупила в прошлом году (1923 г.) одних лишь полевых орудий на 79 миллионов франков и на 20 миллионов франков аэропланов.

К этим сенсационным данным, сообщенным Морелем в июле 1924 г., можно прибавить следующее извлечение о заводах Шкода из статьи С. Красильникова «Чехо-Словакия, как военно-промышленная база для Польши и Румынии», опубликованной в «Военном Зарубежнике» за 1924 г., № 8.

«Чехо-Словакия унаследовала от Австро-Венгерской монархии богатейшую военную промышленность, самое видное место среди которой занимает один из крупнейших в мире заводов — металлургический завод Шкода. По своим размерам, оборудованию, технике и производительности этот завод может смело быть поставленным рядом с его конкурентами, военными заводами Виккерса (в Англии), Крезо (во Франции) и Круппа (в Германии).

Главный завод Шкода находится в Пильзене (отделения завода находятся в гг. Брюнне и Братиславе) и имеет три сталелитейных отделения, модельное, два паровозостроительных, два вагоностроительных, отделение сельскохозяйственных машин, два деревообделочных, два орудийных, оружейное, снарядное и сборочное отделения.

Производство винтовок сосредоточено, по преимуществу, на государственном оружейном заводе — Обровице, под Брюнном; число занятых на этом заводе рабочих достигает 6000 человек. Винтовки и пистолеты производятся, кроме того, еще на заводах фирмы «Прага А. Д.» в Крусовице, под Прагой, и в Брюнне.

Все эти гигантские мастерские оружия и боеприпасов и являются в настоящее время главнейшими поставщиками военного снаряжения для Польши и Румынии, и будут в еще более крупном масштабе поставлять таковое во время войны. Своевременный учет масштаба этих поставок приобретает для нас, — говорит С. Красильников, — важнейшее значение. Точные цифры дать, конечно, трудно, ибо план мобилизации заводов хранится в тайне, однако, некоторые отправные данные все же можно получить.

Чехо-Словацкая военная промышленность может не только удовлетворить потребность своего военного ведомства, но явится весьма крупным поставщиком для Польши и Румынии, даже в военное время.

Месячная производительность винтовок одного только оружейного отделения завода Шкода превышает в два с половиной раза выпуск винтовок с заводов Польши и Румынии, взятых вместе. Производительность же патронов на заводах Чехо-Словакии превышает более, чем в 8 раз таковую в Польше и Румынии, взятых вместе.

Годовая производительность одного только завода Шкода может доставить: орудий разных калибров в количестве равном 20% всего количества орудий Польши и Румынии, взятых вместе, около 40% количества станковых пулеметов и около 100% винтовок, потребных для вооружения пехоты Польши и Румынии, взятых вместе.

Заводы Чехо-Словакии могут покрыть потребность обеих армий в снарядах на 70%, в патронах на 100%, а в ручных гранатах — даже на 150%.

Работа заводов в мирное время характеризуется теми поставками, которые производятся за границу, главным образом, в Польшу и Румынию: с 7 мая 1924 года ежедневно Румыния получает с завода Шкода два вагона патронов и один вагон артснарядов и с завода Нобеля (в Пресбурге) — один вагон амуниции; Польша, начиная с 11 мая, ежедневно получает с завода Шкода два вагона огнеприпасов. Помимо этого, в 1923 году завод Шкода выпустил для военного ведомства самой Чехо-Словакии 50 000 автоматов и имеет заказ на такое же количество в текущем году. Кроме того, исполняются заказы: на плитовую сталь для французского военно-морского ведомства, орудийные щиты для английской армии (1000 шт.) и на жел.-дор. имущество для стран Малой Антанты.

Любопытно, как анонимный автор, скрывавшийся под тремя звездочками, объясняет в известном французском журнале «Revue des deux Mondes» необходимость военных конвенций Франции с державами Малой Антанты и с Польшей:

«В результате последней войны и территориальной ампутации немецкие ресурсы в сырье и продуктах питания уменьшились на $^1/_3$. В будущей войне овладение богатыми территориями Польши и Чехо-Словакии явится для немецких армий первой задачей. Следовательно, наши политические договоры с нашими союзниками должны пополняться предоставлением союзникам вооружения, достаточного для победоносного сопротивления неожиданной атаке со стороны врага.

Франция не скупилась в финансовой поддержке своих союзников. Кроме того, Франция содействует организации и обучению армий своих союзников содержанием постоянных военных миссий в Праге и Варшаве. Франция предоставила недавно заем в 700 миллионов франков Польше и Юго-Славии, предназначенный для закупки оружия и создания собственной военной индустрии в этих странах. Таким образом, в близком будущем, эти страны будут обладать достаточной военной мощью для защиты собственными силами своей безопасности (Revue des deux Mondes, 15 мая 1924 г., см. статью «Франция и Союзы»).»

Итак, автор говорит о военных союзах Франции с Польшей, Чехо-Словакией и Юго-Славией, как о не подлежащих сомнению и не составляющих уже тайны фактах.

Неудивительно, что военные союзы Франции и, в особенности, гегемония Франции в Чехо-Словакии вызвала сильную тревогу в Англии.

В письме, опубликованном в английской прессе в начале марта 1924 г., Макдональд в следующих словах высказал точку зрения английского правительства на политику Франции по отношению к Германии и на военные союзы Франции с державами Малой Антанты и с Польшей:

«Английский народ с тревогой следит за деятельностью французского правительства, которую он оценивает как стремление разорить Германию и обеспечить себе гегемонию на конти-

*

нente, не считаясь с интересами нашей страны и с возможными последствиями такой политики.

«Английский народ опасается милитаризации Франции и с тревогой следит за созданием баз французского военного воздушного флота не только на Востоке, но и на Западе. Нас смущает также интерес, проявляемый Францией к военной организации новых государств Центральной Европы. Возникает вопрос, почему деятельность военных министерств этих стран финансируется французским правительством, в то время, как британский плательщик налогов должен ежегодно изыскивать средства для покрытия 30 миллионов фунтов стерлингов в год, составляющих проценты на заем, заключенный в Америке, когда часть этих платежей могла бы быть покрыта Францией в счет ее долга нам. Франция не только не пыталась сделать этого, но даже и не высказывалась по этому поводу. По моему мнению, вот эти обстоятельства и ухудшили взаимоотношения между Францией и Англией. Я хочу от всей души, чтобы мы совместно смогли доказать неосновательность этих опасений».

Помимо союзов с державами Малой Антанты и с Польшей, Франция связана военной конвенцией с Бельгией. На основании этой конвенции, заключенной в декабре 1919 г., бельгийское правительство законом от 1 января 1920 г. установило в стране обязательную воинскую повинность и, таким образом, численность бельгийской армии, равнявшаяся 42 000 накануне войны (1 августа 1914 г.), достигла 130 000 к январю 1922 г. Бельгийская армия находится под руководством французского генерального штаба.

II. Вопрос о Рейне, план расчленения Германии. Поддержка сепаратистского движения.

Продвижение Франции до берегов Рейна, создание Польши, Чехо-Словакии, военные конвенции с Бельгией, державами Малой Антанты и Польшей, расчленение Германии, подчинение французскому влиянию всей военной промышленности бывшей Австро-Венгерской империи создали в Европе полную гегемонию французского империализма на континенте. Никогда, даже в эпоху Наполеона, военное господство Франции в Европе не было столь полным, как в после-Версальский период. Однако, с точки зрения французских милитаристов, ни 700-тысячная французская армия, ни военные конвенции с Бельгией, Чехо-Словакией, Польшей и т. д., недостаточны для гарантии Франции против нового германского нашествия. При заключении Версальского договора Клемансо и Фош домогались признания Рейна в качестве естественной границы Франции, в качестве единственно возможной-де линии обороны страны против неизбежной в будущем новой попытки Германии нарушить международный мир. «Единственная гарантия безопасности Франции и ее союзников — доказывал Фош — заключается в рейнском барьере. Ибо Рейн можно перейти лишь в некоторых известных местах, тогда как новая политическая граница Германии может быть

РАСЧЛЕНЕНИЕ ГЕРМАНИИ.
Гран демилиторизов обл Германии
„ оккупации Франко-Бельгийц
„ „ при тяжелых экономических условиях
Район оккупаций на 5 лет.
„ „ „ 10 „
„ „ „ 15 „
Район оккуп на 15 лет с последующим плебиситом в Саарской обл.
Районы богат каменным углем.
„ „ железом.
Границы государств. существующие.
„ „ бывшие до Мир. войны.
Госуд заключ воен. конвенции с Франц
Северное м.
Рейн
ГОЛЛАНДИЯ
ГАММ
ЭССЕН
ДОРТМУНД
ДУИСБУРГ
РУРОРТ
БОХУМ
Рур
АНТВЕРПЕН
ГЛАДБАХ
ДЮССЕЛЬДОРФ
БАРМЕН
ЭЛЬБЕРФЕЛЬД
КЕЛЬН
БРЮССЕЛЬ
ЛИЛЛЬ
ААХЕН
ЛЬЕЖ
БОНН
НАМЮР
БЕЛЬГИЯ
ГЕРМАНИЯ
КОБЛЕНЦ
ФРАНКФУРТ/М
МАЙНЦ
ГРОСС ГЕРАУ
СЕДАН
ЛЮКСЕМБУРГ
ЛОНГВИ
БРИЕ
САРРБРЮКЕН
ФРАНЦИЯ
ВЕРДЕН
МЕЦ
ЛОТАРИНГИЯ
ТУЛЬ
НАНСИ
СТРАСБУРГ
ОФФЕНБУРГ
ЭЛЬЗАС
Рейн
БЕЛЬФОР
БАЗЕЛЬ
0 50 100 Км.
Г Б.

прорвана в любом пункте и ее придется охранять живой силой на протяжении всей ее длины. Между Германией и Францией существует только одна преграда — Рейн. Эта преграда должна быть навязана Германии. Рейн должен быть Западной границей германского народа.

Вся французская шовинистская пресса поддерживала и пропагандировала этот план присоединения линии Рейна в качестве восточной границы Франции, естественного рубежа Германии. Однако, английское и американское сопротивление заставили Клемансо отказаться от его позиции в вопросе о рейнской границе. Какое значение французские империалисты придавали аннексии рейнской линии, видно из той ожесточенной кампании, которая началась против Клемансо после подписания условий Версальского договора. Поражение Клемансо на президентских выборах 1920 г. объясняется озлоблением против него французских империалистов за вынужденную уступчивость в вопросе о французской восточной границе.

Неудача Клемансо на Версальской конференции овладеть Рейном отнюдь не обескуражила французских милитаристов. Вся политика французской военной партии в период Пуанкаре-Мильерана была направлена к овладению важнейшим «географическим объектом действий» в войне будущего, именно Рейном. Все оккупационные планы Пуанкаре и Фоша преследовали, помимо непосредственных экономических целей, и прямые военно-стратегические задачи. Оккупация Рура и аннексия правого и левого берегов Рейна отдавали в руки французского генерального штаба громадный стратегический плацдарм для вторжения в любой момент в глубину Германии и похода на Берлин. Однако, так как открытое провозглашение подобного плана могло бы вызвать решительное и прямое противодействие со стороны Англии, Америки, Италии — французские империалисты решили создать независимую Вестфальско-Рейнскую «республику», свободную от «прусского ига» и защищаемую от внутренних и внешних врагов сенегальскими стрелками.

Любопытно, что самые тесные связи с рейнскими сепаратистами поддерживал еще в 1919 г. пресловутый генерал Манжен, организатор черной армии, который действовал так неосторожно в открытой поддержке сепаратистского движения,[1] что в виду протестов Ллойд-Джорджа против «политических интриг французских генералов» правительству Клемансо пришлось поставить на вид слишком ретивому генералу его поведение и призвать военное командование к порядку.

На французские деньги была организована в Рейнско-Вестфальской области, так называемая, «народная республиканская партия» со Сметсом во главе, которая начала активную пропаганду за отделение Рейнской области от Германии и создание «свободной» самостоятельной Рейнской

[1] Генерал Манжен передал одному из лидеров сепаратистского движения Дортену 6 250 000 франков для целей пропаганды сепаратистских планов.

области. В июне 1923 г. в городе Бонне состоялся тайный съезд рейнской республиканской народной партии, который принял следующую резолюцию:

> «Делегированные рейнской республиканской народной партией собравшиеся в Бонне, объявляя себя представителями рейнского населения, считают себя обязанными предпринять все необходимые шаги к провозглашению самостоятельной свободной Рейнской республики. Делегированные поручают образованному комитету войти в сношение с союзными министерствами, дабы центром было предписано оказать членам рейнской республиканской народной партии поддержку и охрану их имущественной и личной безопасности, в случае их выступления. Вместе с тем, поручено просить союзные власти, чтобы они вступали в сношения только с теми представителями партии, которые уполномочены на это комитетом».

Резолюция эта была составлена после предварительных переговоров с французским и бельгийским правительствами. На этом же съезде была выбрана особая комиссия, которая должна была выработать план активного выступления, для чего предварительно связаться с французским правительством и получить гарантии финансовой и военной поддержки выступления.

Деятельность рейнских сепаратистов вызвала сильное волнение в Англии. Английские газеты начали печатать разоблачения о связи сепаратистов с французским министерством иностранных дел, о плане империалистической Франции добиться расчленения Германии с целью овладения Рейнской и Рурской областями и утверждения мировой гегемонии Франции. Одновременно английские газеты сообщили о попытках Франции осуществить старый план, которым уже был озабочен бывший посол в Петербурге — Палеолог и французский посланник в Мюнхене, — Дард, план, который заключался в отторжении Баварии от германской республики и создании из Баварии независимой Рейнско-Вестфальской республики и части Австрии объединенного государства под французским протекторатом. У баварских черносотенцев эти планы встретили благодарный отклик. Как писал корреспондент «Правды» Гамма в корреспонденции от 13 июня 1923 г., еще в ноябре 1921 г. председатель баварского «охранительного союза», д-р Тафель, требовал отделения Баварии от Германской империи, которая «неудержимо катится в пропасть», и присоединения к Франции, которая одна-де в состоянии обеспечить Баварии самостоятельное существование. Уже за полгода до занятия Рура полковник Ришер начал свои переговоры с проф. Фуксом и Макгаузом. На Фуксе лежала задача военной и политической подготовки переворота. Для этой цели он получил от Ришера около ста миллионов марок, которые предназначались для образования ударных отрядов и их вооружения. Кроме того, баварским путчистам, на основе формального соглашения, была обещана помощь амуницией, в том числе два бронированных поезда и семьде-

сят танков. Ришер обещал также после выполнения «дела» снабжать Баварию шерстью и углем. Фукс специально ездил в Париж для переговоров с Лушером о крупных поставках по восстановлению разоренных французских областей, — поставках, которые должны были быть предоставлены баварской промышленности на выгодных условиях, в случае удачи затеянного переворота.

Предварительные переговоры о военной и финансовой подготовке переворота приняли более конкретный характер, когда французское правительство задумало занять Рурскую область. Полковник Ришер прибыл в Мюнхен и в кругу заговорщиков заявил, что теперь пора, наконец, серьезно приняться за выполнение плана. Операция в Руре, — говорил он, — служит началом новой европейской политики. Под мощным водительством Франции будет создан европейский союз народов, который должен охватить Францию, Италию, Малую Антанту, Польшу, Баварию и некоторые части Австрии. В ближайшие полвека Франция, несомненно, будет играть в Европе главную роль. Бавария сможет и теперь заслужить благодарность Франции, если для поддержки французской операции в Руре будут предприняты в Мюнхене необходимые шаги.

С этой целью необходимо-де произвести в Баварии переворот, прежде всего, для того, чтобы парализовать и привести в замешательство немецкий фронт сопротивления в Руре. Если это не будет сделано в ближайшие дни, тогда, по мнению Ришера, баварское «действо» не представляет более для Франции никакого интереса...

После этого было решено уже в ближайшие дни, а именно 14 февраля, начать решительное выступление. В этот день должно было быть свергнуто вооруженной силой «никуда негодное» баварское правительство; баварские министры и все преданные Германии политики подлежали немедленному аресту; Мюнхен и Бавария должны были быть заняты надежными войсками. Известные меры намечались также на восточной границе, а именно: чехо-словацкие войска должны были занять саксонскую границу, чтобы задержать наступление большевистских и северо-германских войск. Одновременно с этим предполагалось опубликование составленной Фуксом прокламации «К баварцам», которая возвещала разрыв с «радикально-большевистскими берлинцами» и со «слабым мюнхенским правительством» и объявляла отмененными «свободное государство Баварию» и «веймарскую конституцию». Далее говорилось в прокламации: «Так как его величеству королю в настоящий момент невозможно выполнить свои суверенные права», то учреждается регентский совет с бывшим полицейпрезидентом Пэнером в качестве диктатора... В особой телеграфной инструкции, составленной Фуксом, «Регентский совет Королевства Баварии» предписывает баварским властям «закрытие и военную оккупацию границ и воспретить под страхом смертной казни всякую партийно-политическую деятельность». Составленный д-ром Кюлером

(покончившим самоубийством) чрезвычайный указ, под страхом смертной казни, воспрещает забастовки и переход границы в обе стороны. Все деньги в стране конфискуются, местное отделение имперского банка подчиняется баварскому государственному банку, все имущество небаварцев передается в распоряжение новой власти. Над газетами и прочими печатными произведениями устанавливается цензура...

Итак, весь переворот был готов во всех деталях — на бумаге. Но, в последний момент, некоторых заговорщиков обуял страх, и они выдали главных застрельщиков властям.[1]

Между тем, рейнские сепаратисты приступили к активным действиям и, при поддержке франко-бельгийских войск, разоружавших немецкие полицейские отряды, начали захватывать власть в ряде городов. Таким образом, в Майнце, Аахене, Гросегерау, Глодбахе, Бонне и т. д. были захвачены сепаратистами все правительственные здания (октябрь 1923 г.). 21 октября 1923 г. в Аахене была провозглашена Рейнская республика и образовано временное правительство, выпустившее манифест, в котором заявлялось, что политика центрального правительства ведет страну к гибели. Бавария фактически отделилась — говорится в манифесте, теперь наступила очередь и рейнской области. Правительство намерено восстановить с западными державами добрососедские отношения и гарантирует населению снабжение продовольствием. Манифест заканчивается призывом к населению продолжать мирную работу.

Открытое содействие французских оккупационных войск сепаратистам вызвало ноту английского правительства, в которой указывалось, что сепаратистское движение влечет за собой пересмотр Версальского договора. Между тем, дела сепаратистов стали складываться скверно. В целом ряде мест население поднялось против сепаратистов и стало изгонять их. Озлобление населения, смотревшего на сепаратистов, как на наемных агентов Франции, принимало порой крайне жестокие формы. Сепаратистов не только убивали, порой их сжигали живьем.

Сепаратистское движение потерпело поражение. 7 ноября 1923 г. сам французский верховный комиссар Рейнской области Тирар заявил, что он является-де сторонником автономии Рейнской области в пределах Германии. Это явилось признанием банкротства планов французской военщины добиться отторжения Рейнской области от Германии с помощью сепаратистских банд.

III. Экономические основы борьбы за Рур. Борьба за промышленную гегемонию.

Выше мы изложили пресловутый «план маршала Фоша», военную программу французского генерального штаба для мирного времени по отношению к Германии. Но, если этот план нашел такой горячий отклик

[1] Вся эта деятельность баварских сепаратистов была раскрыта во время процесса, две недели разбиравшегося в так называемом «народном суде» в Мюнхене, в мае 1923 г.

в правящих кругах Франции и почти во всей французской печати, если Клемансо подвергся такой рьяной атаке за свою вынужденную уступчивость на Версальской конференции со стороны единомышленников Фоша, победа французского генерального штаба объясняется интересами определенных групп французской буржуазии.

В наших работах, написанных еще до мировой войны, мы доказывали, что Франция конца XIX столетия и начала XX уже не являлась, вопреки шаблонному представлению, страной мелкой собственности и мелких лавочников. Франция XX столетия — писали мы — одна из первых металлургических стран в мире и первая страна в Европе по богатству железом. Если Франция сумела создать мощную военную индустрию, вторую после германской, случилось это потому, что Франция уже накануне войны была великой промышленной державой.

Уже накануне мировой войны Франция была величайшей державой по богатству железной рудой. Ее железный подпочвенный резерв определялся в 12 миллиардов тонн (без присоединенной после мировой войны Эльзас-Лотарингии), тогда как железный резерв Германии (без Эльзас-Лотарингии) определяется приблизительно в один миллиард, а Англии — в $1^1/_2$ миллиарда. Таким образом, пропорция по богатству железом для трех сильнейших империалистических стран Европы была накануне войны следующая: для Англии — $^1/_2$, для Германии — 1, для Франции — 15 (Франсис Лор: «Франция — царица железа», Париж, 1916). Превосходство Франции по богатству железом было громадное.

По другим вычислениям, Франция (без колоний Алжира и Судана) обладала 7 миллиардами тонн годной для эксплуатации железной руды, что составляло одну треть всех известных мировых запасов железа, количество которых определялось в 22 миллиарда (см. Фердинанд Энжеран. «Германия и железо». Париж, 1916).

Уже накануне мировой войны Франция была гегемоном в Европе по богатству железом.

Но если Франция была гегемоном в Европе по богатству железом, она была, наоборот, беднейшей страной в Европе по богатству углем. Между тем, для производства одной тонны железа необходимо израсходовать две тонны угля. Таким образом, Франции приходилось ежегодно импортировать громадное количество угля из Англии и Германии.

Если Франция была первой страной в Европе по богатству железом, соседняя с ней страна, ее «наследственный враг» Германия была царицей угля на европейском континенте: угольные резервы Германии определялись в 233 миллиарда тонн, т.-е. составляли половину угольного богатства всего европейского континента. Угольные богатства Англии определялись в 189 миллиардов тонн, царской России — 60, Франции — всего 17 милл.; таким образом, как угольная держава — Франция была в двадцать пять раз слабее Германии.

В результате разгрома Германии Антанта навязала побежденному врагу пресловутый «карфагенский мир» по плану Клемансо. Цель Клемансо заключалась в полном экономическом подавлении Германии и низве-

дении последней на степень второстепенного государства, которое никогда не смогло бы возродиться и стать снова могучей экономической и военной державой, грозным конкурентом в борьбе за промышленную и политическую гегемонию на континенте. Для достижения этой цели нужно было отнять у Германии то, что составляло основу ее мощи — именно ее угольную и железную промышленность, одним словом, разрушить те две колонны, на которых, как языческий храм Дагона, покоится всякое мощное капиталистическое здание в современном строе. Эта задача французского капитализма, казалось, была достигнута Версальским договором, отнявшим у Германии 83% ее железной руды и одну треть угля.

Навязав Германии Версальский договор, отняв у нее более трех четвертей железной руды и одну треть угля, Франция значительно ослабила экономическую мощь и военную силу своего противника на континенте и, вместе с тем, казалось, увеличила в необычайной мере свои собственные ресурсы. Но это достижение не удовлетворяло, очевидно, французских металлургистов, которые находили, что Клемансо дал себя одурачить Ллойд-Джорджу, и что единственным достойным представителем интересов Франции и Комитета металлургической промышленности (Комите-де-Форж) может быть лишь Мильеран, избранный на выборах 1920 г. президентом республики.

С присоединением Эльзас-Лотарингии Франция приобрела 66 доменных печей и 52 крупных металлургических предприятия, оборудованных по последнему слову немецкой и американской техники, между тем как во французской Лотарингии было всего 25 металлургических заводов, а во всей Франции лишь 68 крупных металлургических заводов.

Итак, с присоединением Эльзас-Лотарингии металлургическая промышленность Франции значительно усилилась. Число сталелитейных заводов почти удвоилось, и вся эта сталелитейная промышленность нуждается в коксирующемся рурском угле. Если уже до войны и до присоединения Эльзас-Лотарингии французские капиталисты мечтали о захвате Рурского бассейна, тем более этот вопрос должен был стать в порядок дня с приобретением металлургических заводов Эльзас-Лотарингии. Во главе кампании в пользу захвата Рурского бассейна стали: комитет металлургической промышленности, торгово-промышленный комитет, известный под именем «Комитета Маскюре» и другие подобные организации. Вся эта шайка нашла своего человека в лице Пуанкаре-лягерр (Пуанкаре-война), который и привел этот захватный план в исполнение в январе 1923 г.[1]

Уже в течение 1921 — 1922 г. французский генеральный штаб усиленно работал над планом оккупации Рура. Одновременно, французская пресса, буквально в тысячах статей, неустанно ставила вопрос об оккупации Рурского бассейна и Рейнской области. Но здесь Франция постоянно наталкивалась на решительное противодействие Англии,

---

[1] Подробнее о Руре см. нашу работу «Империализм». Собрание соч. т. I, стр. 224 — 234.

которая не для того разрушила могущество Германии, чтобы создать на ее месте еще более могучую Францию. Воссоединив в одну хозяйственную единицу великий железный бассейн Лонгви-Брией, самый богатый по залежам, Эльзас-Лотарингию с ее железными рудниками и угольными копями, Рурский бассейн и Рейнскую область, Франция сосредоточивала в своих руках до 50 милл. пуд. годовой добычи железной руды и одновременно становилась царем угля на континенте. Таким образом, французские империалисты создают фундамент для превращения Франции в величайшую промышленную державу, мирового гегемона. В этих стремлениях французской металлургии лежит ключ к пониманию англо-французского конфликта. Осуждая эти французские планы, Ллойд-Джордж в одной из своих речей заявил:

«Если Франция не отзовет свои войска с Рейна к концу оккупационного периода, тогда откроется новая страница в истории Европы и всего мира, и тогда следует опасаться чего-то страшного, чего еще никогда не переживали».

Вместе с тем Ллойд-Джордж подчеркивал, что французские захватнические планы относительно Рурского угольного бассейна и Рейнской провинции встретят решительное противодействие и со стороны великой Трансатлантической республики, постаравшейся подобно Англии разрушить Германию для того, чтобы создать нового еще более серьезного хищника.

Именно, благодаря противодействию Англии и Америки, и отчасти Италии, Пуанкаре долгое время не удавалось осуществить максимальную программу французских капиталистов, направленную к голому захвату каменноугольных Рурских областей, богатых коксом, и Рейнских провинций.

Захват Рура имел целью не только окончательный экономический и военный разгром Германии, но и обеспечение гегемонии французской промышленности над английской.

Вот что писал Адольф Деламер, редактор «Политической, Экономической и Социальной Недели» (Semaine politique, économique et sociale), за год до оккупации Рура:

«Мы заинтересованы в оккупации Рура лишь постольку, поскольку мы твердо решили вырвать из рук Германии гегемонию в области металлопромышленности. Оккупация есть средство парализовать германскую промышленность, обеспечить господство нашей железоделательной промышленности. В настоящее время Германия — самый страшный конкурент на международном рынке. Скинуть со счетов этого конкурента, поднять наши шансы и занять его место, вот ради чего стоит оккупировать Рур, если только мы ставим себе вышеуказанные задачи.

«Благодаря сравнительно низкой валюте, мы можем успешно конкурировать с Англией, с которой в настоящее время конкурирует Германия. Пришло время занять на рынках первое место».

А вот что мы читаем в еженедельном журнале «Завод» («L'Usine»):

«Располагая рурским и саарским углем, мы стали бы хозяевами значительной части европейского рынка, и полагаю, что за тоннаж, предоставленный промышленности Германии и нейтральным странам, мы сумеем получить прибавочную пошлину для перевеса баланса в пользу нашей промышленности и обеспечения займа, необходимого для восстановления освобожденных областей.

«Будучи хозяевами Рура, мы на равной ноге можем состязаться с импортирующими уголь англичанами и, в свою очередь, диктовать им наши условия».[1]

«Франция ставит своей целью — писала берлинская газета «Локал Анцейгер» — завоевание не только Рура, но всего великого германского индустриального округа, чтобы закруглить Рейнскую территорию. Французский план ясен: создать самый крупный промышленный центр в Европе, способный соперничать с английским промышленным центром и даже превзойти последний. Если Ллойд-Джордж атакует оккупационную политику Франции, он это делает не потому, что желает помочь Германии, а лишь из опасения чрезмерного усиления экономической мощи Франции, которая создала грандиозный план овладения всем европейским континентом через овладение Руром».

Наконец, цели французского империализма в рурской политике ясно определены в тайном докладе Дариака, председателя финансовой комиссии французского парламента.

Дариак был послан Пуанкаре в Рейнскую и Рурскую области для изучения положения вещей на месте. Приводим выдержки из его секретного доклада:

«При теперешних условиях Рурская область, главным же образом, район Дюссельдорфа, Дюисбурга, Рурорта, которые нами заняты в качестве опорных пунктов, составляют главный элемент германского достояния, основанного целиком на железе и угле, на их переработке и производстве побочных продуктов. Большинство крупных германских консорциумов образовано там, там же имеют свое местопребывание и капиталы; те десять или двенадцать промышленников, которые ими руководят, прямо или косвенно управляют, имеют абсолютное влияние на судьбы Германии (железная промышленность, уголь, уголь-

[1] См. статью Антуана Кера «Комитет Металлургической Промышленности» в «Коммунистическом Интернационале» № 26—27.

ные продукты, производство красочных веществ, искусственное удобрение, морские транспортные компании, ввоз и вывоз сырья и фабрикатов)»...

...«Тяжелая индустрия Рурской области, находящаяся целиком в руках нескольких человек, должна сыграть решающую роль в тех событиях, которые должны в будущем разыграться в Германии. В этом направлении хозяйственная роль Стиннеса, Тиссена, Круппа, Ганнеля, Клекнера, Функе, Манессмана и еще троих или четырех подобна роли Карнеджи, Рокфеллера, Гарримана, Вандербильда и Гольда в Америке; кроме того, они развивают политическую деятельность, незнакомую даже американским миллиардерам»...

...«И, если на самом деле бумажная марка обесценивается изо дня в день, то средства производства, принадлежавшие Стиннесу, Тиссену, Круппу и их соратникам, остаются и сохраняют свою золотую ценность. Это есть именно то, что имеет действительное значение и ценность для нашей страны. Несомненно, что мы не заняли всей Рурской области, но нашей теперешней частичной оккупацией [1] мы удерживаем все промышленное производство в наших руках. В действительности, мы заняли большую часть бассейна, в котором расположены доменные печи, равным образом, порты Рура и Рейна, через которые эти доменные печи питаются рудой. Таким образом, мы разделили железную индустрию Германии на две части: мы можем, поскольку мы это пожелаем, родственные и друг друга дополняющие предприятия, находящиеся в неоккупированной части Германии, но перерабатывающие продукты оккупированной области, отделить от угля и руды, от чугуна и стали и, в силу этого, оказаться в состоянии окончательно дезорганизовать промышленность, принадлежащую патентам из Дюссельдорфа, Дюисбурга и Рурорта»...

...«До сих пор, пока мы сохраняем наше теперешнее положение на Рейне, мы представляем из себя угрозу этим 10 или 12-ти хозяевам германской промышленности, которые являются фактическими финансовыми господами Германии»...

...«Мы не можем требовать от Германии платежа в продолжение 35 лет колоссальнейших сумм и, в то же время, опасаться, что ее промышленность разовьется до такой степени, которая позволила бы нести платежи по принятым на себя обязательствам. Но до тех пор, пока мы остаемся на правом берегу Рейна, и до тех пор, пока мы являемся хозяевами 45 миллионов тонн годовой добычи железной руды, мы будем в состоянии играть решающую роль

---

[1] Доклад составлен в июле — августе 1922 г. В нашей прессе он был впервые опубликован в выдержках в статье Юр-а «Экономическая Жизнь» 19/I — 1923 г.).

в германской железной индустрии, если мы потребуем контроля над производством. Это, несомненно, является будущим решением вопроса: до тех пор, пока гарантийная комиссия ограничивается контролем германских финансов, ей придется периодически, не имея возможности что-либо в этом изменить, констатировать лишь ряд валютных катастроф. Но в тот день, когда комиссия будет иметь достаточно, чтобы перейти к контролю над германским промышленным производством, перед нами открывается возможность пользоваться всеми выгодами его процветания. С момента, когда мы обеспечим себе контроль над частью немецкого капитала, мы будем заинтересованы сами в том, чтобы он стал наиболее доходным, так как платежи — поставки натурой являются основой всякой системы платежей — и можно уже предвидеть целый ряд хозяйственных соглашений, которые будут иметь гораздо более крупные последствия, чем соглашение в Висбадене».

...«Германские промышленники открыто заявляют, что объединение германского кокса и французской руды будет иметь крупные последствия, и если непосредственно между обоими народами будет заключено репарационное соглашение, чему прелюдией явилось соглашение в Висбадене, то тогда все проблемы очень быстро упростятся».

Итак, планы королей французской тяжелой промышленности ясны. Для создания и упрочения французской континентальной, а затем и мировой гегемонии, для подведения мощного экономического фундамента под здание французского империализма, необходимо овладеть всеми угольными, металлургическими и химическими ресурсами Рурского бассейна, составляющего главный элемент богатства Германии.

Необходимость овладения Рурским бассейном являлась аксиомой для всех королей и баронов французской тяжелой промышленности; разногласие касалось лишь вопроса о методах овладения Рурским бассейном, путем ли прямого захвата или же соглашения с немецкими промышленниками: Стиннесом, Тиссеном, Круппом, Манесманом и другими: за прямой захват Рура без дележа прибылей с немецкими промышленниками стояла группа Роберта Пино, руководителя металлургического Комитета «Комите де Форж» (Comité des Forges).

В 1915 г., т.-е. в самый разгар мировой войны, Роберт Пино представил от имени «Комите де Форж» в сенат конфиденциальный доклад, в котором он доказывал всю опасность присоединения к Франции Эльзас-Лотарингии, так как дешевая конкуренция могучих металлургических предприятий Эльзас-Лотарингии подорвет всю тяжелую индустрию Франции. Пино отстаивал идею образования из Эльзас-Лотарингии государства, отделенного от Франции таможенной стеной. Эта точка зрения Пино не встретила поддержки в правительственных кругах. Эльзас-Лотарингия была присоединена, и теперь Роберт Пино, во имя интересов французской тяжелой промышленности, требовал доведения начатого дела до конца, т.-е. отнятия у Германии и Рурского бассейна. Если точка зрения, которую отстаивал Пино в 1915 г., встретила резкое осужде-

ние со стороны руководителей французского генерального штаба и, прежде всего, маршала Фоша, теперь, наоборот, точка зрения обоих виднейших представителей французского империализма совпала.

Против непримиримой позиции Роберта Пино боролась группа Лушера, Люберзака и других, поддерживаемая Брианом, боявшимся конфликта с Англией и Америкой.

Группа Лушера-Люберзака выдвинула план, известный под именем плана Стиннеса-Люберзака (или Лушер-Ратенау) — создание франко-германского угольного и стального треста. Исходя из того положения, что Англия и Америка не позволят Франции захватить этот бассейн, и учитывая нужду французской стальной промышленности в рурском коксе, Стиннес и Люберзак выдвинули идею создания мощного угольно-стального треста, который объединил бы французских и германских угольных и стальных королей под защитой французских штыков.

Договор Стиннеса с маркизом Люберзаком в августе 1922 г. относительно восстановления Северной Франции рассматривался, как начало выступления французской железо-угольной индустрии на путь сделки с немецкой тяжелой промышленностью. Однако, крайние французские милитаристы, стремящиеся к голому захвату Рурского бассейна в целях использования рурского кокса для французской стальной промышленности, без сделки со Стиннесом, к созданию прирейнского буферного государства и к отделению этим путем Южной Германии от Северной, отнеслись отрицательно к плану Стиннеса. Между этими двумя планами, голого захвата Рурского бассейна, с одной стороны, и соглашением со Стиннесом — с другой, и колебалась политика Пуанкаре, пока последний не решился, наконец, двинуть в Рур французские войска.

Как теперь хорошо известно, план Стиннеса-Люберзака образовать объединенный франко-германский угольно-железный концерн не удался только потому, что французский капитал претендовал на 60% в дележе прибылей от будущего комбината, оставляя германскому капиталу лишь 40%. Чтобы сломить немецких промышленников и заставить их принять французские условия, и были двинуты сильные отряды с танками, аэропланами и т. д. через Рейн. Первым объектом в наступательной операции был намечен район Эссена, с его знаменитыми крупповскими заводами. 12 января 1923 г. 20-тысячный отряд вступил в Эссен. Затем были заняты Бохум, Гаген, Эберфельд, Бармен, Гамм и т. д. Для обеспечения победоносного продвижения 85-тысячной французской армии, на правом берегу Рейна была установлена тяжелая дальнобойная артиллерия.

Оккупация Рура французскими войсками вызвала сильное недовольство в Англии. На заседании палаты 19 февраля Ллойд-Джордж высту-

пил с речью, в которой он требовал от правительства вмешательства, совместно с Америкой, в рурские дела.

«Франция — заявил Ллойд-Джордж, — в настоящее время совершает такую же психологическую ошибку, какую сделала Германия в 1914 г., когда она полагала, что может достигнуть гегемонии путем террора. Если Германия рухнет, всякая надежда на получение репараций должна исчезнуть. Нам необходима помощь Америки, у которой накопилось все золото мира, и от избытка которого она задыхается».

В своей ответной речи Бонар Лоу подверг критике предложение Ллойд-Джорджа, призывавшего по существу к интервенции Англии и Америки против Франции:

«Ллойд-Джордж и его сторонники, — сказал Бонар Лоу, — главным образом, доказывали, что, по их мнению, французская политика неправильна. Британское правительство совершенно с этим согласно. Однако, интервенция в настоящий момент невозможна без разрыва Антанты. Если мы передадим вопрос о репарациях Лиге Наций, то в результате враждебно настроенной к Лиге окажется не только Франция, но, по всей вероятности, также Бельгия и Италия. Что же тогда станется с Лигой?

«Ллойд-Джордж призывал нас убедить Америку в необходимости вмешательства. Прежде всего британское правительство не знает, какой прием подобное предложение встретило бы в Америке, так как до сих пор ни один представитель американского правительства не заявил в какой бы то ни было форме, что Америка готова вмешаться в европейские конфликты. Во всяком случае, факт тот, что Франция сейчас смотрела бы на интервенцию, как на неприязненный акт.

«Мы не можем сейчас сказать, когда придет время для интервенции, но, во всяком случае, в настоящий момент она несвоевременна, и Англия должна избегнуть всего, что может вызвать раздражение союзников.

«Пока английские войска не только не предполагается отозвать из Рейнской области, но, наоборот, они останутся там как можно дольше».

Бонар Лоу дал понять, что Францию при данных условиях можно заставить очистить Рур только войной, к чему, однако, английские массы совсем не расположены: «Мы устали от войны».

С другой стороны, многие английские политики с самого начала оккупации Рура расценивали этот акт Пуанкаре, как авантюру, которая осуждена на провал в самое ближайшее время. Английская дипломатия — доказывали эти дальновидные люди — должна выжидать и предоставить возможность французам провалиться с треском, чтобы затем вмешаться, когда и Франция и Германия ослабеют в результате взаимной борьбы. Пока, во всяком случае, английская дипломатия воспользовалась оккупацией Рура, чтобы заставить Францию отказаться от противодействия английским планам на Ближнем Востоке, в вопросе о Мосуле и месопотамской нефти, в «интернационализации» Дарданелльских проливов и т. д. Таким образом, несмотря на целый ряд неудач на Ближнем Востоке — разгром греческой армии, сторожевого пса Великобрита-

нии в Малой Азии, поражение английских войск в Месопотамии и т. д. — английская дипломатия одерживает успех на Ближнем Востоке в своей восточной политике и давлении на Турцию, таща с собой на буксире Францию под угрозой, в случае противодействия, отказа в поддержке требований Франции по отношению к Германии.

Между тем, резко враждебная кампания большинства английских газет против Франции, английские разоблачения происков французского империализма по отношению к Руру и Рейнской области, поощрения официального представителя Великобритании в Берлине английского посла лорда Абернона ввели немецкую буржуазию в заблуждение и внушили немецкому правительству уверенность, что Германия в борьбе с Францией из-за Рура не останется одинокой.

Двусмысленное поведение английского правительства в вопросе о Руре вызывало резкие нападки, а порой и насмешки, со стороны французских империалистов, которые, в данный момент чувствуя свою силу, не считали необходимым обращать внимание не только на протесты Ллойд-Джорджа и сторонников, но даже и на речи Болдуина, доказывавшего, что крушение Германии может вызвать торжество анархии и большевизма во всей Европе.

«Великобританией, — писал известный французский писатель, специалист по вопросам внешней политики, Рене Пинон, — руководит страх перед перспективой французской гегемонии в Европе на развалинах Германии. Оккупация Рура усилила этот страх. Эта политическая проблема волнует Англию». «Мы понимаем очень хорошо, — писала английская Таймс от 1 августа 1923 г., — что современное положение Германии может внушить многим французам мысль о французской гегемонии в Европе на многие годы». Англия не желает господствующего влияния какой-нибудь державы на континенте, она не желает французского или бельгийского влияния в Руре, она желает лишь равновесия держав, чтобы она могла держать весы в своих руках. Такова программа Англии. Любопытно видеть, как Англия разоблачает планы французской гегемонии в тот момент, когда она сама утверждает свою гегемонию на морях принятием решения создать в Сингапуре мощную морскую базу. Было бы интересно спросить японцев, какая именно держава практикует политику гегемонии. Чтобы помешать осуществлению французской гегемонии, английскому правительству необходимо спасти Германию и немецкое единство, и для этого в данный момент удержать у власти правительство Куно, который возложил все свои надежды на Англию и следует в своих действиях указаниям из Лондона.[1]

Итак, Рене Пинон не отрицает планов французской гегемонии в Европе в связи с занятием Рура, он лишь отрицает право за империалистической Англией становиться поперек этим планам.

[1] См. статью Рене Пинона в «Revue des deux Mondes» от 15 августа 1923 г., стр. 951.

Понятно, что Рене Пинон и другие французские писатели позволяли себе иронизировать над английским правительством, будучи уверены в том, что у последнего не хватит духу военной силой помешать Франции осуществить ее планы в Руре, и, что если Англия станет поперек французским планам в Европе, Франция сумеет наделать много неприятностей Великобритании на Ближнем и Дальнем Востоке.

Не решаясь выступить открыто против французской политики в Руре, Англия подстрекает Германию к борьбе с Францией, внушая немецкой буржуазии надежду на помощь Великобритании. Начинается так называемое «пассивное сопротивление» Германии французской оккупации. Каждый день немецкие газеты перепечатывают статьи из английской прессы, речи английских политических и государственных деятелей, резко осуждающих политику Франции в Рурском вопросе и доказывающих, что Франция должна будет уйти из Рура в самом ближайшем времени. Поощряемая этими статьями и речами, немецкая буржуазия энергично ведет политику «пассивного сопротивления» в Руре; германское правительство ассигновывает громадные средства на выплату жалованья бастующим рурским рабочим и служащим, на содержание аппарата, на ведение пропаганды и, в особенности, на предоставление кредитов представителям рурской тяжелой индустрии — Стиннесу, Тиссену и др. В общем, субсидирование «пассивного сопротивления» обошлось германскому государственному банку, приблизительно, в 400 миллионов золотых марок. При тяжелом экономическом и финансовом положении Германии, угрозе дальнейшего продвижения французских войск — затрата такой колоссальной суммы повела к катастрофическому падению марки и срыву всех мер по стабилизации валюты, какие принимались немецким правительством. Правительство Куно пало, и уже при правительстве Штреземана-Гильфердинга Германия пошла на капитуляцию перед Францией Пуанкаре. 25 сентября 1923 г. германское правительство опубликовало сообщение о прекращении пассивного сопротивления, а через несколько дней об отмене декрета 13 января о прекращении угольных поставок Франции и Бельгии. Одновременно был отдан приказ по железным дорогам, пароходным линиям, почтовому и телеграфному ведомствам прекратить забастовку и не препятствовать распоряжениям оккупационных властей. Пуанкаре победил по всей линии. Это была победа не только над Германией, но и над Англией.

IV. Финансовое поражение Франции. План Дауеса. Лондонская конференция. Превращение Германии в колонию иностранного капитала. Локарно и гарантийный договор.

Однако, английское правительство отнюдь не считало борьбу против утверждения французской гегемонии на континенте окончательно проигранной. Между тем на декабрьских выборах 1923 г. консервативное правительство Болдуина-Керзона потерпело поражение, и 24 января

1924 г. в Англии сформировалось правительство Макдональда, пришедшее к власти, благодаря поддержке либералов. Поражение консерваторов, интересовавшихся гораздо более колониальными и вообще заокеанскими вопросами, чем проблемами европейской политики, было одновременно победой сторонников ориентации на Европу. Раз, с точки зрения либералов и представителей рабочей партии, восстановление английской промышленности и торговли тесно связано с экономическим восстановлением Европы и, в первую голову, России и Германии, естественно, что новое правительство, на ряду с вопросом о признании России, должно было поставить вопрос о спасении Германии от «окончательного банкротства и разрушения», иначе говоря, о борьбе с французскими планами гегемонии во всей Центральной Европе.

Политика Пуанкаре по отношению к Германии имела основной задачей расчленение и разорение этой страны, как главного врага Франции на континенте. «Если придется выбирать между уплатой репараций и безопасностью Франции, я предпочитаю безопасность», заявил в палате Пуанкаре, желая этим сказать, что важнее превратить Германию в нищую и слабую страну, чем иметь в лице ее экономически сильного соседа, который был бы в состоянии уплатить Франции свои долги. Однако, эта политика Пуанкаре оказалась при данных условиях связанной с серьезными опасностями для Франции. Поскольку Германия в силу падения марки и экономической разрухи оказалась неспособной выплачивать репарации Франции, постольку последняя не имела средств для покрытия все растущего бюджетного дефицита, создавшегося в результате колоссальных расходов на свою сухопутную армию, первую по численности в мире, на свой воздушный флот, так же не имевший себе равного в мире, наконец, на дорого стоящую оккупацию Рура. Франция оказалась в финансовом и экономическом отношении недостаточно сильной, чтобы закрепить свою «блестящую» победу в Руре, победу над Германией и Англией. Победе в Руре французские империалисты придавали колоссальное значение.[1] «Мы победили на Марне в 1914 г., в Руре

[1] Вот как Андри Лорэн в «Revue des deux Mondes» от 15 августа 1923 г. подчеркивал значение оккупации Рура Францией и Бельгией.

«Именно здесь, на пересечении речных и сухопутных дорог, соединяющих Фландрию с Германией и Скандинавией, природа расположила под почвой неисчерпаемые угольные богатства. Рейнская Вестфалия, которую мы называем ныне Руром, по имени пересекающего эту область притока Рейна, является первым угольным бассейном в мире. Здесь в течение последних пятидесяти лет имперская Германия, созданная Бисмарком, глубоко пустила корни своей гегемонии. Здесь постепенно, особенно начиная с эпохи Вильгельма II, ее немецкие промышленники с помощью банков, имеющих отделения во всем мире, воздвигли свои картели, свои концерны, могучие сооружения горизонтальной или вертикальной концентрации, объединяющие угольную шахту или железный рудник с заводом, перерабатывающим сырье, с продажей и экспортом выделанного фабриката.

Много подозрительных организаций, много темных соучастников, из коих некоторых война ничему не научила, связались узами здесь на этом рурском

в 1923 г.», горделиво писал один из французских публицистов в «Revue des deux Mondes», сравнивая, таким образом, оккупацию Рура с Марнской победой, сыгравшей роль поворотного пункта в мировой войне. И пожалуй, что Рурская победа была еще «почетнее», чем Марнская, ибо в 1914 г. Франция при помощи Англии отбросила Германию от Парижа, теперь же Франция собственными силами победила и Германию и Англию, притом не в войне оборонительной на подступах к Парижу, а в войне наступательной за пределами самой Франции, на вражеской территории, на подступах к Берлину. Вот на что намекали между строк наемные писаки, воскурявшие фимиам Пуанкаре.

Однако, с самого начала Рурской экспедиции на горизонте стали появляться черные точки. В начале 1923 г., в начале рурской экспедиции, фунт стерлингов стоил 67 франков, к концу рурской затеи — 80 франков, т.-е. франк имел одну четверть своей стоимости. Начало 1924 г. увидело фунт стерлингов на высоте 87 франков, 18 февраля он стоил 100 франков, чтобы в половине марта дойти до 125 франков.[1]

Это катастрофическое падение франка, ударившее весьма ощутительно по французскому крестьянству и мелкой буржуазии, вызвало сильное недовольство среди широких масс населения политикой Пуанкаре, обещавшего нажимом на Германию и принудительным выкачиванием немецкого золота облегчить тяжесть налогов во Франции на покрытие колоссальных расходов по вооружениям и уплате процентов по государственному долгу. Крестьянин, мелкий буржуа, государственный чиновник, который рассчитывал, что франк подымется, так как Пуанкаре заставит проклятых бошей платить, вдруг увидел, что вся политика империалистов с их неумолчным бряцанием оружием привела лишь к новому повышению налогов, к росту государственного долга, к новым выпускам бумажных денег и к падению франка. Таким образом, 11 мая на выборах 1924 г. миллионы избирателей, голосовавшие во время предшествующей избирательной кампании за «национальный блок», т.-е. за Пуанкаре и Мильерана, отдали теперь свои голоса «левому блоку», руководимому Эррио.

угле. Отсюда именно экономическая гегемония Пангермании тяготела уже в 1914 г. над соседними нациями и ее планы распространялись на весь мир. Рур был арсеналом олигархии, которая вызвала войну 1914 г. и которая теперь, после разгрома немецких армий, пытается апеллировать к трибуналу международных финансистов...

Рур, лежащий на пересечении международных экспрессов и рейнских пакетботов, охвачен лихорадочной жаждой производить, продавать, давать заказы... Его история — история вчерашнего дня. Эта история творилась на вестфальском угле, подобно истории Пруссии в Германии, чисто прусскими методами феодальной иерархии и научной эксплуатации человеческого материала. Вот на этот-то страшный аппарат Бельгия и Франция, постоянно угрожаемые соседи, постоянно обманываемые кредиторы Германии, наложили свою руку».

[1] Наиболее обстоятельной работой на русском языке, посвященной финансам Франции, является книга Е. Преображенского: «Экономика и финансы современной Франции». Москва. 1926. Изд. Ком. Академии.

Между тем падение консерваторов в Англии (в январе 1924 г.) и образование «рабочего» правительства Макдональда, фактически отдавшего руководство внешней политикой страны либералам, обозначало, как мы указывали выше, отказ от политики ухода из Европы и, наоборот, неизбежность большего внимания со стороны правящих кругов к европейским делам. Таким образом, перед новым английским правительством встают с особой силой два вопроса: русский и рурский. Английская буржуазия оказывается вынужденной к разрешению этих вопросов не только в интересах расширения английской торговли в Европе путем восстановления потерянных рынков на континенте, но и в целях борьбы с французской гегемонией. Громадное влияние Англии в Европе в период, предшествовавший мировой войне, обусловливалось существованием на континенте двух враждующих военных союзов России и Франции, с одной стороны, центральных держав, — с другой, искавших тот и другой поддержки или, во всяком случае, благосклонного нейтралитета Англии в надвигающемся конфликте. И ныне, когда Франция оказалась самой могучей державой на континенте, не имеющей в Европе ни одного серьезного противника и, наоборот, имеющей союзников в лице держав Малой Антанты и Польши, английская либеральная партия находила необходимым в интересах восстановления некоторого равновесия на континенте не допустить окончательного ослабления Германии, в качестве необходимого противовеса Франции и, одновременно, привлечь Советскую Россию к участию в европейских делах. Дипломатический корреспондент либеральной «Дейли Ньюс», выражая удовлетворение решением рабочей партии признать СССР, указывал на то, что «некоторые круги» ожидают приглашения Англией советского правительства принять участие в переговорах о репарациях, при чем высказал следующее любопытное соображение: «То обстоятельство, что Россия не принимала участия в выработке Версальского договора, должно дать ей возможность сыграть более активную роль в будущей расширенной Лиге Наций».

Правительство Макдональда сформировалось 24 января 1924 г. и уже 1 февраля Макдональд известил советское правительство о признании де-юре и возобновлении дипломатических сношений между Великобританией и СССР.

Привлечение СССР к участию в европейских делах, в европейской торговле и политике должно было помочь не только ослаблению экономического кризиса и безработицы в Англии, но, равным образом, как явствовало из упомянутой статьи в «Дейли Ньюс» и как на это надеялись немногие английские либералы и члены рабочей партии, пересмотру Версальского договора, который осуждали даже такие люди, как премьер южной Африки генерал Смэтс, заявивший в своей речи 23 октября 1923 г. в Лондоне о международном положении, в частности, о репарационном вопросе:

«Дела зашли так далеко, что лишь быстрые и решительные действия могут спасти большую часть Европы от катастрофы. То обстоятельство,

что я являюсь одним из подписавших версальский договор, которому следует приписать нынешнее положение в Европе, тяжело отягощает мою совесть, несмотря даже на то, что одновременно с тем, как я подписал договор, я протестовал против него, предвидя бедствия, к которым он ныне привел».

«Экономическая структура Европы разваливается. Милитаристская горячка истощает все финансовые ресурсы. Несмотря на исчезновение германской армии, в настоящее время в Европе почти на $1^1/_2$ миллиона больше вооруженных людей, чем в августе 1914 г.

«Я хочу подчеркнуть со всей серьезностью, что положение, которое ныне создалось в Европе, частью вследствие мирного договора, частью независимо от него, приняло формы столь катастрофические, которых никто не мог в настоящем объеме предвидеть на мирной конференции. Мы теперь находимся в таком положении, которое делает не только невозможным выполнение важнейших пунктов мирного договора, но является серьезнейшей угрозой всеобщему миру.

«Пришло время для радикального пересмотра всего положения. Настала пора для созыва широкой конференции держав, преимущественно заинтересованных в репарационном вопросе. Ни репарационная комиссия ни совет Лиги Наций не могут решать данного вопроса с должным авторитетом. Сейчас уже идут переговоры о созыве подобной конференции».

Смэтс указал, что участие Америки в подобной конференции имеет первостепенное значение.

Перейдя затем к детальному обсуждению репарационного вопроса, Смэтс указал, что сумма в 6600 мил. фунтов стерлингов, принятая в качестве общего итога репараций репарационной комиссией в мае 1921 г., слишком высока и явно не может быть уплачена Германией. Если бы даже Германия сумела выплатить эту колоссальную сумму, то ей удалось бы это только за счет удешевления продукции, т.-е. понижения уровня материального благосостояния рабочих Германии до такой степени, которая сделала бы совершенно невозможным промышленное производство в других странах. Германии необходимо предоставить мораторий на 2 года, в течение которых Германия сумела бы реформировать свое финансовое хозяйство и бюджет. Коснувшись оккупации Рура, Смэтс заявил, что оккупация эта является основной причиной, препятствующей выполнению Германией ее репарационных обязательств. «С чисто репарационной точки зрения, — заявил Смэтс, — необходимо, чтобы оккупация Рура немедленно же была ликвидирована и чтобы все барьеры между рурской и рейнской промышленностью и остальной Германией были незамедлительно сняты. Британскому народу, без всякого сомнения, будет сделано предложение воспользоваться плодами рурской оккупации. Некоторые круги британских промышленников, страдающие от хозяйственной депрессии, могут

поддаться соблазну принять это предложение. Но мой совет таков: нам нечего делать в Руре. Если нам нужно иметь дела с Руром, то мы должны это делать обычным легальным путем, а не проникать в Рурскую область с заднего крыльца незаконной оккупации».

Другой опасностью, угрожающей Европе, Смэтс считает распад Германии. «Возможно, что Франция может относиться равнодушно к распаду Германии, но Англия и малые европейские государства, окружающие Германию, должны оценить распад Германии, как ужасное, непоправимое бедствие, подрывающее самые основы политической и экономической жизни в Европе и угрожающее последствиями, гораздо более серьезными, чем кто-либо может сейчас предвидеть».

В дальнейшей части своей речи Смэтс настаивал на необходимости усвоить по отношению к Германии благожелательную политику. «Если, — продолжал Смэтс, — Германия сделает последнее отчаянное усилие и обратится с призывом о помощи к победителям, я уверен, что наша великая империя, не колеблясь ни одной минуты, употребит всю силу своего дипломатического влияния для поддержки Германии и спасения ее от бедствий, которые будут гораздо более опасными для Европы и всего мира, чем развал России 6 или 7 лет тому назад».

Далее Смэтс перешел к вопросу о междусоюзных долгах, при чем заявил, что французские вооружения, сухопутные и воздушные, сильно тревожат британский народ. К тому же Франция раздает крупные суммы малым европейским государствам, окружающим Германию. «Поэтому,— подчеркнул Смэтс, — великодушие по отношению к Франции со стороны Англии и Америки в вопросе о долгах может иметь своим последствием еще более усиленную деятельность Франции в смысле субсидирования милитаристских сил на континенте». Вся пресса, за исключением «Морнинг Пост», приветствовала речь Смэтса.

Если речи, подобные произнесенной Смэтсом, могли находить горячий отклик в английской прессе при консервативном правительстве, тем более вопрос о пересмотре Версальского договора стал в порядок дня при правительстве Макдональда. Так, в речи, произнесенной в Беркли, министр внутренних дел Гендерсон заявил, что всякий, кому дорог всеобщий мир, должен настаивать на безусловном пересмотре Версальского договора как в смысле экономическом, так и в территориальном. «Версальский договор, — сказал Гендерсон, — определенно противоречит принципам, выдвигавшимся до заключения перемирия, на основании которых Германия сложила оружие. Договор превратил борьбу за освобождение народов в империалистическую войну. Он основан на том ложном предположении, что экономическое благосостояние некоторых стран может быть разрушено без последствий для экономического благосостояния других стран. Премьер теперь старается создать необходимую атмосферу для пересмотра договора, и я надеюсь,

что через всемирную конференцию или Лигу Наций, или той и другой вместе, будут предприняты шаги к выяснению вопроса о возможности возвращения к принципам, которые провозглашали покойный президент Вильсон и главы союзных правительств с 1915 до 1917 годов».

Консервативная печать, желая досадить рабочему правительству, подвергла жестокой критике заявления Гендерсона, которые она называла безответственными, хотя, как мы видели, генерал Смэтс в более резкой форме критиковал Версальский договор.

25 февраля 1924 г. в заседании палаты общин Ллойд-Джордж, который в своих речах и в своих статьях в 1922 — 1923 гг. куда резче, чем Гендерсон, атаковал французское правительство, обратился к премьеру с запросом по поводу речи, произнесенной Гендерсоном. Премьер ответил, что кабинет непричастен к этим заявлениям, и что правительство отвечает только за те заявления, которые были сделаны в его собственной политической декларации. Премьер добавил, что кабинетом не было принято никаких других решений, кроме таких, которые соответствуют сделанным им заявлениям, и что во взглядах правительства не произошло никакого изменения. По этому поводу в официозных кругах напоминали, что Макдональд в своей правительственной декларации сам поставил вопрос о переоценке международного положения и о пересмотре репарационного вопроса в связи с результатами работ комиссии экспертов.

Расшаркивания в дружбе с Францией не помешали Макдональду продолжать в более решительной форме борьбу, которую Ллойд-Джордж, Болдуин и другие государственные деятели Англии вели против попыток Франции вытеснить Англию из европейского континента и утвердить французскую гегемонию в Европе на развалинах Германии. С того момента, как английская буржуазия убедилась в невозможности собственными силами заставить Францию в ее политике по отношению к Германии и всей Европе считаться с интересами Великобритании, английская пресса начинает пропагандировать идею необходимости англо-американского сближения в целях установления порядка в Европе и борьбы с французским империализмом, более ненасытным и опасным, чем был империализм германский. Английская пресса, английские государственные и общественные деятели неустанно призывают великую трансатлантическую республику отказаться от политики невмешательства в европейские дела и во имя принципов международной справедливости и торжества идей Вильсона сказать свое веское слово и выступить вместе с Великобританией в области урегулирования европейских отношений. Благодаря влиянию Англии на некоторые группы американского капитала (группа Моргана), связанного с банками и промышленными предприятиями Великобритании, этот призыв не остается без отклика, когда обстоятельства складываются благоприятно для американского вмешательства.

Катастрофическое падение французской валюты в результате оккупации Рура и колоссальных расходов на вооружение как самой Франции, так и ее союзников — Чехо-Словакии, Польши, Юго-Славии и т. д., вынудило правительство Пуанкаре накануне выборов сделать заем у англо-американских банкиров на сумму 100 000 000 долларов. Кроме того, Франция получила кредит в 3 миллиона фунтов стерлингов у лондонского банка «Братья Лазард». Эта необходимость обращения за помощью к Англии и Америке для спасения франка от той участи, которой подверглась немецкая марка, обозначала конец французской гегемонии в Европе. Отныне, вопрос о Руре не мог уже быть решен по воле одной Франции. Последней пришлось пойти в Каноссу на лондонскую конференцию и предоставить право голоса в репарационном вопросе, а стало-быть, и в вопросе о Руре англо-американскому блоку. «Проект экспертов», представленный комитетом под председательством Дауэса 9 апреля 1924 г., явился попыткой со стороны Америки и Англии отнять у Франции монополию использования победы над Германией. Попытка эта оказалась удачной. На основании решений Лондонской конференции от 16 августа 1924 г. и ряда первостепенной важности законов, изданных германским правительством 30 августа 1924 г., предложения комиссии Дауэса (с небольшими поправками) сделались юридической реальностью.[1]

План Дауэса и Лондонская конференция, знаменуя формальный и фактический отказ Америки от политики «невмешательства» в дела Европы, явились вместе с тем победой английской дипломатии, которая тщетно до того в течение двух лет добивалась помощи со стороны Америки в воздействии на Францию, считавшую себя достаточно сильной, чтобы не считаться с одной Англией. Само собой разумеется, что С. Штаты отказались от политики невмешательства в европейские дела, находя для себя участие в решении репарационной проблемы очень выгодной аферой. Сам Дауэс, выставленный в награду за его роль в европейских делах кандидатом от республиканской партии на пост вице-президента С. Штатов, таким образом в речи от 19 августа 1924 г. определял значение осуществления своего проекта для судеб Америки:

«С проведением плана экспертов Франция, Англия, Германия, Италия, Бельгия и вся Европа начинают новую, мирную эру своей истории. Радость и упования вселятся в сердца их народов вместо прежней скорби. Перед всеми встанет уверенность в наступлении скорого благополучия. С. Штаты будут спасены от опасности сильной депрессии в промышленности и сельском хозяйстве, неизбежной в противном случае, как результат непрекращающегося хаоса и нищеты в Европе. Весь мир вступит в эпоху мира и благосостояния. Только

---

[1] О плане Дауэса в русской литературе см. Дм. Бухарцев. План Дауэса. Изд. Госплана СССР. 1925, стр. 94. Е. Варга. План Дауэса и мировой кризис 1924 г. Изд. «Моск. Рабочий». 1925, стр. 126. Карл Радек. Международная политика. Т. I. Госиздат. 1925, стр. 191.

на этом пути С. Штаты могут взять на себя почетную роль руководителя мира, которая определена им судьбой».[1]

«Изданные на основании плана Дауэса законы сводятся к следующим основным положениям.

1) Денационализация всей германской железнодорожной сети; передача всех государственных жел. дорог акционерному обществу на 40 лет.

2) Превращение Рейхсбанка в частный банк, абсолютно свободный от правительственного вмешательства и контроля. Лишение германского правительства эмиссионного права.

Монополия выпуска денег передается на 50 лет вышеназванному банку и осуществляется под контролем комиссара Антанты.

3) Таможенные пошлины и налоги на сахар, табак, пиво и алкоголь закладываются Антанте на неопределенное число лет. Все поступления от этих пошлин и налогов передаются налоговому комиссару.

Если поступлений от этих налогов не хватает, комиссару передаются и другие налоги.

На жел. дороги накладывается закладная в 11 миллиардов марок, на промышленность в 5 миллиардов. По той и по другой платится 6% годовых.

Итак, немцы платят победителям из трех источников; доходы от жел. дорог, прибыли промышленности, налоговые поступления».

Налоговым комиссаром назначен американец Оуэн Юнг, ставший во главе контрольного аппарата, созданного на основании лондонских постановлений (по плану Дауэса), аппарата, контролирующего всю экономическую жизнь и финансы Германии.

Основным условием осуществления плана Дауэса является ряд займов для Германии в общей сумме 17 миллиардов золотых марок, которые должны в продолжение ближайших лет быть мобилизованы на мировом рынке. Первый немецкий заем в сумме 800 миллионов золотых марок уже реализован в Америке и покрыт шесть раз. Раз Англия и Америка взяли на себя гарантию уплаты Германией репарационного долга и во главе контрольной комиссии над всем немецким хозяйством, над немецкими финансами, железными дорогами, таможнями и т. д. поставлен представитель Америки, ясно, что не может быть уже речи о гегемонии Франции над Германией. Наоборот, объединение капиталистического мира, достигнутое на Лондонской конференции на основе превращения Германии в колонию международного капитала, обусловлено в первую голову тем, что Франция, ослабленная политикой Пуанкаре, перестала быть решающим фактором в репарационном вопросе и таким сделался всемогущий англо-американский блок.

---

[1] См. «Коммунистический Интернационал» 1924, № 7, статью К. Радека «Лондонская конференция».

На Лондонской конференции Франция обязалась отменить таможенную линию между Руром и Германией, устранить взимание французами в Рурском бассейне налогов, одним словом, перестать хозяйничать в Руре. Более того, Франция обязалась эвакуировать Рур, при чем, в виде уступки, установлен максимальный годичный срок для полной военной эвакуации Рура. Однако, Макдональд в своем письме к Эррио настаивал на крайней желательности более раннего вывода французских войск из Рура.

Почему С. Штаты поддержали Англию в борьбе против планов Пуанкаре и Фоша присоединить Рур к французской территории?

Вскоре после занятия Рура, именно 25 января 1923 г., корреспондент «Manchester Guardian Commerce» писал: «Соединения обоих концернов (Стиннеса и Шнейдера) было бы достаточно, чтобы совершенно отстранить иностранный капитал от богатых залежей руды и угля в Европе и при содействии руководящих французских и германских промышленных групп, создать производственный и распределительный центр, еще не виданный в мире и куда более могущественный, чем американский стальной трест (U. S. Steel Corporation.[1] Американские металлурги не могли не видеть, что если Франция удержит в своих руках Рур, она, в конце концов, добьется объединения французских и германских трестов в один могущественный угольно-железный концерн, который начнет с объявления экономической войны Англии, чтобы затем начать борьбу против американской тяжелой промышленности. Кроме того, значительная часть американской буржуазии не могла допустить дальнейшего разорения Европы, которая до мировой войны поглощала 62% американского экспорта и могла бы теперь при восстановлении нормального порядка и прекращении хаоса, вызываемого в значительной степени разнузданной политикой французского империализма, предъявить спрос на американские капиталы. Так как Америка задыхается от золотого наводнения, перспектива размещения в Европе золотых излишков, на условии закабаления Европы, не могла не соблазнить многих американских финансистов. На основании решения Лондонской конференции, французское правительство обязуется эвакуировать Рур не позже августа 1925 г. Таким образом, Лондонская конференция обозначает поражение Франции в ее политике овладения Рейном и расчленения Германии. Лондонская конференция признала Германию в ее теперешних границах, включая Рур и Рейнскую область, единой хозяйственной территорией, цельным экономическим организмом, отвечающим всем имуществом, находящимся в пределах данной территории, за правильную уплату репараций. Следовательно, продолжение оккупации Рура, отторжение от Германии той или другой части ее территории является ударом, направленным против кредиторов Германии, т.-е. против Америки и Англии.

---

[1] См. П. Лапинский «Рурская победа», «Пуанкаре и развал Европы», стр. 100. Изд. «Красная Новь» 1924.

Падение кабинета Макдональда и образование снова в Англии консервативного правительства обозначает, как мы уже отмечали выше, усиление натиска Англии на восточные страны, предпочтение политики заокеанской перед политикой европейской. Снова особую остроту приобретут вопросы: Сингапурский (сооружение морской базы в Сингапуре), моссульский, персидский, индийский, египетский и т. д., и рурская проблема при всей своей важности покажется английским консерваторам такой проблемой, с разрешением которой можно еще повременить. Мы видели, что в период Лозаннских конференций во время наступления на Турцию в связи с вопросом о Дарданеллах, Моссуле и т. д. английская дипломатия фактически санкционировала оккупацию Рура французскими войсками, за официальную поддержку Францией английских планов на Ближнем Востоке. Возможно, что в ближайшем будущем немецкие территории снова будут разменной монетой, которой Англия уплатит Франции за поддержку в египетском или каком-нибудь другом заокеанском вопросе.

Таким образом, Лондонская конференция и принятие плана Дауэса отнюдь не обозначают крушения французских планов гегемонии в Европе путем политической и экономической оккупации левого берега Рейна и Рурской области, путем образования под руководством комитета французской тяжелой промышленности (Комите де Форж) мощного франко-германского угольно-железного концерна, который обеспечит военную и промышленную гегемонию Франции сначала в Европе, а затем во всем мире. Французская тяжелая промышленность и французская военная партия отнюдь не отказались от планов овладения Рейном, расчленения Германии и гегемонии в Европе.

Более того, французские империалисты мечтают о новых завоеваниях и территориальных расширениях вне Европы.

Однако, гарантийный договор и конференция в Локарно нанесли новый грозный удар французским планам гегемонии в Европе.[1] С одной стороны, как уже подчеркнул т. Сталин в своем докладе на XIV партийном съезде, Локарно явилось продолжением Версаля, т.-е. узаконением европейского «статус-кво», в силу которого Антанта есть победительница, а Германия — побежденная держава, обязавшаяся на Локарнской конференции примириться с потерей Эльзас-Лотарингии, Силезии, Данцигского коридора, Данцига и принять все меры для уплаты Антанте 130 миллиардов марок золотом. С другой стороны, Локарно является попыткой использования Германии против Советского Союза. Наконец, Локарнская конференция явилась победой английской дипломатии над французской в борьбе за гегемонию в Европе. Инициатором гарантийного договора была Франция, под влиянием которой Совет Лиги Наций от 2 октября 1924 г. принял пресловутый Женевский протокол, направленный против Германии. Основной смысл

---

[1] О гарантийном договоре см. П. Лапинский. Гарантийный договор и международное положение. Изд. газ. «Правда» 1925, стр. 75.

этого протокола заключается в создании англо-франко-бельгийского военного союза для обеспечения существующих после-версальских границ от всяких покушений со стороны Германии передвинуть пограничные столбы как на Востоке, так и на Западе. Женевский протокол был принят при активнейшем участии Польши и Чехо-Словакии. Во французской концепции гарантийный договор фактически обозначал военный оборонительно-наступательный союз всех держав Большой и Малой Антанты против усиливающейся Германии, против всяких попыток со стороны последней изменить в ближайшем будущем существующее в Европе «статус-кво». Обсуждение в германской прессе в течение 1924 — 1925 гг. вопросов об исправлении границ с Польшей, о присоединении к Германии немецкой Австрии,[1] о возвращении Германии ее довоенных колоний — все это давало французской империалистической прессе желанный повод трубить о том, что тень старой Германии с ее Weltpolitik (мировой политикой) снова грозно встает перед Европой и что необходимо военное соглашение всех участников Версальского договора для борьбы против Германии. Таким образом Франция добивалась заключения гарантийного договора не только для обеспечения франко-германских, германо-бельгийских, германо-польских, германо-чешских границ, но и для того, чтобы не допустить присоединения немецкой Австрии к Германии,[2] равно как возвращения последней хотя бы части ее прежних колоний. В сотнях статей французская пресса доказывала, что присоединение Австрии к Германии, увеличение населения последней на несколько миллионов человек и немецкое продвижение к Дунаю и Балканам нарушит равновесие в Европе и сделает Германию через несколько лет более сильной и опасной, чем она была до войны. «Наша безопасность», — писала «L'Europe Nouvelle» (Новая Европа) в передовой статье от 10 октября 1925 г., — «заключается в иммобилизации Германии в ее нынешних границах. Наоборот, с немецкой точки зрения, безопасность Германии заключается в обеспечении для нее свободы движения». Вот этой-то «свободы движения» для Германии, Франция ни в коем случае не желает допустить. «Неприкосновенность границ Рейна, неприкосновенность территориальных границ, установленных договором и статутом Лиги Наций, неприкосновенность франко-польского и франко-чешского договоров, гарантирующих австрийское «статус-кво» и Версальские границы обоих союзных с Францией государств — вот на что мы претендуем, — заявляло «Тан» в статье от 26 октября 1925 г. Частично обеспеченная против

---

[1] Кроме многочисленных газетных и журнальных статей по вопросу о присоединении немецкой Австрии посвящены в Германии и отдельные книги. Так, недавно (1925) в Лейпцигском издательстве Келле и Мейера вышла обстоятельная книга (212 стр.) проф. Шюсслера: «Wilhelm Schüssler. Oësterreich und das deutsche Schicksal». О характере этой книги можно судить по тому, что она посвящается «Всем тем, кто в немецком государстве, в Богемии и в Австрии верит в Великую Германию». Великая Германия должна объединить в одно целое все эти части рассыпанной храмины.

[2] «Союзные державы никогда не допустят присоединения немецкой Австрии к Германии», писало «Тан» в передовой статье от 26 июня 1925 г.

немецкой опасности военными договорами с Чехо-Словакией и Польшей, Франция считала эти «гарантии» недостаточными и добивалась заключения гарантийного договора между Англией, Францией и Бельгией. Именно этого договора добивалась Франция как на Версальской конференции, так и в Женеве. Против этого проекта восстали прежде всего английские доминионы, а затем само английское правительство, удачно воспользовавшееся позицией доминионов для проведения своей точки зрения, основной смысл которой сводился к тому, что гарантийный договор безопасности должен быть заключен не против Германии, а вместе с Германией. Англия перестала видеть своего главного врага в Германии и острие своей политики «окружения» и изоляции направила против СССР. Само собой разумеется, что эта постановка вопроса ставила на голову французскую точку зрения, ибо при всей своей враждебности к СССР империалистическая Франция желала третировать Германию, как «наследственного врага». Несмотря на тысячи статей французской прессы, указывавших на недопустимость английской трактовки вопроса о безопасности, английская точка зрения восторжествовала, и Франция оказалась вынужденной пойти в Канноссу и подписать в Локарно 16 октября 1925 г. гарантийный договор с Англией, Бельгией, Италией, не против Германии, а вместе с Германией. Тяжелый финансовый кризис во Франции и зависимость курса франка от лондонской и нью-иоркской биржи, затяжная война в Марокко и перспектива весенней кампании 1926 г., не говоря уже о зимней кампании 1925 — 1926 г., которую французские империалисты легкомысленно надеялись избежать, все это поставило империалистическую Францию в критическое положение, заставило французскую дипломатию подчиниться требованиям Англии, за спиной которой стояла Америка.

Несомненно, что главным, если не единственным, победителем на конференции в Локарно вышла Англия. Согласно статьи третьей гарантийного договора:

> «В виду принятых ими на себя в статье 2 обоюдных обязательств, Германия и Бельгия, а также Германия и Франция обязуются всё какого бы то ни было рода вопросы, которые могли бы их разделять и которые не могли бы быть разрешены путем обыкновенных дипломатических сношений, разрешать мирным путем, а именно следующим образом.
>
> «Все вопросы, в которых стороны находились бы в споре об их обоюдных правах, должны быть переданы судьям, решениям коих стороны обязываются подчиниться.
>
> «Всякий другой вопрос должен быть передан согласительной комиссии, при чем, если стороны не будут согласны с предлагаемым комиссией улажением вопроса, то вопрос должен быть внесен в Совет Лиги Наций, который принимает решение согласно статье 15 устава Лиги Наций».

Так как Франция, как и Германия, обязуется разрешать все спорные вопросы через Лигу Наций, которая является орудием в руках Англии, ясно, что последняя фактически получает право арбитра при всех возникающих между Германией и Францией, Германией и Бельгией, спорных вопросах. Более того, так как Англия и Италия взяли на себя роль пору-

чительниц (гарантов) за точное выполнение гарантийного договора, подписанного Германией, Бельгией, Францией, Англией и Италией, следовательно без согласия этих держав Франция не в праве принимать по отношению к Германии такие меры, как оккупация германской территории (в роде оккупации Рура), экономические репрессии и т. д. Отныне империалистическая Франция лишилась права решать самостоятельно свои конфликты с Германией.

В гарантийном договоре, подписанном в Локарно 16 октября 1925 г. между Германией, Бельгией, Францией, Великобританией и Италией, говорится лишь о неприкосновенности границ между Германией и Бельгией и между Германией и Францией (статья 1-я). Но так как, с одной стороны, Германия в Локарно подписала арбитражные договоры с Польшей и Чехо-Словакией, обязывающие ее все спорные вопросы с этими сторонами передавать на разрешение либо арбитражного суда, либо постоянной Палаты Международного Суда, так как, с другой стороны, Франция, не придавая серьезного значения этим арбитражным договорам, как действительному средству помешать Германии изменить свои границы с Польшей и Чехо-Словакией, подписала в Локарно с обеими последними державами специальные военные соглашения о защите интересов договаривающихся сторон против Германии, ясно, что Локарнские соглашения во всей своей совокупности устанавливают незыблемость Версальских границ Германии как на Западе, так и на Востоке и твердую решимость Франции вместе с Польшей и Чехо-Словакией защищать с оружием в руках неприкосновенность этих границ и на Востоке. Статья 1-я франко-польского соглашения, подписанного в Локарно 16 октября 1925 г., и тождественного соглашения с Чехо-Словакией, подписанного в тот же день, гласит следующее:

> **«В случае, если Польше или Франции пришлось бы терпеть от неисполнения обязательств, установленных сего числа между ними и Германией, в целях поддержания всеобщего мира, Франция и, взаимно, Польша обязуются, применительно к ст. 16 устава Лиги Наций, немедленно оказать друг другу помощь и поддержку, если таковое неисполнение сопровождается не вызванным обращением к оружию.**
>
> **«В случае, если бы Совету Лиги Наций не удалось, при принятии решения по вопросу, внесенному в него согласно названным обязательствам, побудить всех членов, кроме сторон в разногласии, принять его доклад, и когда на Польшу или Францию оказалось бы направленным не вызванное ими нападение, то Франция или, взаимно, Польша окажут друг другу применительно к абзацу 7 статьи 15 устава Лиги Наций, немедленную помощь и поддержку».** [1]

Таким образом, франко-польское и франко-чехо-словацкое соглашение не входят в общую систему гарантийного договора, иными словами, Англия (равно как Италия) не обязана защищать неприкосновенность границ Польши или Чехо-Словакии, в случае нарушения этих границ Германией, между тем как вся кампания французской прессы в период, предшество-

---

[1] См. «Локарнские соглашения». Перевод с офиц. текста изд. Литиздата НКИД, Москва, 1925.

вавший Локарно, была направлена к тому, чтобы побудить Англию принять на себя гарантию не только западных, но и восточных границ Германии, установленных Версальским миром.

Локарно не доставило особого удовольствия французским империалистам. Если некоторые французские газеты, в угоду Бриану и другим министрам, изображали результаты Локарнской конференции, как успех французской дипломатии, большая часть органов французской печати или оценивали пессимистически эти результаты или, по французскому выражению, «делали хорошую мину при дурной игре», т.-е. притворялись будто конференция доставила им полное удовлетворение.

Что касается «Тан» (французский официоз), в некоторых статьях, как, например, в статье Жака Барду от 8 декабря 1925 г., намекал, что для Германии Локарно является «началом» очевидно пересмотра Версальского договора, и своего рода «рычагом» очевидно для того, чтобы опрокинуть условия этого договора.[1]

Достижение последовательной эвакуации Рейнской области и Саарского бассейна, Силезии и «Данцигского коридора», таковы этапы нового пути, на который Германия, по словам Барду, намерена вступить, используя для этой цели Локарно.

Французская пресса совсем иначе, чем английская, оценивает значение Локарнской конференции, вызвавшей также восторженные отзывы почти во всех органах английской буржуазной печати.

Несомненно, что ядовитое острие гарантийного договора, подписанного в Локарно, направлено главным образом против СССР. Локарно — новый этап в английской политике окружения СССР и изоляции последней путем привлечения Германии в стан открытых врагов советского союза. Но вместе с тем, Локарно является победой Англии в борьбе с Францией за гегемонию в Западной Европе. С помощью гарантийного договора в английской концепции, восторжествовавшей в Локарно, английские империалисты выбили из рук своих французских соперников самое сильное оружие нажима на Германию, лишив Францию возможности решать один на один или в союзе с Бельгией свои конфликты с Германией. Примирится ли

---

[1] Точка зрения французских империалистов на значение Локарнской конференции вполне отчетливо выражена в статье полковника Ребула, который писал следующее в «Тан» от 23 октября 1925 г.: «Каков бы ни был результат Локарнской конференции, Германия, несмотря на все свои обещания, никогда не откажется от Данцигского коридора... Возвращение Данцигского коридора, пересмотр условий Версальского договора это лишь одна часть стремлений Германии. Немецкий национализм добивается присоединения Австрии к Германии... Пропаганда в пользу присоединения Австрии принимает в Германии колоссальные размеры. Этим вопросом занимается специально Мюнхенская академия, руководящая прямо или косвенно многочисленными немецкими организациями в Австрии, пропагандирующими идею присоединения последней к Германии»... Французские империалисты доказывают в тысячах газетных и журнальных статей, что Германия стремится к реваншу; как пишет «Тан», делая свои выводы из Локарнской конференции: «единственной, конкретной реальной гарантией мира является сильная армия, сильный морской и воздушный флот».

надолго империалистическая Франция с цепями, наложенными на нее в Локарно, в ее политике экспансии на европейском континенте, согласится ли, с другой стороны, Германия надолго отказаться от своего стремления к пересмотру восточных границ, к присоединению немецкой Австрии, к возвращению колоний — на этот вопрос ответит ближайшее будущее. Как бы то ни было, несмотря на все лицемерные пацифистские фразы Чемберленов, Брианов и их подголосков из II Интернационала о значении конференции в Локарно, как крупнейшего шага в обеспечении политики международного мира, Локарно не верстовой знак на пути к миру, а указательный столб, ведущий к войне не только против СССР, но и между самими участниками «мирной» конференции.[1]

ГЛАВА III.

Французская авантюра в испанском Марокко.

Борьба за Танжер и гегемонию на Средиземном море.

В течение периода, предшествовавшего мировой войне, Марокко играло, как характеризовали мы международное значение этой колонии в нашей работе «Борьба за Азию и Африку»,[2] роль кнопки электрического провода к торпеде, подложенной под Европу. Не раз казалось, что достаточно одного прикосновения к этой кнопке, чтобы вызвать взрыв мировой войны. В 1905 г., в связи с танжерским ударом (высадка Вильгельма II в Марокканском порту Танжере и предложение Делькассе ответить на эту демонстрацию мобилизацией французской армии); в 1908 году, в связи с инцидентом в Казабланке; наконец, в 1911 году, в связи с агадирским ударом (отправка в Агадир немецкого крейсера «Берлин») чуть-было не вспыхнула война между Францией и Германией. Во всех этих трех случаях английское правительство решительно становилось на сторону Франции и государственные деятели Англии открыто заявляли о твердом намерении Великобритании бороться всеми силами, не останавливаясь даже перед

[1] Эти строки были уже напечатаны, когда наша пресса опубликовала сообщение о подписании (24 апр. 1926 г.) в Берлине германо-советского договора о нейтралитете, договора, который, по справедливому замечанию т. Литвинова в его докладе на сессии ЦИК, в некоторой мере лишил Локарно его антисоветского жала. Локарнская конференция, как заметил т. Литвинов, не только не устранила, но даже не ослабила глубоких противоречий между крупными державами. «По вопросу о составе Лиги Наций заинтересованные державы не могли столковаться между собой и в результате проведение в жизнь локарнских конференций отложено на осень, и возможность соглашения осенью тоже поставлена под сомнение. Образование единого фронта, таким образом, расстроилось, по крайней мере, на время». (Из речи т. Литвинова на сессии ЦИК 24 апреля 1924 г.)

[2] См. собрание сочинений, т. III.

войной (речь Ллойд-Джорджа от 21 июля 1911 г.) против немецких планов относительно Марокко.

Ныне марокканский вопрос снова становится в порядок дня, с той разницей, что теперь идет уже борьба не между Францией и Англией, с одной стороны, и Германией, с другой, а между Францией, с одной стороны, Италией и Англией — с другой. Недаром либерал Кенворти ставит в английской палате общин вопрос: не намерено ли английское правительство «дружественно» вмешаться в вопрос о Марокко; недаром английский «Таймс» предвидит крупные международные осложнения в том случае, если французы проникнут в испанскую зону и останутся в ней; недаром и английские и итальянские газеты сообщают о том, что итальянское правительство собирается «выступить с решительным протестом против французского нашествия на испанскую зону и потребовать разрешения Марокканского вопроса на международной конференции».

Недаром, когда Чемберлен, носясь коршуном по Европе с проповедью крестового похода против Советского Союза, посетил в начале декабря 1924 г. французского премьера Эррио, а затем Муссолини, некоторые французские газеты отнеслись очень подозрительно к этому путешествию. В самом деле, неужели для разговоров об организации единого фронта против коммунистической заразы нужно было запираться с Муссолини за семью дверьми и шушукаться тайком от французов об опасности большевизма. Да ведь об этой «заразе», идущей от советской России, буржуазные воробьи открыто чирикают на всех крышах. Тут было что-то неладное с точки зрения французских империалистов. Очевидно, что Чемберлен шушукался с Муссолини не о большевистской, а о французской опасности, о необходимых мерах, которые могли бы помешать французам захватить Танжер, пользуясь поражением испанцев, и тем нарушить равновесие на севере Африки и во всем Средиземном бассейне. И недаром после посещения Чемберлена итальянская националистическая пресса с особой силой заговорила о французском Тунисе, о правах Италии на эту колонию, о трагическом положении 130 000 итальянцев под властью французов (речь Муссолини), о необходимости серьезных компенсаций Италии со стороны Франции, в случае разрешения французских территорий в Африке и т. д., и т. д. Очевидно, с целью получения соответствующих компенсаций, итальянская пресса подымает теперь вопрос о новой международной конференции по вопросу о Марокко.

Невольно вспоминается Международная Алжезирасская конференция по вопросу о Марокко в 1906 г. после танжерского удара, конференция, которая не предотвратила ни инцидента в Казабланке, ни агадирского удара и не помешала мировой войне, в происхождении которой Марокканский вопрос сыграл не малую роль.

Чтобы добиться своей цели — овладения Танжером, французские империалисты первоначально поддерживали восстание в Испанском Марокко, смотря сквозь пальцы на контрабандный провоз оружия, снаряжения и громадного количества съестных припасов из плодородной области Уэрга

Составлена Л. Де-Лазари.

Г.Б.

через французские границы в район восстания. Французские империалисты воспользовались борьбой между Испанией и Абд-эль-Керимом для расширения своей «зоны» путем захвата территории в области Риффа, что вызвало энергичный протест со стороны Абд-эль-Керима. Согласно корреспонденции в «Таймс» из Танжера от 10 января 1924 г., вождь восставшего Риффа заявил, что ему нет дела до испано-французского договора, коим Марокко разделено на две зоны влияния. «Правительство Риффа никогда не признавало законности разделения Марокко на зоны влияния», заявил Абд-эль-Керим. По сообщениям английской и французской прессы, именно в связи с подобными заявлениями Абд-эль-Керима и громадным впечатлением, какое победы восставшего населения «испанской зоны» произвели на все Марокко, маршал Лиотей прервал в январе 1925 г. свое пребывание в метрополии и поспешил в Марокко. Само собой разумеется, что факт поражения империалистической Испании с ее 25 миллионами населения и 200 000 армией в борьбе с маленьким народцем, численность которого, включая женщин, детей и стариков, не превышает 600 000, не может пройти бесследно для населения всей Африки и, рано или поздно, отзовется на усилении национально-революционного движения в Алжире, Тунисе и французской части Марокко. Недаром генерал-губернатор французского Марокко маршал Лиотей в своем интервью, опубликованном в «Таймс» от 9 ноября 1924 г., указывал на связь Абд-эль-Керима с Мустафа-Кемалем, победы которого над греками нашли свое отражение даже в таком отдаленном от Малой Азии углу Африки, как Испанское Марокко.[1] Генерал Лиотей подчеркнул, что все население Северной Африки с напряжением следит за борьбой малочисленной и плохо вооруженной армии туземцев против многочисленной и вооруженной всеми усовершенствованиями современной техники испанской армии и делает из факта непрерывного отступления испанских войск перед натиском туземцев выводы, крайне опасные для всех государств, имеющих интересы в мусульманском «мире», и, прежде всего, для Англии и Франции. Лиотей предостерегал, что если Испания потерпит окончательное поражение в борьбе с восставшими туземцами, «анархия» и дух возмущения перебросится далеко за пределы испанской зоны. Только «политическое единство» и самая искренняя совместная деятельность Англии и Франции, — закончил свое интервью Лиотей, — могут воспрепятствовать роковым результатам испанского поражения.

В чем же должно заключаться это «политическое единство» и «искренняя совместная деятельность Англии и Франции», о которых очень красноречиво говорил мароккский генерал-губернатор маршал Лиотей? В признании Англией французского лозунга «неделимого Марокко» под верховной властью мароккского султана, жалкой марионетки в руках французского генерал-губернатора. «Миссия покончить с восстанием в испанском Марокко и потушить здесь

[1] Многие французские газеты и в том числе «Тан» не раз писали о мнимой связи Абд-эль-Керима с «большевистскими агентами».

костер, искры от которого могут зажечь пожар во всем мусульманском мире», должна быть возложена на Францию. Недаром французская колониальная печать подчеркивала, что испанское Марокко превратилось в кусок раскаленного железа, которое жжет руки испанцам, только кончиками пальцев удерживающим теперь железо в своих руках. Скоро это раскаленное железо выпадет из рук испанцев и тогда кто-нибудь другой должен будет взять на себя задачу охладить это раскаленное железо. Французская печать подчеркивала, что борьба с марокканцами не по силам Испании не только в военно-стратегическом, но и в финансовом отношении, и цитировала из книги бывшего испанского премьера Романонеса обстоятельные данные о расходах Испании по борьбе с туземными повстанцами. Военные расходы Испании в Марокко за десятилетие 1913 — 1923 гг. выражаются в следующих цифрах:

1913	101 088 532	песета.
1914	130 599 643	»
1915	131 376 255	»
1916	125 797 203	»
1917	101 423 106	»
1918	109 075 821	»
1919 — 1920	128 025 550	»
1920 — 1921	169 487 236	»
1921 — 1922	495 628 042	»
1922 — 1923	372 820 192	»
1923 — 1924	311 306 244	»
	1 893 523 580	песет.

Расходы за 1924 — 1925 г. значительно превосходят расходы за предшествующие годы. Таким образом ясно, что дальнейшее продолжение марокканской авантюры грозит Испании полным финансовым банкротством. Водворение порядка в Марокко может быть по силам, доказывают французские империалисты, только такой державе, как Франция, располагающей на севере Африки громадной армией и далеко более богатой, чем Испания. И французские империалисты не ограничиваются этими утверждениями, но принимают уже давно целый ряд военных мер для осуществления своих планов, равно как ведут ярую газетную кампанию для соответствующей обработки общественного мнения.

С того момента, когда стало очевидным, что испанская армия, разбитая в целом ряде сражений, не в состоянии бороться с повстанцами Абд-эль-Керима — вождя арабских племен, восставших против испанского ига — французская буржуазная пресса забила в набат, указывая на неизбежность вторжения победоносных риффов во французское Марокко и на необходимость принятия соответствующих мер предосторожности. Уже в декабре 1924 г. «Тан» (в статье от 24 декабря) предсказывал неизбежность «вторжения» Абд-эль-Керима во французское Марокко и указывал на опасные последствия поражения громадной, вооруженной с ног до головы, испанской армии в борьбе с кучкой плохо вооруженных риффов.

Идя навстречу им же самим инспирированным советам желтой прессы, генерал-губернатор Марокко маршал Лиотей, уже с конца 1924 года, предпринял целый ряд «оборонительных» мер на границе испанской зоны, сосредоточил здесь большую армию и, чтобы провоцировать риффов к наступлению и этим придать своим агрессивным действиям характер обороны французской границы против ничем не вызванного нападения, начал с того, что прекратил доступ съестных припасов из плодородных частей Марокко в истощенную длительной войной страну риффов. Пограничным отрядам был дан приказ строго следить за тем, чтобы ни один риффянин не мог проникнуть во французскую зону в поисках продовольствия. Эта «голодная блокада», на которой мировые хищники достаточно напрактиковались в их борьбе с Советской Россией, вынудила риффов вооруженной силой продвинуться к французской «пограничной зоне», перейти последнюю рассыпным строем, обогнув французские посты, и начать борьбу, буквально, за кусок хлеба, возбуждая при этом мятеж против французских поработителей среди племен, стонавших под французским игом. Некоторые французские газеты, восхваляя политику Лиотея, в то же время отнюдь не скрывали истинных мотивов наступления риффов. Так, «Тан» от 23 мая 1925 г. печатает корреспонденцию из Феца, в которой мы читаем следующие строки: «Абд-эль-Керим, вынужденный безвыходным положением Риффа, всеобщим голодом в стране, вызванным недостатком припасов, не мог не начать наступления. Естественно, что Абд-эль-Керим обернулся в сторону среднего бассейна реки Уэрги, долины которой плодородны и являются, по выражению Абд-эль-Керима, житницей Риффа». Итак, даже по признанию корреспондента «Тан», Абд-эль-Керим был поставлен «в такое положение, что ему пришлось перейти французскую границу, вдоль которой Лиотей в течение последних месяцев установил» около 50 блокгаузов. Этого только и нужно было французскому правительству. Теперь можно было сказать, что риффы во главе с Абд-эль-Керимом начали «завоевательную войну», и что Франция предпринимает исключительно «оборонительные» действия в интересах цивилизации против варваров.

Таким образом началась война на широком фронте («Тан» в статье от 16 мая определяет протяжение этого фронта в 200 — 300 километров).

Принимая во внимание, с одной стороны, сосредоточение громадных французских сил с тяжелой артиллерией, эскадрильями аэропланов и т. д. на границе испанской зоны, с другой стороны, истощение риффов в результате многолетней войны с более чем 100-тысячной, постоянно обновлявшейся свежими резервами испанской армией, далее возможность нового наступления испанцев, можно опасаться, что надежды французских империалистов оправдаются, и что французские войска не только отбросят умирающих от голода риффов от плодородной долины области Уэрги, но и продвинутся за пределы пограничной зоны вглубь страны риффов. Таким образом, дьявольский план «голодной блокады» (не удавшийся по отношению к Советской России) будет блестяще выполнен по отношению

к маленькому геройскому народцу, энергии которого не могли сломить ни танки, ни пулеметы, ни аэропланы испанцев, и маршал Лиотей вплетет новые лавры в свой венок «непобедимого» полководца.

Однако, удовлетворятся ли французские империалисты только военными победами? Когда вопрос с военной точки зрения будет разрешен. «придется искать», говорит «Тан» в статье от 16 мая 1925 г., «разрешения проблемы в другой плоскости». Французский официоз этим замечанием указывает на необходимость использования предстоящих «военных успехов французского оружия для соответствующих дипломатических переговоров» с державами, заинтересованными в Танжерском вопросе.

Зачем, собственно, французским империалистам нужно испанское Марокко? Недавно испанский диктатор генерал Прима де-Ривера в своей речи в Севилье указал, что как в настоящий момент, так и никогда в будущем владение Марокко не в состоянии оплатить все жертвы деньгами, которых потребует удержание области в подчинении,[1] и что с «экономической точки зрения» Марокко Испании не нужно. Прима де-Ривера дал понять, что только-де «международные обязательства» заставляют Испанию держаться за сохранение своего господства в узкой прибрежной полоске, оставшейся в руках испанских войск. Очевидно, Прима де-Ривера намекал на обязательства, возложенные на Испанию Англией в интересах охраны подступов к Танжеру, а, стало-быть, и к Гибралтару.

Франция до сих пор очень слабо эксплуатирует громадные естественные богатства своих колоний. Поразительный факт, что даже в начале XX века Франция не вывозила из своих колоний ни одной тонны хлопка. Следовательно, в этом отношении Франция шла далеко позади царской России, которая все же сумела превратить Туркестан в резервуар, откуда наши текстильные короли извлекали миллионы пудов сырья (хлопка).

Чего же ищут французские империалисты в испанском Марокко? Французскую политику можно понять только под углом англо-французского конфликта и подготовки к будущей войне, с точки зрения той борьбы за гегемонию между Англией и Францией, на которую мы указывали выше.

---

[1] С этим заявлением испанского диктатора, от которого последний отказался после заключения военного союза против риффов с Францией, интересно сопоставить речи Вандервельде (1926 г.) о том, что Европе нужно готовиться к отказу от колоний, хотя тут же Вандервельде оговорился, что «немедленный отказ от колоний явился бы худшей катастрофой». Эти речи деятелей II Интернационала обусловливаются тем очевидным фактом, что не только сверхколониальная прибыль, но порой и прибавочная стоимость, выколачиваемая из трудовых масс метрополии (как это безусловно имеет место по отношению к Испании, а в известной мере и Франции), все более и более поглощается колоссальными расходами на аппарат насилия для борьбы с все разрастающимся революционным движением в Марокко, Тунисе, Египте, Сирии, Индии, Китае и т. д.

На ряду с планами овладения Рейном и расчленения Германии в целях утверждения французской гегемонии в Европе французские империалисты преследуют план «округления» своих владений в северной Африке путем захвата Танжера и испанской части Марокко, в интересах завоевания французской гегемонии в западной части Средиземного моря. Оба эти плана теснейшим образом связаны между собой. Пока Англия господствует на великой военно-морской средиземной дороге и держит в своих руках Гибралтар, эти ворота Средиземного моря, сильнейшую морскую крепость, которую Англия собирается превратить и в самую сильную авиационную базу в мире, — до той поры Англия имеет возможность в любой момент отрезать Францию от всех колоний последней, как азиатских, так и африканских, и не допустить переброски цветных французских войск в Европу. Чтобы подорвать английскую гегемонию на Средиземном море и захватить господство в этих водах в свои руки, французские империалисты упорно стремятся к овладению Танжером, переход которого в руки Франции сведет к нулю или, во всяком случае, значительно ослабит значение Гибралтара.[1]

Ясно, что несмотря на все красноречивые увещевания Ляотеев и других французских империалистов, Англия добровольно не согласится допустить внедрение французов в «испанскую» зону влияния. Если Ллойд-Джордж убеждал испанское правительство после поражений 1921 г. оставить Марокко, то, конечно, не для того, чтобы отдать Марокко французам, а наоборот, чтобы самим англичанам забрать испанскую зону. Правда, испанское Марокко, само по себе, не нужно ни Англии, ни, тем более, Франции, которая не знает, что ей делать со своими собственными безграничными подпочвенными богатствами, но здесь, как нельзя лучше, оправдывается положение Ленина «для империализма характерно стремление к захвату земель не столько прямо для себя, сколько для ослабления противника и подрыва его гегемонии».

Перефразируя известное изречение русских империалистов в эпоху царизма: «Чем ближе мы будем в Азии к индийским границам Англии, тем сговорчивее будет Великобритания по отношению к нам в Европе», французские империалисты могли бы выразить свою точку зрения в словах: «чем ближе мы будем в Африке к Англии (т.-е. к Танжеру и Гибралтару), тем сговорчивее будет Англия к нам в Руре и на всем европейском континенте».

Возможно, что Англии также придется примириться с захватом французами области Риффа и Танжерской позиции, как примирилась она в 1904 г. с необходимостью предоставления Франции свободы действий

---

[1] О значении Танжера, как противовеса Гибралтару, см. нашу работу «Борьба за Азию и Африку». Собрание сочин. т. III. См. также В. А. Гурко-Кряжин. «Послевоенные мировые конфликты». «Московский Рабочий», 1924.

в Марокко, а в 1923 г. в таком важнейшем в стратегическом и экономическом отношениях районе, как Рур. Будучи вынужденной пойти на эти уступки, английская дипломатия будет утешать себя расчетом, что Франция так же обожжет себе руки в испанском Марокко, как она обожгла их в Руре, и что неудача в области Риффа может поколебать устои французского могущества на всем севере Африки и подорвать окончательно финансы Франции.

Эти надежды английской буржуазии ясно высказал Ллойд-Джордж в последней своей статье, перепечатанной европейской и американской прессой, в которой он сказал: «Франк не выдержит одновременной войны с Гинденбургом и Абд-эль-Керимом».

Многие французские буржуазные деятели предчувствуют всю опасность дальнейшего расширения французской зоны в Марокко. Вот почему на ряду с голосами представителей колониальной французской партии в пользу создания англо-французского блока для борьбы против опасности восстания мусульманских колоний, население которых взволновано теперь, с одной стороны, победами риффов (марокканцев) над испанцами, а с другой стороны — событиями в Египте, — раздаются голоса «деловых кругов» в пользу сугубо осторожной политики, чтобы не попасть на удочку английской провокации, в ловушку, подставленную британской дипломатией.

Первая точка зрения, точка зрения необходимости нового соглашения с Англией на почве нового раздела сфер влияния («весь Египет, включая Судан — Англии, все Марокко, включая Рифф — Франции») подчеркивается особенно в органе правых «Аксион-Франсез», в органе торгово-промышленных кругов — «Журнэ Эндюстриэль» и в органе Клемансо «Омм либр». Интересно отметить, что «Журнэ Эндюстриэль» подчеркивало, что прибытие французского посла в Москву усиливает-де позицию Франции в ее будущих переговорах с Англией по данному вопросу.

Орган беспартийных деловых кругов «Энформасион», влиятельнейшая финансовая газета, считая желательным франко-английское сотрудничество в Азии, Турции и Северной Африке, предостерегает против возможного вовлечения Франции в невыгодную сделку. Этой сделкой явилось бы молчаливое одобрение английских действий в Египте, взамен предоставления Франции свободы действий в области Риффа (Марокко). «Эта область, — говорит газета, — является «осиным гнездом», вокруг которого лучше поставить стражу, чем войти в него».

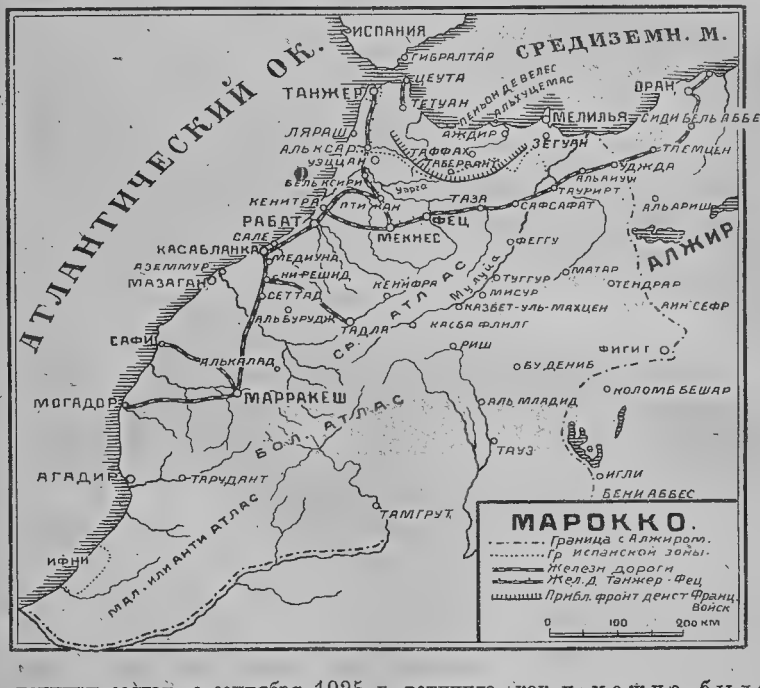
Испанское Марокко с ее полунищим, малочисленным, плохо вооруженным населением превратилось в кусок раскаленного железа, которое Испания со всей ее 200-тысячной армией уже не в состоянии держать в своих обожженных до костей руках. Скоро вся северная Африка с Алжиром, Тунисом, французским Марокко, Египтом, вся Азия с Персией, Индией, Афганистаном, Китаем превратится в одну гигантскую глыбу раскаленного металла, от прикосновения к которому расплавится все оружие между-

народного капитализма. Тогда будет перебит позвоночный хребет империализма и, под напором революционных масс Европы и Америки, рухнут устои прогнившего строя.

Война с риффами и ее перспективы.

I. Иностранные и русские военные писатели о Франко-Риффской войне.

Геройская война риффов против стервятников империализма, бросивших против маленького народца, защищающего свою независимость, сотни тысяч вооруженных всеми усовершенствованиями современной



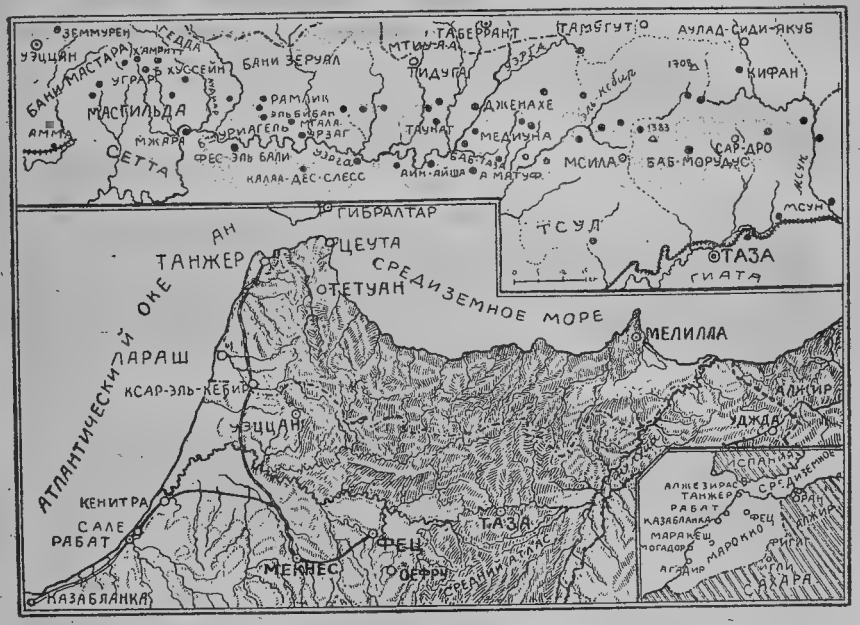
техники солдат, с сентября 1925 г. вступила, как и можно было предвидеть,[1] в критическую фазу. Атакованные с флангов и с тыла войсками, с одной стороны, самой сильной военно-сухопутной державы в мире — Франции, с другой, — Испании, способной мобилизовать до

[1] См. нашу статью «Французская авантюра в Марокко» «Новый Восток» № 8—9, а также прекрасную работу М. Мирского «Европейские цивилизаторы и Марокко», Изд-во «Военный Вестник». М. 1925 г.

150 000 солдат, наводненные океаном железа и огня, атакуемые танками, преследуемые огнем тысяч пулеметов, настигаемые в своих прикрытиях за скалами или земляными окопами новоизобретенными гранатометами, выбрасывающими гранаты на 600 метров, т.-е. в 4 раза дальше, по сравнению с ружьями-гранатометами, применявшимися в мировой войне, выслеживаемые аэропланами, обнаруживаемые даже издали наблюдательными шарами, — мужественные риффские пехотинцы и повстанцы французской зоны отступили перед натиском многочисленного и по последнему слову военной техники вооруженного противника и покинули с таким трудом завоеванные позиции, чтобы не быть окруженными со всех сторон и иметь возможность в более благоприятных условиях продолжать столько лет ведущуюся борьбу.

В течение периода с апреля по август 1925 года, когда, даже по признанию корреспондента «Тан» Режинальда Канна, каждый день в войне с риффами был отмечен падением какого-нибудь французского поста, переходом на сторону Абд-эль-Керима того или другого племени французской зоны, выигрышем в пользу риффов новой территории и отступлением французских отрядов на «заранее приготовленные позиции», и когда французская печать замалчивала все эти поражения, многие органы немецкой националистической прессы раздували значение этих неудач французской армии. Многие патентованные немецкие военные специалисты, «умудренные опытом мировой войны», доказывали неизбежность скорого падения Феца, Тазы и других опорных пунктов французского могущества в Марокко, а стало-быть, и во всей Северной Африке. Понятно, в каких целях немецкая и австрийская, отчасти английская желтая пресса опубликовывала сенсационные сведения о близости падения Феца, Тазы и т. д. Совершенно иначе оценивали конечный исход победоносного первоначального наступления Абд-эль-Керима наши военные писатели, при всем их горячем сочувствии делу маленького народа, геройски борющегося за великое дело освобождения своей страны от надвигающегося ига мирового империализма. Достаточно было читать статьи Лангового и других в «Военном Вестнике» и в «Войне и Революции», статьи Иоффе в «Красной Звезде», цитированную выше замечательную брошюру Мирского, чтобы убедиться в том, насколько наши военные специалисты лучше учли положение на театре действий в Марокко, чем авторитетнейшие немецкие и австрийские военные писатели, порой строчившие свои статьи попросту в угоду публике и редакциям, заинтересованным в увеличении тиража своей газеты. Вспомним, что во время англо-бурской войны 1899 — 1902 гг. многие немецкие, равно как и некоторые французские и русские, военные специалисты раздували значение бурских побед и доказывали неизбежность разгрома могучей Великобритании в борьбе с крошечными бурскими республиками. Мы и тогда не придавали значения этим писаниям генералов и штабс-капитанов от военной науки и, как и в наших докладах, читанных в Кишиневе, так в статьях и брошюре «Что доказала англо-бурская война» (Одесса, 1901 г.), доказывали, что англи-

чане, в конце концов, победят буров, и последним не удастся отстоять свою независимость. В самом деле, в борьбе буров с англичанами роль решающего фактора в пользу Южно-Африканских республик могло бы сыграть только активное выступление международного и, прежде всего, английского пролетариата, как теперь такую роль в пользу риффов может сыграть лишь революционное выступление французского и испанского пролетариата. Но в эпоху



Линия фронта в Марокко в 1925 г.

англо-бурской войны на активное выступление английского пролетариата против клики империалистов, во главе с Чемберленом и Сесилем Родсом, нечего было рассчитывать, а между тем все надежды президента Трансваальской республики, старого Крюгера, на вмешательство Германии, Франции и России, надежды, подогреваемые всеми этими лживыми статьями в русской, немецкой и французской прессе не были ни на чем основаны и исходили из полного непонимания международного положения и взаимоотношений между империалистическими державами. Германское правительство еще до войны ответило на все упования буров на немецкую поддержку отправкой знаменитой телеграммы Вильгельма II Крюгеру, русское и французское правительства даже и

этого не сделали. Оба последние правительства очень удачно использовали как приветственную телеграмму Вильгельму II, так и англофобский тон своей собственной печати, чтобы подчеркнуть перед английским правительством свою собственную корректность и значение своего нейтралитета, который они всеми силами обещали сохранить, несмотря на давление «общественного мнения», требующего-де вмешательства в пользу буров. Само собой разумеется, что такая «корректность», такой доброжелательный нейтралитет со стороны французского и русского правительств требовал компенсации. Именно в период англо-бурской войны был заложен фундамент «англо-французского сердечного соглашения», несмотря на англофобский тон французской прессы.[1] Период, непосредственно следовавший после окончания англо-бурской войны, характеризуется авторами французских и английских работ по международной политике как период англо-французского сердечного соглашения (см., например, известную книгу французского писателя Лемонона «L'Europe et la politique britanique» («Европа и английская политика»).[2]

Если в период англо-бурской войны враждовавшие с Великобританией правительства использовали эту войну лишь в своих империалистических целях, тайно подстрекая правительство южно-африканских республик к дальнейшему сопротивлению лживыми обещаниями помощи и ведя одновременно соответствующие переговоры с Англией, тем более в современной обстановке риффам нечего рассчитывать на международные осложнения, которые облегчили бы их положение. Самое большее, что сделает Англия, это окажет некоторую помощь риффам, смотря сквозь пальцы на контрабандный провоз оружия из Англии в Рифф. Таким образом, единственная надежда на помощь извне — в поддержке французского и испанского пролетариата.

Даже наблюдатель, мало разбирающийся в военных вопросах и в карте данного театра войны, не мог бы преувеличивать значения победоносного, в первый период войны с французами, наступления войск Абд-эль-Керима по направлению к Фецу и Тазе. В современной войне наступающая армия никогда не бывает так близка к поражению, как именно в момент, когда она приближается к последнему этапу, к конечному пункту своего движения, именно к центральной, узловой и военно-стратегической и экономической базе армии противника. Исход германского наступления на Париж, деникинского — на Москву, нашего — на Варшаву служит достаточной иллюстрацией этого положения. Период наполеоновских походов или немецких в эпоху австро-прусской и франко-германских войн давно отошел в область преданий.

---

[1] Для характеристики этого тона французской прессы можно сослаться на процесс, возбужденный по требованию английского правительства против одного сатирического французского журнала, изобразившего английскую королеву в очень неприличном виде (королеву по обнаженной части тела сечет бур).

[2] Часть этой книги вышла на русском языке в библиотеке Ротштейна: «Очерк истории англо-французских отношений».

II. Провокация французских империалистов.

Однако, не следует думать, будто Абд-эль-Керим, этот великий государственный деятель и даровитейший полководец, этот человек, лишенный авантюризма, настоящий вождь народных масс, с легким сердцем, с надеждой на верную победу, перешел границу французской зоны и бросился на Фец и Тазу, как Деникин на Москву, или немецкие генералы на Париж. В своих выступлениях среди своего собственного народа, в своих интервью с представителями иностранных держав Абд-эль-Керим неоднократно подчеркивал военную и культурную мощь Франции, вдесятеро более сильной, чем Испания. Будучи прекрасно осведомлен о настроении многих марокканских племен, живущих во французской зоне и ожидающих лишь первого сигнала, чтобы поднять оружие против поработителей, Абд-эль-Керим, тем не менее, не считал данный момент удобным для выступления против французов и ограничивал свою задачу на ближайшие времена стремлением добиться независимости риффского государства.

Однако, эта чисто оборонительная политика Абд-эль-Керима не входила в планы генерал-губернатора Марокко, маршала Лиотея, одного из главных агентов металлургической фирмы Шнейдера, действующей в Марокко через посредство фирмы «La Compagnie Marocaine» (Марокканская компания), равно как одного из важнейших проводников политики французских банков: «Марокканского государственного банка» (Banque d'Etat du Maroc), «Алжиро-тунисского земельного банка» (Crédit Foncier d'Algerie et Tunisie), «Марсельского кредитного банка» (La Société Marseillaise de Crédit) и т. д. Нужно было заставить Абд-эль-Керима отказаться от чисто оборонительной политики по отношению к Франции и принудить его к наступлению, дабы взбудоражить французское «общественное мнение», более заинтересованное франко-германскими отношениями, вопросами о Руре, рейнской границе, женевским протоколом, гарантийным договором и т. д., чем расширением французского влияния в Марокко. Вся политика Лиотея и всей клики колониальных империалистов и была направлена к тому, чтобы заставить Абд-эль-Керима перейти в наступление и вторгнуться во французскую зону. Выше мы указывали, каким образом шайке французских империалистов удалось осуществить этот план. Чтобы провоцировать риффов к наступлению, маршал Лиотей начал с того, что прекратил доступ съестных припасов из плодородных частей Марокко в истощенную длительной войной страну риффов, и отрезал последних кордоном пограничных постов и блокгаузов [1] от среднего бассейна реки Уэрги, плодородные долины которой являются, по словам Абд-эль-Керима, житницей Риффа. После этого риффам под угрозой, в случае осуществления французского плана, голодной смерти пришлось перейти в наступление и начать решительные

[1] В течение 1924 г. было воздвигнуто 63 блокгауза с небольшими гарнизонами в каждом на фронте в 200 километров.

действия вплоть до попытки овладения Фецом и Тазой. Наступление Абд-эль-Керима воочию обнаружило, во-первых, недовольство многих марокканских племен французской зоны игом III республики и готовность при первом удобном случае поднять восстание против поработителей; во-вторых, ненадежность пресловутых, столь прославленных сенегальских батальонов и других цветных войск (малгашских) в борьбе с риффами. Уже Режинальд Канн в своей корреспонденции в «Тан» от 7 августа 1925 г. подчеркнул, что цветные войска, мобилизованные в числе пятнадцати батальонов из Алжира и Сенегала для действий против повстанцев и отрядов Абд-эль-Керима, оказались неспособными сражаться с таким грозным противником, каким являются риффы, и поэтому пришлось в первый период войны всю задачу наступательных действий возложить на иностранный легион, на пять французских батальонов (зуавы и колониальная пехота), на марокканских стрелков и т. д. Малая активность сенегальских батальонов в войне с риффами и повстанцами французской зоны, безуспешность их атак против неприятеля объясняется, прежде всего, теми сдвигами, которые со времени мировой войны произошли в психике и миросозерцании значительной части черного населения французской Африки и значительно обесценили роль цветной армии, как пушечного мяса, пригодного в руках французских империалистов для каких угодно целей. Уже до мировой войны мы доказывали всю фантастичность французских проектов создания многочисленной негрской армии (см. «Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути». Собрание сочинений, т. II). В недавно вышедшей нашей работе «Французский империализм в послеверсальский период» мы отметили ряд фактов, свидетельствующих о «большевизации» цветной армии, о разложении морали негрских солдат, и указывали, что в скором времени пресловутая «черная армия» станет самой ненадежной частью французской армии. События на театре военных действий в Марокко лишний раз подтверждают это положение. Более того, несомненно, что геройская борьба риффов против французского и испанского империализма не пройдет бесследно для всего цветного населения французской Африки и еще более, чем мировая война, будет содействовать революционизированию как всего черного населения этой части света, так и в особенности самой черной армии.

Как бы то ни было, вторжение Абд-эль-Керима во французскую зону, сопровождавшееся восстанием Бени-Уриагаль, Бени-Зеруа, Мтиуа, Сенаджа, Руна, Бени-Мегильда Джебалла, Бранес, Тсул [1] и других марокканских племен, равно как многочисленными случаями «деморализации» цветных войск, пришлось, как нельзя, на руку сторонникам энергичной

[1] Именно переход на сторону Абд-эль-Керима племен Бранес и Тсул поставил в критическое положение Тазу и вызвал в свое время необходимость эвакуации из этого города неспособного носить оружие французского населения.

колониальной политики и решительных мер в Марокко. Нужно прибавить, что Лиотея и шайку французских империалистов нисколько не пугала перспектива неудач в первое время восстания племен французской зоны. Наоборот, все это входило в план сторонников решительной войны с риффами. Как цинично пишет об этом Режинальд Канн: «Вся надежда заключалась в том, что неудачи на театре военных действий, хотя и не представляя собой форменного поражения, будут настолько внушительны, что откроют глаза даже наименее здравомыслящим гражданам. Это желание оправдалось». (L'Illustration, 29 Août 1925 г.) После того, как наступление Абд-эль-Керима поставило под угрозу город Тазу, захват которого прервал бы связь Марокко с Алжиром, вся французская буржуазная пресса начинает писать о неминуемой опасности, грозящей господству Франции во всей ее северо-африканской империи, и те самые государственные деятели, виднейшие члены радикал-социалистической партии, которые только недавно публично заявляли о том, что Лиотей и его клика раздувают опасность, грозящую как со стороны Абд-эль-Керима, так и со стороны недовольных французским господством племен, начинают теперь кричать еще громче, чем Лиотей, о необходимости самых решительных мер. 3 августа тот самый Пенлеве, который только недавно относился скептически к уверениям Лиотея об опасности, грозящей-де французскому господству в Северной Африке, выступил с речью в Отене на банкете, организованном в его честь муниципальным советом, где произносит следующие слова: «Перед нами дилемма: либо защищать нашу зону в Марокко, либо вовсе бросить Северную Африку, бросить в ужасных условиях. Это было бы концом нашего колониального могущества, концом нашей экономической независимости, которая невозможна без колоний, концом престижа Франции во всем мире». В таком же тоне пишет вся французская буржуазная и социалистическая печать, и Поль Бонкур, социалистический депутат департамента Тарн, откуда проходил в палату Жорес, пишет, в свою очередь, статью, где мы читаем следующую фразу, с умилением цитируемую всей буржуазной прессой и даже газетой «Тан»: «Какую красивую и величественную страницу истории написала республика, создав нашу колониальную империю». И эту удивительную по своей красоте страницу французской истории вздумал разорвать дерзкий самозванец, «невежественный дикарь» Абд-эль-Керим. Неудивительно, что перед лицом этой опасности все французские партии, за исключением коммунистов, начиная от самых правых и кончая социалистами, образовали священный блок и вотировали все необходимые кредиты на широкие военные операции в Марокко. Шнейдер и К°, колониальные французские банки могли теперь торжествовать.

Теперь началась отправка подкреплений в Марокко уже не батальонами ненадежных сенегальцев и малгашей, а целыми дивизиями и бригадами (Мароккская дивизия, снятая с Рейна, 11 дивизия, бригада спаги и т. д.). Одновременно началась переправа в Марокко сотен танков,

аэропланов, миллионов пушечных снарядов, гранат и т. д. Вместе с тем, путем подкупа старейшин остававшихся верными французам племен и обещаний больших наград, удалось организовать многочисленные отряды марокканских партизан, численность которых, по некоторым французским источникам, достигала в сентябре солидной цифры — 40 000. В руках французского командования оказалась сосредоточенной в сентябре 1925 г. целая армия до 10 дивизий, т.-е. более 100 батальонов, не считая вспомогательных войск, численностью до 200 000 человек, громадная военная сила, с помощью которой удалось учинить жестокую расправу над взбунтовавшимися племенами французской зоны и окончательно отбросить риффов от Тазы и Феца. После этого началось наступление французских и испанских войск на риффскую республику.

III. Причины неудачи наступления Абд-эль-Керима (лето 1925 г.).

Первая часть кампании на театре военных действий в Марокко может считаться законченной «победоносно» для французского оружия. Одна из причин неудачи наступления риффов на Фец и Тазу заключается в том, что некоторые марокканские племена, на поддержку которых мог рассчитывать Абд-эль-Керим, не только не оказали поддержки его делу, но, наоборот, с оружием в руках сражались против риффов, рука об руку с французами. Если бы все марокканские племена перешли на сторону Абд-эль-Керима, французские войска очутились бы в критическом положении, и Фец и Таза, вероятно, были бы взяты уже в августе. Этого не случилось. Подобно тому, как свободолюбивая когда-то «казачья вольница» сделалась впоследствии в руках царизма главным орудием в борьбе с революционным движением, многие марокканские племена, когда-то геройски боровшиеся против французов, ныне являются одной из важнейших опор французского господства в Марокко. В отличие от испанцев, французские колонизаторы сумели не только создать экономическую почву для смычки с туземными верхами во всем Марокко, но и склонить на свою сторону некоторые племена, путем всякого рода привилегий, сохранением за ними лишних земельных участков за счет соседей и т. д. Само собой разумеется, что развитие товарного обращения в Марокко, проведение французами новых шоссейных дорог, превратившихся в торговые пути, сооружение железных дорог, каналов, строительная горячка в городах, усиленный спрос на продукты сельского хозяйства, наконец, антагонизм в некоторых местностях между племенами, населяющими равнины, и горцами не могли не вовлечь в круг французского влияния некоторые марокканские племена и не только ослабить прежнее недовольство последних пришельцами, но и создать некоторую общность интересов этих племен с завоевателями. Таким образом, в то время как значительная часть населения Марокко с энтузиазмом встречала всякое сообщение об успехах Абд-эль-Керима, в то время как десятки и сотни тысяч людей с горячим сочувствием читали передававшиеся из рук в руки послания вождя риффов, в котором большинство

I. Бу Серт 200. II Бени Уарайн Танкрарант 200. III Бени бу Неср 90. IV Бени Агеруаль 40. V Бени Бхар 160. VI Бени Макбель 240. VII Бени бу Иллуль 270. VIII Бени Алахам Джебель 300. IX Идрассен 150. X С. Али 1200

марокканцев видело истинного посланца аллаха, великого героя, который освободит Марокко от ига чужеземцев,[1] некоторые племена с самого начала встретили крайне враждебно эмиссаров Абд-эль-Керима и остались глухими ко всем призывам присоединиться к общему движению. Для успеха наступательного движения на Фец, Тазу и Уеццан, войскам Абд-эль-Керима была необходима поддержка двух влиятельных племен Гиата и Бени-Уарин, расположенных в области среднего Атласа к западу от Тазы. Но как раз эти племена, оставшись глухими ко всем призывам присоединиться к общему движению, заняли резко враждебную позицию по отношению к Абд-эль-Кериму и, соединившись с французами, защищали угрожаемые пункты, чтобы затем, после победы, хорошо вознаградить себя за все труды и лишения, с разрешения французских властей, грабежом «бунтовщических» племен и богатой добычей, которую они привезли в свои селения, к радости домочадцев. Как подчеркивает с поощрением французская пресса, племена, оставшиеся верными французам, обогатили свои селения на тысячи голов скота, не говоря уже о другой добыче, и воины, вернувшиеся после победоносного похода или набега, порадовали не только свои семьи, но и всех односельчан, с которыми они братски поделились излишками награбленного богатства, устроив грандиозные пирушки и т. п.

Каковы дальнейшие перспективы франко-риффской войны? Исход риффской кампании на ближайший период обусловливается целым рядом факторов, в первую голову географическим характером Риффа, во-вторых, внутренним положением в республике Риффа, в-третьих, взаимоотношениями между великими державами и, наконец, ростом коммунистического движения в Европе и перспективами национально-освободительного движения на всем Востоке и, прежде всего, на черном континенте.

IV. Географические условия войны в Марокко и Риффе.

Вопреки обычному представлению, значительная часть Марокко представляет безграничную равнинную местность, богатую пшеницей и другими хлебными злаками. Некоторые местности Марокко так хорошо обработаны, и хозяйство берберов ведется здесь так образцово, что ничем не уступает французскому в наиболее культурных частях Франции. Таковы, по признанию французского писателя Генри Биду, поля берберских крестьян области Сетта и в некоторых других местностях. Население этих плодородных равнин в отличие от жителей горных местностей считается вполне «умиротворенным», и французские туристы проез-

[1] Этот факт признали даже и некоторые французские корреспонденты. Так, корреспондент «Journal», подчеркивая громадный престиж Абд-эль-Керима во французском Марокко, писал: «Смешно и думать, будто возможно пропагандой в европейском стиле дискредитировать Абд-эль-Керима в глазах туземного населения».

жают по дорогам, пересекающим эти равнины, так же свободно и безопасно, как по дорогам самой метрополии.

Но поперек Марокко брошены, как пояса, три большие цепи параллельных гор. Эти бесплодные, труднодоступные зоны и являются убежищем всех элементов, недовольных французским игом, очагами национального движения в стране. Население гор голодное, оборванное, с завистью смотрит на расположенные внизу равнины, лучшие части которых находятся в руках крупных туземных и французских землевладельцев, и лишь страх перед французскими войсками и жестокой расправы удерживает горцев от непрерывных восстаний. Всякий, кто знаком с земельными спорами и конфликтами на Кавказе, порой очень трудно разрешимыми, не может не понять, каким удобным орудием для разжигания междуплеменной вражды в Марокко является в руках туземных владетельных классов, шейхов и каидов (туземных феодалов) и нарождающейся туземной буржуазии антагонизм между жителями равнин, с одной стороны, и горцами — с другой.

Самая южная горная цепь, Большой Атлас, своими южными отрогами спускается в пустыню Сахару. К северу от Большого Атласа простирается громадная равнина. Эта равнина командует Маракешом, расположенным у выхода из гор. Большой Атлас прорезан тремя горными проходами, тремя воротами. Эти ворота охраняются племенами, руководимыми тремя вождями: Глауи, Гундави и Мтуги, командующими каждый одним из этих трех горных проходов. Племена, охраняющие ворота Большого Атласа выполняют воинскую повинность и за это получают особые привилегии и дополнительные земельные участки от султанского правительства, т.-е. попросту от Франции. Эти племена являются такими ревностными сторонниками французского протектората и так рьяно защищают вверенные им горные проходы, что французскому командованию не приходится отправлять туда своих солдат.

Вторая цепь — Средний Атлас, проходящая к югу от Феца и Тазы. Именно в этой области в 1923 году шла ожесточенная война между горцами и французскими войсками. Этот район является оплотом той части населения французского Марокко, которая не желает примириться с иностранным гнетом и носит во французской прессе характерное название «Тазское пятно» (Tache de Taza). Это пятно доставляет не мало беспокойства и неприятностей французским колонизаторам. В этом районе на вершинах гор расположены большие укрепленные казармы, где находятся немногочисленные гарнизоны, снабжаемые два раза в год провиантом и амуницией. Таким образом, каждый блокгауз, несущий сторожевую и полицейскую службу, должен быть в состоянии выдерживать в случае окружения многочисленным неприятелем шестимесячную осаду без помощи извне.

Наконец, третья горная цепь на севере — Риффский массив. Алжесирасский договор отдал в распоряжение французов южные склоны этого хребта. Фактически до последнего времени французы лишь на бумаге

владели южными склонами хребта и не проникали в эти места. Но в 1924 г. французские отряды, осуществляя план Лиотея, начали воздвигать блокгаузы на южных склонах Риффского массива, создавая непрерывную цепь укреплений, которая должна была дать возможность шайке колониальных бандитов провоцировать население риффской республики к войне с французами перед угрозой голодной блокады. Таким образом, в апреле 1925 г. в этих недоступных горных местностях разразилась гроза военной непогоды, которая не улеглась до сих пор.

В чем же заключалась непосредственная опасность для французской армии, победоносной в первый период наступления отрядов Абд-эль-Керима и присоединившихся к ним горных племен Марокко. В том, что кулуар, расположенный между Риффом к северу и Средним Атласом к югу является политическим и экономическим центром французского Марокко.

Эта область представляла некогда морской залив, соединявший Алжир с Атлантическим океаном. Этот залив постепенно превратился в озеро, затем озеро высохло и превратилось в равнину, во многих местах болотистую. По этой равнине проходит путь, на котором лежит столица северного Марокко — Фец.

Таким образом, наступление Абд-эль-Керима, имея исходным пунктом горный бастион Риффа, угрожало непосредственно двум жизненным пунктам кулуара, соединяющего северный Рифф с южными областями Среднего Атласа: Фецу, столице Марокко, и Тазе, воротам из Марокко в Алжир. И естественно, что при первом благоприятном случае Абд-эль-Керим или другой какой-нибудь вождь риффов, применяя тактику, диктуемую природными условиями, снова начнет наступление по направлению к Фецу и Тазе, следуя по течению рек, спускающихся с вершин Риффа к равнинам французской зоны.

Мы остановились выше на характере французского Марокко и местности, входящей во «французскую зону». Условия борьбы здесь на подступах к «Риффу» для французской армии гораздо более благоприятные, чем в самом Риффе, куда французские империалисты собираются вторгнуться, чтобы разбить армию Абд-эль-Керима и покончить с «риффской опасностью». Во-первых, во французской зоне лишь $^1/_3$ поверхности гориста, в то время, как значительная часть Риффа, как в территории от границы французской зоны до Алжира, столицы риффской республики, так и от пунктов расположения испанских войск, представляет малодоступную местность, отличающуюся бездорожьем, изрезанную высокими горами, крутыми ущельями, где любая армия при малейшей неосторожности может подвергнуться полному разгрому в борьбе с численно значительно слабейшим противником, умеющим использовать все условия местности для длительной обороны и стремительного нападения. Во-вторых, в отличие от французского Марокко, французские войска встретят перед собой в Риффе более сплоченное население, менее раздираемое племенной борьбой и объединенное единой волей и единым руководством.

В войне на территории Риффа французская армия едва ли встретит серьезную поддержку со стороны испанцев. Многие французские газеты неоднократно отмечали, что испанское правительство желало бы получить наибольшие выгоды от испано-французского соглашения, отнюдь не отказываясь от тактики «moindre effort», «наименьшего усилия». Да едва ли испанская армия сама по себе представляет серьезного союзника в борьбе с риффами. Правда, испанская армия достаточно многочисленна и поглощает громадную часть доходов страны, но это едва ли не самая разложившаяся армия в Европе. В 1924 — 1925 г. из государственных доходов Испании в 2 777 840 568 пезет, содержание армии и расходы, связанные с милитаризмом, поглощали 1 084 512 181 пезет. Следует прибавить, что здесь речь идет лишь об обычных расходах и не приняты во внимание «экстраординарные» расходы, связанные с марокккской авантюрой. Испанская армия отличается непропорционально большим числом офицеров. По данным «Annuaire militaire» в испанской армии числится: генералов, полковников и офицеров актива 10 830; отставных генералов, получающих пенсии,—576;— отставных офицеров—4686; всего 16 092.

Из королевского ордонанса, опубликованного директорией 15 августа 1924 года, видно, что число начальников и офицеров в Марокко достигало в это время цифры 2100. Число генералов изменчиво и неизвестно. Офицеры, находящиеся в Марокко, возбуждают к себе зависть со стороны оставшихся в метрополии, ибо первые получают кресты, пенсии, увеличенное жалованье, обделывают всякого рода делишки и т. п. Само собой разумеется, что эта цифра 2100 указывает лишь на то число офицеров, которые служат в постоянной армии в Марокко; к этому числу надо прибавить сотни тех офицеров, которые посылаются в Марокко в экстраординарных случаях, какие имеют место в Марокко по несколько раз в год.

Не считая африканской армии, на каждую тысячу солдат в самой Испании приходится: 2 генерала, 5 полковников, 13 подполковников, 19 штабс-капитанов, 48 капитанов, 36 офицеров, а всего 123 офицера, т.-е. на одного офицера приходится 8 солдат.[1]

Многие французские писатели с полным основанием сомневаются в энергичном наступлении испанских войск в глубь страны риффов против Абд-эль-Керима. Главное значение испано-французского соглашения, с точки зрения многих органов французской прессы, заключается. во-первых, в согласии испанского правительства на ведение французскими войсками военных операций в испанской зоне, во-вторых, в присоединении Испании к блокаде Риффа, что должно отрезать поселение последнего от внешнего мира и облегчить задачу доведения населения риффской республики до сдачи на милость победителя. Но именно эта цель совершенно отрезать риффскую республику от внешнего мира

[1] См. «L'Europe Nouvelle», 22 novembre 1924.

почти неосуществима. И это даже признают многие французские наблюдатели. Так, Эдуард Элсей в статье, напечатанной в известной парижской газете «Le Journal» (28/VII 1925 г.) писал следующее:

«Риффский фронт не представляет собой непрерывного фронта. Чтобы загородить окопами и траншеями всю линию военных операций от Мелилы до Танжера, нужна была бы армия в несколько сот тысяч человек, при чем эта армия не имела бы воды. Если даже сотни серьезнейших причин не помешают такой широкой мобилизации, все одно в силу непреодолимых географических условий невозможно будет держать в одном кулаке большие массы. Волей-неволей придется прибегнуть к системе укрепленных постов, более или менее отдаленных друг от друга...

«Следует, кроме того, принять во внимание, что военная зона и то, что собственно можно назвать фронтом, отнюдь не имеет глубины. Когда отряд контрабандистов, после многих ночных переходов, доходит до позиций французских или испанских, ему не приходится совершать долгий путь, чтобы достигнуть неприятельской или своей территории. Конечно, этому отряду приходится скользнть вдоль холмов, и делать для этого соответствующие крюки, но порой, если контрабандисты торопятся, они без особого риска проходят неподалеку от поста, так как ослы, на которых перевозится контрабанда, движутся безмолвно и совершенно неслышно.

«Конечно, контрабанда совершается каждый раз в небольших размерах, и страна снабжается капля по капле. Однако, нет необходимости снабжать Рифф, как какую-нибудь Верденскую крепость во время осады. В том и другом случае потребности совсем неодинаковы. Прежде всего нужно принять во внимание, что Абд-эль-Керим, армия которого очень немногочисленна, имеет громадные запасы. Кроме материалов, захваченных у испанцев, Абд-эль-Керим в течение многих месяцев не переставал увеличивать свои запасы. В ружьях у него нет недостатка. В артиллерийских снарядах он особенно не нуждается. Его потребности в бензине ничтожны. Его солдаты питаются почти ничем. Немного крупы, сухих бобов достаточно для их аппетита. Не будем говорить об обмундировании солдат Абд-эль-Керима».

«И чего требует Абд-эль-Керим от своих постоянных поставщиков? Патронов прежде всего, затем лопат, мешков для набивки их землей, немного проволоки для заграждения, немного телефонной проволоки, несколько пулеметов и, если можно, гранат».

«Сверх того, не нужно забывать, что большую часть контрабанды Абд-эль-Керим получает морем. Контрабанда сухим путем составляет лишь вспомогательный ресурс снабжения риффской республики. Какие бы меры мы и испанцы ни принимали, отряды контрабандистов будут переходить границы, как они переходят теперь и переходили раньше. Ибо территория, где оперируют агенты Абд-эль-Керима, представляет необычайные легкости скрытого передвижения для тех, кто знает местность. Эта территория, похожая на сложную душу туземцев, населяющих страну, изобилует наряду с мнимыми дорогами, откуда нет выхода, скрытыми тропинками и путями, известными лишь немногим обитателям Риффа».

Это предсказание французского буржуазного писателя насчет необычайных трудностей блокады Риффа нашло блестящее подтверждение в последующих событиях. По сообщению английских газет, несмотря на все усилия испанцев и французов, Абд-эль-Керим продолжает полу-

чать и сухим и морским путем все необходимые ему предметы воинского снаряжения.

Прибавим, что, как рассказывает корреспондент чикагской газеты «Чикаго Дейли Ньюс» (Chicago Daily News) Поль Скотт Моурер, риффы не только пользуются для вооружения своей армии ружьями и патронами, захваченными у неприятеля, но умеют извлекать пользу даже из бомбардировок их позиций неприятельскими аэропланами. После всякого налета вражеских аэропланов дети собирают в корзины пули испанских и французских шрапнелей. Эти снаряды помещаются вместе с зарядом динамита в старые французские или испанские коробки консервов, и таким образом риффы изготовляют свои ручные гранаты.

Какова военная сила риффской республики? Наши военные писатели Ланговой, Мирский, Иоффе и другие определяют численность армии Абд-эль-Керима максимум в 50 — 60 тыс. человек, вопреки некоторым военным французским специалистам, которые насчитывают в армии Абд-эль-Керима до 130 000 человек. Следует заметить, что военный сотрудник одной венской газеты, перечислив все племена риффской республики и определив численный состав мужского населения последней, доказывает, что Абд-эль-Керим не может иметь в своем распоряжении более 40 000 воинов. Как бы то ни было, несомненно, что наши военные специалисты правильнее определяют численность армии Абд-эль-Керима, чем французские и испанские специалисты, преувеличивающие силу врага, чтобы оправдать свои неудачи. Более того, по сообщению Скотт Моурера, армия Абд-эль-Керима, в которую включаются все мужчины, способные носить оружие, разделена на две равные части. За исключением особо критических моментов, в строю находится лишь одна часть, которая по истечении нескольких недель распускается по домам на отдых.

V. Внутреннее положение в риффской республике и французские планы.

Что касается внутреннего положения в риффской республике, здесь нет той острой междуплеменной розни или в лучшем случае разрозненности, которая так характерна для французского Марокко и является одним из важнейших факторов, облегчающим господство французского империализма в стране. Все племена риффской республики в большей или меньшей степени связаны единым национальным чувством и объединяются вокруг Абд-эль-Керима и племени Бени Уриагель, которое играет в современной истории риффской республики такую же роль, какую Пруссия сыграла в объединении Германии. Даже французский официоз «Тан» признает, что Абд-эль-Керим и его сторонники не ведут пропаганды против французов и испанцев на религиозной почве. Вот что пишет корреспондент «Тан» Режинальд Канн:

> «Пропаганда Абд-эль-Керима носит современный характер. Она не имеет целью вызвать анти-христианское движение. Этот метод агитации достаточно дискредитирован среди мусульманских народов особенно с той

поры, как турки изгнали калифа из Константинополя. Теперь в мусульманских странах движение носит национальный характер, а не религиозный. На этой струне наигрывает властитель Риффа, чтобы изгнать сперва испанцев, а затем нас. Эта тактика очень удачна и приносит свои плоды даже во французской зоне».

Стало-быть, даже по признанию корреспондента «Тан», мы имеем здесь дело с могучим национальным движением, последствия которого скажутся в ближайшее время.

Однако, было бы наивно предполагать, что все население Риффа представляет единое целое, и что в риффской республике нет элементов, недовольных диктатурой Абд-эль-Керима и племени Бени Уриагель, авангарда риффских племен в борьбе за независимость. С самого начала той геройской борьбы, которую Абд-эль-Керим повел против испанцев, среди руководителей некоторых племен подымались голоса о «тяжести» и «бесплодности» этой борьбы, о кровавых жертвах, которые не приводят-де ни к каким результатам, о необходимости во что бы то ни стало заключить мир. Такие голоса особенно сильно раздавались в 1921 г., и на одном из совещаний старейшин племен, созванном в Аджире, некоторые из присутствовавших открыто высказывались в пользу достижения мира с испанцами во что бы то ни стало, хотя бы путем самых тяжелых уступок. Разгром испанской армии генерала Сильвестра в июле 1921 г. в битве при Аннауле, в результате которого большая часть испанского корпуса погибла, остальная попала в плен к риффам, которым достались громадные военные трофеи в виде оружия и продовольствия, необычайно поднял престиж Абд-эль-Керима и заставил умолкнуть среди объединенных им племен всех сторонников мира во что бы то ни стало. Заметим, что только сравнительно недавно (в январе 1925 г.) Абд-эль-Керим сломил сопротивление пресловутого Райзули, вождя племени Джебалла. Райзули, известный некогда под кличкой «короля гор», вел первоначально войну против испанцев, но, подкупленный последними за ежемесячное жалованье в 200 000 песет, обещал Испании содействие в борьбе против Абд-эль-Керима. 23 января 1925 года Райзули в торжественный день тезоименитства испанского короля послал последнему телеграмму, обещая вскоре дать доказательство своей преданности Испании, но через несколько дней резиденция «короля гор» Тацрут была взята после восьмидневной осады войсками Абд-эль-Керима, и самый Райзули приведен пленником в Аджир, где он и умер в апреле 1925 года. Несомненно, что французские и испанские империалисты питают надежду вызвать систематическим проведением блокады Риффа и военными действиями, которые ухудшат внутреннее положение в стране, и без того утомленной многолетней войной, все недовольные элементы к тайным или явным выступлениям против Абд-эль-Керима.

Опубликованное в сентябре 1925 года во всей французской и марокканской прессе обещание Марокканского султана выдать 500 000 франков награды тому, кто доставит живым или мертвым Абд-эль-Керима, рассчитано именно на поощрение наиболее решительных из врагов Абд-эль-

Керима в самом Риффе. Заметим, однако, что правые круги французской и испанской буржуазии уже давно требовали «назначения цены за голову Абд-эль-Керима», и что уже в июне 1925 года испанцы опубликовали аналогичное обещание без всяких желательных испанскому правительству результатов.

Французский писатель Анри Биду в начале 1925 г. в статье «Новые марокканские проблемы», напечатанной в февральском номере журнала «Revue des Deux Mondes» (Обозрение двух миров) высказывал уверенность, что власть Абд-эль-Керима над племенами Риффа не особенно прочна, и что есть возможность ослабить силу Абд-эль-Керима, вызвав рознь между объединенными последним племенами. «Если этот план не удастся, — предсказывал Биду, — наступательное движение против Уэрги и попытки нападения на Фец со стороны Абд-эль-Керима, вероятно, возможны». Очевидно, что провоцируя войну с риффами, французские империалисты одновременно с чисто военными мерами предпринимали шаги для провоцирования междуплеменной войны в самом Риффе. Как известно, этот план не удался: риффские племена не только выступили единым фронтом против французских империалистов, но сверх того сумели привлечь под свои знамена многие племена французского Марокко. Само собой понятно, что эта политика вызвать раздор среди населения Риффа будет теперь вестись агентами Франции и Испании с удвоенной энергией, и уже теперь в испанских и французских газетах печатаются сведения о том, будто в риффской республике началось разложение в войсках, часть которых восстала-де против Абд-эль-Керима.

В статье, опубликованной в «Illustration» от 29 августа Режинальд Канн высказывает уверенность, что при успешном наступлении французских войск в глубь Риффа многие племена, признающие теперь власть Абд-эль-Керима, как, например, племена Джебалла, Гомарра и некоторые другие, перестанут подчиняться Абд-эль-Кериму и, может-быть, перейдут на сторону французов. Трудно предсказать, к каким результатам приведет испанско-французская политика провоцировать гражданскую войну среди населения Риффа, закончится ли она полным фиаско, как в 1924 — 1925 гг., или оправдает в известной степени надежды злейших врагов республики риффов. Многое, конечно, будет зависеть от хода военных операций. Если у риффов хватит сил вести оборону весной и летом 1926 г. и кампания затянется, неизвестно, где разложение населения и армии, которое учитывают в своих планах французские империалисты, пойдет быстрее, в самом Риффе или во французской и испанской зоне. Содержание под ружьем 200-тысячной армии в Марокко не может пройти без влияния на экономическое положение в стране и на социальные перегруппировки в этой французской колонии: затяжная война, обогащая туземных спекулянтов и высшие круги туземного общества, — нарождающуюся буржуазию и крупных землевладельцев — будет неизбежно сопровождаться ростом дороговизны в стране, обнищанием населения не только горных,

но и равнинных местностей и укрепит смычку между беднейшими слоями населения равнин и гор. Даже многие французские писатели признают, что великие каиды (крупные феодалы, вожди племен) не могут уже считаться прочной опорой французского влияния в Марокко. «Политика опоры на великих каидов сама переживает глубокий кризис», пишет Анри Биду. Очевидно, что под влиянием разложения патриархально-родового уклада жизни в связи с усиленным проникновением товарного обращения и ростом капитализма в Марокко, авторитет каидов среди многих племен быстро рушится, идет усиленный процесс расслоения населения на враждующие группы, и беднота горская, а в некоторых местностях и равнинная, начинает объединяться в одних местах с оружием в руках, в других — пока лишь идейно вокруг новых вождей и новых имен.

Что же касается испанской зоны, последние сведения говорят об учащающихся случаях бунта в испанской армии, об отказе целых батальонов итти в бой и т. д. По сообщению английских газет, главными поставщиками оружия риффам являются испанские солдаты, охотно продающие всякого рода боевое снаряжение агентам Абд-эль-Керима. В испанской армии имеется много туземцев, т.-е. арабов из племен, оставшихся «верными» испанцам и сражающихся вместе с ними против Абд-эль-Керима. Понятно, что в особой преданности этих войск испанскому делу можно сомневаться, тем более, что испанское командование именно туземные части ставит на особенно опасные участки, располагая в резерве войска, которые должны расстреливать туземцев в случае бегства или измены. Официальные сообщения о потерях испанских войск всегда подчеркивают число верных туземцев, погибших за испанское дело. Так, согласно официального сообщения из Мадрида от 26 сентября 1925 г. — «Испанские войска при операциях в районе Алхусемаса потеряли 6 офицеров и 70 солдат убитыми, 16 офицеров и 500 солдат ранеными. Большинство убитых и раненых солдат — туземцы».

VI. Великие державы и война в Марокко.

Перейдем теперь к характеристике отношений между великими державами в связи с франко-риффской войной. В конце 1923 г. европейская пресса посвятила много внимания посещению Рима испанским королем и испанским премьером диктатором Примо-де-Ривера. Некоторые наши писатели, основываясь на сообщениях гонящейся за сенсациями буржуазной немецкой прессы и на некоторых статьях, появившихся в итальянской[1] и испанской печати, писали о будто бы заключенном уже оборонительном союзе между Италией и Испанией против

[1] Итальянское «Пополо» писало: «Италия и Испания должны создать противовес гегемонии Франции. После разгрома Германии Франция может обрушиться на Италию. Итало-испанский союз может иметь решающее значение для поддержания мира в Европе».

Франции. Мы уже тогда отметили поспешность подобных сообщений и указывали, что пока речь идет лишь о подготовке такого союза (см. нашу книгу «Перед угрозой будущих войн» изд. Высш. Воен. Ред. Совета). Однако, этот союз не был заключен. Франции удалось устранить угрозу испано-итало-английского соглашения и заключить союз против риффской республики в Испании. После того, как испанские войска были окончательно разгромлены риффами, и испанцам грозила опасность быть окончательно выброшенными в море, согласно угрозе Абд-эль-Керима, испанские империалисты пришли к заключению, что единственный выход из положения заключается в соглашении и союзе с Францией, тем более, что испанские империалисты имели основание подозревать некоторые руководящие круги Англии в сочувствии образованию независимого риффского государства. В Марокко все дороги ведут в Танжер. Раз Испания оказалась неспособной отстаивать свою «зону» против риффов, являлось опасение, что она неспособна будет отстоять как эту зону, так и территорию Танжера против французов, которые к этой территории пробираются. Стало-быть, следует примириться с образованием риффского государства, которое поставит предел расширению французского влияния в северо-западной части Африканского побережья и устранит угрозу захвата Танжера самой опасной для Англии на Средиземном море державой, именно Францией. Испанские газеты в течение 1924 — 1925 гг. неоднократно подчеркивали факт снабжения риффов английским оружием и указывали на «лицемерную» политику Великобритании в вопросе о независимом риффском государстве. Что касается предполагающегося союза с Италией, то вскоре после первых восторженных статей о перспективах такого союза началось «отрезвление» не без содействия, конечно, со стороны агентов сближения с Францией. Союз с Италией не мог ничего дать Испании в вопросе об улучшении положения последней в области Риффа. Итальянские империалисты прежде всего интересовались вопросом о Тунисе и за известные компенсации на счет этой французской колонии, конечно, предоставили бы французам полную свободу действий в Риффе и испанской зоне, не исключая и самого Танжера.

Уже через несколько месяцев после посещения Рима испанским королем, вся испанская печать в один голос отмечала, что соглашение с Италией не дало никаких результатов, что во внешней политике фразы, жесты, бумажные соглашения и союзы не имеют никакого реального значения и потому бесполезны, что Франция провела свою линию в Танжерском вопросе, и что III республика настолько сильна и влиятельна, что она в состоянии путем тех или других компенсаций тащить за собой на буксире Италию и Англию против Испании. Поэтому единственно разумная испанская политика должна заключаться в союзе с таким сильным и близким соседом, каким для Испании и в Европе и в Африке является Франция.

Благодаря благоприятно сложившейся международной ситуации, французская дипломатия победила английскую и итальянскую,

и в данный момент франко-испанский союз для действий против риффов является совершившимся фактом. На франко-испанской конференции в Мадриде, заседавшей с 18 июня по 13 июля 1925 г. было подписано соглашение. Вот основные пункты этого соглашения:[1]

> 1) Признание принципа военной кооперации обеих договаривающихся сторон на театре действий в Марокко. 2) Совместная франко-испанская блокада сухопутных и морских границ Риффа, имеющая целью изолировать риффов, лишить их продовольствия и отрезать пути, которыми пользовались агенты риффов по снабжению их продовольствием и оружием извне. 3) Принятие решительных мер, в строгом согласии с международными договорами, для обеспечения нейтралитета территории Танжера, которая до сих пор являлась главным штабом и дипломатическим центром восстания.[2] 4) Обязательство не заключать сепаратного договора с восставшими племенами и вступить в переговоры лишь по просьбе самих бунтовщиков. Оба правительства уточнили условия мира, которые они согласны даровать восставшим племенам, каковые условия являются секретными. Оба правительства не скрывают, однако, что эти условия имеют в основе абсолютное соблюдение ныне действующих интернациональных договоров. 5) Согласие каждого из обоих правительств предоставить другому право вести военные, морские и воздушные операции на территории союзника. 6) Решение испанской директории ограничить, в согласии с ее марокккской политикой, свою военную кооперацию с французскими войсками задачами этой политики. 7) Принятие временного «модус вивенди» относительно трасы границ обеих зон с оговоркой, что окончательно траса будет установлена только после восстановления мира.

В этом резюме, где изложены наиболее важные пункты Мадридского соглашения, заслуживают особого внимания параграфы 5 и 6. Марсель Рей, сотрудник «L'Europe Nouvelle», равно как и многие другие французские, а также и английские писатели указывают, что эти пункты предусматривают не столько франко-испанскую военную кооперацию, сколько замену испанских войск французскими в случае нужды даже во всей испанской зоне за исключением «интернациональной» Танжерской зоны, овладение которой особенно улыбается испанским империалистам. Таким образом, гегемония Франции в войне обоих государств с риффами признается даже в самом испано-французском соглашении.

Так ли несомненна первенствующая роль Франции при разделе добычи, роль, на которую претендуют французские империалисты? Можно ли думать, что Испании достанется только «клочок медвежьего ушка»? Секретные пункты соглашения на счет раздела добычи до сих пор неизвестны. Во всяком случае, как явствует из статей, опублико-

---

[1] См. «L'Europe Nouvelle» от 1 августа 1925 г., стр. 1013.

[2] Этот пункт направлен против Англии, ибо и французская и испанская пресса неоднократно подчеркивала, что официальные представители английского правительства в Танжере являются организаторами в последнем базы для снабжения риффов контрабандным оружием. Именно из Танжера, утверждают французские и испанские газеты, шла до сих пор большая часть оружия и продовольствия в республику риффов.

ванных в «Тан» и других французских газетах, аппетиты у испанских империалистов огромные. Мы уже подчеркивали выше, что в Марокко все дороги ведут в Танжер. Как сообщал специальный корреспондент «Тан» в Мадриде (в номере от 12 июля), т.-е. за день до окончания конференции, на секретных заседаниях последней шла прежде всего речь о ревизии статута интернациональной (Танжерской) зоны в Марокко. «Все другие аспекты марокккской проблемы затрагивались лишь вскользь». Испанские делегаты настаивали на формуле «Chacun chez soi» (каждый у себя), заявляя претензии на Танжер и требуя от французов «поддержки в снятии интернациональной ипотеки на этот город, расположенный против Гибралтара» («Тан» от 12 июля 1925 г.). Целый ряд испанских газет, как, например, «El Debate» (Эль Дебат) в статье от 19 июля под характерным заглавием «Всегда Танжер» настаивает на необходимости превращения Танжера в испанский город, в «испанский Танжер».[1] Известный испанский государственный деятель Романонес, бывший некогда ярым сторонником сближения с Францией, а ныне яро атакующий испано-французское соглашение, мотивирует свое отрицательное отношение к этому соглашению сомнением в том, чтобы Франция согласилась отдать ослабленной, потерпевшей столько поражений от риффских войск Испании Танжерскую позицию. Соглашение с Францией, доказывает Романонес, надо было заключать тогда, когда Испания была сильнее, чем теперь, и когда испанские войска занимали большую территорию в Марокко.

Понятно, для чего Танжер нужен империалистической Франции! Но что толкает обессиленную, нищую Испанию к захвату этого пункта? Мы цитировали уже в предшествующей статье весьма важное признание Примо-де-Ривера, сделанное им 30 апр. 1925 г.: «Ни теперь ни когда-либо впоследствии Марокко не оправдает экономически понесенные Испанией жертвы. Будет безумием дальше расточать в Марокко наши деньги и жизнь наших детей». В испанской прессе не раз публиковались сенсационные сообщения о каких-то переговорах между Англией и Испанией по вопросу об обмене Гибралтара на Цеуту или Мелилью. Можно сомневаться в том, чтобы подобные переговоры имели место. Однако, многие испанские националисты лелеют надежду, что Англия согласилась бы отдать за Танжер грозный Гибралтар, и таким образом вся территория Пиринейского полуострова, за исключением области, занятой Португалией, была бы объединена под властью Испании и включала бы такой важный по своему значению стратегический пункт, как Гибралтар, что необычайно-де подняло бы роль Испании в международной поли-

[1] Английский писатель Блэндель в статье, напечатанной в «The Nineteenth Century and after» (сентябрь 1925 г.) подчеркивает, что Танжер кишит испанскими солдатами и офицерами и представляет форменную военную испанскую базу. Некоторые французские военные писатели высказывают опасение, что испанская армия в борьбе с риффами и ограничится занятием столицы риффов — Аджира и сосредоточением больших сил в области Танжера, взвалив на французские войска всю тяжесть войны в трудно доступной центральной области Риффа.

тике и заставило бы и Англию, и Францию, и Италию, в большей мере, чем до сих пор, считаться с Испанией.

Итак, на ряду с французскими притязаниями на захват Танжера, мы имеем притязания на этот город со стороны их теперешних союзников, испанцев. Как разрешен этот вопрос в тайных пунктах испано-французского соглашения, и разрешен ли он, — об этом испано-французская печать умалчивает. Как бы то ни было, когда дело дойдет до раздела добычи, Англия и Италия, которые никакой помощи риффам в борьбе с Испанией и Францией не окажут, выступят со своими претензиями, и тогда начнутся новые международные осложнения. Мы уже не раз подчеркивали значение Танжера с точки зрения интересов великобританской империалистической политики и сохранения английской гегемонии на морях и прежде всего на великой английской военно-торговой дороге от Гибралтара к Суэцу, а оттуда на Индию.[1] Уже на Каннской конференции в январе 1922 г. Ллойд-Джордж ультимативно поставил вопрос о Танжере. 7 января 1922 г. в Париж была передана английская нота, энергично требовавшая скорейшего урегулирования вопроса о Танжере с угрозой передать разрешение вопроса Лиге Наций в случае, если Франция не станет на точку зрения британского правительства. Известно, что в то время, как Испания требовала передачи Танжера ей, Франция со своей стороны требовала передачи Танжера своему вассалу, марокканскому султану, как «суверенному» владыке всего Марокко, что, конечно, явилось бы угрозой для английского Гибралтара. Противодействие Англии французским планам возымело свое действие, и английская точка зрения «интернационализации» Танжера восторжествовала. 18 декабря 1923 г. в Париже между английскими, французскими и испанскими делегатами было подписано соглашение по Танжерскому вопросу. Танжерская зона была объявлена нейтральной. В экономическом отношении все державы пользуются в Танжере равноправием. Марокканский султан, за исключением некоторых незначительных случаев, не имеет права заключать какие-либо договоры без одобрения учреждаемого в Танжере «Международного Общества», в состав которого входят 26 членов: 4 француза, 4 испанца, 3 англичанина, по одному представителю остальных держав, подписавших Алжесирасский договор, и 9 представителей от туземцев; султан Марокканский сохраняет за собой лишь номинальный суверенитет в Танжере.[2]

Сущность английских требований по отношению к Танжеру заключается в обеспечении «интернационализации» этого важного стратегического пункта на Средиземном море, в интернационализации, которая должна гарантировать нейтралитет Танжера и политику открытых дверей в этой области. Очевидно, что секретные пункты испано-французского соглашения, подписанного в Мадриде,

[1] См. собрание сочинений, т. III. «Борьба за Азию и Африку» (Танжерский вопрос, стр. 247 и далее).

[2] Подробнее см. нашу книгу «Перед угрозой будущих войн», стр. 48—49.

противоречат английской линии. Во всяком случае, эти секретные пункты и деятельность Испании и Франции в Танжере возбуждают беспокойство в английской прессе, и на запрос сэра Роберта Гамильтона в английской палате общин Чемберлен ответил, что «Англия внимательно следит за положением в Танжере». Англия отказалась санкционировать план испанской директории разоружить туземное население Танжерской зоны и лишь разрешила после долгих переговоров увеличение вдвое численности двух таборов, охраняющих безопасность Танжера, при чем оговорила, что расходы, сопряженные с увеличением численности этих войск, должны быть возложены исключительно на Испанию и Францию, а отнюдь не заимствованы из бюджета зоны.

Что касается политики Италии в Танжерском вопросе, то, как известно, Италия протестовала против Танжерского статута, в выработке и подписании которого она не принимала участия. В виде протеста против этого статута Италия высадила несколько карабинеров в Танжере, подчеркивая этим и свою заинтересованность в Танжерском вопросе. Точка зрения итальянского империализма по вопросу о Танжере была с достаточной ясностью формулирована в газете «Corriera della Serra» (Корръер дела Серра): «Проблемы Танжера и северо-марокканской зоны важны не как африканские, а как средиземноморские проблемы. Италия, исключительно средиземноморская держава, имеет все основания требовать ее привлечения к обсуждению этих проблем, где бы и когда они ни обсуждались». Итальянская пресса не раз указывала, что Италия в интересах охраны своей безопасности и свободы на Средиземном море будет бороться против гегемонии Франции в западной его части, и что Италия потребует созыва международной конференции для решения вопроса о Марокко. Английские дипломатические круги дают понять, что они разделяют итальянскую точку зрения. Само собой разумеется, что весь этот шум, поднятый частью итальянской прессы, отнюдь не обозначает намерения Италии вмешаться каким-нибудь жестом в ход военных операций против риффской республики. Итальянская пресса попросту подготовляет почву для требования в пользу Италии соответствующих компенсаций к моменту раздела добычи между Францией и Испанией. Возможно, что Италия предоставит Франции полную свободу действий в области риффов за предоставление Италии свободы действий в Абиссинии. Итак, с этой стороны риффам неоткуда ждать помощи. Итальянские и английские империалисты появятся на сцену во всеоружии разве лишь тогда, когда придется «делить ризы» маленького народа, изнемогшего в борьбе с грозными врагами.

VII. Война в Марокко и международное рабочее движение.

Единственная помощь риффам может притти и придет со стороны угнетенных колониальных народов и международного пролетариата. Весь Восток от Аждира, столицы Риффа, до Пекина, Кантона и Шанхая,

через Дамаск, столицу Сирии, охвачен революционным брожением. В Египте, Тунисе, Алжире туземная пресса поддерживает по мере сил дело маленького народа, борющегося против двух «великих» держав. Маршал Лиотей запретил проникновение и распространение во французском Марокко на ряду с «Юманите» и газет «Зора» и «Нада» из Туниса, «Тред-юнион» из Алжира, «Эль-Абрам» и «Эль-Лива-ель-Акбар» из Каира, «Вадинниль» из Александрии. Но это платоническое пока сочувствие египтян, тунисцев и даже восстание друзов не может оказать решающего влияния на исход кампании в Риффе.

«Было бы неразумно предполагать, — писала «Юманите» в статье от 12 сентября 1925 г., говоря о поражениях испанцев в борьбе с отрядами Абд-эль-Керима, — будто всякая опасность разгрома риффской республики до начала зимы устранена».

Мы были правы, доказывая, что «Юманите» ошибается, что французским войскам не удастся разгромить риффскую республику так скоро. Франко-риффская война началась в апреле 1925 г., с той поры прошло более года и французам удалось пока, выбросив риффские войска из французской зоны и, подавив горные племена в этой зоне, подойти к непосредственным границам риффской республики. Едва ли французским войскам удастся скоро поставить риффов силой оружия на колени. В своих прокламациях к риффским племенам Абд-эль-Керим неоднократно подчеркивал сочувствие французского и испанского пролетариата делу риффской республики и обнадеживал риффов помощью революционной Франции и Испании. Именно для того, чтобы побудить французский пролетариат к активному вмешательству в пользу риффов, «Юманите» не скрывало тяжелого положения последних и говорило о возможности их разгрома.

В тяжелой и кровавой борьбе народы Востока, народы черного и желтого континентов, завоевывают себе право на свободу и независимость. Много лет пройдет, прежде чем народы колониальных и полуколониальных стран сумеют собственными силами завоевать себе полную независимость. События в Китае, в Сирии, где друзы изнемогают под натиском новых и новых французских полков, прибывающих из метрополии и французских колоний, в риффской республике, где маленький народец истекает кровью в борьбе с сильнейшей в мире военной державой, опирающейся на союз с Испанией, — все это показывает, как трудно угнетенным народам черного и желтого континентов добиться освобождения без активной поддержки со стороны международного пролетариата, в первую голову пролетариата тех государств, которые ведут в данный момент войну против порабощенного населения зависимых стран. Исход риффской войны будет зависеть в значительной степени от содействия французского и испанского пролетариата делу борьбы риффского народа.

«Восстание пролетариата против буржуазии своей страны плюс восстание народов в колониях и зависимых странах», так определял т. Ле-

нин сущность международной революции, — пишет т. Зиновьев в брошюре «Китай и Марокко». Тов. Зиновьев указывает, что в начале мировой войны 1914 г. на первых порах во Франции почти не оказалось ни одного человека, который смел бы выступить против империалистической бойни. Между тем ныне во Франции тысячи людей выступают против мароккской бойни. Член французской компартии Дорио сделал попытку проникнуть в Марокко, чтобы здесь на месте действий помочь борющимся риффам.

«Эта мужественная тактика французских коммунистов служит залогом того, что французская компартия воспользуется неизбежным перерывом в ходе военных действий и отсрочкой решающих событий до весны 1926 г., чтобы за этот период подготовить рабочие массы Франции к энергичной борьбе против возобновления кампании в Риффе. От успехов этой тактики французской компартии и перспектив революционного движения во Франции в течение ближайшего времени в значительной степени зависит исход франко-риффской войны»,[1] писали мы в начале 1926 г.

Принятие на съезде английских профсоюзов в Скарборо резолюции Перселя, осуждающей британский империализм и обещающей поддерживать право всех народов Британской империи на самоопределение, включая право на полное отделение от империи, подавляющим большинством голосов (3 082 000 голосов против 79 000), постановление конгресса о решительном принятии мер к прекращению преступлений, совершаемых английским правительством в Китае и к уводу английских вооруженных сил из Китая, служит показателем, что крот международной революции хорошо роет и что недалеко то время, когда революционная борьба народов в колониях и зависимых странах, которая ни на минуту не остановится и будет шириться и углубляться из года в год, пока не превратится во всеобщее восстание всего угнетенного колониального и полуколониального мира, найдет могучую поддержку в восстании международного пролетариата против капиталистического интернационала смерти и разрушения.

Прав тов. А. Иоффе, когда в предисловии к брошюре «Китай и Марокко» пишет: «Национальная революция угнетенных народов ни

---

[1] 30 декабря 1925 г. Уголовный Трибунал в Париже вынес приговор по делу 12 коммунистов, обвиненных в участии в «комитете действия», образованном для борьбы против войны в Марокко. Суд приговорил т. Кашена, Дорио, Монмуссо и Мидоля к 13 месяцам тюрьмы и к штрафу в 3000 фр. каждого, т. Белланже к 16 месяцам тюрьмы и 2000 фр. штрафу, остальных к тюремному заключению от 6 до 10 месяцев и к штрафу в 2000 фр. каждого. Увы, до сих пор вмешательство французского пролетариата, как правильно констатировало не раз «Юманите» не было настолько активно, чтобы оно было в состоянии помешать мароккской или сирийской авантюре и остановить руку убийц. Однако, движение против колониальной политики хотя и медленно, но неуклонно растет среди французского пролетариата и в этом движении один из главнейших залогов победы угнетенного населения французской колониальной империи в борьбе за полное освобождение.

в Марокко, ни в Китае, ни где бы то ни было не может решительно победить без социальной революции в самых развитых капиталистических странах, но при создавшейся неразрывной связи между той и другой национальная революция в странах Востока сама является новым и сильным толчком для мировой пролетарской революции».

VIII. Взятие столицы Абд-эль-Керима. Перспективы зимней кампании.

2 октября 1925 г. пресса сообщила о взятии (2 октября) испанскими войсками столицы Абд-эль-Керима — Аждира, и соединении французских и испанских войск в 40 километрах от Аждира. Однако, эти военные события не могли иметь решающего влияния на исход кампании уже потому, что через несколько дней, из-за наступления дождей, военные операции замедлились, а затем и совсем прекратились. 100-тысячная испанская и 160-тысячная французская армии расположились на зимние квартиры. Как вынуждена это признать даже французская пресса (см. «Тан» от 23 октября), Абд-эль-Керим, несмотря на отпадение от него многих племен Риффа (по вычислениям «Тан» около 100 тысяч туземцев, доставлявших около 20 000 воинов), все еще располагает очень серьезными силами. «Не следует увлекаться иллюзиями. Абд-эль-Керим располагает еще около 60 000 воинов, значительная часть которых еще не принимала участия в боях. Собственно риффская армия еще даже не тронута». Здесь преувеличены как число туземцев, отпавших от Абд-эль-Керима, так и численность риффской армии. Важно то, что даже по признанию французской армии сила сопротивления Абд-эль-Керима ничуть не сломлена, несмотря на мобилизацию Францией и Испанией громадных военных сил и затрату больших финансовых средств.

На заседании финансовой комиссии палаты депутатов премьер Пенлеве сообщил 21 октября, что до 15 октября сего года число убитых в Марокко достигает 2176 человек, в том числе 40 офицеров и 600 солдат французов; ранено 5306 человек, в том числе 160 офицеров и 1330 солдат французов.[1] Расходы на войну в Марокко с января 1924 г. по октябрь 1925 г. выразились в сумме 950 миллионов. На войну в Сирии с июня 1924 г. по июнь 1925 г. истрачено 197 миллионов; что касается нищей Испании, последняя с 1923 г. израсходовала на войну в Марокко около 200 милл. рублей золотом.

Итак, Франция, переживающая тяжелый финансовый кризис, затратила на одни военные операции в Марокко за последнее время около 1 миллиарда франков. Содержание 160-тысячной армии в Марокко на

[1] На заседании палаты депутатов 23 декабря 1925 г. военный министр, отвечая на вопрос Вайяна Кютурье, заявил, что начиная с 5 июля 1925 г. потери французских войск в Марокко убитыми, ранеными и пропавшими без вести достигают 11 000 солдат и 419 офицеров.

зимних квартирах ляжет тяжким бременем на французский бюджет. Абд-эль-Керим сбросил уже одного маршала (Лиотея) и немало способствовал падению Кайо. Зимняя кампания на подступах к Риффу углубила внутренний кризис во Франции и совершенно связала руки правительству III республики перед лицом Англии, Америки и в известном смысле и Германии.

Какое влияние имеет взятие Аждира на исход событий в Марокко.

Прежде всего нужно отметить, что Абд-эль-Керим не оказал упорного сопротивления наступлению испанских войск на Аждир, который защищался лишь небольшим отрядом риффов. С момента военных действий на французском фронте Абд-эль-Керим создал базу для риффской армии в Таргисте, укрепленном пункте, куда вождь риффов перевез свою казну, пленников и запасы оружия и снаряжения. Взятие Аждира могло бы иметь роковые для риффов последствия, если бы оно сопровождалось дальнейшим успешным наступлением испанской армии. Однако, испанцы не обнаружили никакого желания использовать плоды своей победы. Испанская официозная пресса недвусмысленно подчеркивает, что испанским войскам не следует углубляться в область риффов. Как писала известная испанская газета «Abc», Испания должна ограничиться организацией укрепленного лагеря в Альхуцемасе и операциями, имеющими целью соединить эту позицию с сектором Мелиллы, путем занятия береговой полосы между Альхуцемасом и позицией Афрана. «За исключением этих задач и некоторых второстепенных операций совместно французской и испанской армиям нечего делать в Марокко в нынешнюю кампанию». Французский официоз «Тан» высказывает опасение, что взятие Аждира может явиться концом франко-испанского военного сотрудничества. «Вся военная деятельность Испании в Марокко — пишет «Тан» в статье от 8 октября — является равнодействующей двух сил: с одной стороны, нежелания воевать в Марокко в виду полной непопулярности этой войны в Испании, с другой стороны, убеждения, что северная граница Марокко представляет стратегическую границу Испании».

Итак, французским империалистам не приходится рассчитывать на особенно активную поддержку со стороны испанцев. Между тем последние требуют от французов награды за свое содействие, и, как признал Пенлеве на заседании палаты депутатов от 22 октября 1925 г., Франция уже уступила Испании, помимо зоны, предоставленной ей предшествующими договорами, еще несколько прибрежных секторов Средиземного моря. Это заявление Пенлеве вызвало сильное смущение во многих органах французской прессы. Ясно, что испанское правительство будет пользоваться теперь, когда и французская армия увязла в риффском осином гнезде, любым поводом, чтобы вырвать у Франции новые уступки.

На что же рассчитывают теперь французские империалисты, чтобы сломить сопротивление Абд-эль-Керима? В статье, опубликованной в номере от 24 октября, «Тан» снова возвращается к старой, излюбленной идее — вызвать отпадение ряда племен от Абд-эль-Керима.

*

«Нужно использовать перерыв военных действий на время зимы, чтобы усилить политическую работу среди племен Риффа. Нужно надеяться, что наши офицеры связи сумеют убедить некоторые племена, остававшиеся до сих пор верными Абд-эль-Кериму, перейти на нашу сторону».

Однако, мы видим, что пока в самой Франции усиливается движение против войны. Собрания рабочих высказываются за братание с риффами. Брожение захватывает не только рабочую среду, но начинает проникать и в военную. Недовольство солдат и матросов войной растет.

Военный суд, заседавший на крейсере «Курбэ», приговорил четырех моряков, протестовавших против марокканской авантюры, к 20 годам каторги. Арестованы матросы на военных судах «Париж», «Страсбург» и «Прованс». Недовольство солдат войной растет. В артиллерийской, например, части, стоящей в Перпиньяне, наблюдалось несколько случаев отказа со стороны солдат и низшего командного состава от участия в войне. Солдаты стрелкового полка, при погрузке на суда в Марселе, шли с криками «долой войну».

По сообщению «Юманите», сильно растет недовольство солдат и на фронте. Редакция получает много писем, в которых авторы указывают на невероятно скверно поставленное снабжение войск провиантом.

Брожение умов захватило не только солдатскую массу, но начинает проникать и в офицерский состав. Характерен случай, облетевший всю французскую печать, об отказе генерала Гилома отправиться в Марокко для занятия там высокого командного поста. Этот случай — далеко не первый. Нарушение дисциплины все чаще наблюдается среди низшего командного состава.

Большой скандал, живо обсуждающийся парижскими газетами, произошел в 35 пех. полку, расположенном в Бельфоре и предназначенном для отправки в Сирию. Два капитана этого полка Герман и Жизан, шесть других младших офицеров и несколько фельдфебелей отказались итти с полком. Некоторые из них подали прошения об отставке. Дело о них передано в высший военный суд. Однако, инцидент этим не ограничился. Брожение среди солдат этого полка вылилось в демонстрацию протеста против отправки полка на войну. В течение трех дней из полка дезертировало 60 человек. Произведены аресты «зачинщиков». В конце концов военному министерству пришлось отказаться от отправки 35 полка на фронт.

Если верно, что некоторые племена Риффа обнаруживают крайнюю усталость многолетней войной и упадок духа, то столь же верно, что процесс недовольства колониальными авантюрами, рост революционного настроения рабоче-крестьянских масс Франции развивается безостановочно.

Каждый день затяжной войны в Риффе все более ослабляет узы франко-испанского союза. Корреспондент «Тан», сменивший убитого на фронте ура-патриотически настроенного Режинальда Канна, призывавшего к войне с риффами до победного конца, бьет отбой и заявляет,

что взятие Аждира отнюдь не представляет выдающейся военной победы, и что, если испанцы твердо решили ограничиться тактикой наименьшего усилия, французы откажутся от ведения военных операций в самом Риффе и ограничатся с своей стороны защитой французского Марокко. Более того, некоторые французские буржуазные газеты высказываются в пользу предоставления риффам возможности пользования плодородной долиной Уэрги. Это уже вынужденный отказ от политики Лиотея. Если в начале кампании против риффов сразу обнаружилась непригодность сенегальских войск в войне против маленького народа, защищающего свою независимость, теперь становится очевидным, что чем более будет длиться война с риффами, тем более будет разлагаться французская армия. В начале XX столетия Англия разгромила бурские республики, благодаря слабости рабочего движения в Европе: ныне величайшая военная держава Европы стоит перед перспективой поражения в борьбе с маленьким народом, именно благодаря росту революционного движения среди рабочих масс Европы и народов Востока.

Будем надеяться, что под влиянием развития революционных событий в самой метрополии французская буржуазия окажется вынужденной отказаться от продолжения своей политики разбоя в Риффе и в Сирии. [1]

Капитуляция Абд-эль-Керима и трагедия Риффа. [2]

В статье «Война с Марокко и ее перспективы», напечатанной в ноябре 1925 г. в «Новом Востоке» (№ 10 — 11), мы писали следующее о перспективах борьбы маленького народа против двух военных держав, мобилизовавших несколько сот тысяч солдат в целях покорения и раздела области риффов.

«В тяжелой и кровавой борьбе народы Востока, народы колониальных и полуколониальных стран завоевывают себе право на свободу и независимость. Много лет пройдет, прежде чем народы колониальных и полуколониальных стран сумеют собственными силами завоевать себе полную независимость. События в Китае, в Сирии, где друзы изнемогают под натиском новых и новых французских полков, прибывающих из метрополии и французских колоний, в Риффской республике, где маленький народец истекает кровью в борьбе с сильнейшей в мире военной державой, опирающейся на союз с Испанией, — все это показывает, как трудно угнетенным народам черного и желтого континентов

[1] На французской политике в Сирии и вообще в Малой Азии мы остановимся в т. IX.

[2] Предшествующие страницы, сданные нами в печать в феврале 1926 г., были уже целиком отпечатаны, когда в конце мая появились сообщения о взятии французскими войсками Таргиста, военной столицы Абд-эль-Керима, и капитуляции последнего.

добиться освобождения без активной поддержки со стороны международного пролетариата, в первую голову пролетариата тех государств, которые ведут в данный момент войну против порабощенного населения независимых стран. Исход риффской войны будет зависеть в значительной степени от содействия французского и испанского пролетариата делу борьбы риффского народа».

После шестилетней геройской борьбы вождь риффов Абд-эль-Керим, оставленный одними племенами, отрезанный от других, преследуемый и отвергнутый многими из тех, дело которых он с таким талантом и преданностью защищал в течение стольких лет, сдался на волю главного победителя в войне против риффов — французского командования и ныне интернирован в столице французского Марокко — Феце.

1. Испано-риффская война 1908—1924 г. Победы риффов.

Борьба риффских кабилов против испанцев началась уже в 1908 г., когда в районе Мелиллы вспыхнуло восстание, которое первоначально сопровождалось победами повстанцев, уничтоживших несколько испанских отрядов. Несмотря на то, что испанская военщина вводила в дело новые и новые силы и к концу 1909 г. численность испанских действующих войск была доведена в районе Мелиллы до 50 000 солдат, тем не менее испанская армия не могла похвастаться успехами, и в одном из сражений 27 июля 1909 г. у горного хребта «Гурурт» большой испанский отряд потерпел полное поражение, потеряв более 1000 человек убитыми и ранеными, при чем повстанцам досталась большая военная добыча в виде громадного количества винтовок, патронов и пушек. Однако, после высадки в Марокко новых армий, испанцам в 1910 г. удалось вытеснить повстанцев из района Мелиллы и расширить зону своего влияния в этой области. Двухлетняя повстанческая борьба временно затихла.

Однако, эта геройская борьба нескольких малочисленных племен против испанских поработителей, борьба, кончившаяся тяжким поражением повстанцев и вытеснением их из района Мелиллы, отнюдь не подняла, как рассчитывали испанские империалисты, престиж испанского оружия в глазах населения Риффа, не облегчила продвижение испанского войска в глубь Риффа, а, наоборот, дала могучий толчок пробуждению национального самосознания среди многих племен Риффа, дотоле враждовавших между собой, и содействовала их объединению в целях организованного отпора общему врагу.

Вождем национального движения в области риффов явился уроженец области Бени-Уриагель (по имени племени того же имени) Мохамед-ибн-

Абд-эль-Керим-ель Хаттаби.[1] Абд-эль-Керим родился в 1882 г. и получил образование в Феце. Будучи вначале мелким чиновником в испанской таможне, Абд-эль-Керим получил впоследствии звание кади (судьи) в испанской Мелилье и стал редактором газеты Эль Телеграмма дель Рифф (Риффская телеграмма) и в 1916 г. за бунтовщические статьи о независимости Марокко был приговорен к двухлетнему тюремному заключению в форте Кабреризас в Мелилле, откуда бежал через 11 месяцев. В 1920 г. Абд-эль-Керим отправился на родину и стал во главе племени Бени-Уриагель, объединившего под руководством Абд-эль-Керима вокруг себя почти все племена центрального Риффа для борьбы с испанцами. Таким образом Абд-эль-Керим стал амраром, т.-е. верховным начальником риффских племен. Испанским империалистам пришлось уже иметь дело не с несколькими слабыми племенами района Мелиллы и близлежащих местностей, как это было в 1908 — 1910 гг., а с более серьезным противником. Испанское командование учло это положение и мобилизовало большие силы для окончательного разгрома племен центрального Риффа.

Именно в этот период получила особое распространение в Испании легенда о баснословных рудных богатствах Джебел Амама, географического наименования, которое можно найти в различных пунктах испанских карт центрального Риффа. Испанские и стоявшие за их спиной международные спекулянты учитывали уже сказочные барыши, которые они получат в результате покорения центрального Риффа и спекуляции на богатствах последнего.

Согласно стратегического плана главнокомандующего испанскими войсками в Марокко, испанские армии с трех сторон, с моря, с востока и запада двинулись против свободолюбивых племен Риффа. 20-тысячная армия под командой ген. Сильвестра проникла в глубь Риффа. Этот экспедиционный корпус потерпел полное поражение при Аннауле (в июле 1921 г.), при чем значительная часть испанских войск была уничтожена, остальные же попали в плен к Абд-эль-Кериму. Генерал Сильвестр покончил самоубийством. Победителям достался огромный испанский обоз, тысячи винтовок с громадным количеством патронов, сотни пулеметов, десятки пушек и т. д. После знаменитого поражения итальянской армии в 1895 г. при Адуйе (Абиссиния), разгром испанской армии при Аннауле является одной из величайших колониальных «катастроф» в истории завоевательной политики империалистических держав в Африке. Эта победа высоко подняла дух риффов, сломила сопротивление многих старейшин, которые только незадолго до того на совещании в Аждире высказались в пользу мира с испанцами, указывая на бесплодность этой борьбы, и окончательно закрепила объединение риффских племен во главе с Абд-эль-Керимом. Это объединение нашло свое фор-

[1] Мохамед — сын Абд-эль-Керима из рода Аит Хаттаб. Аит Хаттаб — один из родов, из которых состоит племя Бени-Уриагель.

мальное выражение в образовании Единого Риффского государства, при чем Абд-эль-Керим был избран риффскими племенами главой нового государства.

Население этого государства могло выставить на местах следующие количества ружей: Мтиуа — 1500, Бени-Бу-Фра — 740, Таргист — 600, Бени-Иттеф — 1520, Боккойа — 2050, Бени-Уриагель — 9180, Бени-Тузен — 5000, Бени-Улишек — 2200, Темсаман — 3400, Таффеит — 700, Бени-Саид — 4000, Бени-Гмиль — 6000. Таким образом собственно риффские племена могли выставить 31 800 ружей, присоединяя сюда 78 000 ружей племен Джебалла — получаем 110 тысяч ружей, могущих быть выставленными на поле сражения в районе племен. [1] Само собой разумеется, что эта цифра указывает на общее количество бойцов, из которого новообразованное государство могло черпать свои контингенты. В действительности же риффское государство никогда не могло выставить на поле сражения у границ государства более 30 — 40 тысяч бойцов. После победы при Аннауле Абд-эль-Керим потребовал от испанского правительства: 1) полной эвакуации испанцами области Риффа за исключением Цеуты, Мелиллы и Альхусемаса, 2) обмена пленными и уплаты контрибуции в 4 127 000 песета в качестве выкупа за испанских солдат и офицеров, находившихся в плену у риффов. Испанцам волей-неволей пришлось пойти на соглашение, в общем установившее в восточной части зоны прежнее положение в границах 1912 г.

Маленькая страна, величиной в одну из наших губерний, с населением в несколько сот тысяч туземцев, разделенных на несколько разрозненных дотоле племен, только недавно начавших сознавать свое национальное единство, разбила большое европейское государство с 25 миллионами жителей, с 200-тысячной армией, взяв с него военную контрибуцию, и заставив испанские войска очистить ряд оккупированных ими территорий.

Однако, испанские милитаристы не могли примириться с этим положением. Сотни статей в испанской шовинистической прессе были посвящены требованию реванша, восстановления «престижа» испанского оружия, скомпрометированного поражением при Аннауле. В августе 1924 г. испано-риффская борьба вспыхивает с новой силой, при чем во главе испанских войск становится сам диктатор Примо-де-Ривера, вождь испанских фашистов. Любопытно, что Примо-де-Ривера был прежде противником оккупации Марокко и сторонником оставления испанской зоны.

«Надо желать, чтобы наша отдаленная Африка стала еще подальше», говорил Примо-де-Ривера в 1917 г. в Кадиксе. Эту точку зрения Примо-де-Ривера высказывал с особой силой в 1921 г. после поражения при

---

[1] См. Jacques Ladreit de Lacharriere «Le reve d'Abd-el-Kerim». Paris, 1925, стр. 186.

Аннауле. Даже сделавшись диктатором, Примо-де-Ривера не раз высказывался против целесообразности оккупации испанцами Марокко, однако, в угоду испанским капиталистам, акционерам компании «Minas del Rif», и военщине, Примо-де-Ривера в интересах сохранения своего престижа и власти вынужден был сам принять верховное командование над испанской армией, которая летом 1924 г. снова начала военные действия против риффов. К этому времени численность испанской армии достигала 175 000 человек. Абд-эль-Керим мобилизовал против этой армии около 30 000 бойцов. В течение ноября — декабря 1924 г. Абд-эль-Керим разбил на-голову всю испанскую армию, и чуть было не выбросил ее в море. Победителям достались громадные военные трофеи, ценность которых вместе с захваченным прежде военным имуществом исчислялась, примерно, в 10 миллиардов франков. Десятки тысяч винтовок с миллионами патронов и вся горная испанская артиллерия, несколько танков и аэропланов попали в руки Абд-эль-Керима. К началу 1925 г. Абд-эль-Керим владел $^2/_3$ оккупированной испанцами за период 1912 — 1924 гг. территории и, таким образом, испанцы могли удержаться лишь у прибрежной полосы под прикрытием своих укреплений и флота. После этих блестящих побед престиж Абд-эль-Керима необычайно поднялся среди мусульманского населения всего Марокко, включая и французскую зону. В Алжире, Тунисе, Марокко имя Абд-эль-Керима стало синонимом победоносного борца за освобождение мусульманской Африки от ига поработителей. Престиж Абд-эль-Керима возрос особенно значительно с того момента, как стало известно, что он использовал свои победы, чтобы создать из риффской области республику, главой которой он был избран. Именно после поражений испанской армии в кампанию 1924 г. Примо-де-Ривера снова стал высказывать свои старые идеи, которые он проповедывал в период 1917 — 1923 гг., доказывая, что Марокко не представляет для Испании никакой ценности и что единственной причиной, побудившей испанское правительство к активным действиям в Марокко, являются международные обязательства.

Освободительная борьба риффов вызвала отклик среди угнетенного мусульманского населения северо-африканской французской империи, поэтому испанская катастрофа не могла не вызвать глубокой тревоги среди французских империалистов. Уже с конца 1924 г. генерал-губернатор французского Марокко маршал Лиотей предпринял целый ряд провокационных мер на границе испанской зоны, установив здесь ряд блокгаузов и сосредоточив большую армию, прекратив риффам доступ в долину Уэрга, житницу Риффа. Таким образом, отрезав население Риффа от района, откуда они получали съестные припасы, Лиотей вызвал вторжение Абд-эль-Керима во французскую зону и провоцировал франко-риффскую войну, начавшуюся в апреле 1925 г., переходом Абд-эль-Керима в наступление на территорию французского протектората. Выше мы изложили перипетии этой борьбы и причины неудачи наступления против французов, победоносного дотоле в войне с испанцами Абд-эль-Керима.

Решив разгромить Абд-эль-Керима и покончить с республикой риффов, французское правительство, опасаясь противодействия со стороны Англии, которая могла использовать Испанию в качестве своего орудия против французских планов, вступило в переговоры с разгромленной риффами Испанией и путем различных обещаний добилось заключения военного франко-испанского союза для борьбы с риффами. На франко-испанской конференции в Мадриде, заседавшей с 18 июня по 13 июля 1925 г. было подписано соглашение между обеими державами, и франко-испанский союз для действия против риффов стал совершившимся фактом. Риффская республика, которая при наличности около 100 000 мужчин, способных носить оружие, могла выставить на поле сражения максимум 40 000 бойцов, пришлось иметь дело не с одной Испанией, способной мобилизовать до 175 000 солдат, но сверх того с далеко более серьезным противником, с сильнейшей военно-сухопутной державой в мире, именно с Францией. После подписания военного союза с Францией, Примо-де-Ривера забыл о тех идеях, которые он неоднократно высказывал раньше и стал яростным сторонником плана полного «умиротворения» испанской зоны и разгрома республики риффов в целях захвата новых территорий.

После взятия испанцами Аждира, столицы республики риффов (20 октября 1925), Примо-де-Ривера по своем возвращении в Испанию произнес большую речь, в которой, возложив вину на «большевистских агентов» в провокации риффского бунта, указал на необходимость сохранения за Испанией Марокканской территории. [1]

II. Франко-риффская война 1925—1926 г. и поражение риффов. Французские коммунисты и война. Французские социалисты и война.

В течение пяти лет, с 1920 по 1925 г., Абд-эль-Керим вел победоносную войну против Испании. Вмешательство в 1925 г. Франции коренным образом изменило положение. Франция мобилизовала против маленького народа 200-тысячную армию, вооруженную всеми усовершенствованиями современной техники, в том числе аэропланами и танками, сыгравшими большую роль в прорыве риффского фронта. С самого начала военных действий Франции сумела, благодаря оккупации бассейна Уэрги, отрезать население Риффа от центра житницы. Это было решающим фактором, определившим ряд поражений риффских войск и в конечном счете капитуляцию Абд-эль-Керима.

---

[1] Чтобы отпарировать возможные упреки в непоследовательности и ссылки на прежние его речи, Примо-де-Ривера в заключительной части своей речи 16 октября заявил, что «лучше фальсифицировать историю, чем рассказывать ее в таком виде, который может обескуражить молодежь». Не доказал ли Примо-де-Ривера этим заключительным аккордом своей речи, что все его рассказы о большевистских агентах и большевистском золоте были простой фальсификацией истории испано-риффской войны.

С самого начала франко-риффской войны мы указывали, что только революционное вмешательство французского и испанского пролетариата в войну с риффами могло бы предотвратить разгром последних. Уже в сентябре 1925 г. коммунистический орган «Юманите» указывал на возможность разгрома риффской республики до начала зимы, т.-е. в течение 1925 г. Это опасение «Юманите» не оправдалось и Абд-эль-Кериму удалось затянуть борьбу почти до начала июня 1926 г. Война Абд-эль-Керима с французами длилась 13 месяцев.

В горячей статье: «Вдохновимся примером красных моряков», напечатанной в «Юманите» от 6 января 1926 г., Андре Марти, один из героев французского черноморского флота, поплатившийся многими годами каторги за руководство восстанием во французской эскадре в Одессе в 1919 г., констатировал факт слабой активности французского пролетариата в деле борьбы против войны с риффами и писал следующее:

«Симпатии французского пролетариата к деятельности коммунистической партии в деле борьбы против войны значительно возросли. Число рабочих, поддерживающих нас в этой кампании так велико, что не только Ренодель, но даже Малви, чтобы не оттолкнуть от себя многих избирателей, потребовали 30 декабря 1925 г. от Бриана заключения мира с риффами».

«Но симпатии по отношению к коммунистам, одобрение их деятельности недостаточны, чтобы остановить военные действия. Господствующий класс, руководящий в своих интересах избиением риффов, может уступить только силе. Таким образом результатом инертности пролетариата является тот факт, что 160 наших товарищей сидят уже в тюрьме, что сотни других преследуются и что солдаты не отказываются итти в Марокко, потому что пролетариат не загораживает им дороги и не говорит солдатам об их долге».

Но в той же статье Андре Марти указывает, что в то время как французский пролетариат позволяет, чтобы его детей посылали как баранов на убой, французские моряки показывают пример революционного действия и почти на всех военных судах протестуют против войны, подвергаясь за этот образ действий суровым карам. В «Юманите» от 20 мая, т.-е. почти за месяц до капитуляции Абд-эль-Керима, тот же Андре Марти рассказывает о бунте, имевшем место 27 апреля на военном судне «Мец», находившемся у берегов Риффа.

Недовольство против войны, революционное настроение рабочих масс Франции было достаточно сильно, чтобы вызвать не только резолюции на многих рабочих собраниях о братании с риффами, не только сотни случаев отдельных энергичных выступлений в рабочей среде против войны, случаев, вызвавших суровые репрессии по отношению к виновникам этих выступлений, но и беспорядки и бунты в связи с войной в некоторых полках и на военных судах. Более того, коммунистическая пропаганда оказала свое влияние в том отношении, что, разоблачив истинный характер войны с риффами, она убила всякий энтузиазм в солдатской массе.

Солдаты сражались с риффами из-под палки, под угрозой расстрела из французских же пулеметов и нередки бывали случаи, когда громадные французские отряды бежали перед горстью риффских партизан. Здесь повторилась та же история, которая имела у нас место в столь непопулярную русско-японскую войну, в войну с Германией, в войне испанцев с риффами «Солдаты голосовали против войны ногами» (Ленин).

Французы сломили сопротивление риффов менее всего благодаря героизму французских солдат, более всего благодаря употреблению многих отрядов танков, действовавших группами в 2 — 3 единицы, аэропланов и в особенности благодаря оккупации житницы Риффа, бассейна Уэрги.

Революционное брожение, недовольство войной в рабочих массах и войсках Франции, вызванное коммунистической пропагандой, оказалось уже настолько сильным, что оно в состоянии было дать возможность населению Риффа значительно продлить оборону своей территории и не дать возможности французским империалистам разгромить республику риффов до наступления зимы 1925 г. Но это движение против войны не было еще настолько грозным, чтобы оно могло помешать французскому правительству довести свое дело до конца.

Французская коммунистическая партия в своей кампании в рабочих массах против войны с риффами встретила сильное противодействие не только со стороны социалистов, но даже со стороны так называемого правого крыла компартии, возглавляемого Лорио, Пазом и др. В то время как французские коммунисты, подвергаясь репрессиям,[1] мужественно пропагандировали идею военной эвакуации Марокко и братания с риффами, Лорио и Паз, — как указали т. Зиновьев и Семар, — при поддержке исключенных из компартии Суварина, Монатта и Росмера вели борьбу против пораженческих лозунгов братания с риффами и эвакуации Марокко.

Таким образом члены правого крыла действовали рука об руку с господином Реноделем, вождем французской социалистической партии, заявившим в парламенте, что — «французская социалистическая партия вовсе не требует эвакуации Марокко», с Жуо, признанным лидером и председателем правых профсоюзов и другими ренегатами, проповедывавшими до мировой войны «мир во что бы то ни стало», а с самого начала войны 1914 г. борьбу с немцами «до победного конца».

И социалисты из лагеря Реноделя и члены правого крыла доказывали «бессмысленность» лозунга братания с риффами, ибо французские солдаты принадлежат к высоко-культурной расе, идущей во главе мировой

---

[1] Так, 30 декабря 1925 г. Уголовный Трибунал Сены приговорил, как мы указали выше, т.т. Кашена, Дорио, Монмуссо и Мидоля к 13 месяцам тюрьмы и к штрафу в 3000 франков каждого; т. Белланже к 16 мес. тюрьмы и двум тысячам франков; кроме того суд приговорил т.т. Сюзанну Жиро и Шассеня к 10 мес. и 2 тысячам франков, т. Тореза к 8 месяцам и 2 тыс. франков, т.т. Боннефон, Рейно, Беррара и Жильберта к 6 мес. и 2 тыс. франков.

культуры и цивилизации в то время, как риффы являются-де полудикарями, находящимися притом под властью феодального вождя, между тем как лозунг братания предполагает известное соответствие в степени экономического и культурного развития воюющих армий. Такая аргументация против братания с риффами являлась чистейшим лицемерием, тем более, что во французской армии, сражавшейся против риффов, имелись не только целые дивизии сенегальцев, стоящих по своему культурному и умственному уровню гораздо ниже риффов, но и значительная часть марокканцев и алжирцев, стоящих на одном уровне с риффами. Мы не говорим уже о том, что во время войны с немцами нашлись другие аргументы для борьбы против лозунга братания.

Эта аргументация против лозунга братания с риффами сама по себе не могла иметь особого успеха в рабочих массах Франции, зато надо заметить, что борьба социалистов и членов правого крыла против лозунга эвакуации Марокко нашли сочувственный отклик в широких массах рабочего класса и крестьянства Франции. Народные массы Франции еще не доросли до идеи добровольного отказа от колоний. Понятно, что верхушка рабочего класса Франции и некоторые «середняцкие» элементы французского крестьянства попросту экономически заинтересованы в колониальной политике своей страны и энергично поддерживают империалистов. Многие квалифицированные французские рабочие находят высоко оплачиваемые должности в Марокко, Алжире, Тунисе, Мадагаскаре и т. д. Скопив здесь маленький капиталец, возвращаются они на родину. Многие зажиточные крестьянские семьи, имеющие двух сыновей, легко соблазняются возможностью устроить одного из сыновей в качестве собственника более или менее крупного земельного участка где-нибудь в Тунисе или Марокко. Мы не говорим уже о том, что многих рабочих и крестьян пугает мысль о возможности краха французской колониальной империи и перспектива возвращения в метрополии сотен тысяч французских граждан из Алжира, Туниса, Марокко и т. д. Миллионы французских крестьян и рабочих уверены в том, будто их жизненные интересы самым тесным образом связаны с сохранением могущества Франции, как колониальной империи. Вот почему «колониальная» программа социалистов пользуется пока большим успехом среди широких масс французского пролетариата. Социалисты резко критикуют коммунистов, требующих эвакуации из колоний войск империалистических держав. Социалисты доказывают, будто сами туземцы заинтересованы в сохранении господства в колониях высококультурной французской нации, будто все бедствия туземцев носят лишь временный характер и с полным торжеством социалистической партии в самой Франции начнется новая великая эпоха в жизни колониальных народов, которые быстро приобщатся ко всем благам высшей культуры и цивилизации. Уход же французских войск из колоний, отказ Франции от своей колониальной империи явится прежде всего величайшей катастрофой для самих туземцев, которые очутятся-де снова во власти своих феодальных князей, невежественного и фанатического духовенства, потеряют всякую возможность приобщения

к благам цивилизации и прогресса и, в конечном счете, будут завоеваны какой-нибудь другой империалистической державой, Англией, Испанией, Италией, может быть даже Германией, одним словом, какой-нибудь страной, которая будет более жестоко эксплуатировать покинутых на произвол судьбы туземцев, чем высоко культурная и гуманная Франция, которая-де сделала уже столько хорошего для блага отсталых народов в своих колониях. Защищая рьяно эти идеи, социалисты доказывают, как это имело место на конгрессе французской социалистической партии в мае 1926 г. в Клермон-Ферране, что долг социалистов заключается в борьбе за распространение в колониях светских школ (в противовес существующим религиозным, главным образом, миссионерским школам), за установление охраны труда туземцев, за предоставление последним права организоваться в профессиональные союзы и за «примирение людей различных рас на лоне социалистической цивилизации».

Было бы наивно закрывать глаза на истинное положение во Франции и не видеть, что в настоящий момент эта колониальная программа социалистов имеет многих сторонников среди французских пролетариев и даже среди тех рабочих, которые более или менее энергично поддерживали коммунистов в борьбе против войны и стояли за немедленное заключение мира с Абд-эль-Керимом.

Неудивительно, что под влиянием такой «социалистической» пропаганды и деятельности группы Суварина, Монатта и Росмера, которые, по правильному замечанию т. Семара, систематически разлагают партию и красные профсоюзы, рабочий класс Франции не оказал борющимся риффам той поддержки, на которую рассчитывали как сами риффы, так и многие французские коммунисты.

III. Франко-риффская война и мусульманское население Северной Африки.

Надежды противников мирового империализма и друзей маленького народа, борющегося за свою независимость, на энергичное вмешательство французского и испанского пролетариата в войну с риффами, оправдались лишь частично.

«Война будет продолжаться ровно столько времени, писал французский коммунист Семар,[1] сколько позволит пролетариат. Те, кто является ее жертвами, те, кто подыхает на фронте, могут окончить ее завтра же. Коммунисты и с ними пролетариат городов и сел приложат все старания, чтобы добиться этого».

Благодаря разлагающей работе социалистов, пролетариат городов и сел Франции и Испании не сделал всего, что было необходимо, чтобы добиться прекращения войны с риффами.

---

[1] См. Семар «Война в Марокко», стр. 80. Ленгиз, 1925 г.

Более серьезную помощь, по сравнению с французскими и испанскими рабочими, оказали риффам мусульманские племена французской северо-африканской империи. Многие тысячи туземных солдат из французской армии перешли на сторону риффов, многие племена французского Марокко с оружием в руках сражались под знаменем Абд-эль-Керима, однако всеобщего восстания в Алжире, Марокко и Тунисе, восстания, которое одно, по мнению Абд-эль-Керима, могло бы привести к изгнанию французов из Северной Африки, не произошло.

Ниже мы приводим с большими сокращениями одну из прокламаций, с которой Абд-эль-Керим обратился к населению Алжира и Туниса:

Алжир, 15 августа 1925 г.

От имени эмира Абд-эль-Керима к народам Алжира и Туниса.

«Я обращаюсь к вам, славные народы, от имени риффской нации, которая начала борьбу за дело свободы, за торжество божественного слова и за победу мусульман. Хотя в своей священной борьбе риффский народ понес самые тяжкие потери, его дух не поколеблен, его сила не сломлена. Едва только риффский народ разгромил испанцев и изгнал их из своей страны, едва только он приступил к мирному труду, как тираническая Франция объявила нам войну с целью овладения нашей страной.

«Франция и Испания объединились ныне против нас, подобно тому как англичане, итальянцы, французы и греки объединились прежде против турок, чтобы покончить с этой мусульманской страной и разделить ее. Но турецкий герой Кемаль-паша стал во главе своего народа, разбил врагов, и восстановил независимость своей страны...

«Мусульмане Алжира и Туниса. В нашу столицу являются депутации из Феца, Мекнеса, Маракеша, Тетуана и других городов Марокко, равно как из Триполи, Египта, Палестины, Сирии, Ирака, Турции и Индии. Все эти делегации выражают свою твердую уверенность в торжестве дела риффской республики и оказывают нам моральную и материальную поддержку.

«Мусульмане Алжира и Туниса, настал момент для всех мусульманских народов Триполи, Египта, Палестины, Сирии, Ирака порвать цепи рабства, прогнать насильников и освободить свою территорию. Воспользуйтесь этим благоприятным обстоятельством и восстаньте вместе с нами, чтобы освободить всю нашу территорию.

«Франция со времени последней войны все более и более ослабевает. Если мы все объединимся против нее, она будет разбита и ее союз с Испанией или другой страной не спасет ее. Общественное мнение во Франции и Испании настроено против своих правительств из-за войны, которую последние начали против нас; в войсках, действующих против нас и состоящих из сыновей рабочих и крестьян, находится много солдат, которые дезерти-

руют и скрываются у нас. Все они являются противниками войны, врагами своего правительства, которое будет свергнуто революцией, если не прекратит войны и не заключит мира.

«Подобно нам, поднявшимся на защиту своей независимости, 400-миллионное население Китая встало для борьбы с поработителями. Соединимся же со всеми народами Востока, чтобы изгнать поработителей наших стран.

«О, мои алжирские и тунисские братья, час нашего освобождения от ига Франции настал... Сплотимся вместе и мы будем достаточно сильны, чтобы прогнать наших врагов. Таким образом создастся республика, в состав которой войдут все страны северной Африки.

Мохамед бен Абдель Керим».

Эта прокламация, по сообщениям турецкой прессы, подтвержденным французской печатью, в тысячах экземпляров распространялась в январе 1926 г. в Тунисе и Алжире.

Геройская борьба Абд-эль-Керима против Франции дала сильный толчок росту национально-освободительного движения среди мусульманского населения Алжира и особенно Туниса, где партия Дестур выставила требование полной независимости Туниса, единого фронта с революционным Марокко и Сирией.[1] Однако, ни в Алжире, ни в Тунисе это движение не привело к каким-либо активным выступлениям, которые могли бы повлиять на исход франко-риффской войны. В Тунисе, как и в Египте, в Триполи, в Алжире, дело помощи риффам выразилось лишь в распространении соответствующих прокламаций, в сборе пожертвований в пользу риффов и т. д.

В далеко более грозных для французского империализма формах национально-освободительное движение проявилось в Марокко, где многие племена французской зоны с оружием в руках восстали летом 1925 г. против своих поработителей и присоединились к вторгнувшимся во французское Марокко отрядам Абд-эль-Керима, однако и здесь некоторые влиятельные племена (как, например, Гвиата и Бени-Уарин) остались верны французам и помогли немногочисленным в тот период французским войскам отстоять опорные пункты французского могущества в Марокко, Фец, Тазу и Уэйцан.[2]

IV. Война с французами и разложение внутри риффского государства.

Мы уже указывали выше, что, начиная войну с риффами, французские империалисты возлагали главные свои надежды не столько на успехи французского оружия, сколько на неизбежную междуплеменную рознь

[1] См. ст. Китайгородского «Тунисская нар. рев. партия «Дестур». «Новый Восток», 1926, № 12.

[2] См. выше, стр. 210.

и разложение внутри риффского государства в связи с затяжной войной и ухудшением положения в стране риффов.

Сам по себе факт вынужденной войны с Францией, которую многие старейшины риффских племен считали делом далеко более трудным и рискованным, чем война с гнилой Испанией, не мог не усилить вначале глухую оппозицию против Абд-эль-Керима со стороны всех элементов риффского населения, утомленных беспрерывными войнами и мечтавших о мире во что бы то ни стало. При таких обстоятельствах только блестящие победы над французами могли бы снова сплотить в едином национально-освободительном порыве племена, только недавно переставшие враждовать друг с другом, и начавшие сознавать себя частью единого риффкого государства. Между тем, каждый месяц войны, со всеми ее ужасами и жертвами, с блокадой, которая все более и более ухудшала положение народных масс, обостряя голод, нищету, вызывая эпидемические болезни, и т. д., усиливали сепаратистические тенденции среди некоторых племен, стремление освободиться из-под власти Абд-эль-Керима, лишь бы скорее добиться мира и избегнуть расправы со стороны французов. Понятно, что при таких условиях французским агентам удалось уже в первые месяцы 1926 г. склонить старейшин некоторых племен к отказу от подчинения Абд-эль-Кериму и к самостоятельным переговорам с французским командованием. Конечно, по отношению к старейшинам французы применяли не одни только угрозы, но и подкуп. Постепенно идея сепаратного мира начала распространяться среди многих племен Риффа. Насколько стремление к сепаратному миру вызвано необычайно тяжелым положением, в котором очутились в результате войны некоторые племена, ярко подчеркивают нам те драконовские «мирные» условия, на которые соглашались многие племена, более года мужественно сражавшиеся против французов. Так, еще до сдачи Абд-эль-Керима, племя Сенаджа согласилось признать своим старейшиной французского ставленника Каида Амара бен Гамиду, который во главе партизан из племен Марнисса, Генайа и Бранес ворвался в риффские области, согласилось прекратить войну и подчиниться французам на следующих условиях: 1) обязательство предоставить французам по 1 быку от каждых десяти семей, 2) обязательство предоставить на условиях оплаты за труд рабочих для проведения горных дорог и тропинок, 3) обязательство бесплатно исправить все испорченные дороги в районе племени, 4) передача французам 35 заложников для гарантии безопасности французских войск на территории Сенаджа, 5) выдача в течение 8-ми дней по одному ружью и 300 франков от каждой семьи. Немедленная уплата 12 000 франков, 6) обязательство предоставить в распоряжение французского командования партизан для предстоящих операций.

Легко себе представить, в каком тяжелом положении должно было очутиться данное племя, чтобы согласиться на сепаратный мир на подобных условиях. Не следует забывать, что мужское население Сенаджа, подобно другим племенам Риффа, испокон веков держалось обычая носить постоянно оружие. Теперь оно оказалось вынужденным его сдать.

Если некоторые племена уже после первых неудач в борьбе с французами оказались вынужденными на сепаратный мир и объявили о непризнании ими власти Абд-эль-Керима, другие племена, не слагая оружия, стали отзывать, как это сделало племя Гомарра в апреле 1926 г., с фронта своих воинов, чтобы иметь в своем распоряжении все силы племени для защиты своей территории. Более того, разложение в некоторых частях Риффа, угрожаемых французскими войсками, дошло до того, что в то время, как одна часть племени продолжала вести войну с французами, другая часть того же племени вступала в переговоры с французскими агентами и слагала оружие. Таким образом общее руководство обороной страны, применение единого плана военных действий становилось для Абд-эль-Керима все труднее и труднее, при чем попытки применить репрессии по отношению к племенам, перешедшим на сторону испанцев или французов, часто оканчивались неудачей. Так, когда в апреле 1926 г Абд-эль-Керим послал карательную экспедицию для наказания племени Мтиуа, передавшегося на сторону французов, племя Мтиуа при поддержке французов перешло в контр-наступление и разбило на-голову карательный отряд.

После того как марокканские партизаны, находившиеся на службе у французов, овладели в мае месяце 1925 г. Таргистом, где Абд-эль-Керим укрепился с своим штабом после взятия испанцами столицы Риффа Аждира, Абд-эль-Керим, потеряв престиж среди многих племен, опасаясь за свою судьбу, сдался французам со своей свитой. Но с его сдачей борьба не прекратилась, тем более, что французское правительство согласно своей тактике лишь для виду вело переговоры в апреле 1926 г. с делегацией от всех риффских племен, решив на деле не признавать существования единого риффского государства и требуя от каждого племени, путем подкупа старейшин и угроз суровыми репрессиями, подчинения и выработки условий сепаратного мира независимо от характера условий, заключенных с тем или другим племенем.

После сдачи Абд-эль-Керима и несмотря на подчинение некоторых племен французам, многие племена все же продолжали борьбу и выбрали новых вождей, в тех случаях, когда прежние вожди высказывались в пользу мира.

Как бы ни кончилась начатая в апреле 1925 г. франко-риффская война, несомненно, что геройская шестилетняя борьба риффов вначале против испанцев, затем против могущественной Франции не пройдет бесследно ни для Риффа, ни для всей Северной Африки. Абд-эль-Керим сошел со сцены, но в истории национально-освободительного движения во всей Северной Африке его имя будет служить призывом к общей борьбе за освобождение от ига империализма.

V. Мировой империализм и капитуляция Абд-эль-Керима.

Капитуляция Абд-эль-Керима и поражение риффов вызвали вздох облегчения у многих английских и итальянских империалистов. Итальян-

ские газеты «Трибуна», «Пополо д'Италия», «Имперо»,[1] английские «Морнинг Пост» и «Дейли Хроникль» напечатали статьи по поводу победы Франции в таком радостном тоне, как будто победу одержали итальянские или английские войска. Иначе и не могло быть. Ведь победа риффов в борьбе против двух империалистических держав могла бы воодушевить все арабское население Северной Африки и Ближнего Востока к восстанию против мирового империализма. Между тем итальянцы сейчас ведут войну с сенуссистами, англичане же, несмотря на все усилия, не могут остановить роста национально-освободительного движения в Египте, где англофильская партия потерпела полное поражение на последних выборах. История Риффской войны лишний раз подтвердила, что империалистические державы, поощряя военную контрабанду в области восстания той или другой нации против того или другого колониального государства,[2] делают это, конечно, не для того, чтобы помочь угнетенному народу добиться свободы, а лишь для того, чтобы создать временные затруднения своему сопернику в борьбе за гегемонию в той или другой части света.

VI. Поражение риффов и борьба между державами.

Радость, которую обнаружили многие английские империалисты в связи с разгромом риффов, отнюдь не обозначает прекращения дипломатической борьбы между Англией и Францией из-за вопроса о гегемонии в северо-западной части африканского континента. Наоборот, дипломатическая борьба теперь принимает острый характер.

Вот что писала французская газета «La dépêche coloniale et maritime» (Колониальная и морская депеша) в передовой статье от 28 мая 1926 г., т.-е. на другой день после капитуляции Абд-эль-Керима:

«Франция и Испания имеют теперь полную возможность договориться о внутреннем режиме в Риффе, о политике по отношению к этой области, об условиях контроля над последней. Но в силу борьбы за положение на Средиземном море и благодаря интернациональному и уродливому статуту Танжера мы окружены отнюдь не симпатизирующими нам свидетелями и наблюдателями. Мы имели уже не раз случай убедиться в этом.

---

[1] «Имперо» писала: «Падение риффов укрепило положение Бриана. Абд-эль-Керим сдался на милость Франции. Италия, как колонизатор Северной Африки, не может не радоваться установлению мира в Марокко».

[2] По сообщениям (от 29 мая 1926 г.) французских газет, военная разведка французов в Марокко имеет в своем распоряжении фотографические снимки писем иностранцев к Абд-эль-Кериму, в которых Абд-эль-Керима побуждают продолжать сопротивление. Обвиняя в этом попрежнему Москву и Берлин, некоторые газеты намекают, что Рим и Лондон также принимали участие в антифранцузской пропаганде. «Эксцельсиор» пишет: «Если обнаруживающие некоторое беспокойство правительства не сговорятся относительно прекращения разоблачений, следует ожидать пикантной полемики».

«Испания, которая приписывает себе известную часть заслуг в разгроме риффов, выражает в данный момент свою радость по поводу счастливого события.

«Италия, которая в силу своего положения на африканском континенте, является мусульманской державой, выражает свою неподдельную радость по поводу капитуляции Абд-эль-Керима и победы французского оружия. Ибо эти победы рассеивают панисламитский кошмар, который начинал волновать мусульман Триполи, Египта, Сомали и Леванта. Пока итальянская политика будет придерживаться латинской концепции,[1] экономические интересы, которые связывают оба государства, будут скреплять узы дружбы между Францией и Италией и дадут возможность притти к справедливому и дружескому соглашению по всем северо-африканским вопросам.

«Иной характер носят наши отношения с Англией по вопросу о Риффе. Как только в какой-нибудь части света та или другая нация получает выгоду, в которой Англия не имеет своей доли, сейчас же эта держава начинает волноваться, ощетинивается, заявляет свои претензии и требует каких-нибудь компенсаций. Мы видим уже теперь это по отношению к Риффу. «Вестминстерская газета», отражающая галлофобскую точку зрения Ллойд-Джорджа, заявляет в сегодняшнем номере, что всякая попытка изменить статут Танжера должна рассматриваться как нарушение европейского равновесия и эта газета требует созыва международной конференции, чтобы разделить область Риффа между заинтересованными державами. Этого нельзя допустить. Вопрос о судьбе Риффа должен быть разрешен только Испанией и Францией».

Однако, едва ли так легко Франция и Испания придут к прочному соглашению по вопросу о Риффе. Согласно международных договоров, подписанных Францией, Рифф находится в зоне влияния Испании и должен быть подчинен испанскому протекторату. Таким образом, Франция должна будет убрать из Риффа свои победоносные

---

[1] Говоря о латинских концепциях Италии, цитируемая газета имеет в виду известную речь Муссолини о том, что Средиземное море должно принадлежать латинским народам. Конечно, итальянские и французские империалисты не прочь были бы разделить Средиземное море на две зоны, так, чтобы Франция господствовала в западной части, а Италия в восточной части Средиземного моря. Однако, как замечает та же «Колониальная и морская депеша» в статье от 5 мая 1926 г., «Реальная действительность к несчастью не соответствует этим планам. Италия не является гегемоном в Адриатическом и Эгейском морях, подобно тому как Франция не господствует в западной части Средиземного моря. Третья держава владеет Гибралтаром, Мальтой и Суэцом и держит в этих непринадлежащих ей водах самую сильную эскадру в Европе. Мы не особенно огорчаемся этим обстоятельством, так как речь идет о дружественной нам державе. Однако, факт присутствия по близости от наших берегов этих громадных морских сил является фактом, не имеющим прецедента в истории и не может не возбуждать недоумений».

войска только для того, чтобы Испания, уклонявшаяся от решительных военных действий в период 1925—26 гг., ввела туда свою армию. Неудивительно, что многие французские газеты ставят вопрос: «Неужели Франция пожертвовала 15 000 солдат и 2 миллиардами франков только в интересах испанского короля». Область риффов отрезывает Францию от Средиземного побережья Марокко, расположенного против Гибралтара. Вот почему Англия не боится протектората над этой областью слабой Испании, но в то же время не желает допустить захвата Францией какой-нибудь части территории в этих водах. На другой день после капитуляции Абд-эль-Керима дипломатический корреспондент «Дейли Телеграф» (газеты, близкой к английскому министерству иностранных дел) писал:

«Пока еще рано судить с уверенностью о политических последствиях поражения Абд-эль-Керима для международной политики. В правительственных кругах заинтересованных держав все же полагают, что один из победителей, если не оба, будут настаивать на изменении существующих границ Риффской области. «Всякие территориальные изменения на побережье Риффской области в стратегическом отношении настолько важны и затрагивают морские сообщения между частями Британской империи, что Англия имеет всяческие основания и даже вынуждена сказать в этом деле свое слово».

Но не только Англия собирается сказать свое слово по поводу Риффа. Сама Испания заявляет претензии, с которыми не соглашается значительная часть французской прессы. Так, испанские газеты снова ставят вопрос о передаче Танжера, этого ключа на Средиземном море, в руки Испании. Против этого требования решительно протестуют не только английские, но и французские империалисты.

VII. Франко-риффская война и итальянский империализм.

Что касается Италии, по сведениям, опубликованным во французской прессе, итальянское правительство предприняло шаги в Париже, Мадриде и Лондоне, требуя участия Италии во всех переговорах о Марокко, а в особенности по вопросу о возможном изменении «Танжерского округа».

Ясно, что Италию интересует не столько вопрос о Марокко, сколько стремление добиться полной свободы действия в Абиссинии и Турции. И если Турция оказалась вынужденной уже на другой день после капитуляции Абд-эль-Керима выразить свою готовность подписать выгодный для Англии договор о Моссуле, причина этой уступчивости заключается в желании Турции обеспечить нейтралитет Англии перед угрозой враждебных действий со стороны империалистической Италии. «Мы окончательно теряем Моссул, — писала турецкая газета «Акшам». — Фактически мы потеряли Моссул в начале войны. Турция, заботясь о развитии промышленности и земле-

делия, избегает военных авантюр». Шумные демонстрации итальянского империализма с его призывами к территориальной и экономической экспансии, во что бы то ни стало, кипучая деятельность по округлению африканских колоний, присоединение Сенуссистского центра Ярабуба, покорение не подчинявшихся ранее Италии мелких племен в Сомалиланде, постройка африканских железных дорог, соглашение с Англией об Абиссинии, в особенности устройство морской базы на острове Родосе, базы, угрожающей Турции, усиленные военные приготовления,— все это не может не возбуждать тревоги в Турции.

Как писал специальный корреспондент «Зари Востока» в письме из Стамбула от 3 мая: «фантом итальянского нападения принял для Турции очертания хронической опасности».

В середине апреля 1925 г. по Стамбулу распространились слухи о произведенном, якобы, в Адалии итальянском десанте. Несмотря на все старания итальянского посла Орсини-Бароне успокоить турецкое правительство, военные власти сочли благоразумным принять меры предосторожности. Два разряда запаса призваны к оружию и подготовлен призыв еще четырех разрядов, из опасения неожиданного нападения.

Турецкая пресса единодушно поддержала правительство в его защитительных мероприятиях.

«Пока еще ничего не ясно, — пишет «Вакит», — но недавние заявления Муссолини о турецкой территории и итальянском морском господстве от Сирии до самых отдаленных портов Черного моря заставляют нас серьезно призадуматься. Более всего необходимо, чтобы мы могли встретить возможную опасность в полной готовности».

«Джумхуриет» не был склонен придавать слишком преувеличенного значения слухам о возможности нападения, но и он находил, что «те, кто стоит у кормила правления, должны учитывать все возможности и, в соответствии с этим, принимать необходимые меры».

«Ени-Сез», с своей стороны, указывал, что «Турция привыкла быть на страже на случай даже и самой малой опасности и естественно, что она не сидит сложа руки».

Английская дипломатия использовала тревогу Турции в связи с военными приготовлениями Италии в целях оказания на Турцию давления при переговорах по моссульскому вопросу. Угроза итальянского нападения оказалась для английского министерства иностранных дел чрезвычайно полезной. Делая видимость хлопот по разрушению плана комбинированного греко-итальянского нападения на Турцию, Англия послала в Рим помощника статс-секретаря по иностранным делам Тирреля для переговоров с Муссолини. Одновременно, манипулируя в Ангоре итальянским жупелом и спекулируя перед турками на своем влиянии на Рим, Чемберлен старался исторгнуть у озабоченной Турции максимум уступок.

Эта политика привела к желанным для Англии результатам.

VIII. Марокканская политика 1925—1926 г. и ее международные последствия.

Напомним, что уже в 1901 г. между Францией и Италией было подписано тайное соглашение [1] о Триполи и Марокко. Этот тайный итало-французский договор 1901 г. о разделе последних еще незахваченных никем остатков северо-африканского побережья явился поворотным пунктом в истории Европы. С этого момента из года в год почти непрерывно развиваются одно за другим события, которые фатально толкают Францию к конфликту с Германией и всю Европу к мировой войне.

Тайный итало-французский договор 1901 г. предоставил свободу действий Франции в Марокко, а Италии — в Триполи. Санкционировав притязания империалистов на Триполи, эту область Оттоманской империи, Франция этим самым толкала Италию к борьбе с Турцией, войне, которая разразилась в 1911 г. Эта итало-турецкая война 1911 г. поколебала силы Турции и разожгла аппетиты балканских империалистов, которые и решили воспользоваться временным ослаблением Турции, чтобы напасть на последнюю и захватить, прикрываясь лицемерно теми или другими благородными лозунгами, часть оттоманской территории. Так начались балканские войны, открывая эпоху нового раздела Оттоманского наследства.

Вместе с тем санкционировав притязания Франции в Марокко и усилив наступательное движение французской республики в этой части Африки, тайный договор 1901 г. постепенно повел к крайнему обострению франко-германских отношений и в конечном счете явился одной из причин мировой войны.

Чтобы иметь возможность осуществить свои завоевательные планы относительно Марокко вопреки противодействию Германии, Франция подписала 8 апреля 1904 г. договор с Англией, по которому Франция признала за Великобританией право на господство в Египте, Англия же согласилась не противодействовать планам Франции относительно Марокко.

Не ограничиваясь договором с Англией, Франция в том же году подписала соглашение с Испанией относительно Марокко. В объявленной для всеобщего сведения декларации от 6 октября 1904 г. Испания и Англия провозгласили свою твердую решимость охранять независимость и неприкосновенность Марокко под верховной властью султана. Но такова честность дипломатов — в тот самый день, когда Франция и Испания подписали этот договор для всеобщего сведения, министры обоих правительств подписали тайный договор, коим «независимое», «неприкосновенное» Марокко делится на зоны влияния между Францией и Испанией и признается принцип раздела Марокко между обеими подписавшими тайный договор странами».

---

[1] Подробнее см. М. Павлович, Собрание сочинений, т. III «Борьба за Азию и Африку», стр. 186—194.

Марокканская политика Франции, начиная с 1901 г., тайные договоры с Англией, Испанией, Италией явились началом усиленного наступления империалистических держав против народов Востока и одним из могущественнейших факторов, вызвавших мировую войну 1914 — 1918 гг. Нынешняя победа французского империализма и разгром риффской республики знаменует начало нового стремительного наступления мирового империализма на страны Востока. Только активное вмешательство международного пролетариата, только восстание рабочих масс в главнейших империалистических государствах против буржуазии своей страны может оказать действительную помощь народам востока в их борьбе за окончательное освобождение от ига империализма.

Французские банки и колонизационная политика в Марокко.

Мы не раз подчеркивали тот факт, что колониальная политика Франции задержала развитие производительных сил в самой метрополии, что французские солдаты, французские миллиарды открывали и завоевывали все новые территории в интересах английского, немецкого и вообще международного капитала.[1] Известный французский государственный деятель Кайо, написавший столько горячих страниц против «привилегии чудовищной плутократии» и крупных рантье в своей недавно вышедшей книге «Агадир», выступает ярым сторонником колониальной экспансии и говорит, что он «мечтал о создании Французской империи, простирающейся от Большого Сирта, как его называли древние, до берегов, где, согласно античным преданиям, была поглощена пучиной античная Атлантида». Кайо подчеркивает значение колоний как рынков сбыта и производителей сырья. Мы уже указывали, что Франция мало использует свои колонии в том и другом отношениях. Даже теперь, после того как Франция значительно расширила свою колониальную империю, присоединив в результате Версальского мира к своим владениям бо́льшую часть немецких колоний в Африке и захватив новые территории в Марокко, внешняя торговля Франции в своей колониальной империи не достигает внушительных размеров. В самом деле, по данным, опубликованным во французском официозе «Тан» (Temps) от 23 июня 1925 г., французский экспорт в колонии за первые пять месяцев 1905 г. выражался в следующих круглых цифрах (в млн. франков):

Алжир.	Тунис.	Марокко.	Сенегал.	Мадагаскар.	Фр. Индо-Китай.	Пр. фр. кол. протектораты.	Итого.
1073	219	316	145	146	264	244	2407

[1] См. М. Павлович. Собрание сочинений, т. III. (Борьба за Азию и Африку).

Итак, французский экспорт во французские колонии за первые пять месяцев 1925 г. равнялся всего 2407 млн. франков, между тем за этот же период было экспортировано в маленькую Бельгию и Люксембург товаров на 2948 млн. франков, т.-е. на 541 млн. франков больше, или почти на 23%.

Ввоз из французских колоний в метрополию выражался в следующих цифрах (в миллионах франков):

Алжир.	Тунис.	Марокко.	Сенегал.	Мадагаскар.	Фр. Индо-Китай.	Пр. колонии и протекторы.	Итого.
590	118	64	207	122	212	241	1554

Эта цифра 1554 млн. франков превышает ввоз из маленькой Бельгии и Люксембурга (1086 млн. фр.), но уступает ввозу из Англии (1973 млн. фр.) и стоит значительно ниже ввоза из С.-А. С. Ш. во Францию (2642 млн. фр.). Особенно поражают цифры экспорта и импорта Марокко, этой колонии, борьба за которую явилась одной из основных причин мировой войны, колонии, на которую затрачены такие колоссальные средства. Французский экспорт в Марокко за первые пять месяцев 1925 г. равнялся всего 316 млн. франков. Принимая франк за 8 копеек, получим скромную цифру 25 млн. рублей. Но ведь из этой суммы не малая доля ушла на товары, предназначенные для французской армии в Марокко; что же остается тогда для «мирной» торговли? Совершенно смехотворны цифры ввоза из Марокко в метрополию: 64 млн. франков — это 5,1 млн. рублей, т.-е. по 1 миллиону рублей на каждый месяц. Эта цифра в 1 миллион рублей — капля в море и в сравнении с теми расходами, которые несет метрополия ежегодно по марокканской авантюре. Одно содержание «нормальных» военных гарнизонов в Марокко стоит ежемесячно в 10 раз больше, чем ценность всего сырьевого экспорта Марокко. Что же сказать об экономической выгодности борьбы за сырьевые источники на французский манер!

В нашей книге «Борьба за Азию и Африку» [1] мы осторожно определяли расходы Франции в нынешнем столетии, связанные с марокканской авантюрой, минимум в 2 миллиарда. Но это было чересчур осторожное исчисление. Из доклада Буйю-Лафона, вице-председателя палаты депутатов, на имя финансовой комиссии явствует, что военные затраты Франции на Марокко от начала оккупации, т.-е. от момента занятия Уджи и Казабланки в 1907 году до конца 1924 г., превысили 4 миллиарда франков (точно 4208 миллионов). Можно не сомневаться, что к концу 1925 г. эти расходы превысят 5 миллиардов. Руководимая Пенлеве и Кайо, Франция ввязывается в новую авантюру и затрачивает колоссальные суммы на завоевание Риффа, в то самое время, когда ее финансовое положение переживает небывалый кризис и страна стоит чуть ли не накануне банкротства, которое обещает предотвратить героическими мерами и «экономией» великий финансовый гений III республики Кайо.

[1] См. М. Павлович. Собрание сочинений, т. III, стр. 211.

Говоря о проекте нового займа, внесенном Пенлеве и Кайо в палате депутатов, «L'Ere nouvelle» (Новая Эра) писала (1 июля 1925 г.): «Призыв Пенлеве и Кайо в 1925 г. напоминает знаменитый призыв Мирабо: «Банкротство, отвратительное банкротство стоит у наших ворот». «С 1914 по 1918 г. мы спасли нашу территорию, теперь мы должны спасти наше национальное богатство», патетически восклицает она же.

Не для того, чтобы спасти национальное богатство и удалить от ворот Франции отвратительный призрак банкротства, французские империалисты с Кайо и Пенлеве во главе вовлекают страну в новую авантюру и затрачивают в одном только 1925 г. на кампанию в Марокко 400 — 500 миллионов [1] франков золотом, что ухудшит и без того тяжелое финансовое положение страны.

Кому же идет на пользу вся эта авантюра. Прежде всего французским металлургистам с пушечной фирмой Шнейдера во главе, затем целому ряду банков. Ренегат Эрве, который ныне так яро защищает марокканскую политику и требует войны с риффами до победного конца, доказывал в своей речи перед судом присяжных 24 декабря, что за спиной всех акционерных обществ, заинтересованных в марокканских делах, стоит фирма Шнейдера. Он показал, что так называемая «Марокканская компания» и «Союз марокканских рудников» являются не более, как отделениями фирмы Шнейдера. [2]

Какие банки заинтересованы в Марокко и на ряду с Шнейдером и К° являются главными руководителями марокканской авантюры, которую ныне так энергично поддерживает Кайо, этот вчера еще «непримиримый враг» плутократии и хищнических банков, забывший ныне даже о своем пресловутом проекте прогрессивно-подоходного налога на крупный капитал?

Самым важным французским банком в Марокко является «Государственный марокканский банк» (La Banque d'Etat du Maroc).

В 1904 г. во время эмиссии первого марокканского займа консорциумом французских банков, последний, руководимый «Парижско-Нидерландским Банком (Banque de Paris et des Pays Bas), [3] возбудил ходатайство о получении концессии на учреждение Французского государственного эмиссионного банка в Марокко. Переговоры продолжались в Фецe в 1905 г. и были прерваны инцидентами, которые последовали за Танжерским ударом, «высадкой германского императора в Танжере». [4]

---

[1] В своем докладе о морском бюджете вице-председатель палаты депутатов Буйю-Лафон указал, что военные расходы в Марокко были предусмотрены в 344 млн. фр. на 1925 г. и в 384 на 1926 г., но что эти сметные предположения будут значительно превзойдены.

[2] См. М. Павлович. Собрание сочинений, т. III, стр. 219.

[3] См. «Le Temps», июль 1925 г., приложение № 47, стр. 4.

[4] Подробно о Танжерском ударе см. собрание сочинений, т. III, стр. 198 и далее.

Танжерский удар вызвал Алжезирасскую конференцию 1906 г.,[1] на которой Франция заручилась поддержкой даже тех держав, на помощь которых рассчитывала Германия. Не только Англия и Испания, даже союзники Германии, Австрия и Италия, поддержали Францию и таким образом последняя сумела добиться осуществления многих своих планов в отношении Марокко. Глава III генерального акта Алжезирасской конференции утвердила концессию «Государственного Марокканского Банка». Основной капитал Банка был зафиксирован в 15 400 000 франков, разделенных на 14 равных частей по 1 100 000 франков пай. Франция получила 3 пая, остальные государства, принимавшие участие в конференции (Австро-Венгрия, Бельгия, Великобритания, Голландия, Германия, Марокко, Португалия, Россия, Швеция) — по одному паю. Так как Марокко являлось французской колонией, то фактически в руках Франции оказались четыре пая. Таким образом уже на Алжезирасской конференции была признана главенствующая роль Франции в главном марокканском банке, получившем право выпускать марокканские банковые билеты. В результате мировой войны и условий Версальского и С.-Жерменского договоров доля Франции увеличилась долями Германии и Австро-Венгрии. Затем Франция приобрела русский пай. В настоящее время Франция (т.-е. фактически Парижско-Нидерландский банк) владеет половиной капитала Марокского государственного банка.[2]

Во главе Марокканского государственного банка стоит административный совет из 14 членов, из которых шесть французов, один марокканец, семь остальных представителей по одному от Англии, Испании, Португалии, Голландии, Швеции, Италии и Бельгии. Председателем Совета является Стефан Дервиллез, управляющий Французским банком (Banque de France). Таким образом административный совет Марокканского банка находится в руках французов.

«Государственный Марокканский банк» является банкиром правительства шерифа,[3] т.-е. держит «государя» Марокко в кабале, выпускает займы для Марокко (займы 1910, 1914, 1918 гг.), держит под своим контролем денежное обращение в Марокко и торговлю этой колонии с иностранными государствами.

«Административный Совет» Государственного Марокканского банка заседает в Париже, имеет свое главное управление в Танжере, а агентства в целом ряде пунктов в Марокко, как-то: в Казабланке, Фецe, Ларашe, Маракешe, Могадоре, Удже, Рабате, Тетуане, Сетте, Мекнесе, Эль-Ксаре и т. д.

Среди этих крупных колониальных французских банков не малую роль в экономической и политической жизни Марокко играет Поземельный банк Алжира и Туниса, основанный в 1880 г. и начавший политику

---

[1] См. М. Павлович. Собрание сочинений, т. III, стр. 201.
[2] См. приложение № 47 к «Тан» за июль 1925 г.
[3] См. цитированное приложение к «Тан» за июль 1925 г.

финансовой экспансии в северо-африканских колониях и преимущественно в Марокко с 1908 г. В настоящее время Банк имеет многочисленные агентства в Марокко и в целом ряде иностранных пунктов, связанных с Северной Африкой, как-то в Лондоне, Гибралтаре и на Мальте. Банк этот занимается главным образом земельной спекуляцией, скупкой земель за гроши у туземцев Марокко, равно как Алжира и Туниса. Кроме того, он принимает участие и в промышленных предприятиях, в «Компании автобусов и трамваев в Казабланке», в «Обществе Танжерского порта» (La Société du port de Tanger) и т. д.

Из крупнейших французских банков, господствующих в самой метрополии и запустивших свои лапы в Марокко, следует упомянуть кроме «Парижско-Нидерландского банка» также «Генеральное общество» (Société générale), которое и имеет свои агентства в Танжере и Казабланке и играет руководящую роль в многочисленных марокканских промышленных предприятиях, как-то: «Франко-Испанской компании железной дороги Танжер — Фец», в «Обществе марокканских портов Мессия-Кенитра и Рабат-Сале», в «Электрической энергии Марокко» и т. д.

Наконец, среди других французских банков, заинтересованных в марокканских делах, немаловажную роль играет «Марсельский кредитный банк» (La Société Marseillaise de Credit), центральное управление и административный совет которого находятся в Марсели, этом важнейшем торговом городе Франции, более других французских городов связанным с северо-африканскими колониями Франции. Банк этот имеет свои отделения в Марокко, равно как в Алжире и Тунисе.

Чтобы оправдать империалистическую политику в Марокко и расходы, связанные с этой политикой, агенты французских банков и военщины, всякого рода наемные газетные и журнальные борзописцы, на ряду с другими аргументами, усердно подчеркивают наличие «колоссальных» подпочвенных богатств в Марокко и особенно в Риффе. Прежде всего необходимо подчеркнуть, что французские капиталисты не обнаруживают особенного рвения к эксплуатации подпочвенных богатств Марокко. Далее, сами сведения об этих богатствах до крайности преувеличены и порой ни на чем не основаны. Авторы статей о подпочвенных богатствах Марокко иногда так завираются, что даже самому «Тан» приходится призывать своих коллег, чересчур зарвавшихся писак, к порядку и подчеркивать, что в конце концов никто ничего не знает о богатствах Риффа (см. Temps от 28 июля 1925 г.), что, конечно, не мешает этой газете настаивать на необходимости завоевания Риффа.

Геологи признали, что горные массивы Марокко как во французском протекторате, так и в Риффе, содержат зоны, богатые минералами. Однако, не существует никаких точных, проверенных данных о богатствах Риффа. Накануне войны парижские декреты от 19 и 20 января 1924 г. установили правила эксплуатации подпочвенных богатств Марокко. Этими декретами была установлена специальная арбитражная комиссия для урегулирования и ликвидации всякого рода концессий на

эксплуатацию подпочвенных богатств Марокко. На рассмотрение комиссии было представлено 497 претензий, в том числе 290, касающихся французской зоны, 4 — танжерской зоны и 203 — испанской. Что касается испанской зоны, то заявок на концессии по национальностям было: испанских — 102, немецких — 47, английских — 27, французских — 21, итальянских — 7, нидерландских — 6. Само собой разумеется, что за спиной многих испанских концессионеров стояли немецкие капиталисты. «Эти цифры относительно испанской зоны не должны создавать никаких иллюзий», — пишет «Тан». Уже в 1919 г. Роберт Райно в статье, опубликованной в «Тан» от 19 июля, указал, что немецкие претензии распространились на громадную площадь в 1 000 000 гектаров, как содержащую значительные подпочвенные богатства. Методы изысканий, применявшиеся известной немецкой фирмой Маннесман,[1] носили фантастический характер. Совершенно понятно, что для того, чтобы заинтересовать немецких обывателей марокканским вопросом и подчеркнуть всю важность внедрения Германии в эту часть Африки, хотя бы с риском вызвать мировую войну, не мешало раздуть размеры подпочвенных богатств Марокко. Прием — слишком понятный. Во время мировой войны доктор Сихель в брошюре, напечатанной в Гамбурге, говоря об условиях победоносного мира, указывал на необходимость приобретения Германией Марокко, которое будет в состоянии «утолить немецкий голод в отношении железа и меди». Кроме того, расписывание богатств Марокко входило в спекулятивные планы фирмы Маннесман, которая успела получить и от марокканского султана Мулай-Гафида более 600 концессий по эксплуатации различных богатств Марокко, в том числе всех рудников в горной области Рифф.[2]

Арбитражная комиссия, учрежденная в январе 1914 г., признала все концессии, вырванные братьями Маннесман у Мулай-Гафида, недействительными.

Не в приложении капитала к промышленности и торговле Марокко, не в эксплуатации ее подпочвенных богатств — центр деятельности французских банков. В частности в области Риффа, в районах, находящихся под властью Абд-эль-Керима (1925 г.), французский капитал, вложенный в эксплуатацию подпочвенных богатств, по размерам далеко уступает испанскому, голландскому и английскому. Даже отсталая Испания, диктатор которой Примо-де-Ривера в цитированном нами неоднократно интервью подчеркнул, что экономически Марокко никогда не оплатит тех жертв, которые Испания потратила на завоевание этой колонии, эксплуатирует в области Риффа площадь, приблизительно в 20 раз (точнее в 18), превышающую по своим размерам территорию, в эксплуатацию подпочвенных богатств которой вложен французский капитал.

[1] О роли фирмы братьев Маннесман в марокканских осложнениях см. собрание сочинений, т. III, стр. 194 — 198.

[2] См. там же, стр. 195.

Если внимательно вчитаться в многочисленные официальные французские доклады о деятельности французского капитала в Марокке, как, например, доклад Люсьена Юбера в сенате в 1914 г. или хотя бы в цитированный нами доклад Буйю-Лафона, становится очевидным, что центр деятельности французских банков в Марокко, как и в других колониях, направлен прежде всего на земельную спекуляцию. Это не исключает, конечно, факта гегемонии французского финансового капитала в промышленной и торговой жизни Марокко, как правильно пишет т. Семар в своей брошюре «Война в Марокко» (Ленгиз 1925 г.).

«Парижско-Нидерландский банк», «Алжиро-Тунисский земельный кредит», «Парижский и Объединенный банк» и «Коммерческая компания Бордо Бассан» поделили между собой и контролируют все торговые и промышленные группировки в Марокко. Им подчинена вся экономическая и политическая жизнь страны. Они везде. Они принимают участие во всех руководящих органах: в правлениях всех четырех железнодорожных концессионных компаний, в правлении «Всеобщей компании электрической энергии» (капитал 10 млн.), в «Обществе мароккских пивоваренных заводов» (капитал 6 млн.), в «Магребском мукомольном товариществе» (кап. 12 млн.), в «Силовой и осветительной компании Марокко» (кап. 1 млн. 250 тыс.), в трех сельскохозяйственных компаниях Марокко: «Мароккском обществе эксплуатации сельского хозяйства» (кап. 1 млн.), в «Мароккском сельскохозяйственном обществе» (кап. 3 млн.) и в «Обществе Сабу» (кап. 8 млн.), во «Всеобщей компании развития города Казабланка» (кап. 5 млн.), в «Мароккском обществе добычи мела и строительных материалов» (кап. 14 млн.), в «Гражданском строительном обществе недвижимых имуществ и искусства (кап. 2 млн.) и в «Обществе по сооружению мароккских портов» (кап. 5 млн.).

«Из этого, несомненно неполного списка, можно видеть, что под контролем банков находится все: земля, производство, строительство, железные дороги, горная промышленность, водяная энергия, табачная монополия.

С помощью «Марсельского кредитного общества» они учредили «Всеобщую мароккскую компанию», которая обладает капиталом в 20 млн. и руководит 12 крупными предприятиями. Наконец, они принимают участие в международном обществе «Мароккской табачной монополии» (с капиталом в 10 миллионов).

К сожалению, в своей содержательной брошюре т. Семар не останавливается на «аграрной» политике французских банков в Марокко. Между тем именно на ней-то и следует особенно внимательно остановиться. Как констатирует с особым удовлетворением в своем докладе финансовой комиссии Палате депутатов Буйю-Лафон, французскому протекторату, т.-е. фактически французским банкам, удалось сосредоточить в своих руках главную часть доменных земель (принадлежащих султану), далее земель «хабу» (принадлежащих духовенству), секвестрованные немецкие

земельные владения, значительную часть общинных земель (принадлежащих племенам) и не мало частновладельческой собственности. В городах: Казабланке, Феце, Тазе и т. д. вся земля заранее скуплена банками. За период с 1907 г. по 1925 г. во всех этих городах цена на квадратный метр поднялась в одних местностях в 30, 50, в других даже 100 раз.

Земельная спекуляция в Марокко, — проговаривается буржуазный французский писатель Пике (Victor Piquet. Le Maroc 1920), — «переходит самые фантастические пределы». Так, в окрестностях Казабланки участок земли в $2^1/_2$ гектара, купленный за 30 000 франков в 1907 — 1908 г., стоил в 1914 г. 3 миллиона фр.

В городах Рабате, Феце, Мекнесе, Маракеше и т. д. банки скупали земли порой по $^1/_2$ или $^1/_4$ копейки за квадратный метр, а теперь на центральных улицах, у вокзалов и т. д. эти участки оцениваются уже по 200 фр. кв. метр. В окрестностях городов, в глубине страны банки скупают за гроши у туземцев целые участки в тысячи гектаров. Таким образом банки превратились в крупнейших землевладельцев в Марокко, как и во всех остальных французских колониях.

Чтобы удержать господство в Марокко в своих руках, французские империалисты, на ряду с содержанием в стране гарнизонов, полиции и т. д., пытаются колонизировать край, по крайней мере наиболее важные пункты страны, французскими гражданами.

Эта колонизация приносит громадные доходы французским банкам, у которых французские землевладельцы покупают с помощью правительства небольшие участки земли. В окрестностях Казабланки и других крупных городов Марокко мы имеем небольшие земельные участки от $^1/_2$ гектара до 3 — 4 гектаров, обрабатываемые французскими крестьянами. В местах более отдаленных от городов мелкие собственники владеют участками от 15 до 30 гектаров, но не более. Средние собственники владеют участками от 150 до 500 гектаров. По данным Буйю-Лафона, средних собственников, владеющих земельными участками в 500 гектаров, насчитывается в 1925 г. 786, с общей площадью в 395 тыс. гектаров. Наконец, крупные «колонисты» имеют участки в 1000 и более гектаров.

Французское правительство стремится создать в Марокко вокруг главной военно-торговой артерии, которая тянется от Казабланки к Фецу, проходя через Рабат, Кенитра, Птижан и Мекнес, целые поселения французских колонистов, которые в случае нужды сумели бы поддержать друг друга и служить основной базой французского господства в этом районе. В этих деревнях правительство возводит почтовые бюро, школы, медицинские посты, ветеринарные пункты и т. д. Чтобы привлечь необходимых ремесленников в каждую деревню, как-то: кузнеца, сапожника, каменщика, столяра и т. д., администрация наделяет каждого такого кустаря участком в 20 гектаров с целью обеспечения средств существования в случае недостатка заработка.

Этот план колонизации, которому некоторые колониальные империалисты желали бы придать большие размеры, наталкивается на непре-

одолимые препятствия в форме слабого притока колонистов из Франции. Более того, когда во время дебатов в Палате в связи с вторжением Абд-эль-Керима в Марокко и восстанием многих племен, считавшихся замиренными, один из ораторов указал, в числе других средств усиления французского влияния в этой стране, на необходимость более интенсивной колонизации последней французским элементом, в ответ раздались протестующие голоса, указывавшие на тот факт, что население самой метрополии прогрессивно уменьшается и что французская деревня «обезлюдивается». Не имея возможности довести число собственно французских колонистов в Марокко до более или менее внушительных размеров, французское правительство вынуждено поощрять колонизацию края иностранными подданными, итальянцами и испанцами, лишь бы усилить «европейский» элемент колонии. Так, в 1925 г. в области Шауа на 427 мелких колонистов из европейцев насчитывалось 314 французов и 113 испанцев и итальянцев, в Рабате на 216 мелких колонистов французов насчитывалось 30 испанцев и итальянцев. В Дуккале на 96 французов 22 испанских и итальянских колонистов (см. Chambre des Deputés, 1925 г., № 1859).

В результате восстания многих племен французской зоны в период вторжения Абд-эль-Керима (апрель — сентябрь 1925 г.) французское правительство подготовляет решительные меры для усиленной колонизации европейским элементом многих важнейших пунктов Марокко. Уже теперь французская буржуазная пресса указывает на необходимость создания опорных пунктов французского влияния в целом ряде областей Марокко, как, например, в Центральной области Марокко к югу от городов Тазы и Феца, известную под именем «Tache de Taza» (пятно Тазы), в плодородной зоне области Уэрги, в районе «Табла» (область Маакеша) и т. д. Уже разрабатываются планы широкой колонизации края. У племен, принимавших участие в восстании, будут конфискованы громадные участки земель и проданы, конечно, за бесценок, банкам. Последние, извлекая колоссальные барыши из этой операции, будут перепродавать эти участки или сдавать их в аренду мелким и средним колонистам, если приток французских колонистов будет попрежнему развиваться слабо, будет усиленно поощряться колонизация края испанцами и итальянцами. Ясно, к какой вакханалии земельной спекуляции приведет эта колонизационная политика и как наживутся на этой спекуляции французские банки, агенты которых уже теперь снуют во всех областях, где имели место летом и осенью 1925 г. восстания, жестоко подавленные французскими войсками, и составляют списки ценных участков, которые необходимо будет захватить.

Усиленная колонизационная политика в Марокко, план которой разрабатывают ныне французские империалисты, будет иметь громадное влияние на внутреннее положение в Марокко. Французское господство в Марокко покоится не только на голой силе оружия, на числе штыков французской армии в колонии, но и на искусственно разжигаемой розни между отдельными племенами Марокко. В течение последних лет многие

туземные племена, населяющие плодородные равнинные местности Марокко, считались вполне умиротворенными, и действительно даже во время вторжения Абд-эль-Керима и восстания горцев, населяющих район «пятна Тазы», или держались нейтрально или порой даже сражались рука об руку с французскими войсками. Тем не менее, даже в этих «умиротворенных» и «верных» французам районах были констатированы среди части туземного населения проявления горячих симпатий Абд-эль-Кериму и недовольства французским режимом. Понятно, что с точки зрения французских колонизаторов и здесь необходимо создать опорные пункты французского влияния в форме новых европейских поселков и т. п. Понятно, что этот процесс колонизации края европейским элементом в лице французов, итальянцев, испанцев и т. д. явится в руках французских банков удобным предлогом для захвата новых территорий и усиленной земельной спекуляции. Интенсивный процесс обезземеливания туземного населения, который явится результатом заострения «колонизационной политики», будет содействовать изживанию антагонизма между равнинными и горными племенами и даст лучший толчок объединению всего марокканского крестьянства для борьбы с французским игом.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Французские социалисты и война.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Стр.

Агония II Интернационала.

1. Понедельник, 29 июня 1914 г. — Убийство наследника австрийского престола эрцгерцога Франца-Фердинанда и его супруги фон-Гогенберг. Резолюция конгресса северной социалистической федерации. . 7
2. 30 июня 1914 г. — Австрийская Азефовщина 9
3. 1 июля 1914 г. — Мнения прессы о возможных последствиях сараевской драмы 12
4. 3 июля. — Ирландский вопрос 13
5. Суббота, 4 июля. — Марокканская авантюра. 14
6. 5 июля. — Прибытие турецкого министра во Францию 15
7. 6 июля. — Сенская социалистическая федерация о средствах борьбы с призраком войны . . . . . —
8. 7 июля. — Поездка Пуанкаре в Россию. Снова о марокканской авантюре 18
9. 11 июля. — Кризис в Ирландии. Положение на бирже 19
10. 13 июля. — Сенсационные разоблачения сенатора Эмбера. Перспективы войны 20
11. 14 июля. — Пресса о разоблачениях Эмбера. Социалистический конгресс. Речь немецкого депутата Жоржа Вейля 23
12. 15 июля. — Дебаты на социалистическом конгрессе. Две тенденции. Речи Компер-Мореля, Вайяна, Жореса, Семба, Геда и др. о средствах помешать войне 25
13. 16 июля. — Последний день конгресса. Речь Лафона об алкоголизме. Беседа с Жоржем Вейлем о германской социал-демократии. Война неизбежна. Резолюция конгресса о средствах помешать войне. Победа жоресситов 37
14. 17 июля. — Атаки желтой прессы против Жореса. Комплименты по адресу Жюля Геда 44
15. 18 июля. — Алармистская телеграмма в «Matin». Настроение на бирже 45
16. 20 июля. — Новая телеграмма Жюля Гейдемана. Оптимизм Жореса 46
17. 24 июля. — Австрийский ультиматум. Дело Кайо. Социальная подкладка процесса Кайо 47
18. 25 июля. — Австрийский ультиматум и паника на бирже. 52
19. 26 июля. — Отношение австрийских и немецких социалистов к войне 53
20. Понедельник, 27 июля. — Манифестация против войны на больших бульварах 54
21. 28 июля. — Надежды на возможность устранения международного конфликта. Приговор по делу Кайо. Манифестации 57
22. 29 июля. — Австро-сербская война. Декларация французской парламентской социалистической партии. 62
23. 30 июля. — Международное социалистическое бюро в Брюсселе. Речи Гаазе, Моргари, Жореса. Манифестации против войны в Германии 64

Стр.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Смерть Жореса.

1. Пятница, 31 июля 1914 г. — Последняя статья Жореса. Париж при известии об убийстве Жореса 69
2. Суббота, 1 августа. — Правительство и пресса об убийстве Жореса. Жорес, как профессор, как оратор, как общественный деятель, как человек. Мое первое знакомство с Жоресом. Жорес, как глашатай мира 74
3. Воскресенье, 2 августа. — Всеобщая мобилизация. 85
4. Вторник, 4 августа. — Похороны Жореса. Надгробные речи . 86
5. Среда, 5 августа 1914 г. — Четвертый день мобилизации. . . 91
6. Послесловие 95

КНИГА ВТОРАЯ.

Французский империализм и экономическое развитие Франции в XX столетии (1890—1926).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

До-военная Франция.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Экономическое возрождение Франции в XX столетии.

I. Военная мощь Франции. 101
II. Развитие французской промышленности в течение последних десятилетий (1890 — 1914). 104
III. Причина экономической отсталости Франции во второй половине XIX столетия 109
IV. Развитие французской металлургической промышленности (1872 — 1913). 115
V. Утилизация гидравлической силы во Франции (белый уголь) . 123

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Колониальная политика и промышленное развитие Франции накануне мировой войны.

I. Влияние слабого прироста населения на промышленный прогресс страны 126
II. Колониальная политика и развитие производительных сил метрополии. 128
III. Ленин о колониальной политике 138

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Французский империализм в после-версальский период.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Последствия Версальского мира.

I. Версальский договор и территориальные приобретения Франции 144
II. Обезлюдение Франции в послевоенную эпоху. 147
III. Цветная армия и «большевизация» французской Африки . . . 154

Стр.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Военная и экономическая программа французского империализма.

I. Военные союзы Франции. Военные конвенции с Чехо-Словакией, Польшей, Румынией, Юго-Славией, Бельгией 158
II. Вопрос о Рейне, план расчленения Германии. Поддержка сепаратистского движения. 164
III. Экономические основы борьбы за Рур. Борьба за промышленную гегемонию. 168
IV. Финансовое положение Франции. Проект Дауэса. Лондонская конференция. Превращение Германии в колонию иностранного капитала. Конференция в Локарно и гарантийный договор 178

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Французская авантюра в испанском Марокко.

Борьба за Танжер и гегемонию на Средиземном море 193

Война с риффами и ее перспективы.

I. Иностранные и русские военные писатели о франко-риффской войне. 201
II. Провокация французских империалистов 205
III. Причины неудачи наступления Абд-эль-Керима (лето 1925 г.) 208
IV. Географические условия войны в Марокко и Риффе 210
V. Внутреннее положение в риффской республике и французские планы 215
VI. Великие державы и война в Марокко 218
VII. Война в Марокко и международное рабочее движение . . . 223
VIII. Взятие столицы Абд-эль-Керима. Перспективы зимней кампании. 226

Капитуляция Абд-эль-Керима и трагедия Риффа.

I. Испано-риффская война 1908 — 1924 г. Победы риффов . . 230
II. Франко-риффская война 1925 — 1926 г. и поражение риффов. Французские коммунисты и война. Французские социалисты и война 234
III. Франко-риффская война и мусульманское население Северной Африки 238
IV. Война с французами и разложение внутри риффского государства. 240
V. Мировой империализм и капитуляция Абд-эль-Керима . . . 242
VI. Поражение риффов и борьба между державами 243
VII. Франко-риффская война и итальянский империализм 245
VIII. Марокканская политика 1925 — 1926 г. и ее международные последствия 247

Французские банки и колонизационная политика в Марокко. 248

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

I и II Интернационал. Коминтерн и Профинтерн. История Интернационала.

Венедиктов, А. — Первый Интернационал. Стр. 73. Ц. 25 к.

Вуйович, В. Д. — Международное рабочее движение и Коммунистический Интернационал. Стр. 80. Ц. 25 к.

Глонти, Т. — Меньшевистская и Советская Грузия. Два года борьбы и работы. Обзор деятельности Исполкома и секций Коммунистического Интернационала за период с IV по V Конгресс. Стр. 36. Ц. 15 к.

Грюнберг, К. — Интернационал и мировая война. Материалы. С предисловием Г. Зиновьева. Стр. 352. Ц. 25 к.

За единство мирового профдвижения. Вопросы профдвижения на V Конгрессе Коминтерна. Стр. 160. Ц. 75 к.

Зиновьев, Г.—Большевизация—стабилизация. Статьи, доклады, тезисы. Стр. 208. Ц. 85 к.

Зиновьев, Г. — Большевизм и меньшевизм на международном экране. (Уроки макдональдовщины. Речь на открытии курсов ответственных уездных партработников 11 октября 1924 года.) М. 1924. Стр. 44. Ц. 12 к.

Зиновьев, Г. — На пленуме Исполкома Коминтерна 12/VI — 23 г. Доклад и заключительное слово. Стр. 1

Зиновьев, Г. — Мировая партия л

Зиновьев, Г. — За единство миров
1924 г. на заседании V Конгр

Зиновьев, Г. — Международные п
на расширенном пленуме И
стенограммы. Стр. 112. Ц. 6

Зиновьев, Г. — Коммунистический
блемы Интернационала и раб
мирном Конгрессе Коминтерна

Зиновьев, Г. — Задачи Коминтерна

Зиновьев, Г. — Сочинения. Том V

Зиновьев, Г. — О работе Коминтер
XIV Съезду РКП (б). Стр. 5

Иекк, Г. — Интернационал. Пер. с
Изд. 2-е. Стр. 258. Ц. 1 р. 3

История письма Зиновьева. П
Мануса. Стр. 60. Ц. 30 к.

Ледер, Ц. — Почему амстердамцы
ского. Под ред. П. А. Лисовск

2 р. 20 к.

р

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

I и II Интернационал. Коминтерн и Профинтерн. История Интернационала.

Ленин, Н. — Коммунистический Интернационал. Статьи и речи. С предисловием Н. Н. Попова. Примечания К. П. Новицкого. Стр. 344. Ц. 1 р. 30 к.

Ленин, Н. — Крах II Интернационала. Сборник статей. Предисловие и примечания К. П. Новицкого. Стр. 283. Ц. в обл. 90 к., в пер. 1 р. 30 к.

Ленин, В. И. — О Коммунистическом Интернационале. Составил и снабдил примечаниями В. Бутковский. Пред. В. Коларова. (Ленинская б-ка партийца. Под общей ред. С. Кривцова.) Стр. 64. Ц. 15 к.

Ленин, В. И. — О международном рабочем движении. Сборники статей. С предисл. Н. Л. Мещерякова.

Том I. Стр. 144. Ц. 60 к.
Том II. Стр. 244. Ц. 1 р.
Том III. Стр. 147. Ц. 60 к.
Том IV. Стр. 355. Ц. 2 р.

В I том вошли статьи, написанные до империалистической войны, во II — статьи, написанные в эпоху войны и до Февральской революции, в III — статьи: „Задачи пролетариата в нашей революции", „Пролетарская революция и ренегат Каутский" и др., в IV — статьи по возникновению и истории III Интернационала.

Ленин, В. И., и Г. Зиновьев. — За III Интернационал. Программа и тактика Коминтерна в течение первого пятилетия его деятельности. Стр. 520. Ц. 2 р. 50 к.

Лозовский, А. — Англо-Советская конференция профессиональных союзов. Стр. 112. Ц. 60 к.

Манифест Коминтерна к мировому пролетариату по поводу десятилетия мировой войны. С прилож. политсловаря и статьи М. Б. Вольфсона „Мировая война и ее последствия". Стр. 80. Ц. 20 к.

Мануильский, Д. — К итогам расширенного пленума ИККИ (21 марта — 6 апреля 1925 г.). Стр. 32. Ц. 20 к.

Мануильский, Д. — Уроки чешского кризиса. Стр. 29. Ц. 15 к.

Отчет Исполкома Коминтерна (апрель 1925 г. — январь 1926 г.) Составлен секретариатом ИККИ. Стр. 396. Ц. 3 р.

Плеханов, Г. — В Амстердаме. Мысли и записки о II Интернационале. С предисл. и прилож. Н. Н. Попова. Стр. 48. Ц. 15 к.

Пятницкий, О. — Вопросы партстроительства в секциях Коминтерна. Стр. 64. Ц. 35 к.